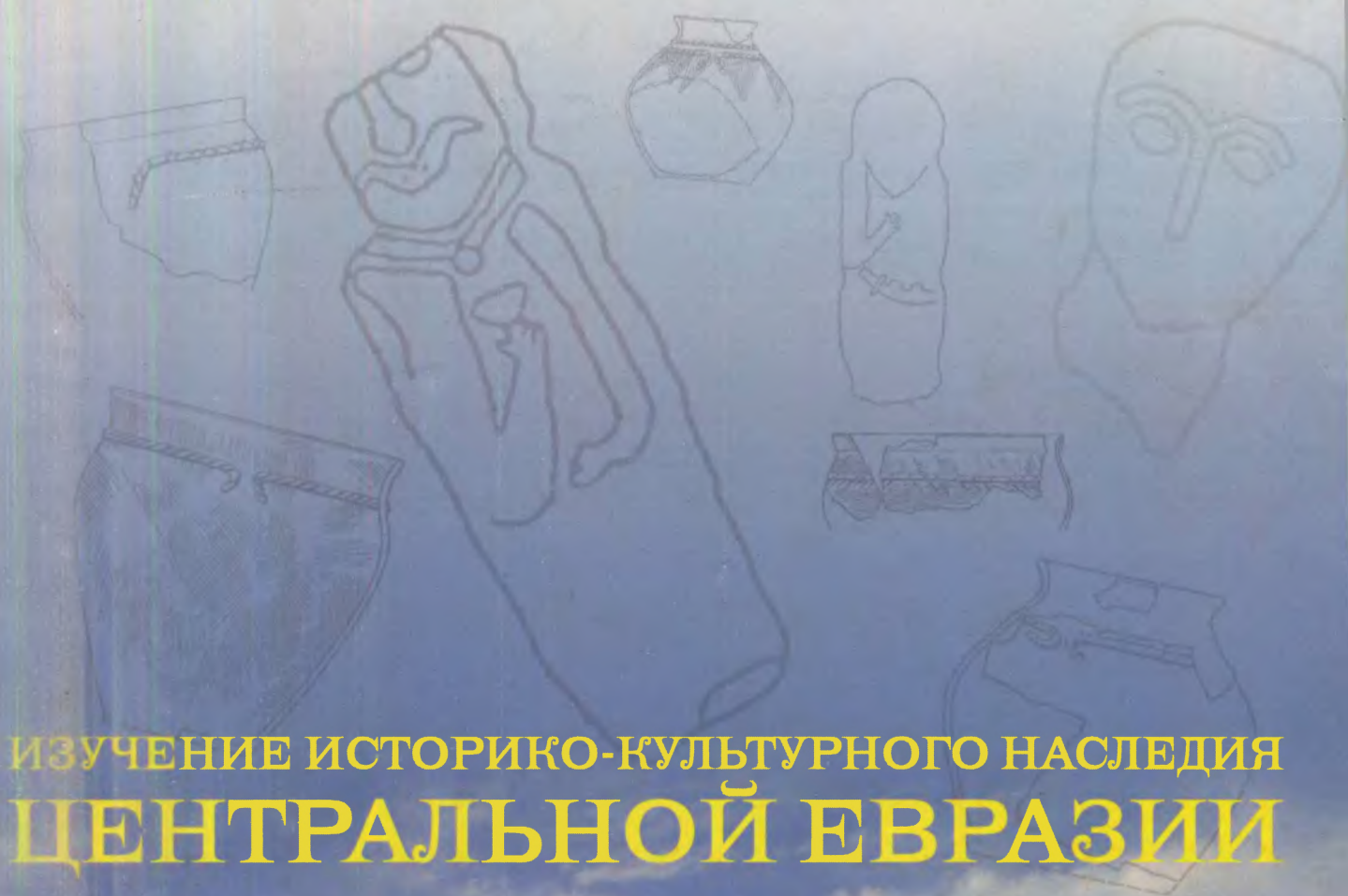

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Акимат Карагандинской области
Управление культуры Карагандинской области
Карагандинская областная государственная инспекция по охране
историко-культурного наследия

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
Сарыаркинский археологический институт

Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии

*Сборник материалов Международной научной конференции
«МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2008»*

УДК 930
ББК 63.3
И 32

**СБОРНИК ИЗДАН В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ» ПО КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ответственный редактор – Варфоломеев В.В.

**Редакционная коллегия: Омарбекова Р.К., Жумашев Р.М., Тулеуов Т.С.,
Бейсенов А.З., Сактаганова З.Г., Бедельбаева М.В.**

Рецензенты:

**доктор исторических наук, академик НАН РК Байпаков К.М.,
кандидат исторических наук, доцент Хабдулина М.К.**

Фотография на обложке: вид могильника Бегазы.

**И 32 Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии:
«МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2008». – Караганда, 2009 - 240 стр.**

ISBN 978-601-7139-15-5

В сборнике публикуются материалы международной научной конференции «Маргулановские чтения-2008», проходившей в г. Караганде в 2008 г. Сборник содержит статьи по археологии, этнографии, истории Казахстана и стран СНГ. Издание ориентировано на археологов, историков, этнографов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 930
ББК 63.3

ISBN 978-601-7139-15-5

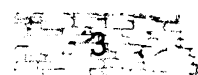
**© Карагандинская областная государственная инспекция
по охране историко-культурного наследия, 2009 г.**

**© Сарыаркинский археологический институт
при КарГУ им. Е.А. Букетова, 2009 г.**

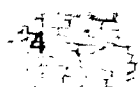
СОДЕРЖАНИЕ

Алдабаев Н.Ж. Шашенов Д.Т. ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ОЛКЕТАНУ МУЗЕЙІНІҢ ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНА ҚОСҚАН ҮЛЕСІ.....	6
Астафьев А.Е. НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КОСКУДУК 2.....	9
Баштанник С.В. АРХЕОБОТАНИКА КАНГЮЙСКИХ СЛОЁВ ГОРОДИЩ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА (по материалам 2007г.).....	13
Бөгенбаев Н.Б. ЖАЙСАН-27, ТЕРЕКТІ-1 ТОБЫНДАҒЫ 2007 Ж. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР.....	19
Боталов С.Г., Таиров А.Д. НОВЫЙ ПАМЯТНИК КОЧЕВОЙ ЗНАТИ IV в. до н. э. В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ.....	24
Гаврилов Д.А. НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАЗВИТИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЦИМЛЕДЕЛИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА БОЗОК.....	31
Грушин С.П. МОГИЛЬНИК НИЖНЯЯ СУЕТКА В СИСТЕМЕ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ.....	35
Дашковский П.К. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭЛИТЫ У ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ....	41
Епимахов А.В. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ПАРАДОКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛА.....	48
Есжан Е. М.Е. МАССОННЫҢ ҚАЗАҚСТАН ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУІ...55	55
Иванов С.С. КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ САКОВ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ.....	59
Кашкинбаев К.А. ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ КОСТЕЙ БЕРЕЛЬСКИХ ЛОШАДЕЙ (микроструктура и элементный анализ новой молодой кости при анкилозирующем торако-спондилоартрите).....	67
Можа М. ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫ АУМАҒЫНДАҒЫ КӨНЕ ТҮРКІ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	72
Паштан Д.П. О ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО	

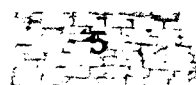

ПРИДНЕПРОВЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ.....	79
Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА НА МОГИЛЬНИКЕ БЕСТАМАК.....	85
Ломан В.Г., Кукушкин И.А. МОГИЛЬНИК КУДРЯВАЯ СОПКА.....	91
Мосин В.С. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И СООБЩИННОСТИ В ЭНЕОЛИТЕ УРАЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ.....	97
Новоженков В.А. К ПРОБЛЕМЕ ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЙ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ.....	103
Нұсқабай Ә.А. ҚАРАҚЫСТАҚ 1 ТҮРКІЛІК ЖЕРЛЕУ ОРЫНДАРЫНЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ТҰРҒЫДАН ЗЕРТТЕЛУІ.....	111
Өскембаев Қ.С., Попов Ю.Г. ХІХ ғ. ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘКІМШІЛІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ЖЕРГІЛІКТІ ЖЕРДЕГІ ТӨМЕНГІ БУЫНДАРЫ (Қарқаралы уезі материалдары бойынша).....	115
Шлешаков А.А., Мартынюк О.И., Ковшова Н.С. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»: ОПЫТ МУЗЕЕФИКАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТУРИЗМА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРНОЙ ВЕТВИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ.....	122
Самашев З., Оңғар А., Қиясбек Ғ., Жетпісбай Н., Оралбай Е. ҮСТІРТТЕГІ САРМАТТАРДЫҢ ҚЫЗЫЛУЙІК ХРАМ-ҒИБАДАТХАНАСЫ (2007 ЖЫЛҒЫ ЗЕРТТЕУ ҚОРЫТЫНДЫСЫ).....	136
Самашев З., Чотбаев А.Е., Толегенов Е.Т., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ (некоторые итоги раскопок берельских курганов в 2007 г.).....	145
Сарғизова Г.Б. Ә.Х.МАРҒҰЛАН ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАС ДӘУІРІ ЕСКЕРТКІШТЕРІ.....	154
Солодовников К.Н. СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ И АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРО- ЛОГИИ.....	158
Слейменова Г.А. КРУЖКОВАЯ РАБОТА ПО АРХЕОЛОГИИ В ШКОЛЕ.....	165
Сыволап М.П. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХОЗЯЙСТВЕ ПЛЕМЕН ЯМНОЙ	

КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ УКРАИНЫ.....	168
Талеев Д.А. ҚАРАСПАНТӨБЕ КЕШЕНІНДЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР...	174
Телеубаев М.Т. СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫС ЖЕТІСУ ӨңІРІНДЕГІ СОҢҒЫ ҚОЛА МЕН ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНІҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ.....	179
Тихонов С.С. МОГИЛЬНИК ДАНДЫБАЙ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ НУРИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В 1933 ГОДУ.....	187
Тишкин А.А. АЛТАЙ В ХУННУСКОЕ ВРЕМЯ (конец III в. до н.э. – I в. н.э.)....	194
Ткачёв А.А. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ НУРТАЙСКИХ КОМПЛЕК- СОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА.....	200
Ткачёва Н.А. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА.....	210
Үкеев Ж.К., Есов Н.Ж. ШЕЖІРЕ – ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ ТАРИХИ ДЕРЕК КӨЗІ.....	217
Үсманова Э.Р. К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СЫРЬЯ ДЛЯ ТКАЧЕСТВА (по материалам эпохи бронзы казахстанских степей)	223
Штельнер Т., Самашев З., Черни Я., Гарнер Дж., Горелик А., Хауптман А. ДОБЫЧА ОЛОВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ ПО КАЗАХСТАНСКО-ГЕРМАНСКОМУ ПРОЕКТУ.....	228

Н.Ж. Алдабаев, Д.Т. Шашенов

Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану музейі, Қарағанды қ., Қазақстан

ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІНІҢ ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНА ҚОСҚАН ҮЛЕСІ

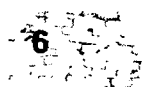
Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану музейі 1932 жылы 7 қарашада политехникалық музей ретінде ашылған. Оның ашылуына Ленинград политехникалық музейі үлкен көмек көрсетті.

Ғылыми-зерттеу жұмыстары кез келген музей қызметінің басты бағыттарының бірі болып табылады. Музейдің ғылыми-зерттеу жұмыстары тарих, соның ішінде археология саласы бойынша зерттеу жұмыстары жүргізілді. Аймақтың археологиялық жұмыстарын зерттеуді 1924 жылдан бастап өлкетанушы Л.Ф. Семенов жүргізе бастады. Ұлы Отан соғысына дейін Қарағанды облысындағы археологиялық ескерткіштерді анықтап тіркеуге алды. Кейіннен қола дәуірінің ескерткіштерін зерттей бастады. 1929 жылы оның басшылығымен Қарқаралы ауданы Бесоба ауылы маңында анықтау және археологиялық барлау жұмыстарын жүргізді. Осы зерттеу жұмыстарының барысында кейіннен топографиялық картаға және археологиялық жоспарға енгізуге 10 кешенді қорымдар тобын анықтады. 1938 жылы музей облыстық өлкетану болып өзгертілді. Осыдан бастап-ақ музейдің ғылыми-зерттеу жұмыстары жолға қойыла бастады. Атап айтатын болсақ, 1940 жылы Мәскеу мемлекеттік университетінің профессоры С. Киселевтің басшылығымен облыстық өлкетану музейі тұңғыш археологиялық экспедиция ұйымдастырды. Нәтижесінде қола дәуірінің 15 қорымы зерттеліп, Андрон мәдениетінің құнды ескерткіштері табылды.

1940 жылғы дейін музейдің зерттеу жұмыстары тек экспедицияларға қатысып, ескерткіштерді тізімге алумен ғана шектеліп келді.

Л.Ф.Семеновтың басшылығымен музейдің зерттеу жұмыстарының одан кейінгі нысаны Қарқаралы ауданы Мырзашоқы мекеніндегі Андрон мәдениетіне жататын қорымдар тобы болды. Бұл жерден сол замандардың өзінде-ақ тоналған сақ тайпалық одақтарының кезеңіне жататын қоладан жасалған заттар табылды. Шырша тәріздес, сызықшалар, толқынды және нүктелі ою-өрнектері бар ыдыс-салдықтары, қола моншақтар жебенің ұштары, спиралды қола сырғалар және тағы да басқа заттар музей қорында сақтаулы, ал олардың фотосуреттері 1951 жылы ҚазССР ҒА-ның археология сериясы бойынша хабарышысында жарияланған. Одан кейін 1953 жылы облыстық музей қызметкерлері Қарқаралы ауданындағы Нарбас, Еңбексүйгіш, Суықбұлақ, Тасбұлақ ескерткіштер тобы зерттелді. Бұл ескерткіштер туралы мәліметтер облыстық «Социалистік Қарағанды», «Советтік Қарағанды» газеттерінде жарияланды.

1946 жылы академик Ә. Марғұланның басшылығымен Орталық Қазақстанда ҚазССР ҒА археологиялық экспедициясы ұйымдастырылды. Бұл экспедицияға Қарағанды облыстық өлкетану музейінің қызметкерлері де қатысты. Музей қоры Орталық Қазақстанда табылған қола дәуірінің құнды ескерткіштерімен толықты.

1930-1961 жылдар аралығында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Қарағанды облысының территориясында және Қарағанды қаласының маңында тас және қола дәуірінің тұрақтары, жалпы саны 58 археологиялық ескерткіш анықталды. Аталған ескерткіштерді қазу жұмысы барысында 8000 мыңға жуық басым бөлігі еңбек құралдары табылды. Соның ішінде 4000 мыңға жуығы музей қорына берілсе, 2000 мыңға астамы Тарих, археология және этнография институтының музейіне берілген.

Осындай ірі ғылыми экспедициялар Қарқаралы, Талды, Теңіз, Нұра аудандарында 1965 жылы және 1982 жылдары ұйымдастырылып, қола дәуірінде Орталық Қазақстан территориясында өмір сүрген тайпалардың дәстүрлері мен демографиялық жағдайы туралы жаңа мәліметтер берді. Бұл жаңалықтар ҚазССР ҒА-ның ғалымдарының қызығушылығын тудырды.

1965-1972 жылдары Қадырбаевтың басшылығымен ҚазССР ҒА археология институтымен бірге экспедиция ұйымдастырылды. Экспедиция нәтижесінде музей қорына қола дәуіріне жататын тұрмыстық заттар (қармақ, пышақтар, балғалар, жебелер және жебенің ұштары, қанжар, әшекей бұйымдар, андрон мәдениетінің қыш ыдыстары және түрік кезеңінің тас мүсіндері т.б.) берілді.

Осындай ірі экспедициялардың нәтижесінде қазақ халқының және олардың ата-бабаларының салт-дәстүрі және тарихы туралы айқын мәліметтер беретін палеолит, неолит, қола және темір дәуірлерінің кезеңдеріне жататын Орталық Қазақстан территориясында табылған археологиялық заттар музей қорын толықтырды.

Ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелері ҚазССР ҒА-ның журналдарында жарияланды.

1980 жылы облыстық музей өзінің жеке, алғашқы археологиялық экспедициясын ұйымдастырды.

1980-1991 жылдары музей археологы А. Ткачев Нұртай (Қарқаралы ауданы), Майтан (Бұқаржырау ауданы), Энтузиаст 1, 2 (Нұра ауданы), Майоровка, Икпен (Нұра), Ақтөбе, Шопат (Аяпберген) сияқты жалпы саны 7 қорым, 6 қонысты қазды.

1995 жылы музей Нұра және Теңіз аудандарында археологиялық экспедиция ұйымдастырды.

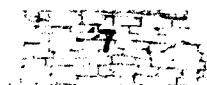
Экспедицияның негізгі мақсаты мыналар болды:

- культтік ескерткіштерді ғылыми-есептік құжаттау
- жаңа культтік сәулет ескерткіштерін анықтау және паспорттау
- сәулет ескерткіштерін анықтау
- музей қорын толықтыру мақсатында далалық материалдарды жинау

Экспедиция құрамында археология бөлімінің аға ғылыми қызметкері І. Жақыпов және кіші ғылыми қызметкер Б. Елеубеков болды. Нәтижесінде 29 қазар зерттелді. Олардың ішінде: Әли-Түсіп, Баршынгүл, Жанбөбек, Бижан, Жолтай тағы басқалары болды.

Қосымша 12 археологиялық ескерткіштер анықталды.

Жалпы алғанда, Л. Семенов, С. Киселев, А. Ткачев, И. Жақыпов, Б. Елеубеков

сынды археологтардың бірнеше жылдар бойы зерттеген зерттеулері ежелгі Орталық Қазақстанның материалдық және рухани мәдениетінің зерттелуіне зор үлес болып қосылды.

«Мәдени мұра» аймақтық бағдарламасының аясында Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану музейі 12 жылдай үзіліп қалған археологиялық экспедицияларды қайта жандандырды. Атап айтатын болсақ, 2007 жылдың тамыз айында Қарағанды облысының Абай ауданында жүргізілген археологиялық барлау экспедициясының барысында ерте темір дәуірінің Ақбастау 24,25,27, Сарыарқаның бұл аумағына жатпайтын жерлерінде Қарағанды өңірінің оңтүстік-батыс аумағында Тасмола мәдениетіне жататын Сарепта «мұртты қорғандары», сонымен қатар, ортағасырларға жататын Ақбастау және Қызылқой қорғандар тобы табылды. Бұл ескерткіштер мемлекеттік тарихи және мәдени мұра санатына енгізілді.

Әдебиеттер

1. Қарағанды ОТӨМ 1940-1959 жж. археологиялық зерттеулердің есебі.
2. Қарағанды ОТӨМ 1961-1963 жж. археологиялық зерттеулердің есебі.
3. Қарағанды ОТӨМ 1981 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
4. Қарағанды ОТӨМ 1984 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
5. Қарағанды ОТӨМ 1985 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
6. Қарағанды ОТӨМ 1986 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
7. Қарағанды ОТӨМ 1987 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
8. Қарағанды ОТӨМ 1988 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
9. Қарағанды ОТӨМ 1989 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.
10. Қарағанды ОТӨМ 1990 ж. археологиялық зерттеулердің есебі.

А. Е. Астафьев

*Мангистауский государственный историко-культурный заповедник, г. Актау,
Казахстан*

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КОСКУДУК 2

Поселения Коскудук 1 и 2 открыты в 1984 году. Они располагаются в 7 км севернее областного центра г. Актау Республики Казахстан. Геоморфологически памятники привязаны к выходу скальной террасы позднехвалынской береговой линии Каспийского моря. Ближе к береговой зоне в 70 годах прошлого столетия располагался заброшенный колодец Коскудук.

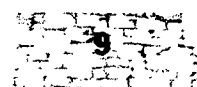
К настоящему моменту на поселении Коскудук 1 исследовано 650 кв. м площади культурных отложений. Памятник относится к периоду энеолита и датируется серединой - второй половиной 4 тыс. до н.э.

В 150 м юго-восточнее поселения Коскудук 1 находится еще одно поселение, получившее название Коскудук 2. Здесь на современной поверхности хорошо просматриваются глубоко уходящие в грунт крупные известняковые плиты и блоки, образующие неправильный овал размером 16 x 12 м. С восточной стороны остаткам жилой постройки примыкает грунтовая дорога, на поверхности которой в изобилии на протяжении 40 м встречаются кремневые изделия пластинчатой индустрии.

В 25-35 м южнее остатков дома на поверхности скального обнажения морской террасы имеется комплекс изображений и струящихся в сторону моря желобков. Поверхность плиты сильно повреждена естественными трещинами и природной эрозией. Среди комплекса желобков хорошо просматривается изображение двух змей, ползущих в одном направлении, и, условно, рыбы. Изображения выполнены нарными желобками, придающими объем рисункам. Ширина желобков 3-3,5 см. Одна из нарисованных змей имеет длину 350 см. Ее тело слегка извивается, а ближе к голове слегка изогнуто. Голова отмечена сильным расширением в виде большого «глаза» или «капюшона». В районе хвоста почти параллельно располагается изображение второй змеи, длина которой составляет около 160 см. Ее тело прямое, а голова выделена незначительным утолщением. Немного восточнее большой змеи имеется изображение, похожее на рыбу с длинным носом и хвостом, обозначенным двумя лунками. Длина изображения 90 см.

В 10 м южнее изображения змей находится искусственный водосборник для дождевых вод, представляющий собой емкость из трех лунок объемом около 30 литров, к которым тянутся с едва заметных углублений четыре извивающихся желобка. При расчистке лунок от грунтового заполнения на дне было найдено осколки кремневой пластины.

Археологическое изучение поселения Коскудук 2 начато в 2007 году. Цель исследования: получение предварительной информации о памятнике, который попадает в зону перспективной застройки в рамках проекта нового города Актау-

Сити. Раскопками вскрыта 232 кв. м. В площадь раскопок вошла часть жилой постройки и участок производственно-бытовой площадки - хозяйственной зоны.

Памятник однослойный и имеет закрытый хронологический комплекс. Мощность культурных напластований на площади памятника неодинаковая. Согласно нивелировочным промерам материковое основание имело небольшой уклон в западную сторону к скальному гребню. Культурный слой не имеет стерильного перекрытия. На площади хозяйственной зоны мощность культурных отложений составляет 35-45 см. Внутри жилой постройки толщина слоя больше и составляет 60-65 см или более. Малая площадь вскрытия внутри жилищного пространства не позволила произвести более точного определения уровня материкового горизонта. Отдельные артефакты фиксировались на отметках – 90-95.

Культурный слой сложен рыхлой бурой супесью. Подстилающий материковый слой на площади хозяйственной зоны – уплотненная слегка загипсованная супесь с прослоями желтоватого крупнозернистого песка, а внутри жилой постройки – желтоватый плотный песок.

Культурный слой поселения на 20-25% нарушен норами грызунов. В верхних горизонтах единично встречаются фрагменты лепной керамики средневекового облика.

Статистический учет по квадратной концентрации находок на вскрытом участке поселения позволил выявить следующие особенности:

1. Основное количество артефактов сосредоточено вокруг жилой постройки 110-170 предметов на квадрат на площади хозяйственной зоны против 50-70 предметов на квадрат внутри жилищного пространства.

2. Предполагаются следующие границы распространения хозяйственной зоны вокруг жилой постройки: 12-14 м на север, 18-20 м на восток, 10-12 м на запад (границей служит обнажение скального гребня) и, предположительно, до 14-16 м в южном направлении. Таким образом, предполагаемая площадь поселения может составить более 1500 кв. м.

До момента раскопок контур каменной стены жилой постройки хорошо просматривался на уровне современной поверхности по верхним частям массивных каменных плит. В ходе исследовательских работ был открыт развал частично разобранный на камень дугообразной кладки, главным элементом которой являются вертикально установленные плиты. Высота плит местного известняка составляет 50-70 см. Плиты установлены сочетанием двух способов кладки – продольной и поперечной под наклоном. В ходе раскопок была раскрыта третья часть (северный сектор) стены постройки.

С внешней стороны стена подпиралась невысокой каменной обваловкой, развал которой составляет 1-1,5 м.

Соотношение глубин установки стеновых плит, уровня обваловки и нижних границ залегания артефактов указывают, что на момент возведения жилой постройки на уровне древней поверхности был вырыт неглубокий котлован (глубина 15-20 см). Края котлована были облицованы кладкой вертикально

установленных плит, в свою очередь с внешней стороны укрепленных обваловкой. На основе аналогов конструкций стен помещений поселения бронзового века Токсанбай можно высказать предположение, что высота стены коскудукского дома могла быть выше за счет укладки на вертикальные плиты горизонтальной кладки.

В северо-западном секторе жилища на удалении 20 см от стены на глубине - 80-90 расчищена чашеобразная выкладка, выполненная 8 небольшими известняковыми плитками. Диаметр выкладки 40-43 см.

В этом же секторе на отметке -77 расчищено компактное скопление костей животных – четыре нижние челюсти и расколотые кости мелкого рогатого скота? Кости пропитаны клеевым раствором ПМБА и оставлены на месте.

Площадь постройки согласно среднеазиатским аналогам (стоянка Джанбас 4, поселение Кават 7, дом Толстова) могла иметь кровлю, поддерживаемую многочисленными опорными столбами, которые располагались одним или двумя концентрическими кругами и служивших опорой жердевой обрешетке. Обрешетка могла иметь покрытие из камышовых матов.

В результате исследования культурного слоя поселения Коскудук 2 получена представительная коллекция из 5080 кремневых изделий, характеризующих пластинчатую технологию расщепления камня и изготовления орудий труда с определенной долей микролитичности. Пластинчатые заготовки составляют 24 % от общего числа находок.

Среди изделий с вторичной обработкой следует отметить большую серию вкладышей составных орудий (190 экз.), геометрические микролиты в виде мелких асимметричных треугольников (10 экз.) и одной симметричной трапецией, концевые скребки (29 экз.), наконечники стрел кельтеминарского типа (4 экз.), коллекцию разнообразных сверл, в том числе и микросверл (46 экз.), проколки и провертки (17 экз.), пластины с резцовыми сколами (28 экз.). Очень высокий процент черешковых частей пластин, закрепляемых в жесткой муфетриве.

В ходе разборки культурного слоя найдено 73 бусины из раковин и камня. Преобладают мелкие изделия низкоцилиндрической формы и подвески из скатанных обломков створок раковины *Didacna*.

Керамическая коллекция поселения представлена более 900 фрагментами, основной массой мелкими, принадлежащими 40-42 сосудам. Все сосуды относительно тонкостенные. По форме венчиков и технике нанесения орнамента выделено 9 типов.

Хронологическим признаком обладает керамика с гребенчатой орнаментацией. Обломки по количеству фрагментов венчиков принадлежат 25-26 сосудам различных размеров. Этот тип посуды определяется принадлежностью к валынской энеолитической культуре Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия (Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998). Остальная керамика также не выходит за пределы аналогий из круга памятников энеолитического периода полуострова Мангышлак.

Во внутрижилищном заполнении найдены два подбирающиеся обломка археологически целого «утюжка», изготовленного из талькового камня темного цвета. В плане утюжок имеет листовидную форму и сегментовидное сечение. Его габаритные размеры 139 x 78 x 34 мм. На выпуклой стороне изделия поперек длинной оси прорезаны два разных по глубине желобка (13 и 21 мм) шириной 12-14 мм. На зауженном конце с выпуклой стороны имеется небольшой участок плоскорельефной резьбы в виде зубцов.

В западном секторе раскопа на участке хоззоны найден каменный молот из темного песчаника. Он изготовлен из массивной плитки. Габаритные размеры 129 x 66 x 36 мм. В плане имеет вытянутую овальную форму. Края выровнены и скруглены техникой пикетажа. Поперек длинной оси изделия в его средней части по торцам намечены симметричные неглубокие желобки шириной 15-18 мм.

Также в хозяйственной зоне из каменного скопления происходит антропоморфная? фигурка из известнякового камня. Габаритные размеры изделия 115 x 80 x 170 мм. На углу утолщенного торца вытянутого камня замкнутым желобком выделено подобие головы-лица без признаков антропоморфности.

На площади хозяйственной зоны в нижнем горизонте культурных отложений найдена бусина из свернутой колечком полоски металла. Диаметр бусины 9 мм, ширина пластинки 3-6 мм.

Поселение Коскудук 2 относится к энеолитической эпохе, возможно ее финалу, и датируется концом 4 тыс. до. н.э. Оно отражает важный этап в истории местного населения – периода становления основ производящей экономики – скотоводства. Археологическая культура Коскудук 2 обладает признаками реминисцентного характера, показывая сращивание местных и пришлых культурно-хозяйственных традиций, хорошо вычленяемых на основе материалов поселения Коскудук 1 (Астафьев А.Е., 2006). Материалы поселений Коскудук 1 и 2 принадлежат единой культурной группе памятников и имеют небольшой хронологический разброс относительных датировок.

Литература

Астафьев А.Е. Поселение Коскудук 1 – памятник финального этапа оюклинской культуры Восточного Прикаспия // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.

Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак (К вопросу о генезисе хвалынской культуры) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

С.В. Баштаннык

*Институт экологии человека Сибирского отделения РАН,
г. Кемерово, Россия*

АРХЕОБОТАНИКА КАНГЮЙСКИХ СЛОЁВ ГОРОДИЩ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА (ПО МАТЕРИАЛАМ 2007г.)

Кангюй, известный в источниках так же как Кангха, Кангдиз – государственное образование в древней и раннесредневековой Средней Азии, ядром которого были присырдарьинские земли. В первые века н. э. Кангюй объединял ряд оседло-земледельческих областей и районов кочевий. К кангюйскому периоду относятся каунчинская и отрарско-каратауская археологические культуры.

Цель археоботанических работ заключалась в выявлении и исследовании растительных остатков, происходящих из раннесредневековых слоёв, относящихся к позднекангюйскому времени (IV-VI вв. н.э.). Было отобрано несколько проб для карпологического анализа на городищах Отрар и Куйрук-тобе.

Методика работ. Для извлечения археоботанического материала проводилась флотация культурного слоя памятников. Метод флотации (водной сепарации) основан на разнице удельного веса воды и погруженных в нее органических и минеральных веществ. Органика, удельный вес которой колеблется в пределах 1,3-0,6 г/см³, всплывает на поверхность, а более тяжелые минеральные вещества оседают на дно (Руководство...2000, с. 11 – 12). 3 - 4 л грунта замачивались в емкости объемом 10 - 12 л, размешивались и взбалтывались. Затем в течение 10 - 12 минут проходило оседание тяжелых минеральных частиц и всплывание органики. Органика процеживалась через сита с диаметром ячеек 0,5 - 3 мм. Лабораторный этап исследования заключался в количественном подсчете, родовом и видовом определении растительных остатков с помощью атласов растительности, определителей плодов и семян и эталонных коллекций. На интерпретационном этапе устанавливались соотношения разных видов растительности и реконструкция растительного покрова, ландшафтов и палеоклимата, особенностей земледелия и собирательства. Определялась насыщенность растительными остатками проб и представляемых этими пробами стратиграфических и планиграфических контекстов.

Проба 1. Отрар, западная стенка шурфа, заполнение бадраба серо-зеленоватого цвета. Плотная супесь. Объем пробы 10 куб.дм. Содержание пробы:

1. Некарбонизированные косточки винограда винного *Vitis vinifera* в количестве 83 шт. Косточки разного размера, округлые. Самые крупные достигают 5х4х2 мм. Мелкие имеют неразвитый «клювик». Это указывает на то, что данный виноград мог быть диким, либо только начал вводится в культуру.

2. Рис *Oriza sativa*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновка размером 5х1,5х2 мм – 1 шт.

3. Пшеница мягкая *Triticum aestivum*, семейство Злаковые Poaceae, 1

зерновка размером 5х3х2 мм.

Проба 2. Отрар, шурф, восточная стенка шурфа, зольный слой под сырцовой стеной. Плотная супесь, насыщенная золой, горелым деревом. Объем пробы 20 куб.дм. Содержатся карбонизированные (обугленные) семена гороха, ячменя двурядного пленчатого, пшеницы мягкой, косточки винограда. Содержание пробы:

1. Рис *Oriza sativa*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновка размером 5х1,5х2 мм – 4 шт.

2. Просо развесистое *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые Poaceae. 4 зерновки диаметром 1,8 мм.

3. Горох посевной *Pisum sativum*, семейство Бобовые Fabaceae. 1 семя и две семядоли диаметром 4 мм.

4. Верблюжья колючка *Alhagi pseudalhagi*, семейство Бобовые Fabaceae – 1 семя длиной 3 мм.

5. Яблоня *Pyrus malus* (груша *Pyrus communis*), семейство Розоцветные Rosaceae – 1 косточка размером 8х4х4 мм.

Проба 3. Куйрук-тобе, шурф, восточная стенка, зольник под сырцовой стеной. Заполнение зольника в виде плотной супеси, насыщенной горелым деревом и золой. Объем пробы 20 куб. дм.

Содержание пробы:

1. Донник *Melilotus* - 4 семени, 1 стручок

2. Неопределимые до вида сильно разрушенные семена бобовых.

3. Рис *Oriza sativa*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновка размером 5х1,5х2 мм – 4 шт.

4. Ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые Poaceae. Зерновки размером 4х1,7х1,5 мм – 1 шт.

Таким образом, на основании этих предварительных данных можно установить возделывание семи следующих сельскохозяйственных культур:

1. Пшеница мягкая *Triticum aestivum* – 1 зерновка (рис. 1), имеющая переходный индекс отношения длины к ширине 1,5, что меньше, чем у современных мягких пшениц. Это может быть объяснено деформацией при обугливаниях.

2. Ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum* – 1 зерновка (рис. 2). С учетом уменьшения размеров при обугливаниях и внесении соответствующих поправок, найденная зерновка имеет меньшие размеры, чем у современных ячменей.

3. Рис *Oriza sativa* – 9 зерновок. Так же по одной зерновке обнаружено в слое IV-V вв. на городище Караспан-тобе, и в слое VII в. на Джуван-тобе (среднее течение р. Арысь). Рис, судя по всему, был одной из основных культур, но, возможно, ввозился извне. Подтвердить его возделывание на средней Сыр-Дарье могли бы находки типичных засорителей этой культуры, однако таких данных нет.

4. Просо развесистое *Panicum milliaceum* – 4 зерновки (рис. 3). Размеры

зерновок 1,8 мм в диаметре, поэтому с учетом уменьшения зерна при карбонизации его размеры можно восстановить до 2,2 мм, каковыми характеризуется современное метельчатое просо. Некоторые зерновки деформированы – у них утерян зародыш, на месте которого осталась впадина.

Просо на ранних стадиях роста имеет замедленные темпы развития и боится сорняков, поэтому посевы надо пропалывать или использовать чистые незасоренные земли – целину или залежь, т.к. просо хорошо использует накопленное в них плодородие. Вегетационный период проса 50-80 дней для скороспелых сортов и 100-200 для позднеспелых. По анатомическому строению корневой системы оно типичное ксерофитное растение, усваивающая способность его корневой системы лучше, чем у пшеницы и ячменя. Это одно из самых малотребовательных к влаге растений способно переносить сильное обезвоживание тканей. Даже при близком к мертвому содержанию в почве влаги корни проса способны ее извлекать. Несмотря на это, просо отзывчиво на орошение. На неполивных землях только почти полное отсутствие осадков во второй половине лета мешало снимать два урожая в год. Средней урожайностью считается 20-25 ц/га. Все это делало просо одним из самых удобных для возделывания злаков в условиях аридных степей и полупустынь (Растениеводство, 1979, с. 79).

5. Горох посевной *Pisum sativum* – 1 семя (рис. 4) и 2 семядоли. Семена карбонизированы, лишены оболочки и имеют неправильную шарообразную форму, это указывает на то, что под действие огня попали не полностью созревшие подсушенные горошины, а ещё сохранившие некоторое количество влаги. Корешок часто утерян, диаметр 4 мм, до обугливания он мог быть 4,2 - 5 мм. Размеры семян современного гороха находятся в пределах 3,5 - 10 мм, поэтому можно считать, что изученные семена принадлежали к мелкосеменному подвиду *var. sativum*, возделывавшемуся в Передней и Центральной Азии (Жуковский П.М., 1954, с. 333). Горох предъявляет повышенные требования к влаге: для прорастания семян требуется 100-150% воды от веса семян; наиболее высокие урожаи снимают, когда влажность почвы близка к оптимальной – 80% от полевой влагоемкости, поэтому он мог выращиваться только на основе искусственного орошения. Является хорошим предшественником многих культур, т.к. фиксирует азот воздуха, а его корневая система растворяет труднодоступные фосфаты, что могло использоваться средневековыми земледельцами для восстановления плодородия почвы после злаковых.

Так же обнаружены семена диких бобовых растений – верблюжьей колючки *tragi pseudalhagi* и донника *Melilotus*, которые могли произрастать в местностях.

6. Яблоня *Pyrus malus* (груша *Pyrus communis*) (рис. 5).

7. Виноград винный *Vitis vinifera* – 83 косточки (рис. 6). Они морфологически делятся на две группы: более мелкие, округлые (винные сорта) и более крупные вытянутые – столовые сорта. Косточки сохранились в карбонизированном состоянии. По мнению известного ботаника П.М. Жуковского регион Каратау

входит в ареал распространения дикого винограда и в зону введения в культуру этого вида. Культурный виноград не был импортирован в регион извне и происходит от дикого винограда *V. silvestris*, северной границей распространения которого являются близлежащие горы Каратау, где он приурочен к местам древних поселений (Жуковский П.М., 1964, с. 568), у которых происходило его введение в культуру. П.М. Жуковский считает, что в Средней Азии винных сортов очень мало и вино готовят из кишмишных и столовых сортов, но в тоже время в западном Тянь-Шане есть одичалый виноград, по типу винный.

Литература

Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Колос, 1964.

Растениеводство. М.: Просвещение, 1967.

Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). М.: Институт географии РАН, Институт археологии РАН, 2000.

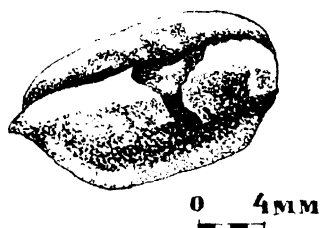

Рис. 1. Пшеница мягкая *Triticum aestivum*

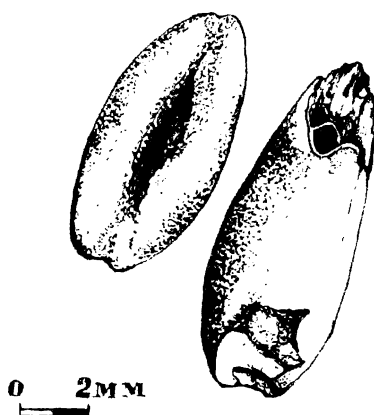

Рис. 2. Ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*

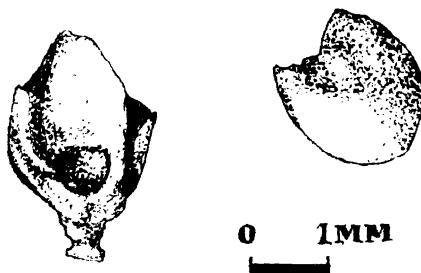

Рис. 3. Просо развесистое *Panicum milliaceum*

Рис. 4. Горох посевной *Pisum sativum*

Рис. 5. Яблоня *Pyrus malus* (груша *Pyrus communis*)

Рис. 6. Виноград винный *Vitis vinifera*

Н.Б. Бөгенбаев

Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан

ЖАЙСАН-27, ТЕРЕКТІ- 1 ТОБЫНДАҒЫ 2007 Ж. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Түрік дәуірінен бізге келіп жеткен тарихи ескерткіштер Евразия даласына кеңінен таралған. Қазақ даласындағы мұндай өзіндік ерекше сипатқа ие Шу өңірінде орналасқан Жайсаң ғибадатханасы.

Жайсаң ғибадатханасына кешенді зерттеу жұмыстары 2001 жылдан бері жүргізіліп келеді. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде 29 культтік-мемориалды кешен және 35 тас мүсін табылып, жартысынан аса дерлік ескерткішке археологиялық қазба жұмысы жүргізіліп зерттелінді. Кейінгі жылдары табылған ескерткіштермен ғибадатхананың ауқымы кеңейе түсуде. Нақты зерттеу және барлау жұмыстарының нәтижесінде ғибадатхана аумағы 69 мың гектар жерді алып жатқаны анықталды.

Ерте ортағасырлар кезеңінде түрік тайпаларының ордасын тіккен аймағына айналған Шу алқабы, кейінгі Қазақ хандығының да алғаш қоныс еткен жерінің бірі болды. Осындай тарихи маңызы жоғары өлкедегі түрік дәуірінің ескерткіштерін археологиялық, этнографиялық тұрғыда зерттеу, сақтау мен қорғау бүгінгі таңда өзекті мәселе болып отыр. Аталған аймақтар өздерінің табиғатының ерекшелігімен де көзге түседі. Жайсаң даласына шөлейтті, тегіс алқаптармен бірге тау-тасты, сулы, шөбі шалғынды жерлердің қатар келуі тән. Аталмыш ғибадатханалардың бір тобы Жайсаң 27 кешені Д. Қонаев атындағы ауылдан солтүстік - шығысқа қарай 40 км жердегі Теректі деп аталатын сайдың жоталарында орналасқан. Бұл жердегі түрік ғұрыптық - мемориалды кешендері орналасу реттілігіне қарай екі топқа: Теректі 1 және Теректі 2 деп бөлініп белгіленді. Жалпы алғанда ескерткіштердің ара қашықтығы 500 м шамасында. Теректі 1 кешені тізбектеле орналасқан жеті обадан және обалардан солтүстік – шығысқа қарай 60 м қашықтықта бір – біріне жанаса орналасқан ғұрыптық қоршаулардан тұрады. Қорғандардың негізгі тобында 6 оба шығыстан батысқа қарай бағыттала орналасқан. Қорғандардың жалпы диаметрі 5 - 18 м, биіктіктері 0,6 - 1,2 м аралығын қамтиды. Жетінші оба қорғандардың негізгі тобынан солтүстікке қарай 75 м, ғұрыптық қоршаулардан батысқа қарай 35 м жерде орналасқан.

2007 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары Жайсаң 27 Теректі 1 тобында орналасқан №1 қорғаннан басталды. Қорғанның диаметрі 11 м, биіктігі 0,85 м. Географиялық координаттары: С 43.39.606, Ш 74.19.297. Шым қабатын тазалау барысында негізгі қорған үйіндісінің бетін жапқан тастардың орнынан көзғалғаны байқалды. Бұл тонаушылардың іздері екені анықталды. Қорғанның үйіндісі тастан қаланған, пішіні шеңбер тәріздес. Тас шеңбердің ені 1,3 м, толық диаметрі қорғанның диаметрімен сәйкес. Қабір шұңқыры қорған үйіндісінің орталық бөлігінде орналасқан. Мәйіттің басын солтүстік – батысқа қарай

бағыттап жерлеген. Жерлеу камерасының ұзындығы 1,9 м, ені 0,95 м, тереңдігі 0,93 м. Қабір түбінен темір сынықтарының қалдықтары мен адам сүйектерінің кейбір бөліктері табылды. Қазба жұмыстарынан кейін қорған бастапқы қалпына келтірілді.

№ 2 - қорғанның диаметрі О-С қарай 10 м, Ш-Б қарай 9,6 м, биіктігі 0,38 м құрайды. Географиялық координаттары С 43.39.600, Ш 74.19.310. Қорғанның көлемі шағын болғанымен басқа қорғандардан айырмашылығы жоқ, тек солтүстік-шығыс жақ бетінің тастары біршама алынған. Қорғанның бетін жапқан тастар газаланған соң, кима салу арқылы жерлеу орны анықталды. Қабір шұңқырының ұзындығы 1,8 м, ені 1,1 м, тереңдігі 0,85 м көлемінде. Мәйіттің басын солтүстік – шығысқа қарата қиғаштай жерлеген, қабірдің оңтүстік жақ бетінде адамның аяқ сүйектерінің қалдықтары сақталған. Бұл қорған да тоналған болып шықты. Қорған қайта қалпына келтірілді.

№3 қорғанның географиялық координаттары: С 43.39.592, Ш 74.19.341, диаметрі 14 м, биіктігі 1,5 метрді құрайды. Жалпы бұл қорған Жайсан даласында орналасқан көлемі орташа қорғандар түріне жатады. Қорғанның шым басқан топырақ қабатын тазалау барысында негізгі тас қаландысы көрінді. Қорғанның тас қабырғасын төменнен жоғары қарай қалап, етек жағын тастармен шеңбер тәрізді етіп орналастырған. Қорғанды қазу кезінде жерлеу орнының үстін үлкен тас плиталармен жапқаны анықталды. Тас плиталардан қаланған құрылымның қалпы көлемі солтүстіктен-оңтүстікке және шығыстан-батысқа қарай 4 м x 4,5 м. Әр тас плиталардың биіктіктері 1м, ені 50-60 см-ге жуық көлемінде. Тастарды негізгі орнынан алу нәтижесінде жерлеу орны анықталды. Қабір шұңқырының ұзындығы 2, 25 м ені 1 м, тереңдігі 0,95 м. Қабір үстінің оңтүстік – шығыс бұрышынан ағаш қалдықтары шықты. Соған қарағанда жерлеу орнының үсті ағаш бөренелермен жабылған болуы керек. Қазба барысында 0,55 м тереңдікте метал сынықтары, сүйектен жасалған жапсырма бұйымдардың бөліктері және қабір шұңқырының түбінен адам сүйектерінің қалдықтары табылды. Қорған тоналған болып шықты. Қазба жұмыстары жүргізілгеннен кейін, зерттелген қорғанның шығыс жағындағы үйіндінің алғашқы түрі және үйіндінің астындағы, қабірдің үстіндегі саркофаг тәріздес құрылымның реконструкциясы орнатылып бастапқы қалпына келтірілді. Себебі мұндай күрделдіріп жасалған қорғандар Шу өңірінде сирек кездеседі. Мысалы Жайсан 14, және Жайсан 10 кешендеріндегі қорғандар және олардың жанына салынған ғұрыптық қоршаулар сол дәуірде өмір сүрген көсемнің немесе батырдың әлеуметтік дәрежесін көрсете алады (Досымбаева А.М., 2007, 26 б.). Әсіресе Жайсан 14 кешеніндегі 1 қорғанмен Төректі 1 кешеніндегі 3 қорғанның архитектуралық құрылымдары және қабір үстінде салынған тас үйіндісінің өте ұқсас екенін аңғаруға болады.

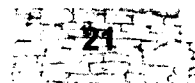
онымен қатар қорғандардың солтүстігінде тізбектеле орналасқан ғұрыптық қоршауларға археологиялық зерттеу жұмыстары және бастапқы қалпына келтіру жұмыстары жүргізілді. Ғұрыптық қоршаулардың шығысында екі тас мүсін табылды. Бірінші тас мүсін қоршаудың сыртында қисайған қалпында тұр. Мүсін биіктігі 0,5 м, ені 0,3 м. Мүсінде сарғыш қоңыр түсті гранит тастан жасалынған. Мүсінде мұрты бар ер

дам бейнеленген. Биіктігі 1,9 м ені 0,4 см. Мүсіннің кеуде тұсында ыдыс бейнеленіп және ыдыстың түбінен сол қолымен ұстап, ал оң қолы ыдыстың тұтқасынан ұстап тұрған қалпында суреттелген (1, 1 – сурет). Екінші тас мүсінде ірі дәнді көк граниттен жасалынған. Мүсіннің басы сынып қалған, қалған ұзындығы 1,8 м ені 0,45 м. мұнда да мүсіннің кеуде тұсында ыдыс бейнеленген (1, 2 – сурет). Мүсіндер тұрғызылып бастапқы қалпына келтірілді. Қоршауды тазалау барысында көлемі анықталды. № 1 қоршау трапеция тәріздес оңтүстікке қараған қабырғасының ұзындығы 3,6 м, солтүстік қабырғасының ұзындығы 3,7 м, батыс қабырғасы 2,6, шығыс қабырғасы 3,5 м. №2 қоршау С-О 2,6 х 2,55 метрді құрайды. Қоршаудағы бірінші тас мүсіннің қарсы алдында ортасында тас бағаны бар кішкене қоршау салынған. Көлемі 1,6 м х 1,4 м. Қоршаулар ірілі - ұсақты тастармен толтырылған (1, 3,4,5 – сурет). Осындай көне түрік ғибадатханалары Шығыс Қазақстан территориясындағы Сарыкөл қорымында орналасқан. Сарыкөл ғибадатханасының Жайсан ғибадатханасына ұқсас жақтары, мұндада ғибадатхананың шығыс жақ бетіне тас мүсін орналасқан және қоршау ортасы тастармен толтырылған (Самашев З.С., 2006, 62 б.). Аталмыш қорғандар мен ғұрыптық қоршауларға кешенді зерттеу жұмыстарымен қатар бастапқы қалпына келтіру жұмыстары қоса жүргізілді.

Мәдениеттің тағы бір ерекше көрінісі ежелгі қала, қоныс, бекіністер орны. Мұндай ежелгі ортағасырлық қала орындары Шу өңірінде көп кездеседі, атап айтсақ археологиялық казбалар арқылы анықталып және жазба деректерде аталған Мерке, Құлан, Аспара, Баласағұн және т.б. Сондай тарихи орындардың бірі Шу ауданы Төле би ауылынан 2,5 км жердегі ерте ортағасырлық «Хиам» бекінісі мен Теректі өзенін жағалай салынған кейінгі ортағасырлық қазақтардың қоныстары жатады. Аталған қоныстардың бірі Жайсан 27 де Теректі өзенінің жағасында салынған. Бұл қоныстарға арнайы Венгриялық Будапешт мемлекеттік университетінің мамандарымен бірігіп топографиялық карта жасалынды. Қоныстың архитектуралық құрылымы жақсы сақталған. Қоныс қабырғасы тастардан қаланған бірнеше бөлмелерден және өзен жағасында бұрын болған ақша орындарынан тұрады.

Археологиялық зерттеу жұмыстарының әдістеріне сәйкес ортағасырлық түрік тайпаларының мәдени кешендерін жан-жақты анықтауға бағытталған ғылыми жұмыстарға байланысты Жайсан даласында барлау жұмыстары да жүргізілді. Барлау жұмыстары нәтижесінде, төменгі Теректі сайын жағалай біткен жартаc беттерінде бірнеше петроглифтер тобы табылды. Онда бейнеленген бұғылар, топтаса салынған таутекелер үйірі және сол дәуірдегі адамдардың аң аулау сәттері тамаша суреттелген. Тасқа қашалып түсірілген суреттер орналасқан жартастарда түріктердің рулық таңбалары да табылып есепке алынды.

Сонымен қатар, Аламан тауының етегінде орналасқан ғұрыптық қоршаулар мен ондағы тасмүсіндер тобы анықталды. Аталмыш ғибадатханалар тобы Жайсан кешенінен шығысқа қарай 7 км қашықтықта орналасқан. Бұл ғұрыптық кешендерге Аламан 1, 2, 3, деген атау берілді. Аламан 1 де орналасқан ғұрыптық қоршаудың солтүстіктен – оңтүстікке қарай ұзындығы 17 м. Географиялық

координаттары: С 43.39.892. Ш 074.23.704. Ғұрыптық кешеннің құрамында үлкенді – кішілі бес қоршау мен тас мүсіндер орналасқан. Аламан 2 ғұрыптық кешенінің географиялық координаттары: С 43.37.795. Ш 074.23.257. Бірінші мүсін қоршаудың солтүстік жақ сыртында орнатылған. Екінші мүсін қоршаудың батыс жақ бөлігінде, жерге жартылай көмілген күйінде жатыр.

Аламан 3 тобы Географиялық координаттары: С 43.38.227. Ш 074.21.211. Бірінші мүсіннің биіктігі 90 см, ені 32 см. Мүсіннің бас бөлігі сындырылған, қалған бөлігінде қыр мұрыны, жіңішке еріндері мен шиырыла өскен мұрты қашалған. Кеуде бөлігінде дөңгелек үлгідегі алқасы мен оң қолымен жүрек тұсына бүгіп ұстаған ыдысы бейнеленген. Екінші мүсіннің тек бас бөлігі сақталған. Бас пен мойынды қосқандағы ұзындығы 56 см, ені 23 см. Мүсіннің көздері миндал үлгіде суреттелсе, қас пен мұрын бір рельефті сызықтың бойымен жеткізілген. Үшінші мүсіннің ұзындығы 2 м, ені 0,6 м. Мүсін қызғылт түсті гранит тастан сомдалған. Бет – бейнесі толық сақталмаған, тек арқасына бес өрім етіп өрілген шаштары көрсетілген. Сонымен қатар оң қолын кеуде тұсына көтерген күйінде және белдік тұсына параллель ілінген қанжары суреттелген (2, 1,2,3 – сурет).

Келесі бір ескерткіш Теректі жотасынан шығысқа қарай 17 км шамасында, Қербұлақ шаткалынан оңтүстікке қарай 4 км жердегі зерноток деп аталып кеткен жерден табылды. Ондағы екі тас мүсін бастапқы орнынан қозғалған. Бірінші мүсін әйел адамға арналып қойылған. Бұл мүсіннің басы қиратылған. Мойын тұсында үш қатар етіп сызылған қандай да бір әшекей бұйым суреттелген. Ал кеудесінде салбыраңқы қос анары мен қарын тұсында екі қолымен қысып ұстаған ыдысы және екі аяғын молдас құрып отырған сәті бейнеленген. Екінші мүсіннің де бас бөлігі сақталмаған. Мұнда да екі қолымен қарын тұсына бүге ұстаған ыдысы мен үшкір аяқ киіммен молдас құрып отырған күйі көрсетілген. Жалпы түркі дәуірінде жасалған мүсіндерде көркем суреттелген аяқ киімдері мен олардың қоныштары анық бейнеленген. Аталған екі мүсін де ұсақ дәнді, ақшыл қарғылт түсті гранит тастан жасалған.

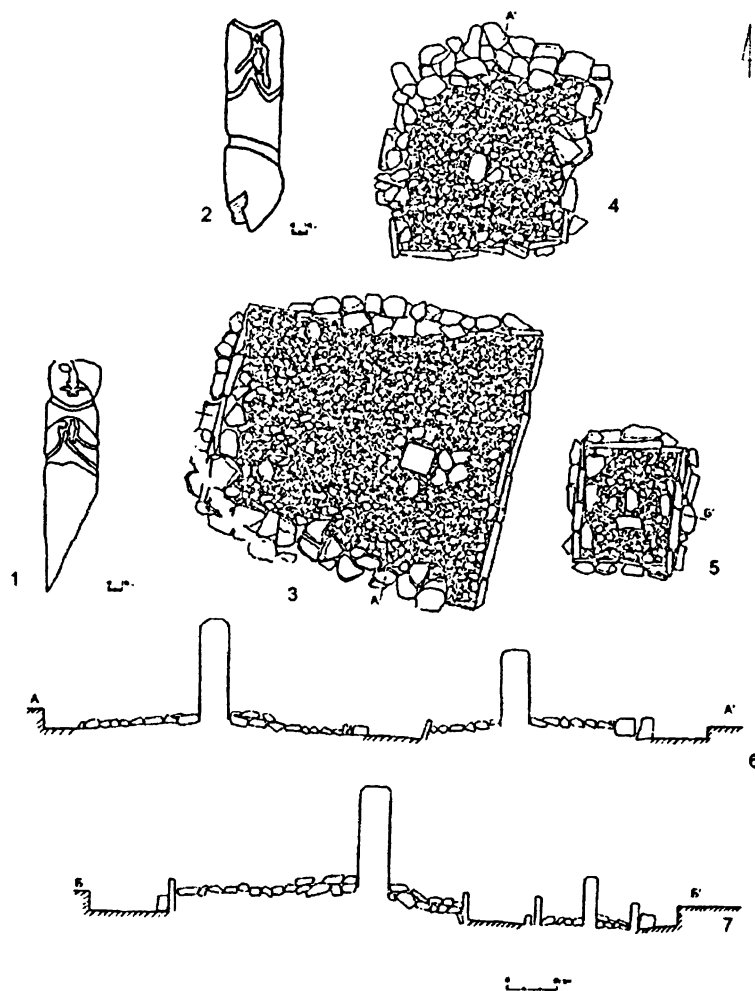
Түркілердің культтік-мемориалды кешендерінің ашылып зерттелуі осы аймақта тараған әр түрлі ғұрыптық ескерткіштердің өзара байланысын ашып көрсетуде маңызды роль атқарады. Қоршаулардың шығысында өлгендердің құрметіне арналған тас мүсіндердің иконографиялық ерекшелігі мен суреттелген атрибуттар жиынтығын саралау нәтижесінде, ескерткіштердің хронологиялық кезеңін және әлеуметтік негізін анықтауға мүмкіндік бар. Жайсан 27 кешеніндегі қорғандар және олардың шығысында орналасқан ғұрыптық қоршаулар мен қатар бір территорияда орналасқан жартас беттеріндегі ру таңбалары, әртүрлі сюжеттегі петроглифтер түрік тайпаларының ғұрыптық дәстүрлерін өткізген және гибадат еткен орындары болып табылады.

Әдебиеттер

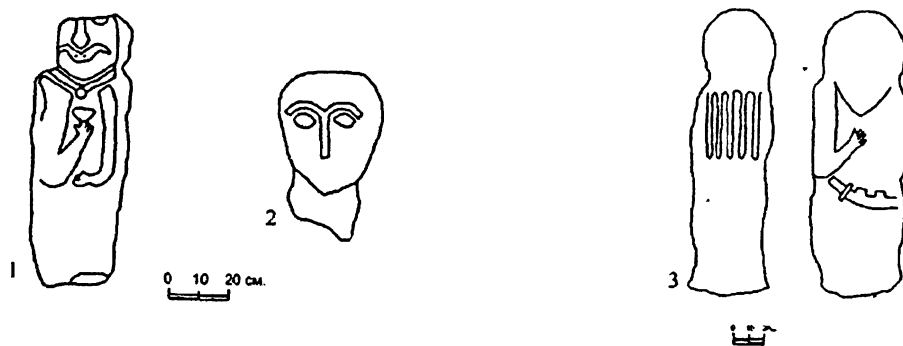
Досымбаева А.М. Батыс Түрік қағанаты. Алматы, 2007.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.

Самашев З. Көне түркі дәуірінің Сарыкөл ғибадатханасында жүргізілген алғашқы жұмыстар // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2006 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2007.

1 - сурет. Жайсан 27 культтік - мемориалды кешені, Теректі 1 тобы

2 - сурет. Аламан 3, тас мүсіндер

С.Г. Боталов, А.Д. Таиров

*Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский филиал;
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.*

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КОЧЕВОЙ ЗНАТИ IV в. до н. э. В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Могильник Кичигино находится на левом берегу Южноуральского водохранилища на реке Увелька, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области и в 2,8 км к востоку от села Березовка. Могильник занимает площадку на вершине господствующей возвышенности (гора Тушканская) в излучине реки Увелька при впадении в нее реки Кабанка. Географически могильник находится на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья.

Могильник состоит из 12 курганов, расположенных нерегулярной цепочкой, вытянутой вдоль общей направленности склона возвышенности (ЗСЗ – ВЮВ). Диаметр их грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1–1,5 м. Условно все курганы могут быть поделены на две группы – западную, занимающую наиболее возвышенную часть площадки и состоящую, в основном, из крупных курганов (3, 4, 5, 8, 9) и восточную – курганы 1, 2, 7, 10. Отдельно находится курган 6.

Могильник впервые описан К.В. Сальниковым и Н.П. Кипарисовой, проводившими в 1951 году разведочные работы по берегу реки Увелька (Сальников К.В., Кипарисова Н.П., 1951). Угроза полного исчезновения курганов заставила начать в 2006 году планомерное исследование могильника, в котором приняли участие Южно-Уральский государственный университет, Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинский научный центр УрО РАН и Челябинский областной краеведческий музей. Два кургана, раскопанных в 2006 году, дали материал первой половины IV в. до н.э. – довольно интересный, но вполне обычный для зауральского варианта прохоровской археологической культуры.

В 2007 году исследован курган 3, входящий в западную группу. Диаметр его земляной насыпи составлял 30 м, высота насыпи над современной поверхностью не превышала 0,5 м. На распаханной вершине насыпи отмечались пятна прокала интенсивно красного цвета.

В центре подкурганной площадки выявлены остатки сгоревшей четырехугольной деревянной конструкции, сооруженной на поверхности выкида, огражденного кольцом вокруг центральной могильной ямы 6. Яма ограблена в древности, причем до сожжения возведенной над ней конструкции. Грабители сняли весь погребальный инвентарь, а останки погребенного сложили в кучку в центральной части ямы. С этим погребением может быть связана лишь черная ворворка (рис. 1, 10), найденная среди обугленных бревен у восточной ямы.

В южной половине подкурганной площадки было выявлено пять могильных ям, впущенных в уже существующую насыпь кургана. Располагались они полукольцом вокруг центрального погребального сооружения. Это были ямы с подбоем вдоль длинной боковой стенки. Вход в погребальную камеру в ряде случаев закрывался деревянным закладом сложной конструкции: вертикальные колья служили опорой для горизонтально уложенных друг на друга бревен, которые с внешней стороны дополнительно подпирались вертикальными кольями. В погребальную камеру умершие укладывались в вытянутом на спине положении. Ориентировка погребенных зависела от расположения могильной ямы, однако лишь в крайней южной могильной яме 1 погребенный уложен головой на запад, в остальных же – головой в южный сектор. По инвентарю все погребения можно разделить на мужские (могильные ямы 1 и 2) и женские (могильные ямы 3–5).

В могильной яме 1 умерший мужчина был уложен в дощатый гроб. В левой части груди погребенного в области сердца найден сильно окислившийся бронзовый наконечник стрелы. Слева от погребенного, между гробом и стенкой камеры, находился длинный (102 см) железный меч с дуговидным перекрестием, широкой овальной рукоятью и прямым навершием. Поверх его рукояти была положена передняя нога барана с лопаткой. У перекрестия и верхней части клинка обнаружены две крупные глазчатые бусины. Поверх средней и нижней части клинка расчищены остатки колчана, в котором находились 238 бронзовых наконечников стрел и железное шило с деревянной рукоятью. Между колчаном и стенкой погребальной камеры лежал длинный слегка изогнутый железный нож. Чуть восточнее колчана и вплотную к северной стенке гроба была положена удочка с железными удилами и псалиями, сыромятные ремни которой украшены многочисленными бронзовыми обоймами.

В могильной яме 2 длинный (93,5 см) железный меч с дуговидным перекрестием, широкой овальной рукоятью и прямым навершием был положен слева от захороненного, между ним и стенкой погребальной камеры. У перекрестия и верхней части клинка обнаружены две бронзовые конические ворворки (рис. 2, 11, 12). Поверх средней и нижней части клинка, также как и в могильной яме 1, расчищены остатки колчана, содержащего 134 бронзовых наконечника стрел. У верхней части колчана найден железный колчаный крюк лопатковидной формы. В ногах погребенного находился железный втульчатый наконечник копья.

В могильной яме 3 выявлено два разновременных захоронения, причем раннее было разрушено через довольно короткий промежуток времени при совершении погребения женщины (?). Тело погребенного было сложено пополам газобедренной части – верхняя часть его туловища лежала на ногах спиной вверх. Освободившуюся часть камеры углубили и в нее поместили умершую женщину. Она была уложена на спину с согнутыми в коленях ногами. В головах погребенной найден железный ножичек, бронзовый наконечник стрелы, кусочек ла, костяная ложечка, бронзовый браслет с заостренными окончаниями и

осатки деревянного предмета с железными скрепками. Слева от погребенной, между нею и ступенькой входной ямы, был помещен кожаный колчан, содержащий 149 стрел с бронзовыми наконечниками. На шее погребенной находилась гривна в 1,5 оборота. Она сделана путем обертывания медной проволочной основы толстым серебряным листом. Еще одна гривна в 1,5 оборота, изготовленная путем обертывания медной проволочной основы золотым листом, находилась на коленях погребенной. На эту гривну были надеты височные подвески в 1,5 оборота, изготовленные аналогичным образом (рис. 1, 3, 4, 6).

За головой женщины (?), погребенной в могильной яме 4, находились бронзовое зеркало с широким утолщенным валиком по краю диска и короткой боковой ручкой, обложенной деревом (рис. 1, 15), керамическое пряслице, костяные ложечки (?), железные ножичек (?) и шило. Справа от головы, вплотную к ступеньке входной ямы, стоял большой плоскодонный сосуд с небольшой горизонтальной ручкой на одной стороне тулова и имитацией носика-слива на другой (рис. 1, 14). Рядом с сосудом, также вплотную к ступеньке, была помещена грудинка барана, поверх которой положена его передняя нога с лопаткой. Шею погребенной украшали гривна в 1,5 оборота и ожерелье из крупных бус различной формы (рис. 1, 7–9, 13). Гривна сделана путем обертывания железной (?) проволочной основы тонким серебряным (?) листом. У черепа погребенной найдены две височные подвески – на серебряное кольцо (почти в два оборота) повешена многовитковая спираль из скрученной четырехгранной в сечении серебряной проволоки (рис. 1, 1, 2). На запястьях обеих рук находились браслеты в 1,5 оборота из круглой в сечении бронзовой проволоки (рис. 1, 5). Слева от ног погребенной, между ними и стенкой погребальной камеры, был положен кожаный колчан, содержащий 122 стрелы с бронзовыми наконечниками.

Особенно интересным оказалось захоронение женщины в могильной яме 5. Рукава и верх ее платья были расшиты мелким бисером, а обшлаг правого рукава еще и листочками тонкой золотой фольги. Запястья обеих рук украшали браслеты в 1,5 оборота (рис. 2, 2), бронзовая основа которых обложена золотым листом, и низки бус из полосчатого агата (рис. 2, 6). На безымянный палец правой руки были надеты два спиральных многовитковых кольца из золотой круглой в сечении проволоки (рис. 2, 3, 4). На месте левой кисти находился, вероятно, протез из органического материала, на палец которого тоже было надето аналогичное кольцо (рис. 2, 5). На шее женщины находилась гривна с зооморфными окончаниями в виде лежащих хищников (рис. 2, 2). Основу ее составляет гладкое полукольцо, изготовленное путем обкладки золотым листом бронзовой круглой в сечении проволоки. На концы полукольца надеты составленные из двух половин окончания с бронзовой основой между ними.

На предплечье погребенной лежало зеркало с длинной боковой ручкой, утолщенным краем диска, резными concentрическими окружностями (с кульным орнаментом), в центре которых располагается коническая выуклость, окруженная высоким валиком (рис. 2, 7). Зеркало было помещено в кожаный чехол, в остатках которого найден человеческий зуб и кусочек мела.

Близ зеркала найден кусочек горного хрусталя. В ногах был поставлен небольшой бронзовый котелок на коническом поддоне. Котелок имеет вертикальную ручку на одной стороне тулова и носик-слив на другой (рис. 2, 8). Ниже кисти правой руки находились оселок, железные ножи и шило, костяная ложечка.

Основанием для предварительной датировки вводных погребений кургана 3 могильника Кичигино первой половиной IV в. до н.э. являются находки зеркал и длинных мечей «переходного» типа.

Гривна с зооморфными окончаниями из могильной ямы 5 наиболее близка гривнам Ставропольского (Казинского) клада, набор украшений которого Е.Ф. Королькова отнесла «к V–IV вв. до н. э. (более вероятно – к IV в. до н. э.)», подчеркнув при этом, что гривны клада, отмеченные чертами восточного звериного стиля, свидетельствуют о проникновении в Прикубанье каких-то групп населения из восточных регионов, возможно, из Южного Приуралья (Королькова Е.Ф., 1995, с. 87; рис. 1, 1-3). Отметим также сходство орнаментального оформления области бедер, плечевого пояса и гривы хищника на кичигинской гривне и ряде изделий из Филипповского 1-го кургана (Пшеничнюк А.Х., 2003, с. 12, 17, 20).

Конец V – начало IV в. до н. э. – это время резкой трансформации прежних стереотипов культуры ранних кочевников Южного Зауралья. На наш взгляд, изменения эти были вызваны притоком в регион кочевников из Центральной Азии, принесших с собой новые традиции погребальной обрядности – могильные ямы с подбоем вдоль длинной продольной стенки, южная ориентировка погребенных. В это же время появляются и новые типы украшений, в частности гривны, спиральные височные подвески и кольца. С приходом нового населения следует, вероятно, связывать и появление новых типов клинкового оружия ближнего боя – длинных всаднических мечей «переходного» типа.

Приход нового населения вызвал и появление традиции «многомогильных» курганов. Вводные погребения совершались теперь не в центр кургана, как это было ранее, а по кольцу вокруг центрального погребения, в котором был захоронен глава большой семьи или клана. Зародившись в конце V – начале IV в. до н. э. в Южном Зауралье эта традиция продолжала существовать на территориях, освоенных сарматами позднее.

В конце V–IV вв. до н. э. кочевой мир Южного Урала состоял, вероятно, из двух крупных племенных объединений – Приуральского и Зауральского. Центры их располагались, соответственно, на Илеке и на Ори, в районе современного Ирска. Эти объединения состояли из нескольких племен, во главе которых стояли знатные и богатые аристократические роды. Очевидно, что в районе села Кичигино находился могильник одного из таких родов, занимавшем довольно высокое положение в кочевом обществе Южного Урала и контролировавшем обширные пространства юга лесостепной зоны. Богатства его основывались, вероятно, на контроле, хотя бы и частичном, поступления в степь цветного металла, выплавляемого металлургами иткульской культуры лесостепного

Зауралья.

Литература

Королькова Е.Ф. О возможности атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. – 1995. – Выпуск 32.

Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб., 2003.

Сальников К.В., Кипарисова Н.П. Отчет об археологических исследованиях по р. Увелька от г. Троицка до истоков; по р. Миасс от оз. Тургойак до г. Челябинска в 1951 году.

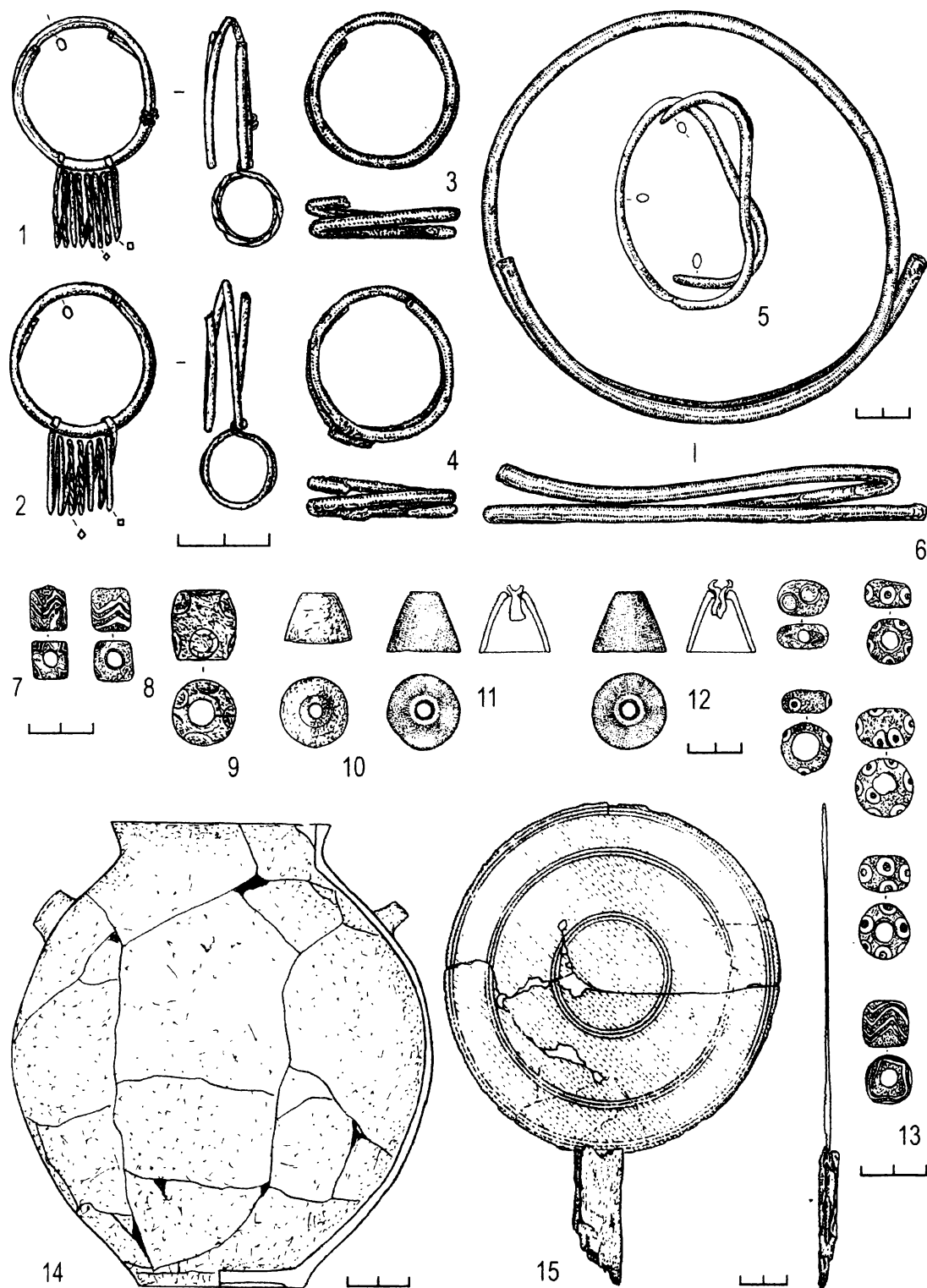
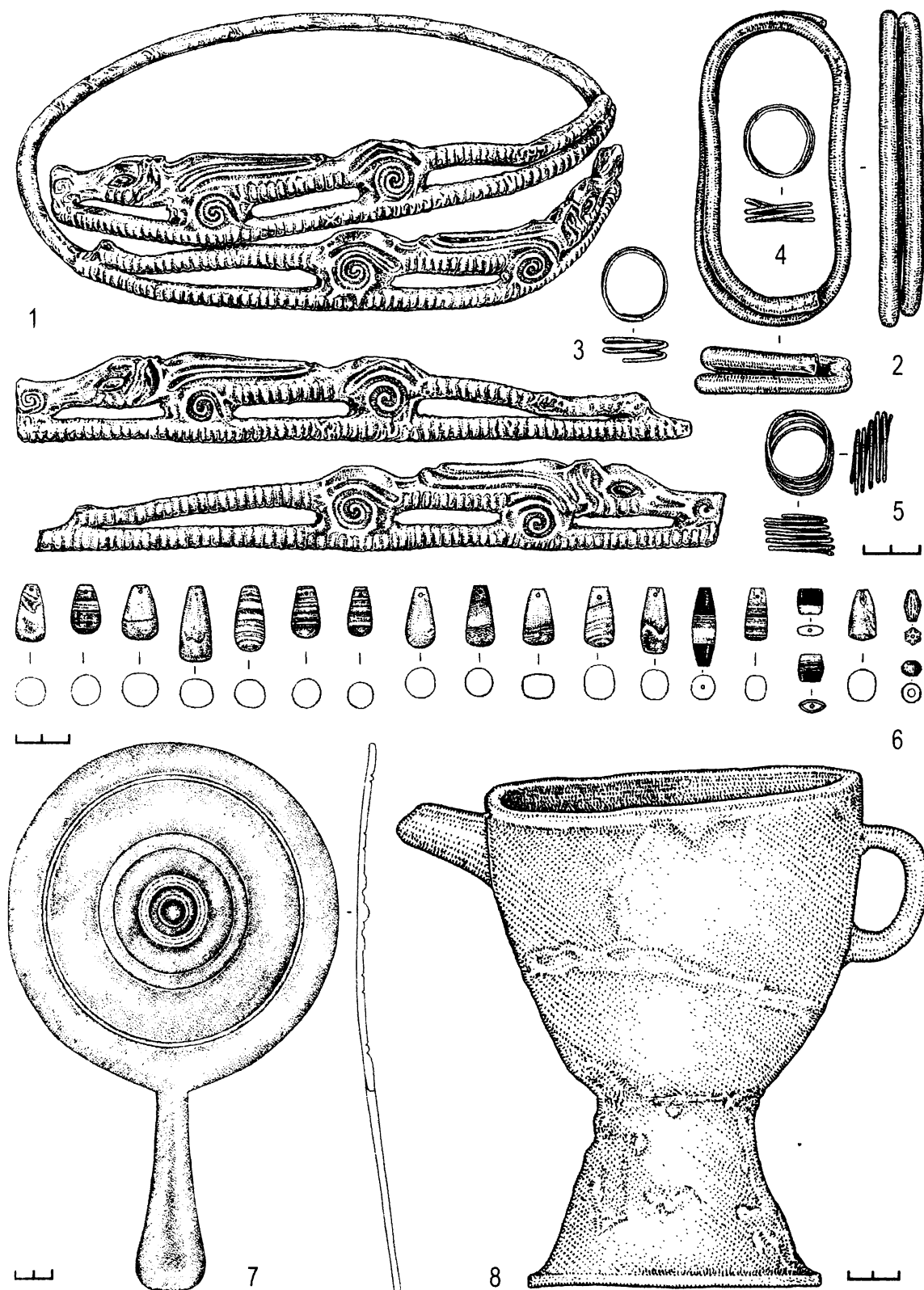

рис. 1. Могильник Кичигино. Курган 3. Инвентарь. 1, 2, 5, 7-9, 13-15 – могильная камера 4; 3, 4, 6 – могильная яма 3; 10 – у края могильной ямы 6; 11, 12 – могильная яма 1. 1, 2, 10 – серебро; 3, 4, 6 – бронза, золото; 5, 11, 12, 15 – бронза; 7-9, 13 – стекло, керамика

р. 2. Могильник Кичигино. Курган 3. Могильная яма 5. Инвентарь. 1, 2 – бронза, ото; 3–5 – золото; 6 – камень, стекло; 7, 8 – бронза

Д.А. Гаврилов

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАЗВИТИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА БОЗОК

Начало исследования истории земледелия Центрального Казахстана неотъемлемо связано с именем А.Х. Маргулана. Им были выделены очаги земледелия (поливного и неполивного). Водными источниками для них служили бассейны таких рек, как Сарысу, Коктас, Ишим, Нура и ряд других рек, ручьев и речек. Развитие средневекового земледелия А.Х. Маргулан в Центральном Казахстане связывал с появлением оседлых поселений и городов в XI-XV вв. На данный момент в регионе известно порядка шестнадцати остатков оросительных систем (Археологическая карта Казахстана; Маргулан А.Х., 1978). Их изучение до сих пор остается нерешенной проблемой.

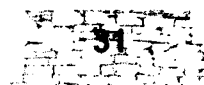
Продвижением в вопросе изучения орошаемого земледелия Центрального и Северного Казахстана может послужить открытие оросительной системы в пойме р. Ишим на территории, прилегающей к средневековому городищу Бозок.

Городище расположено на естественном возвышении восточного берега озера Бузукты. Ширина естественного возвышения около 200 м. С восточной части городища на расстоянии 300-350 м находится несколько мелких западин, вытянутых по линии север – юг, которые заполняются водой в особо влажные периоды. На юге территория памятника ограничена искусственным каналом, шириной 5-7 м. Канал соединяет озеро Бузукты с одной из небольших западин. Таким образом, территория, прилегающая к развалинам городища, представляет собой узкую полосу суши (не более 300-350 м) вдоль восточного берега Бузукты. Общая площадь памятника более 45 га.

Вся окружающая территория городища занята остатками оросительной системы. Площадь орошаемых земель составляет 44,5 га. В 2004, 2006 и 2007 гг. были проведены исследования системы оросительных каналов. Исследованию ирригации предшествовали стационарные археологические раскопки памятника. За время изучения был раскопан ряд разновременных комплексов: 1) северный квартал городища (VIII-X вв.); 2) жилища земляночного типа в северо-западной части памятника (XIV в.); 3) ряд погребальных комплексов (мавзолеев) непосредственно в центральной части городища (XIV в.). Кроме того, на территории памятника в юго-восточной части на берегу озера имеются казахские зимовки, предположительно датируемые XVIII-XIX вв.

При исследовании оросительной системы была произведена инструментальная топографическая съёмка объекта, сделаны поперечные разрезы каналов и валиков оросительной системы и фотографирование.

При стационарном исследовании и составлении топографического плана была выделена структура оросительной системы, состоящая из магистрального канала, распределителей первого и второго порядка, густой сети оросителей

арыков), «грядок» и системы валиков.

Магистральный канал располагается в северной части оросительной системы. Общая протяжённость канала 580 м. Ширина канала – около 1 м, глубина – 0,3 м. При нивелировке канала было выяснено, что он был проложен по самой низкой части окружающего рельефа, общий уклон местности составил 1,6 м на 1 км. Одной из главных функций канала была подача воды из озера в основную оросительную сеть системы. Вода в канал подавалась с помощью чигирного колеса. Подтверждением этого является нивелировочный профиль канала, начало которого фиксируется в пониженной части рельефа. В дальнейшем магистральный канал заканчивался в западинах, куда производился сброс лишней воды.

От магистрального канала под углом 45° в юго-западном направлении отходили два распределителя первого порядка и два валика. Общая длина распределителей 520 и 680 м. Функция этих каналов заключалась в подаче дополнительного потока воды в распределители второго порядка для орошения восточной части оросительной системы. Распределительные каналы имели ширину менее 1 м, глубину 0,1 м. В центральной части магистрального канала с его южной стороны примыкают так называемые «грядки», которые хорошо выделяются в рельефе оросителями. С западной и восточной стороны «грядки» ограничиваются двумя параллельно идущими валиками. Размеры «грядок» – 3,40-3,90 x 4,50-4,80 м. На сегодняшний день чётко читается четыре ряда грядок, предположительно они могли доходить до валика, параллельно идущего магистральному каналу.

Вся оросительная система была покрыта густой сетью арыков (оросителей). Оросители имеют два направления: по линиям СЗ-ЮВ и СВ-ЮЗ, повторяя направление естественного уклона местности. Длина оросителей колеблется от 100 до 780 м. Расстояние между арыками в северной части ирригационной системы составляет 3,1-3,4 м. В нижней части ирригационной системы после поперечно проходящего валика расстояние между арыками уменьшается до 1,7 м, т.е. каждый арык распадается на два ниже текущих арыка.

Составной частью ирригации является система валиков. Валики по функциям и направлениям можно разделить на два типа: продольные валы и поперечные. Длина валов колеблется от 80 до 680 м. Продольные валы идут параллельно оросителям. Их назначение невыяснено. Возможно, они ограничивали территорию самой оросительной системы, что подтверждается их топографическим положением. Поперечные валы служили для регулировки водного потока, условно их можно назвать «дамбы-накопители». Современная ширина валиков 1,8 – 2 м, встречается ширина 1,3 м высота валиков – 0,04 м.

Одной из проблем изучения оросительной системы городища Бозок остаётся вопрос датировки. Первоначально предполагалось, что оросительная система существовала одновременно с городищем (Маргулан А.Х., 1978, с.98). Но новейшие исследования опровергли это утверждение. Для решения этого вопроса следует рассмотреть взаиморасположение разновременных объектов

памятника. Топографический план оросительной системы показал, что на ее территории располагаются казахские зимовки (XVII-XIX вв.), мусульманское кладбище (XVI-XVIII вв.) и жилища земляночного типа (XIV в.). Само городище появилось в VIII-X вв. Если часть оросительной системы проходит по территории восточного квартала, то ирригация должна была быть построена только в момент полного прекращения функционирования поселения или, по крайней мере, его восточного квартала и оплывки валов. Валы и распределители второго порядка оросительной системы проходят через котлованы жилища №1-3, датируемые XIV в. Кроме того, использование чигирного устройства для подачи воды в распределители городища Бозок, получившее широкое распространение на юге Казахстана в IX-XI вв., позволяют датировать оросительную систему городища Бозок XI-нач. XIII вв.

Агропланировка оросительной системы городища Бозок находит свои параллели с оросительными системами юга Казахстана. Ирригационная система городища Карамерген (X-XII вв.) имеет подобное строение. Площадь поливного участка Карамерген-арыка составляла 30 га. Мелкой оросительной системой она делилась на небольшие участки, огражденные друг от друга невысокими валиками. Поля были вытянуты в широтном направлении с небольшим западным склоном и рассчитаны таким образом, что при заполнении водой первого участка она поступает в следующий и затем во второй, третий и т.д. пока не заканчивался полив всей орошаемой площади (Археологическая карта Казахстана, с.129).

Бозокская оросительная система на момент своего функционирования вобрала в себя все новшества того времени. По мнению Б.В. Адрианова, применение густой системы арыков в средние века было связано со стремлением земледельцев уменьшить заиливание каналов, сократить объём работы по очистке и в то же время оросить новые участки в пределах ирригационных бассейнов и тем самым повысить коэффициент орошаемых земель. А применение чигиря сократило расход воды на 30-50%, уменьшило опасность засоления и заболачивания почв и увеличило объёмы сбора урожая (Адрианов Б.В., 1969, с. 79).

Бозокская оросительная система выполняла две функции. Первая была связана с поливом полей, а вторая – с необходимостью осушения территории орошения в период паводка и повышенного увлажнения. Подтверждение этого находит во вторичном засолении почв соленоватыми водами озера и топографии ирригационной системы.

Тип орошения ирригационной системы городища Бозок следует определить как болотный.

Ирригация городища Бозок имеет отличительную особенность от оросительной системы Средней Азии. Для южных регионов в IX-XI вв. было характерно укрупнение сети и строительство сложной системы, которая охватывала несколько поселений. Оросительная система городища Бозок носилась только к одному населённому пункту и имела сравнительно большие площади орошаемых земель, что заставляет сделать вывод о том, что

был невелик, и потому основу хозяйствования составляло скотоводство, а земледелие лишь дополняло его.

Литература

Адрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники в Казахстане. Алма-Ата, 1978.

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

МОГИЛЬНИК НИЖНЯЯ СУЕТКА В СИСТЕМЕ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ОБЬ-ИРТЫШЬ*

Могильник Нижняя Суетка расположен на территории одноименного села в Суетском районе Алтайского края, на верхней террасе левого берега р. Суетки, впадающей в оз. Кулундинское. Первые сведения о памятнике относятся к концу 50-х гг. XX в. В 1964 г. на могильнике были произведены археологические раскопки Алтайского краевого музея и Барнаульского педагогического института под руководством А.П. Уманского (Уманский А.П., 1966; 1999), в результате было исследовано 32 могильные и 2 ритуальные ямы. Большинство раскопанных ям 78% ориентировано длинной осью по линии ЮЗ-СВ, 22% – по линии ЗСЗ-ВЮВ. Кремация отмечена в трех могилах (№1, 8, 20), кенотафов или поминальных ям с керамикой – 19, остальные восемь – характеризуются ингумацией.

В четырех могилах (№1, 8, 20, 32) найдены отдельные кости животных – ребра, фрагменты черепа лошади, к.р.с., м.р.с. Вещевой комплекс представлен тремя створками раковины моллюска (могила №18) и двумя золотыми на медной основе подвесками (могила №1). Остальной инвентарь – керамические сосуды оршечной, баночной и горшечно-баночных форм.

Автор раскопок А.П. Уманский, опираясь на скромную выборку опубликованных работ, прежде всего статью М.Н. Комаровой (1962), датировал могильник в с. Нижняя Суетка алакульским временем (Уманский А.П., 1999, с. 98-99). По мнению исследователя, об этом говорят следующие характерные особенности: в погребальном обряде – отсутствие в могилах конструкций и наличие в них костей животных; в вещевом комплексе – находки створок моллюсков, кольцевых подвесок.

Большое значение придавалось особенностям керамического комплекса могильника. К алакульским элементам отнесены: невысокие, приземистые формы сосудов; наличие уступчика при переходе шейки в тулово; невысокая степень орнаментации; наличие парных флажков или шевронов, каннелюры, прямоугольных и равнобедренных треугольники. Все выше перечисленные особенности, по мнению А.П. Уманского, позволяют отнести могильник Нижняя Суетка к алакульскому времени.

Такая трактовка имела место и в дальнейших работах относительно материалов могильника Нижняя Суетка. Высказывалось мнение об особой федоровско-алакульской миграционной волне на территорию Верхнего Приобья. Знакомление с керамическими комплексами могильника Нижняя Суетка, а также с другими андроновскими памятниками Обь-Иртышья позволяют нам

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 06-01-00378а.

несколько по иному рассматривать материалы данного комплекса.

Рассмотрим подробно «алакульские» признаки, отмеченные А.П. Уманским для могильника Нижняя Суетка. Кости животных в могилах характерны не только для алакульских некрополей, но и для федоровских. В большой степени они характеризуют комплексы доандроновской бронзы – елунинские Прииртышья и Верхнего Приобья (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2002, с. 73). Створки моллюска также не могут быть алакульским индикатором. Они известны и в федоровских погребениях (Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2007, рис. 11, 1-6). Особо необходимо остановиться на орнаментальных критериях для алакульских комплексов. Наиболее важными в этом аспекте исследователи признают наличие уступа при переходе от шейки к тулову и наличие неорнаментированной полосы на шейке (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 28). О наличии слабовыраженного уступа можно говорить, по нашему мнению, только применительно к одному сосуду из могилы №14 (Уманский А.П., 1999, рис. 2, 4). Необходимо отметить, что этот сосуд не удалось обнаружить в АГКМ, поэтому мы можем опираться только на опубликованный рисунок в статье А.П. Уманского. Два горшка с неорнаментированной зоной по шейке происходят из могилы №23 (Уманский А.П., 1999, рис. 1, 1; 2, 1). С определенной оговоркой неорнаментированная полоса присутствует на сосуде из могилы №12 (Уманский А.П., 1999, рис. 2, 5). Данные сосуды имеют плавный профиль без уступа. Остальные признаки в керамике, на наш взгляд, нельзя достоверно считать алакульскими, так как они присутствуют и в «федоровских» керамических комплексах.

Если говорить о других андроновских сосудах лесостепного Алтая со схожими алакульскими чертами, то здесь исследователи отмечают один сосуд со слабовыраженным уступом и два – с неорнаментированной полосой на шейке из могильника Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, с. 76, рис. 4, 9; 4, 2, 11), и сосуд из могильника Чекановский Лог-10 (Демин М.А., Ситников С.М., 2007, с. 62, рис. 56, 4). Необходимо отметить, что такая трактовка особенностей сосудов, отмеченных выше, не кажется нам бесспорной. Но даже если согласиться с ней, по сути, этими артефактами и ограничены алакульские элементы в андроновских комплексах лесостепного и степного Алтая. Все это, на наш взгляд, не позволяет говорить не только об алакульской культурной принадлежности, но и о каком-то значительном миграционном участии смешанных федоровско-алакульских групп в Верхнем Приобье. Алакульские элементы также в очень ограниченных количествах присутствуют в андроновских комплексах Прииртышья. В связи с этим, следует согласиться с теми исследователями, которые не связывают андроновские памятники Прииртышья с алакульской культурой (Стефанов В.И., Корочкова О.В., 2006, с. 126). О смешанных алакульско-федоровских памятниках следует в таком случае, вероятно, говорить лишь применительно к территории Центрального и Северного Казахстана.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, это относительная

хронология могильника Нижняя Суетка. Проблема внутренней историко-культурной периодизации андроновской культуры Верхнего Приобья остается слабо разработанной до настоящего времени. Эта ситуация объясняется несколькими субъективными и объективными фактами. Среди первых можно назвать отсутствие до настоящего времени качественно опубликованных материалов по андроновской культуре. Так, о крупнейшем раскопанном могильнике андроновской культуры (около 180 погребений) в Сибири – могильнике Фирсово-XIV, имеется лишь небольшая информация, рассредоточенная по разным статьям. К объективным факторам следует отнести высокую степень культурной однородности андроновских комплексов Верхнего Приобья по сравнению с западными регионами. Отмеченные особенности затрудняют выявление археологических критериев для ранних и поздних андроновских памятников. Выходом из сложившейся ситуации представляется, наряду с качественной публикацией имеющихся материалов, применение методов радиоуглеродного датирования для различных андроновских комплексов с целью выяснения, в том числе, и относительной хронологии. Работа в этих направлениях уже ведется (Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2007; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2007).

В археологической литературе, посвященной андроновской проблематике, замечалось разделение федоровских памятников на более ранние и более поздние на основе развития орнаментальных схем посуды (Зданович Г.Б., 1988, с. 113-114; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 121). На территории лесостепного Алтая к раннеандоновским относят поселения Новоильинка-1, Большой Лог-1 (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990), Переезд (Удодов В.С., 1991, с. 74-76), Боровое-3 (Кунгуров А.Л., 1999, с. 20-23, рис. 2, 3), могильник Чекановский Лог-10 и поселение Чекановский Лог-3 (Демин М.А., Ситников С.М., 2007, с. 64-65), в том числе и могильник Нижняя Суетка. Более ранние федоровские материалы характеризуются строгой зональностью и развитым симметризмом в орнаментации нарядно-ритуальной керамики и широким использованием каннелюр, желобков, елочных узоров на хозяйственно-бытовой посуде.

К позднефедоровским памятникам Алтая относятся могильники Подтурино (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1993), Березовка-I (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с. 96), Кытманово и поселения Переезд (Удодов В.С., 1991, с. 75), Фирсово-XV (Лузин С.Ю., 1990), Горное озеро (Кунгуров А.Л., 1999, с. 16-17, с. 24, рис. 6), могильник Чекановский Лог-2 (Демин М.А., Ситников С.М., 2007, с. 64-65). Для керамических комплексов позднефедоровской группы Алтая также характерно «нарушение традиционной андроновской орнаментальной схемы» (Удодов В.С., 1991, с. 75): на нарядно-ритуальной посуде теряется зональность в орнаментации, происходит обеднение декора, появляются узоры, характерные для хозяйственно-бытовых сосудов. В свою очередь, хозяйственно-бытовую посуду стали украшать гликами, жемчужником, вдавлениями, которые характерны для эпохи поздней бронзы (Демин М.А., Ситников С.М., 2007, с. 64-65).

Нам представляется такая группировка памятников небесспорной. Исходя из этой схемы, классические федоровские черты характеризуют раннюю группу, а поздняя группа памятников включает сосуды с упрощенным, обедненным и т.д. орнаментом. Такая позиция объясняется признанием миграции андроновского населения в Верхнее Приобье со сложившимися классическими федоровскими чертами и постепенное их угасание и трансформации.

Керамические материалы могильника Нижняя Суетка выделяются из классических федоровских Верхнего Приобья. Можно выделить следующие его особенности: наличие полос гладкой и гребенчатой качалки по придонной части и дну (рис.1, 4, 6). Полностью орнаментированные стенки сосуда вертикальными поясами гладкой качалки (рис.1, 10). Такие орнаментальные мотивы и техника нанесения орнамента характерны для посуды доандроновской – елунинской культуры степного и лесостепного Обь-Иртышья. Сосуд из могилы №8 орнаментирован горизонтальными линиями прочерченной палочки (рис.1, 7) и по форме и по технике орнаментации находит аналогии в елунинской культуре (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2002, рис. 13, 1; 48). Техника прочерчивания характерна и для орнамента на изделии из могилы №3 (рис. 1, 7). Сосуд из могилы №10 (рис. 3, 9) украшен чередующимися полосами ромбов и горизонтальных полос, выполненных так называемой «движущей» гребенкой, данная техника орнаментации не характерна для андроновской посуды и широко распространена в доандроновских елунинских комплексах (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2002, рис. 13, 1).

Отмеченные выше сосуды, технологически выполнены, вероятно, по андроновским традициям, они более высокого качества, чем елунинские, но орнамент, особенно техника его нанесения, несвойственна андроновским стереотипам. Таким образом, материалы могильника Нижняя Суетка позволяют поставить следующие проблемы: характер контактов населения елунинской и андроновской культуры; участие населения елунинской культуры Обь-Иртышья в формировании андроновских традиций.

Литература

Демин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Часть I. Барнаул, 2007.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул, 2007.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993.

Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. Вып. 5. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии. Л., 1962.

Стефанов В.И., Корочкова О.В. Урефты-I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.

Кунгуров А.Л. Андроновские памятники восточных районов Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул, 1999.

Уманский А.П. Итоги археологических раскопок в Нижней Суетке // Тезисы докладов на Пленуме Института археологии АН СССР. М., 1966.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кырманово). Барнаул, 2007.

1. Керамика из андроновских памятников восточного Алтая: 1-10-Нижняя д. 11 - Чекановский Лог-10; 12, 13 - Рублево-8 (по А.П. Уманскому, М.А. Лу. С.М. Ситникову, Ю.Ф.Кирюшину, Д.В. Папину, О.А. Поздняковой, А.Б. лину).

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭЛИТЫ У ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Погребально-поминальная обрядность тюрок изучена достаточно хорошо по письменным и археологическим источникам (Кубарев В.Д., 1984; Кубарев Г.В., 2005; Овчинникова Б.Б., 1990; 2005; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Войтов В.В., 1996; Тиваненко А.В., 1994; и др.), однако вопрос о существовании особой социальной группы священнослужителей остается открытым. Очевидно, что хранителями информации об обрядах погребально-поминального цикла являлись, как и в предшествующие периоды, главы семей и кланов. В тоже время, несмотря на широкое участие кочевников в таких ритуалах, имеются основания говорить о тенденциях функционирования особой религиозной элиты, которая могла либо совмещать сакральную и иные формы деятельности, либо заниматься культовой практикой более профессионально.

Для рассмотрения такой ситуации обратимся к письменным источникам. Так, в «Вэйшу» отмечается, что «Хан всегда живет у гор Дугинь. Вход в его ставку с востока, из благоговения к стране солнечного восхождения. Ежегодно он со своими вельможами приносит жертву в пещере предков; а в средней декаде пятой луны собирает прочих, и при реке приносит жертву духу неба» (Бичурин Н.Я., 1998, с.234-235). Аналогичная информация с некоторыми корректировками переводчиков содержится в подборке китайских источников Лю Маоцзя (2002, с.22). Отмеченные материалы свидетельствуют о существовании жертвоприношений общегосударственного характера, в которых принимали участие каган и его окружение. В таком государственном религиозном культе, по мнению исследователей, каган выступал в роли первосвященника (Кляшторный С.Г., 2003, с.337-338; Жумаганбетов Т.С., 2003, с.6-67; и др.). Аристократия участвовала не только в государственных жертвоприношениях, но и в обряде инаугурации правителя, отличающегося определенным своеобразием (Бичурин Н.Я., 1998, с.233). Эти обряды, вероятно, существовали еще у хунну (Крадин Н.Н., 2001, с.41), хотя наибольшее распространение получили в эпоху средневековья (Овчинникова Т.Д., 1997, с.109-112; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2005; Голден П.В., 1993, с.222; Кычанов Е.И., 1997, с.99; и др.). Данные китайских источников относительно смены правителя отчасти дополняются руническими текстами, в частности, Бугутской надписью (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978, с.56). Следует также обратить внимание на мнение М. Мори о том, что «интронизация

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, тема «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических процессов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

тюркского кагана была такой же, как интронизация шамана в шаманизме” (цит. по: Кычанов Е.И., 1997, с.99). Несмотря на то, что такая процедура носила во многом формальный ритуальный характер, важную роль в ней играли служители культа (шаманы), которые определяли время и весь сценарий данного действия. Необходимо отметить, что тюркский каган был вовлечен в религиозную деятельность и при принятии важных государственных решений. Так, упомянутая выше Бугутская надпись позволяет реконструировать процесс принятия таких решений. Сначала каган делает запрос богам, затем советуется с высшей знатью, после чего обращается к духу Бумыня и уже тогда окончательно принимает решение (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978, с.56).

Кроме инаугурации правителей служители культа упоминаются в некоторых китайских хрониках, которые касаются характеристики образа жизни и верований кочевников. В тоже время перевод одних и тех же источников иногда существенно различается, в особенности, если это касается терминологии и атрибуции священнослужителей. Так, в собрании источников, переведенных Н.Я. Бичуриным, отмечается, что тюрки «поклоняются духам, веруют в волхвов...» (Бичурин Н.Я., 1998, с.235). В той же летописи Суй шу в собрании Лю Маоцай указанный фрагмент переведен современными российскими исследователями следующим образом: «они (тюрки – П.Д.) почитают богов и духов и верят в заклинательниц и заклинателей злых духов...» (Лю Маоцай, 2002, с.23). Указание на существование шаманов у тюрков содержится и в самой генеалогической легенде кочевников. В летописи Чжоу-шу упоминаются предки тюрков, в том числе Ичжинишид, которого коснулось дыхание духа, поэтому он обладал способностью вызывать ветер и дождь (Лю Маоцай, 2002, с.11; Бичурин Н.Я., 1998, с.225). По мнению Л.П. Потапова (1991, с.120), данный фрагмент указывает на практику избрания духами шамана и на одну из главных функций такого священнослужителя, как умение управлять погодой. В другом китайском источнике «Биография Аньлушаня» указывается, что Аньлушань был метисом, «имя было Ялаошань», а «мать, урожденная Ашидэ, была волшебницей и жила предсказаниями» (Лю Маоцай, 2002, с.97, 99).

Кроме китайских хроник и рунических текстов по данной проблеме имеются описания византийских авторов. Так, Менаандр повествуя о посольстве Земарха к тюркскому хану в 568 г. сообщает: «некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьими и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажей. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, они и самих себя очистили. Лишь после огненного очищения Земарх был допущен к хану» (цит. по: Гумилев Л.Н., 1993, с.85). Другой византийский автор Феофилакт Симокатта немного конкретизирует деятельность священнослужителей,

обозначая их, если следовать русскому переводу, термином «жрец» (Симокатта Ф., 1957, с.161). О жрецах богини Умай у западных тюрок VII в. сообщает албанский епископ Исразль (Кляшторный С.Г., 2003, с.334). В более поздних арабских источниках нач. XIII в. также имеются отрывочные указания о верованиях тюркских племен Центральной Азии, по которым можно составить определенное представление о религиозной деятельности. Так, Мухаммад Ибн Мансур Мерверруди сообщает: «У тюрок была письменность: (они) знали тайны волшебства и небесных светил...» (Материалы по истории..., 1988, с.92).

Интересные сведения приводятся еще в одном источнике, в поэме «Шахнаме» Фирдуоси, которая хотя и написана в более позднее время, но в нее включены данные источников эпохи раннего средневековья. По мнению Л.Н. Гумилева, Фирдуоси намеренно в своем произведении описывает деятельность не шамана, а ядачи, т.е. колдуна, который мог управлять погодой (вызывать ветер, тучи и т.п.), насылать страшные видения или сны на врага (Гумилев Л.Н., с. 83-84). Сведения об использовании магических действий, направленных на изменение погоды, известны у кочевников как в предшествующий, хунну-сяньбийский период, так и в эпоху развитого средневековья (Бичурин Н.Я., 1998, с.268; Рашид ад-Дин, 1952, с.121-122; и др.). Сам термин «яда» в языковом отношении имеет вестийские (yatu – волшебство) и новоперсидские (yadu – ворожей) истоки, что свидетельствует о раннем влиянии Ирана на тюрок эпохи раннего средневековья (Малов С.В., 1947, с.154). Л.Н. Гумилев, опираясь на выше приведенные данные и материалы С.В. Малова, тем не менее считает возможным говорить именно о ядачи, т.е. колдунах, а не о шаманах (Гумилев Л.Н., 1993, с.84). Между тем, С.В. Малов, на которого ссылался ученый, связывал использование «волшебного камня яда» именно с шаманской практикой. К сходным выводам приходят и некоторые современные исследователи, отмечая, что центральноазиатский ареал распространения термина «яда» и соответствующих верований «свидетельствует о слиянии зороастрийских реликтов с тем, что сейчас ученые собирательно называют шаманством» (Чвырь Л.А., 2006, с.161). На существовании у тюрок именно шаманов настаивают и другие ученые, которые трактуют саму религию кочевников как шаманизм или, во всяком случае, рассматривают его в качестве основополагающего элемента (Кызласов Л.Р., 1990; Стеблева И.В., 2007, с.20; Кляшторный С.Г., 2003; Михайлов Т.М., 1980, с.131; и др.). Обстоятельно этому вопросу на основе широких исторических и этнографических параллелей уделил внимание Л.П. Потапов (1991, с.123-126 и др.). Этнограф отметил, что в такой практике участвовали как рядовые профессиональные шаманы мужского и женского пола, зарабатывающие культовой практикой, так и каган со своими приближенными.

В тоже время, необходимо обратить внимание на то, что во многом трудность атрибуции религиозной деятельности священнослужителей тюрок связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, переводчики памятников письменности часто предлагают различные варианты трактовки одних и тех же иероглифов и лиц, которые их совершают, исходя из собственного видения данной

проблемы. Во-вторых, анализ тюркской лексики, относящейся к различным религиозным действиям, свидетельствует о существовании довольно широкого спектра во многом синонимичных понятий, которые могут характеризовать таких лиц как заклинатель, волшебник, маг, шаман, чародей, предсказатель, пророк и т.п. К числу таких понятий можно отнести *jat*, *urq*, *arva*, *jelvi*, *qam* и др. (Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 610-626). В-третьих, религия кочевников в тюркский период, как и в предшествующие эпохи, носила синкретичный характер. Это было обусловлено знакомством кочевников с различными религиозными системами соседних народов. В этой связи необходимо отметить деятельность миссионеров в тюркских государствах и религиозную политику самих каганов. Уже в период Первого каганата существовали буддийские миссионеры и их последователи среди тюркской элиты. Так, Мухан-каган в начале своего правления в сер. VI в. н.э. обратился в буддизм (Восточный Туркестан..., 1992, с. 489). На следующего правителя Тоба-кагана (572-581 гг. н.э.) повлиял монах Хуэй Линь из царства Ци, который оказался в плену у тюрков (Бичурин Н.Я., 1998, с. 237-238). По некоторым данным этот монах мог быть буддийским миссионером индийского происхождения, настоящее имя которого Джинагупта (Кычанов Е.И., 1997, с. 112). Участие Таспар-кагана в буддийских обрядах подтверждается сведениями Бугутской надписи (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971, с. 133). Известны факты довольно регулярного пребывания буддийских монахов из Китая в тюркском каганате и даже перевода некоторых священных текстов этой религии на тюркский язык (Сухбаттар Т., 1978, с. 69). В такой деятельности, возможно, могли участвовать и согдийцы (Кычанов В.А., 1997, с. 112).

Интерес к буддизму у кочевой элиты постепенно возрастал, особенно в результате стремления подражать китайскому двору и выступать с ним по всем позициям, в т.ч. и по мировоззренческим, на равных. Это привело к тому, что в 716 г. н.э. Бигя-хан Могилянъ попытался не просто проводить лояльную религиозную политику в своем каганате, но и фактически выступать в роли покровителя отдельных религиозных учений, проникавших в среду кочевого общества из Китая. Не исключено, что этот шаг был сделан и из внешнеполитических соображений. Кроме этого, китайские источники сообщают, о проникновении к тюркам не только буддизма, но и даосизма (Бичурин Н.Я., 1998, с. 279). Эти факты дополнительно свидетельствуют о поисках правящей элитой определенных религиозных основ для обеспечения консолидации и могущества тюркского общества. Неслучайно Туньюйгу в качестве своих аргументов отмечал, что буддизм и даосизм не соответствуют воинственному духу, мировоззрению и образу жизни кочевников и поэтому не смогут являться основой государства. В этой связи интересно мнение А. Габена, который обратил внимание, что в эпоху раннего средневековья буддизм наиболее успешно закреплялся у западных тюрков, которые переходили к оседлой, городской жизни в окружении местного населения, исповедывающего аналогичную религию. К началу VIII в. западотюркские каганы не просто интересуются этой конфессией, но и

становятся ревностными ее сторонниками, оказывая существенную финансовую и административную поддержку (Восточный Туркестан..., 1992, с.490).

Своеобразную точку зрения относительно интерпретации служителей культа у тюркских племен высказал Т.С. Жумаганбетов. Исследователь обозначил данную социальную группу термином бахсы, которые «только часть своей деятельности отводили ритуалам, а в основном издревне занимались прикладной магией, медицинской и ветеринарной практикой, кузнечеством» (Жумаганбетов Т.С., 2003, с.76-77). При этом тюрколог, используя этнографический материал, отметил, что элементы избрания бахсов духами имеют прямые шаманские параллели. В тоже время священнослужители составляли влиятельный клан вне родовой организации, в который входил каган со своей семьей и каждый, кто обладал необходимыми способностями и с детства воспитывался бахсами. Вероятно, в контексте рассуждений автора более уместно говорить о корпоративном объединении бахсов, а не клановом, которое предполагает родственные, но не профессиональные связи.

Еще одним подтверждением формирования определенной группы священнослужителей у центральноазиатских тюрков являются сложные мемориальные комплексы, посвященные элите номадов (Новгородова Э.А., 1981; Войтов В.Е., 1996; Тиваненко А.В., 1994; Баяр Д., 2004; и др.). Такие объекты использовались не только как символ памяти о великом государственном деятеле, военачальнике, но и для определенных наиболее значимых религиозных действий (Новгородова Э.А., 1981, с.211). Менее масштабные поминальные комплексы сооружали и в честь остальной массы кочевников (Кубарев В.Д., 1984; Досымбаева А., 2002; и др.).

Таким образом, приведенные данные позволяют обозначить процесс формирования религиозной элиты у тюрков в эпоху раннего средневековья. Данная социальная группа включала в себя священнослужителей наиболее важных культов, клан кагана и его окружение, а также миссионеров. Однако, в силу особых культурно-исторических условий развития номадизма формирование корпоративного жречества у кочевников не произошло, во всяком случае, с такими признаками, которые характерны для земледельческих обществ. При переходе кочевников к оседлому образу жизни, безусловно менялась мировоззренческая система и в иной плоскости шло развитие религиозной элиты, которая сближалась по характеристикам со служителями культа крупных религий, в частности, буддизма.

Литература

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4.

Бичурин Н.Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы, 1998. Ч. 1.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-мемориальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М., 1996.

- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Голден Л.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
- Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Алматы, 2002.
- Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права VI-XII вв. Алматы, 2003.
- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских этнографических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 2005.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд. М., 2001.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2005.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.
- Кызласов Л.Р. О шаманстве древних тюрков // СА. 1990. №3.
- Кычанов Е.М. Кочевые государства: от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. М.; Ин-т востоковедения РАН, 2002.
- Малов С.Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. 1947. №1.
- Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XI вв. Ташкент, 1988.
- Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм с древности до XVIII в. Новосибирск, 1980.
- Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник 1977 г. М., 1981.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая VI-X вв. Свердловск, 1990.
- Овчинникова Б.Б. Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая // Тюркологический сборник 2002-2004. М., 2005.
- Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991.
- Рашид-ад-Дин. Собрание летописей. М.-Л., 1952. Т.I.
- Симоката Ф. Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1957.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков. М., 2007.

Сухбатар Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних евников Монголии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего неолита. Новосибирск. 1994.

Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв. М., 2006.

А.В. Епимахов

*Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский филиал,
г. Челябинск, Россия*

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ПАРАДОКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛА*

Бронзовый век Урала имеет длительную историю изучения, однако большинство работ ориентировано на решение вопросов культурогенеза, а также уяснение относительной и абсолютной хронологии культур и типов. Реконструкция основ хозяйственной жизни и системы социальных отношений встречается гораздо реже, несмотря на то, что первые опыты относятся к середине прошлого века (Сальников К.В., 1952; 1967). Традиция таких исследований никогда полностью не прерывалась, но лишь в последние годы ознаменовалась попытками обобщения большой совокупности материалов (Горбунов В.С., 1992; 2006; Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е., 2005 и др.). Обращение к данной тематике связано не только с процессом накопления фактического материала, но также с отходом от догматического варианта марксистской теории и поиском новых объяснительных моделей. Последние формулировались в основном в западной литературе с опорой на кросс-культурные исследования и отдельные этнографические параллели. Попытки прямого переноса теоретических моделей на археологические материалы оказались убедительными в очень разной степени. В этой связи есть смысл вернуться к археологическому источнику.

Основанием для выводов обычно служат основные параметры археологических памятников – площадь, структура, состав находок и пр. Для ряда построений используются заключения специалистов смежных дисциплин: антропологов, зоологов, палеоклиматологов и др. Урал избран в качестве базовой территории в силу достаточно высокой изученности, правда, данными естественных наук разные части региона и периоды обеспечены в различной степени.

К настоящему времени основные проблемы культурно-хронологического членения материалов можно считать решенными, хотя есть ряд дискутируемых проблем. В результате синтеза стратиграфической и типологической информации были намечены блоки культур, хронологические интервалы существования которых определялись в калиброванной радиоуглеродной шкале. Предложенный вариант формировался на базе южно-уральских материалов (в наибольшей степени обеспеченных соответствующей информацией), однако основные рубежи периодов неплохо согласуются с сериями Восточной Европы и Западной Сибири.

В дальнейшем обсуждение экономической и социальной динамики ведется в соответствии с выделенными периодами: начало эпохи бронзы, абашевско-

Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН, при финансовой поддержке проектов №06-06-96906-р_урал_a и 08-06-00380-а

синташтинский, срубно-алакульский, межевско-саргаринский периоды. Наименования имеют оттенок условности, поскольку, во-первых, включают гораздо более широкий спектр культур. Во-вторых, заключительные века бронзового века вряд ли были культурно однородными, но пока они слабо обеспечены материалами, пригодными для заявленных целей. Нетрудно заметить, что данная периодизация является локальной и в основных чертах вписывается в схему Е.Н. Черных, базирующуюся на системе металлургических провинций и сериях ^{14}C дат (Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000; Черных Е.Н. 2007).

При реализации целей настоящего исследования особое значение имеют культуры, представленные разными типами памятников (абашевская, синташтинская, срубная и др.). Это дает возможность перекрестной проверки выводов. Дальнейшие построения ориентированы, в основном, на них. Под термином «экономика» принято понимать организацию, структуру и состояние хозяйственной жизни или какой-нибудь отрасли хозяйственной деятельности. В данном случае нами сделан акцент на подсистему жизнеобеспечения в части производства продуктов питания. Общество же в целом рассматривается как единая система, функционирующая в условиях постоянного взаимодействия с внешним экологическим и культурным окружением. Однако, основная часть связей социума «обращена внутрь» и в конечном итоге способствует сохранению целостности и относительной стабильности системы. Корни такого подхода уходят в отечественной историографической традиции в марксизм, а в западной – процессуальную археологию (Johnson A.L., 2004). Формирование списка подсистем социума определяется решаемыми исследователем задачами, например, – питание, технологии, социальная структура, символическая или познавательная сфера и т.д.

Реконструкция характера экономической активности для бронзового века Урала наталкивается на ряд источниковых ограничений. Так, начало эпохи бронзы представлено в основном курганными могильниками (в минимальной степени производственными памятниками). В этом и других случаях приходится использовать косвенные признаки. Разные отрасли диагностируются с разной степенью надежности. Например, животноводство представлено большими сериями остеологического материала, а земледелие без специальных методик оказывается «археологической невидимкой». Столь же проблематично установить роль той или иной отрасли в системе. На помощь приходят лишь методы естественных наук (изучение содержимого сосудов; карпология; особенности диеты и пр.), каждый из которых, впрочем, тоже имеет свои ограничения. Несколько сужают поле теоретически возможных решений особенности вмещающего ландшафта, для реконструкции которого также нужна совокупность разных методик. Южный Урал лишь отчасти располагает (да и то не в полном объеме) суммой перечисленных данных. Тем не менее, по некоторым вопросам консенсус достигнут.

Прежде всего, нет разногласий в вопросе о массовом (хотя, видимо,

позднем) переходе к производящим формам хозяйственной деятельности, основной из коих признается многоотраслевое животноводство. Его характерные черты реконструируются довольно уверенно благодаря массовым коллекциям поселений, в меньшей степени – погребальных памятников. К сожалению, ранние этапы наименее выверены в выводной части. Отсутствие стационарных поселений наряду с находками костей КРС и МРС при раскопках курганов заставляют предполагать подвижный вариант животноводства, ориентированного (судя по локализации некрополей) на максимальное использование ресурсов речных долин. Последнее может быть также обусловлено и иными причинами, например, сохранением значительной доли рыбы в рационе. Этому не противоречат данные Поволжья, где для катакомбного населения данный факт установлен в результате анализа антропологических останков (Шишлина Н.И. и др., 2006). Более поздние периоды уральской бронзы также имеют сравнительно многочисленные свидетельства использования рыбных ресурсов. Для частично синхронного ямному энеолитическому населению данная отрасль, видимо, была одной из основных, если не ключевой.

Начиная с абашевско-синташтинского времени специалисты уверенно диагностируют состав стада. Несмотря на имеющиеся методические проблемы перевода цифр остеологических коллекций в реально существовавшие показатели (Антипина Е.Е., 2004 и др.), накопленная сумма позволяет сделать определенные выводы (Косинцев П.А., 2004 и др.). Наиболее очевидны несколько позиций. Во-первых, на протяжении II – начала I тыс. до н.э. среди домашних животных резко доминирует КРС. Лишь в конце эпохи бронзы в Зауралье (особенно в лесостепном) существенно возрастает доля лошади. Во-вторых, имеются различия в модели животноводства Предуралья и Зауралья (наличие свиньи и небольшая доля костей лошади в абашевских памятниках и пр.). Поляризация картины, о которой приходится судить только по лесостепной зоне (в степени произошел переход к номадизму), связана уже с РЖВ.

Земледелие на протяжении ряда лет остается предметом дискуссий. Ряд орудий, ранее уверенно относимых к числу земледельческих (мотыги, «зернотерки», серпы), ныне признаются полифункциональными. Находки зерен злаков или следов их использования (например, в пригарах) не составляют серий, но послужило основой скептического отношения к возможности функционирования самой отрасли для рассматриваемой территории (Лебедева Е.Ю., 2005) либо о довольно скромной роли в системе жизнеобеспечения (Горбунов В.С., 1992, с.16; Зданович Г.Б., 2002). Таким образом, можно констатировать, что, невзирая на некоторые разночтения в интерпретации фактов, специалисты приходят к очень сходным результатам при реконструкции *основы* существования комплексов разных культур бронзового века Урала.

Это внешне вполне аргументированное утверждение на поверку оказывается лишь простым. Размеры, состав, количество поселений (не говоря уже о погребальной обрядности) разнятся очень существенно, что требует объяснения. Для генетически связанных культур ситуация выглядит контрастно. Если для

синташтинских и петровских памятников в нашем распоряжении фортификационные центры со многими десятками сблокированных строений площадью от 120 до 200 кв. м. каждое, то, начиная со срубно-алакульского периода, ничего подобного не наблюдается. Зато количество объектов, судя по хорошо обследованным участкам (Зданович Г.Б. и др., 2003), возрастает в десятки раз.

Сокращается число строений в пределах поселения, меняется характер застройки

можно проследить только элементы линейной планировки, есть существенные колебания в размере построек. Для срубных памятников прослеживается производственная специализация, прежде всего, добыча руды, выплавка и обработка металла (Черных Е.Н., 2007 и др.). В.С. Горбунов считает возможным выделить в лесостепном Приуралье хозяйственно-культурные центры, существовавшие в абашевское и срубное время в рамках своеобразной иерархии (1992, 2006). Для Зауралья такая система пока не читается. Для участков с максимально полным выявлением объектов различия в количестве памятников составляет 30-40 раз. Объяснить столь разительное расхождение в цифрах только длительностью периодов невозможно, поэтому следует думать, что изменилась система расселения, демографические параметры социумов и, следовательно, функция поселений.

Экономическая динамика может быть прослежена только по отраслям, не включенным прямо в производство продуктов питания. В этом плане наиболее выразительна и лучше изучена металлургия. Если в абашевско-синташтинский период на поселениях выявлены многочисленные прямые свидетельства производства (имеются таковые и в погребальной практике), то в дальнейшем большинство южно-уральских поселений содержат минимальное число таких находок. Зачастую даже раскопанные большими площадями памятники не дают *серий* металлических изделий и заготовок, не говоря уже о следах выплавки. Не исключено, правда, что для восточной части Урала специализированные поселки, подобные срубному Горному на Каргалах, пока просто не выявлены, да и о масштабах горных разработок можно судить только по отдельным примерам. Впрочем, столь же возможна и другая версия – основные производящие центры к этому времени оказались за пределами рассматриваемой территории.

В суждениях о системе социальных отношений приоритет часто отдается погребальным памятникам со ссылкой на отражение прижизненного статуса индивида в похоронной церемонии (Binford L.R., 1971 и др.). Этот тезис, воспринимаемый как аксиома, должен быть уточнен. Во-первых, социальная позиция (даже в самом широком толковании) – не единственное, что влияет на характер обрядности. Во-вторых, погребальный памятник – всего лишь *оформленная* составляющая *части* церемоний. В-третьих, для многих *органических* культур существуют и дополнительное ограничение в виде смертной селекции покойных. Иными словами, только часть умерших *биралась* (по не всегда ясным основаниям) для погребения в курганах (Епимахов А.В., Ражев Д.И., 2003; Епимахов А.В., 2008), т.е. изучению доступен только некий сегмент общества, обычно – меньшинство.

Некрополи всех периодов бронзового века Урала достаточно хорошо изучены (в том числе и с привлечением данных смежных наук). Они сильно различаются по количеству сооружений, числу могильных ям, составу погребенных, атрибутике и грудозатратам. Не имея возможности привести данные с максимальной полнотой, ограничимся констатацией: действительно крупные (по числу курганов и погребенных) могильники относятся только к срубно-алакульскому периоду. Именно в это время в числе похороненных представлены все (или почти все) возрастные когорты, а соотношение полов близко нормальному. Начальный этап бронзового века демонстрирует решительное преобладание индивидуальных захоронений взрослых мужчин, часть которых снабжена «дорогостоящими» наборами артефактов и монументальными сооружениями. Синташтинские могильники, без серьезных оговорок признаются местами упокоения элиты благодаря захоронениям лошадей, колесниц, вооружения и пр. К тому же, они явно не соответствуют демографии поселений. Еще в меньшей степени этому соответствуют завершающие века эпохи бронзы, которые располагают единичными примерами захоронений почти исключительно взрослых. Следует ли рассматривать прослеженный тренд в качестве «социальной деэволюции», т.е. снижения роли элиты в жизни общества от начала бронзового века к финалу?

Ответ на этот вопрос вряд ли может быть сведен к простой формуле. Кажется очевидным, что характер социума претерпел определенные изменения на протяжении эпохи бронзы, что проявилось и в демографии. Для ямной КИО предположения вряд ли могут быть надежными, хотя и очевидно, что мобильность существования обычно коррелирует с относительно невысоким порогом численности. Эта гипотеза согласуется с предположением об использовании в основном биоресурсов речных долин (Шилов В.П., 1975), поскольку тем самым сокращается экологическая емкость. Такое заключение, отнюдь не отрицает возможной интеграции ряда коллективов в ходе совместной деятельности (эксплуатация Каргалинского месторождения или сооружение наиболее крупных курганов). Вместе с тем, именно к этому периоду относятся наиболее монументальные погребальные сооружения бронзового века Урала, к тому же с индивидуальными захоронениями.

Следующий хронологический отрезок резко выделяется (особенно в части синташтинских и петровских комплексов) наличием многочисленных признаков социальной сложности и часто рассматривается в качестве ее «вершины», что отражено и в погребальных памятниках, и в поселенческих. На этом фоне срубно-алакульские традиции с их очевидной унификацией выглядят парадоксально. Выделение вертикальной дифференциации возможно только по отдельным признакам обрядности и символам статуса, зато наглядно реализованы горизонтальные структуры. Еще скромнее представлены памятники межевско-аринского периода – ничего похожего на бегазы-дандыбаевские мавзолеи на нем нет. Таким образом, приходится признать, что экономика жизнеобеспечения оказывала прямого влияния на проявление иерархических структур в археологических памятниках.

Негативность вывода в действительности открывает возможности поиска иных ответов на вопрос о причинах зафиксированного разнообразия. Варианты объяснительных гипотез могут быть разделены на два блока. Первый предполагает, что на характер социальных отношений решающее влияние оказывали факторы, лишь косвенно связанные (или несвязанные вовсе) с системой жизнеобеспечения: ритуальная деятельность, престижная экономика, включенность в систему внешних связей, военная обстановка и др. Второй блок связан с характером имеющихся археологических материалов и подразумевает неполноту овеществления социальных структур, т.е. некоторые из них оказываются латентны благодаря селективному принципу формирования некрополей или отсутствию «необходимости» их отображения в ритуальной деятельности. К этой части ответа примыкают и вариации способов манифестирования статуса – отбор индивидов для подкурганного варианта захоронения, атрибуты (различные для каждого из периодов), монументальность (сложность конструкции) иные особенности похоронной ритуальности. Извлечение соответствующей информации из поселений – задача методически еще более сложная, даже если речь идет об установлении основных демографических параметров, форм семьи и пр.

Завершая этот краткий обзор, мы должны признать, что картина социальной динамики для бронзового века Урала не может быть описана в простой системе координат. Скорее следует рассматривать ее как многомерное пространство признаков (Коротаев А.В. и др., 2000), где экономическая составляющая процесса играла роль контура, в пределах которого функционировали разные модели. Сочетание исторических и экологических условий определяло преобладание тех или иных тенденций (централизация, сетевая стратегия, специализация и т.д.).

Литература

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2004.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.

Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа, 2006.

Епимахов А.В. Принцип дополнительности и социологические реконструкции в археологии // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008.

Епимахов А.В., Ражев Д.И. Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: Автореф.

дисс. ... д-ра. ист. наук. Ижевск, 2002.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. Археологический атлас Челябинской области. Вып.1. Степь-лесостепь. Кизильский район. Челябинск, 2003.

Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2004.

Лебедева Е.Ю. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2005. Вып.4.

Обыденнов М.Ф., Домрачева М.Е. Очерки истории экономики и палеодемографии Урало-Поволжского региона в древности. Уфа, 2005.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Черных Е.Н. Каргалы. Т.V: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. №1.

Шишлина Н.И., Ван дер Плихт Й., Севастьянов В.С., Зазовская Э.П., Чичагова О.А. К вопросу о поправке на резервуарный эффект и радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.

Binford L.R. Mortuary practices: Their study and their potential // Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practice Washington DC, 1971. Vol.25.

Johnson A.L. The Goals of Processual Archaeology // Processual archaeology: exploring analytical strategies, frames of references, and cultural process. Westport, London, 2004.

Е. Есжан

Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музейі, Шәуілдір, Қазақстан

М.Е. МАССОННЫҢ ҚАЗАҚСТАН ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУІ

Орта Азия археологиясының атасы атанған М.Е. Массонның (1897-1986 жж.) бүкіл өмірі мен қызметі мәдени мұраларды тану мен қорғау жолында өтті. Ол Орта Азия археологиясы мен тарихын тануда өлшеусіз еңбек қалдырды. Оның Орта Азия және Қазақстан аймағындағы зерттеу жұмыстары барысында алынған нәтижелері тарих ғылымына қосылған қомақты үлес болып табылады. Сондықтан М.Е. Массонға дәстүрлі түрде диссертация қорғатпай-ақ 1936 ж. СССР-дың Ғылым Академиясы археология докторы атағын, ал 1949 ж. тарих ғылымдарының докторы деген ғылыми атағын берді. Ол 1940 ж. бастап Ташкенттегі Орта Азиялық мемлекеттік университетте археология кафедрасының негізін қалады, көп жылдар бойы оның меңгерушісі болды. 1951 ж. Түркіменстанның Ғылым Академиясы оны академик етіп сайлады. Саналы өмірінде жоғары оқуды аяқтамаса да қажырлы еңбегінің арқасында 400-ден астам ғылыми еңбек қалдырып, әлем мойындаған ғалымға айналды. М.Е.Массонның ғылым мәнінде ресми тамамдаған жоғары оқу орны болмады. Осыған қарамастан ол латын, байырғы грек, француз, неміс, ағылшын, араб, парсы, тәжік, түркмен, өзбек тілдерін білді.

М.Е. Массон Орта Азияның сәулет өнері мен археологиялық ескерткіштерін зерттеуге үлкен дайындықпен келді деуге негіз бар. Оған көз жеткізу үшін ғұлама ғалымның өмірі мен қызметіне қысқаша болса да шолу жасап өтелік. М.Е. Массон 1897 ж. 4 желтоқсанда Санкт-Петербург қаласында дүниеге келді. Алайда оның бала кезі Самарқанд қаласында өтті. Кейде осыған қарап оны осы қалада туылған деп кәте көрсетіліп жүр. Самарқандай тарихи ескерткіштерге бай қала оның археолог, шығыстанушы болып қалыптасуына зор әсер етті. М.Е.Массонның алғашқы ұстазы әуесқой-археолог, Самарқандағы Ұлықбек обсерваториясын ашқан В.Л. Вяткин болды. Алғашқы кездерден бастап-ақ М.Е. Массон архитектуралық ескерткіштер жайлы көп оқып, В.Л. Вяткин жүргізген экскурсиядан бар естігенін ойға тоқып жазып жүрді. Өзі кейбір жеке өрнектерді көптеріне түсіріп, онша зерттелмеген ескерткіштерді өзі үшін өлшеп, оның схематикалық жоспарын түсіріп, жергілікті халықтан алынған мәліметтерді жинап, жазып жүрді.

1916 ж. М.Е. Массон Самарқанд гимназиясын алтын медальмен бітіріп, Петроград политехникалық институтының инженер құрылысшы бөліміне оқуға түсті. Бірінші дүниежүзілік соғысқа орай 1917 ж. әскерге шақырылды. Ол Октябрь революциясын қолдаған интеллигенция жағында болды. Ақ гвардияшылдарға арсы соғысқа қатысып, құлағы жақсы естімегендіктен Самарқанға қайтып оралуға мәжбүр болды. Ол кеңес дәуірінің археологы болып қалыптасты. 1918 жылдан бастап М.Е. Массон Орта Азия ескерткіштерін қорғау және реставрация жасау бойынша жүргізілген жұмыстардың тұрақты және белсенді қатысушысы

болды. 1919-1923 жылдары Самарқанның облыстық музейінің алғашқы меңгерушісі болды. 1923 жылдан бастап Ташкенттегі Орта Азиялық бас музейінің археологиялық, одан кейін нумизматикалық бөлімін басқарды. 1925 жылы Сайрам және Бесағаш қалашықтарын, 1927 жылы Тараз қалашығын, 1928 жылы Түркістан қалашығын зерттеді. Қазақстанның оңтүстігіндегі музейлердің дамуына ықпал етті. Өзбекстанның Орталық мұрағатында сақталған іс-қағаздар ішінде М.Е. Массон жұмыс істеген музейлер тізімі бар құжат бар (М.Е. Массонның жеке қоры. Р. 2773, оп. 2, р.105, л. 214). Онда М.Е. Массон Шымкент, Өулиеата мұражайларымен қатар Алматыдағы Қазақстанның орталық мұражайында жұмыс істеген деп көрсетіледі. Ғылымның мұрағаттағы іс-қағаздары ішінде оның 1927 жылдың 15 наурызында Қазақстанды зерттеу қоғамының Сырдариялық бөлімшесінің В.В. Бартольд пен М.Т. Тынышпаевтармен бірге құрметті мүшесі болып сайланғаны жөнінде құжат сақталған. Онда Қазақстанның өткені мен қазіргісін зерттеуде аталған тұлғалардың қосқан ерекше үлестері ескеріле отырып сайланып отырғандары айтылады (Р. 2773, оп. 2, р.105, л. 49). 1930 жылы Қазақстанды зерттеу қоғамының Сырдария бөлімшесінің басқармасының қаулысымен М.Е. Массонның Қожа Ахмет Йасауи кесенесі жөнінде жазған еңбегі жарық көрді. Шағын кітапша көлемінде болса да бұл еңбек бір монографиямен пара-пар десе болады. М.Е. Массонның 1930 жылғы «Қожа Ахмет Йасауи кесенесі» 2000 жылы қазақ тіліне аударылып басылды (Массон М.Е., 2000). Ғылымның мұрағаттағы іс-қағаздары ішінде оның «Қазақстанда алтын бұйымдар көмбесі табылды» атты мақаласының қолжазбасы сақтаулы. Онда Қарғалыдан табылған көмбе әңгіме етіледі.

М.Е. Массон нумизматикаға ақатты көңіл бөліп Орта Азия республикаларымен қатар Қазақстанда табылған теңгелерді де есеп алып отырды. Ол Өулиеатадан, Шымкент уезінен табылған теңгелерді (Массон М.Е., 1928, с. 288, 289), Шаян аймағынан, Түркістан қаласынан (Массон М.Е., 1933, с.12), Қазақстанның басқа да аймақтарынан табылған теңгелерді нумизматикалық тұрғыдан сипаттады (Массон М.Е., 1948).

Кейінгі жылдары да М.Е. Массон қазақ археологтарымен, музейлерімен тығыз байланыста болған. М.Е. Массон мен өйгілі қазақ ғалымы Ә.Х. Марғұлан арасында ұзақ жылдарға созылған ізгі достық болды. 1949 жылы Ә.Х. Марғұлан Қарағанды қаласы қасындағы Жартас обаларын қазу барысында бір обада мәйіт қолындағы амияннан 3 теңге табады. Оны М.Е. Массонға оқуға жіберген екен. М.Е. Массон Нұра өзені бойындағы мазараттан табылған күміс теңгелерді оқып оларды құнды тарихи дерек ретінде қарастыратын мақала жария етті. М.Е. Массонның мақаласына дейін Алматыда 1933 ж. римдік теңгенің табылуын өзді-біріне жорыған бір профессор Қазақстанды Рим империясының провинциясы, ал Алматы қаласында олардың бір орталығы орналасқан деген долбар айтқан екен.

М.Е. Массон теңгедегі жазуларды оқып, оны III ғ. жататынын анықтап, оның Жібек жолымен келгенін айтады. Мақалада 1938 ж. Тараздан табылған алтын теңге, Жамбыл-Тараз қаласынан табылған көмбе мен теңгелер, Черняевка елді мекенінен (қазіргі Жібек жолы) табылған 48 күміс қарахандықтар теңгелері

қысқаша сипатталады (Массон М.Е., 1959, с. 262-265).

М.Е. Массон Ә.Х. Марғұланға хат жазып қолында Қазақстан тарихына қатысты құнды құжаттар барын айтып, мүмкіндігінше алып кетуді өтініпті. Осы мақсатта Ә.Х. Марғұлан Ташкентке Қазақ ССР Ғылым академиясының тарих, археология және этнография институтының ғылыми қызметкері Самат Өтениязовты жібереді. Қазақ ғалымы С.Өтениязов М.Е. Массонмен кездескенін газет бетінде әңгімелеп берген болатын: «Ол (М.Е. Массон) Ә.Х. Марғұланның хатын алып, қатты қуанып қалды. Жұбайы белгілі ғалым Галина Анатольевна Пугаченкова да Әлекеннің семьясының амандығын сұрап жатыр». Онда орыс тілді басылымдарда мүлде айтыла бермейтін М.Е.Массон жайлы қызық жағдайлар әңгімеленеді. Атақты ғалым Құранды білгеннің арқасында бір өлімнен аман қалғанын С. Өтениязовқа айтады: «Ғылыммен айналысамын деген адамға шет тілдерді жақсы білмей болмайды. Мен араб тілін де білемін. Тіпті, Құранды жатқа оқи аламын. Құранды білгенімнің пайдасын да көргенім бар. Қай жылы екені дәл есімде жоқ, әйтеуір, 20-шы жылдардың бірінде Катта–Корган аймағында экспедицияда жүргенімде басмашылар ұстап алды... Алғашқы күні олар мені аямай дүреледі, олардың камшысының ізі арқамда әлі де бар.... Ауыр соққыдан келесі күні ес жидым. Қол-аяғым байлаулы екен. Арманда кететін болдым-ау, деп өкініп жатырмын. Кенет басмашылар қосынында бір үлкен әбігер болды да қалды, өздеріне қарағанда жолбасшыларының бірі қаза тапқанға ұқсайды. Сол адамға анаша шығаруға Құран оқитын молда араларында болмай әбігерге түсіп жатыр екен. Мұны естіген соң күзетшіге Құран оқи алатынымды айттым. Сол-ақ екен, басмашылар дереу менің қолымды шешті. Аяғыма жығылып, кешірім сұрады. Жақсылап киіндіріп, тамақтың барлық дәмдісін менің алдыма қойды. Осылайша құран білгенімнің арқасында бір өлімнен қалдым. Қазіргі жастардың ішінде көп халықтың тілі түгіл, ана тілін жөнді білмейтіндері де толып жатыр». Осы сұхбатта М.Е.Массон өз жетістіктерін салауатты өмір сүріп, арақ пен темекінің дәмін татып көрмегендіктен деп санағанын айтады: «Міне, мен сексен беске толдым. Сыртқы әбетіме қарап маған мұндай жасты ешкім бере бермейді. Себебі, мен ешқашан шымдікке әуестенбедім. Тіпті, ащы дегенін естігенім болмаса дәмін татқан емеспін. Темекіге де құмартпадым. Ғылымда елеулі істер тындырғаным да осындай жаман әдеттерге үйір болмағандығымнан деп айтуыма болады. Осы күнге дейін 362 еңбегім жарық көрсе, әлі де жарық көрмегендері бұдан да екі-үш есе көп...» (Өтениязов С., 1982).

А.Г. Максимова Тараз (бұрынғы Жамбыл) қаласы қасындағы обаны қазу барысында мәйіт жанынан 3 теңге тауып, М.Е. Массонға жіберген-ді. Ғалым олардың нумизматикалық анықтамасын жүргізіп және теңге табылған обалардың зерттеу ерекшеліктеріне назар аударып, арнайы мақала жазады (Массон М.Е. 1965. с. 82-84).

Қазақстанның белгілі археологтары Х.А. Алпысбаев, М.С. Мершиев Ташкентте оқып, М.Е. Массонның қолынан дәріс алған шәкірттері болды. Ақтөбе қалашығын қазған М.С. Мершиев өз зерттеуінде М.Е. Массонға қазба барысында табылған теңгелерді нумизматикалық анықтауға беріп, олардың

сатылған мерзімін көрсеткенін жазады. Осы қалашықтан табылған жиналмалы күміс қасық-шанышқы бетіндегі жазуды М.Е. Массон оқып, оны XI-XII ғ. басына жатқызғанын жазады (Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968, с.171). Қорыта айтқанда, М.Е. Массон Қазақстан археологиясының дамуына қомақты үлес қосқан ғалым. Оның бұл салада мамандар дайындауда да атқарған еңбегін атап өтпеске болмайды.

Әдебиеттер

Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

Массон М.Е. Монетные находки в Средней Азии 1917-1927 гг. // Известия Средазкомстприса. Ташкент, 1928. Вып. III.

Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжи Ахмеда в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. Ташкент, 1929.

Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.

Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в средней Азии в 1930 и 1931 годах // Материалы Узкомстариса. Ташкент, 1933. Вып. 5.

Массон М.Е. По поводу нескольких монетных находок, зарегистрированных на территории Казахстана до 1947 года // Вестник АН Казахской ССР. 1948. №7.

Массон М.Е. Серебрянные монеты XIV века из погребений могильника в бассейне реки Нуры // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т.7.

Массон М.Е. К вопросу об изучении языческих курганных погребений // Вестник АН Казахской ССР. 1965. №1.

Массон М.Е. Қожа Ахмет Йасауи кесенесі (С.Сахабат аудармасы). Шымкент, 2000.

Өтениязов С. Өмірі өнеге ғұлама // Қазақ әдебиеті. 1982, 24 желтоқсан.

Иванов С.С.

г. Бишкек, Кыргызстан

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ САКОВ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

В эпоху ранних кочевников Семиречье и Тянь-Шань представляли собой единый в культурном плане регион, о чем достаточно наглядно свидетельствуют погребальные памятники и весь облик материальной культуры, имевший небольшие локальные отличия. В связи с этим предлагаю рассмотреть в целом комплекс вооружения древних кочевников данного региона и сравнить его с комплексом вооружения сопредельных регионов для того, чтобы выявить динамику его развития, а также направление культурных связей, повлиявших на ход развития военного дела в Семиречье и на Тянь-Шане.

К настоящему времени накоплено достаточное количество археологического материала и немногочисленных, но относительно достоверных свидетельств историков античности для того, чтобы рассмотреть вооружение центрально-азиатских кочевников в едином комплексе.

Как известно, вооружение подразделяется на оружие наступательное и оборонительное. В свою очередь наступательное вооружение подразделяется на оружие ближнего и дистанционного боя. Оборонительное вооружение представлено средствами личной защиты воина и воинским снаряжением.

Набор средств ведения дистанционного боя представлен луком и стрелами с наконечниками, преимущественно изготовлявшимися из бронзы на протяжении всего сакского периода в регионе (VIII-III в.в. до н.э.), но изредка встречаются также наконечники стрел из кости и железа. В некоторых случаях древние кочевники применяли дротики или небольшие метательные копья, о чем свидетельствуют находки сравнительно небольших бронзовых наконечников, которые вряд ли могли быть наконечниками копий.

В набор средств ближнего боя саксов Центральной Азии входили: кинжал, длинный меч, копье, чеканы и булавы.

Кинжалы представлены значительным числом находок в Семиречье и Тянь-Шане. Большая часть из них представлена бронзовыми экземплярами с бабочковидным или сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием, рукоять может быть гладкой или с тремя или двумя валиками (Кызласов Л.Р., 1972, с. 102-105, рис. 2, 1; Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988, с. 20-22, рис. 19, 2; Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1992, с. 30-35).

Длинные всаднические мечи известны пока в очень ограниченном количестве в рассматриваемом регионе; их длина варьирует в пределах 80-100 см, что было достаточно удобно для рубки с коня (Иванов С.С., 2008).

Наконечники копий представлены несколькими случайными находками, что может свидетельствовать об ограниченной роли этого вида оружия в сакском комплексе вооружения. Практически все известные наконечники копий бронзовые, листовидной или ланцетовидной формы, иногда с продольным ребром

жесткости (Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, с.109; Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988, с. 46-47).

Еще более редко встречаются в сакских древностях клевцы или чеканы. Пока известно только две находки: одна – с Западного Тянь-Шаня, а другая – находка из Семиречья.*

Судя по этнографическим параллелям, достаточно широко могли применяться деревянные дубины. Киргизы и казахи еще в XVIII-XIX вв. достаточно часто использовали этот вид оружия в военных столкновениях. Предположительно, в качестве оружия использовались длинные ножи, случаи использования которых в качестве оружия в рассматриваемый период зафиксированы, например, в Южной Сибири.

Защитное снаряжение сакского воина представлено шлемами, панцирями, боевыми, иногда – наборными поясами и щитами.

Шлемы представлены двумя случайными находками бронзовых цельнолитых шлемов, представляющих собой местные варианты так называемых «кубанских» шлемов. Существование таких шлемов косвенно свидетельствует о бытовании в эпоху ранних кочевников оружия, обладающего мощной пробивной способностью, которым, скорее всего, могли быть клевцы и чеканы, о чем говорит овальная пробоина на куполе шлема с западных предгорий Тянь-Шаня (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 2001, с. 101-104).

Материальных остатков реальных металлических панцирей из Семиречья и Тянь-Шаня пока что не известно, но то, что он здесь существовал в рассматриваемое время несомненно. Об этом говорит находка бронзовой фигурки воина из района Тараза, на которой хорошо просматривается панцирь с высоким стоячим воротником (Горелик М.В., 1987, с. 112-118).

Не менее сложно дело обстоит с щитами в нашем регионе, от которых практически ничего не сохранилось в погребальных памятниках. Однако о них можно судить по золотым пластинкам, имитирующим квадратные плетеные щиты и луки, найденным в Прииссыккулье (Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П., 1975, рис. 28).

От боевых поясов эпохи ранних кочевников в сакских памятниках сохранились массивные бронзовые обоймы и металлические или костяные пряжки, которые свидетельствуют о том, что некоторые пояса имели значительную ширину и служили не только для подвешивания оружия, но и для защиты воина.

Все перечисленные выше предметы амуниции, за исключением щитов, встречаются достаточно редко и характерны были, по-видимому, для племенной аристократии древних кочевников. Видимо, основная часть воинов использовала панцири и шлемы из мягких материалов – кожи, войлока и, возможно, дерева. Как было недавно доказано сибирскими исследователями, колпак из плотного

* Публикация, посвященная семиреченскому клевцу, в настоящее время подготавливается Ф.Г.Роттом и Ю.М.

толстого войлока являлся достаточно хорошей защитой от некоторых видов оружия, в частности, он мог защитить от стрел и смягчить удар булавой (Полосьмак Н.В., 1999). Именно поэтому, может быть, на персидских рельефах сакские воины с оружием изображены в колпаках. Однако, из-за плохой сохранности органических материалов мягкий доспех практически не дошел до нас.

Если же рассмотреть сакское вооружение во временном контексте, то можно наметить общие тенденции развития оружейного комплекса в кочевых областях Средней Азии.

На протяжении всего сакского периода главным видом оружия дальнего боя остается лук так называемого «скифского» типа. Он был сложносоставным и изготавливался из нескольких кусков дерева. На рубеже III и II вв. до н.э. «скифский» лук постепенно вытесняется более дальнобойным луком «гуннского» типа. Эволюция наконечников стрел выражалась в поиске форм с наиболее высокими баллистическими показателями, каковыми были трехлопастные и трехгранные в сечении втульчатые и черешковые наконечники. В связи с этой тенденцией, начиная с VI в. до н.э., возрастает процент бронебойных стрел в колчанах древних воинов. Это обстоятельство может косвенно свидетельствовать о постепенном развитии доспеха в нашем регионе. Примерно с конца VI-V вв. до н.э. набор средств дальнего боя пополняется дротиками или небольшими метательными копьями, которые, впрочем, редко использовались. Вероятно, они появляются под воздействием связей с земледельческими народами Средней Азии, так как, по сообщениям античных авторов, именно последним был присущ этот вид оружия.

Значительные качественные изменения на протяжении I тыс. до н.э. претерпевает и набор вооружения ближнего боя. В ранний период были наиболее распространены кинжалы и в отдельных случаях клевцы и чеканы. А в V-III вв. до н.э. начинают появляться длинные мечи савромато-сарматского типов, которые были более удобны для конного сражения, и, видимо, более широко начинают применяться копья. Этот процесс раньше всего затронул самую западную часть сакских земель – Восточное Приаралье, где длинные мечи известны уже с VI в. до н.э. Как показало дальнейшее развитие военного дела, длинные всаднические мечи оказались более эффективными в условиях конных столкновений с противником, по этой причине уже к концу сакского периода все другие средства ближнего конного боя (клевцы, чеканы, секиры) исчезают.

Элементов металлического защитного вооружения в VIII-VII вв. до н.э. пока не известно. Лишь примерно с начала VI в. до н.э. появились цельнолитые бронзовые, так называемые шлемы «кубанского» типа. Подобные шлемы появляются примерно в начале I тыс. до н.э. в Северном Китае и Монголии, а затем VII-VI вв. до н.э. известны на Северном Кавказе и Иране, но сакские бронзовые шлемы несколько отличаются как от китайских, так и от кавказских образцов, и представляют собой локальный вариант шлемов этого типа. Существовали кубанские шлемы вплоть до начала III в. до н.э. (Горелик М.В., 1987, с. 121-125)

Свидетельства использования сакскими воинами панцирей известны

примерно с рубежа V и IV вв. до н.э., причем здесь также не обошлось без передневносточного и китайского влияния. Панцирь, по-видимому, был пластинчатым. Как известно, панцири этого типа еще с более ранних периодов использовались на Ближнем Востоке. Позднее – в IV в. до н.э. – саки вырабатывают свой специфический вариант пластинчатого панциря: в виде приталенной куртки с высоким стоячим воротником.

Наборные пояса также претерпевают изменения. Если в ранний период они были из небольших обойм, то теперь становятся массивными и закрывают большую часть живота воина, а число обойм уменьшается до одной-двух.

Последний вид защитного снаряжения – это щит. По данным археологических исследований и свидетельствам письменных источников, у саков было два вида щитов: большие и малые, которые изготавливались из прутьев и кожи и, вероятно, в некоторых случаях из цельного куска дерева.

Таким образом, сакское вооружение четко реагировало на определенные инновации и, в соответствии с развитием военного искусства и тактических приемов, постоянно совершенствовалось и ничуть не уступало в этом отношении другим армиям древности. Основной тенденцией было возрастание количества и качества средств ведения ближнего конного боя, в частности распространение длинных мечей, а также появление и дальнейшее развитие средств индивидуальной защиты. Косвенно можно судить о том, что постепенно тактика длительного обстрела противника из лука постепенно заменяется быстрыми конными вооруженными столкновениями, которые требовали эффективного рубящего оружия – длинного меча – и хороших средств защиты всадника.

Рассмотрим теперь комплекс сакского вооружения в локальном отношении. С некоторыми условностями, на мой взгляд, в Центральной Азии можно выделить три следующих локальных региона:

- 1) Семиречье, Внутренний Тянь-Шань; к перечисленным районам с некоторыми оговорками можно отнести также Ташкентский оазис
- 2) Восточное Приаралье
- 3) Восточный Памир, Алай, Ферганская и Кетмень-Тюбинская долины (табл. 1).

Они различаются не только составом вооружения, но и направлением культурных связей и влияний, во многом обуславливающих его облик и развитие в том числе и вооружения.

Более всего из трех выделенных локальных регионов выделяется Восточное Приаралье. Комплекс его вооружения состоит из лука и стрел, кинжалов, длинных мечей, пластинчатых панцирей. На раннем этапе также применялись топорик-кельты и изредка биметаллические клевцы. Все это во многом сближает набор оружия Восточного Приаралья с комплексом вооружения савроматов Приуралья и кочевников-номадов Зауралья, Западной Сибири и лесостепного Алтая. Связи этих регионов объясняются не только схожестью отдельных элементов вооружения, но и во многом общим обликом материальной культуры и возможными генетическими связями. К примеру, во всех перечисленных регионах очень часто появляются всаднические мечи, длиной более 80 см, появляются и быстро

выходят из употребления биметаллические клевцы (Вишневская О.А., 1973, с. 87-98; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1996, с. 45-54). Близкие процессы в развитии вооружения отмечаются и в указанных регионах. С другой стороны более слабо проявляется связь с соседним Хорезмом, а затем и с Ахеменидским Ираном, что выразилось в достаточно раннем распространении железа, из которого уже в VII-VI вв. до н.э. изготовлена значительная часть предметов вооружения. Кроме того, саки (массагеты) Восточного Приаралья знакомятся со средствами защиты воинов Ближнего и Среднего Востока и, по-видимому, именно здесь, наряду с Семиречьем, разрабатывается сакский доспех, о котором упоминалось выше.

Регион, включающий Семиречье, Внутренний Тянь-Шань и Ташкентский оазис, имеет несколько самобытный оружейный набор. Этот набор состоит из лука и стрел, кинжалов, длинных мечей, копий и дротиков, изредка чеканов, щитов, шлемов кубанского типа, панцирей и наборных поясов. Причем, большая часть его предметов практически на протяжении всего скифского времени изготавливалась из бронзы. Данный комплекс вооружения во многом сближается с оружейными наборами кочевников Восточного Казахстана, Синьцзяна, Южной Сибири и Западной Монголии (Худяков Ю.С., 1980), но, однако, не идентичен им. Главное отличие его состоит в относительно слабом распространении здесь клевцов, чеканов и секир, роль рубящего оружия здесь, похоже, выполняли кельты-тесла, бывшие также и орудиями труда, и длинные кинжалы; а сходство состоит в типах, формах и тенденции развития оружия, которое, так же как и в Южной Сибири, почти все отливалось из бронзы. Не менее важным другим отличием является наличие здесь металлического доспеха.

Однако с IV в. до н.э. вооружение указанного региона начинает постепенно принимать достаточно отчетливый «сарматоидный» оттенок: появляются длинные мечи, которые вытесняют топоры-кельты, кинжалы сближаются с кинжалами из Восточной Европы, гораздо шире начинают применяться копья. В этот же период широко распространяется железо, из него изготавливают большую часть оружия. Весь оружейный комплекс постепенно приближается к набору вооружения саков Восточного Приаралья, а также древних nomadов Поволжья, Приуралья, Зауралья, Западной Сибири и лесостепного Алтая.

Третий регион – Восточный Памир, Алай, Ферганская и Кетмень-Тюбинская долины, характеризуется следующим комплексом оружия и средств защиты: лук и стрелы, кинжалы, мечи, копья, чеканы, секиры, щиты, шлемы, пластинчатые панцири и наборные пояса. Он в значительной мере схож с наборами вооружения из Синьцзяна, Горного Алтая, Хакасии, Тувы, Западной Монголии и Северного Китая (Худяков Ю.С., 1980). Отличие состоит лишь в средствах защиты – в более восточных областях скифо-сибирского мира доспех был слабо развит, а металлический панцирь был и вовсе не характерен. В тоже время можно отметить значительное влияние Ближнего и Среднего Востока, которое проявилось не только в значительном сходстве некоторых видов вооружения, но и в очень раннем распространении железа, из которого уже в раннесакский период изготавливалась большая часть оружия.

Ранее всего процессу «сарматизации» подверглась Кетмень-Тюбинская долина (Западный Тянь-Шань), служившая как бы переходной зоной между Семиречьем и Тянь-Шанем, с одной стороны, и Памиро-Алаем и Ферганой, с другой. Там примерно с рубежа IV и III в.в. до н.э. появляются, судя по обломкам, длинные мечи и кинжалы восточноевропейского облика. В остальных районах рассматриваемого региона этот процесс затянулся примерно на одно столетие.

Таким образом, из регионального анализа сакского вооружения можно отметить, что комплексы вооружения Семиречья, Тянь-Шаня, Чача и Памира, Алая, Ферганы, Кетмень-Тюбе в значительной мере сходны, в то время как оружейный набор Восточного Приаралья несколько выделяется по своему составу. Это может быть объяснено сильными культурными связями с савроматами и кочевниками Зауралья, нежели с Южной Сибирью. В свою очередь восточные районы Центральной Азии более тяготели в культурном плане к восточным областям обширного скифо-сибирского мира.

Но к концу сакской эпохи, поддавшись общему импульсу в степях Евразии, комплекс вооружения кочевников восточных областей Центральной Азии достаточно быстро «сарматизируется» и становится, в значительной мере, единообразен на территории всего нашего региона, хотя в некоторых горных районах этот процесс затянулся примерно на одно столетия.

Однако, несмотря на некоторые различия, локальные оружейные наборы при их сравнении с вооружением других регионов степной части Евразии дают наибольшее сходство между собой и составляют единый комплекс вооружения саков Центральной Азии с едиными тенденциями в своем развитии и сходными для этого условиями.

Итак, комплекс вооружения саков Семиречья и Тянь-Шаня на раннем этапе во многом продолжал традиции эпохи поздней бронзы, в частности, как и в предыдущую эпоху, были распространены лук и стрелы, кинжалы, клевцы, булавы и кельты-тесла. По мере развития в комплексе вооружения саков Семиречья и Тянь-Шаня появляются длинные мечи и защитный доспех, и, в свою очередь, исчезают булавы, тесловидные кельты и чеканы. И, таким образом, закладываются основы комплекса вооружения кочевников гунно-сарматского времени.

Вооружение и военное искусство древних кочевников Центральной Азии достигло значительного развития в рассматриваемый период и для своего времени было на высоком уровне. Саки достаточно рано столкнулись с развитыми государствами Востока, а затем – и с армиями Александра Македонского и его преемников, что в значительной мере способствовало обогащению воинского опыта, средств защиты и вооружения.

**Таблица 1. Сравнительный анализ комплекса сакского вооружения
в локальном и временном аспектах**

Период		Семиречье, Тянь-Шань, Ташкентский оазис	Памир, Алай, Ферганская и Кетмень-Тюбинская долины	Восточное Приаралье
Ранний VIII-VI в.в. до н. э.	Дистанционное оружие	Лук и стрелы	Лук и стрелы	Лук и стрелы
	Оружие ближнего боя	Кинжалы, копья, дротики, булавы, чеканы	Кинжалы, клевцы	Кинжалы, мечи, клевцы, копья, булавы
	Защитное вооружение	Шлемы, щиты	Шлемы, пластинчатые панцири, щиты, наборные пояса	
Поздний V-III в.в. до н.э.	Дистанционное оружие	Лук и стрелы, дротики	Лук и стрелы	Лук и стрелы
	Оружие ближнего боя	Кинжалы, мечи, копья	Кинжалы, чеканы, секиры, копья, мечи	Кинжалы, мечи, копья
	Защитное вооружение	Шлемы, пластинчатые панцири, наборные пояса	Шлемы, пластинчатые или чешуйчатые панцири, щиты, наборные пояса	Пластинчатые панцири

Литература

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. М., 1993.
- Вишневская О.А. Культура саков низовьев Сырдарьи (по материалам Уйгарака). М., 1973.
- Иванов С.С. Длинные всаднические мечи ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 3. Бишкек, 2008.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). М. 1996.
- Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. М., 1972.
- Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.
- Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. Бишкек, 1992.

Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Худяков Ю.С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии, №1, 2001.

К.А. Кашкинбаев

Институт археологии им А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

**ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ КОСТЕЙ БЕРЕЛЬСКИХ ЛОШАДЕЙ
(микроструктура и элементный анализ новой молодой кости при
анкилозирующем торако-спондилоартрите)**

Остеологические аспекты палеопатологии костей берельских лошадей являются недостаточно изученными. В настоящее время накопилось большое количество весьма ценных костных биоматериалов, которые требуют многосторонних комплексных исследований. Костная коллекция берельских лошадей отличается своей уникальностью и не только сохранностью количественного состава, но и качественными параметрами, что позволяет провести тонкие и современные комплексные исследования с достоверными результатами.

В ходе изучения костных материалов лошадей нами установлены изменения костей позвоночника, характеризующиеся тяжелыми неоостеопластическими и деструктивными процессами, особенно, в области поясничного отдела. Изучению аналогичной остеопатологии лошадей посвящены сообщения отдельных исследователей (Молодин В.И. и др., 2000).

Что касается вопросов микроструктурных особенностей и микроэлементного анализа новой молодой кости в сравнительном плане с материнской костью, данные в литературе отсутствуют. В настоящее время различают следующие разновидности костеобразования. Эктопическое (внекостное) костеобразование показано результатами экспериментальных исследований (Фриденштейн А.Я., 1963). Согласно сведениям К.А. Кашкинбаева и З.С. Самашева (2005) установлена возможность превращения сгустков крови в крупных магистральных сосудах в костную ткань, судя по биоматериалам берельских лошадей. Образование костей наблюдались при некоторых болезнях, доброкачественных и злокачественных опухолях костей и опухолеподобных костных образованиях. Как видно, из приведенных литературных данных, возникает необходимость дифференцированного подхода к изучению остеопатологии берельских лошадей. В целом изучение процесса костеобразования имеет научно-теоретическое и практическое значение. Целесообразно выяснить особенности неоостеогенеза, поскольку каждое его проявление в организме отличается своеобразием морфоструктуры и внутренними биохимическими и гистогенетическими различиями.

Изучая минеральный состав органического матрикса костной ткани мумии человека со сроком погребения 2500 лет, М.В.Добровольская (1986) указывала на стабильность уровня содержания в них основных химических элементов — кальция и фосфора с незначительным снижением показателей кальция в отдельных случаях. Аналогичные результаты были получены при исследовании костей мамонтов (Biltz R.M. and Pellegrino E.D., 1969).

Остаются открытыми вопросы этиологии и механизма развития морфологических проявлений, стадийности и дифференциальной диагностики болезни.

Учитывая изложенное выше, мы поставили задачу изучить микроструктурные особенности и микроэлементный анализ новой кости при анкилозирующем торако-спондилоартрите.

Для решения поставленной задачи в опыте использовали пять образцов новой кости, три из них из краев суставных поверхностей поясничных позвонков на ранней стадии развития анкилозирующего торако-спондилоартрита. Два образца брали в области аналогичных суставов на небольшой глубине от поверхности костей, но со здоровых участков, которые были оставлены в качестве контроля для сопоставления полученных результатов.

Работу проводили методом рентгеноспектрального микроанализа электронно-зондовым микроанализатором марки супер проба 733- Джиол (Япония). Исследования анализов элементного состава минералов (микровключения) и получения их рентгеноспектрограмм осуществляли с использованием энергодисперсного спектрометра ИНКА ЭНЕРЖИ (Англия) при ускоряющем напряжении 25 кВ и токе зонда 25 мА.

Для получения образцов и их просмотра создавали искусственные поверхности путем рассечения нужных участков исследуемой костной ткани.

Поверхности небольших, воздушно-сухих скелетированных костных кусочков обрабатывали углеродом под вакуумом, после чего просматривали в электронно-зондовом микроскопе с микроанализатором.

При исследовании микроструктуры костных образцов костей мы обращали внимание на состояние канальцев, их диаметр и количество на определенной площади микрофотографии в соответствии с представленным масштабом.

Исследования микроструктурной особенности трабекул новой губчатой кости на раннем этапе развития анкилозирующего торако-спондилоартрита (АТСА) показали значительные отличительные особенности морфологических критериев по сравнению с микроструктурными изменениями зрелой материнской кости.

Макроскопически новая кость при ранней стадии развития АСА и АТСА представляет собой без анкилозной и глубокой деструктивной стадии развития болезни и мелкоочаговыми и единичными формированиями новой кости на дифференциально остеогенных участках костно-суставных поверхностей.

При изучении микроструктуры трабекулярной части новой кости изменения характеризовались обширностью площади и средних показателей ширины межканальцевой ткани (398 мкм), большей плотностью органического матрикса трабекулярной ткани, гладкостью или появлением гребневидных образований, ориентированных по ходу канальцев на поверхности последней, значительным уменьшением количества мельчайших канальцев — остеонов одинакового размера.

При сканировании диссекционных поверхностей межтрабекулярной канальцевой системы костного мозга новой кости, различали пять типов

канальцев, разделенных условно, в зависимости от диаметра и других микроструктурных особенностей, характеризующих сосудистую систему губчатой кости. Поперечные сечения канальцев неоднородной формы, сплюснутые, округло-овальные, за исключением мелких. Канальцы ориентированы в одном направлении, по оси тела позвонков. Средний их диаметр составил 270 мкм. Количество крупных и средних резко ограничено, за исключением мельчайших, придающихся трабекулам мелкопористой поверхности. Как правило, у большинства их стенки – тонкие и гладкие, имели место единичные – с гладко бугристой поверхностью. Внутренняя стенка, особенно средних и мелких – содержала мельчайшие канальцы-остеоны с углублением в их центре.

Сопоставление выше описанных изменений с микрорельефом и микрообразованиями различных участков здоровой материнской кости показало отчетливое истончение трабекул (112 мкм) и проявление микропорозности гомогенной структуры рельефа, резкое увеличение количества канальцев среднего диаметра и появление крупных микрополостей в результате слияния крупных со средними канальцами в период онтогенетического роста и развития организма лошадей. Стенки большинства канальцев материнской кости утолщенные и слоистые, а форма ее приобретала сферическую структуру, что отчетливо отличало от паталогической, новой кости, образованной при ранней стадии АСА и АТСА.

Для выполнения поставленной задачи следующего этапа работы, как было показано выше, проведен спектральный анализ пяти образцов, полученных из различных потенциально-остеогенных участков грудных и поясничных позвонков, трех больных АСА и АТСА и двух здоровых берельских лошадей.

Результатами спектрального анализа образцов новой и здоровой материнской кости, где исследована микроструктурная их характеристика, установлено всего 10 химических элементов в соответствующих пределах физиологической нормы для сухой, обезжиренной и скелетированной кости лошади. Состав химических элементов костной ткани двух групп животных имеет азот, кислород, натрий, магний, алюминий, кальций, фосфор, серу, железо и кремний.

Согласно результатам электронного микрозондирования в образцах новой кости выявлено 10 химических элементов, а в материнской 7. По сравнению с последней группой животных, в образцах новой растущей кости обнаружено на три элемента (азота – 5,14%, железа – 0,08%, кремния – 0,06%) больше.

Содержание в новой кости средних показателей основных элементов, имеющих важное значение в формировании и развитии костей животного или человека, составило: кальция – 26,23% и фосфора – 11,84%, что ниже уровня показателей у здоровой кости соответственно на 8,41% и 3,1%. В то же время, новая кость отличалась высоким содержанием азота – 5,14%, а по кислороду на 1,42%, алюминия – 0,02% больше, чем у здоровой и зрелой кости. Следует отметить, что содержание кальция в новой кости было больше на 1,23% по сравнению с физиологической константой (21-25%). Кроме того, отмечено значительное повышение фосфора на 1,83%, чем при сравнении его с нормативными показателями здоровой материнской костной ткани (9-13%).

Соответствие полученных показателей с контролируемыми нормативными данными по содержанию минеральных элементов зрелой и здоровой кости указывает на достоверность результатов исследования и свидетельствует о хорошей сохранности за столь продолжительный период с момента захоронения берельских лошадей. Эти данные подтверждаются результатами других авторов (Biltz R.M. and Pellegrino E.D., 1969).

Таким образом, результаты проведенных сравнительных микроструктурных исследований электронно-зондовым микроанализатором гистоархитектоники и трабекулярных компонентов и системы канальцев спонгиозной новой растущей патологической кости, выявляемой при АСА и АТСА, свидетельствуют об идентичности микроструктурных изменений микрорельефа и микрообразовании диссекционных поверхностей костей со здоровой материнской костью. Описанные морфоструктурные особенности компонентов новой кости характеризовали костную перестройку раннего этапа в динамике неоостеогенеза, трансформирующегося в зрелую кость.

Новая кость отличалась от зрелой материнской кости компактностью, обширностью органического матрикса и сравнительно малым количеством функционально активных канальцев. Зрелая костная ткань по морфоструктурным признакам отличалась от новой растущей кости выраженностью спонгиозности, не только за счет межтрабекулярных пространств, состоящих из множества среднего диаметра канальцев и микрополостей, формирующихся в результате слияния их между собой, но и рыхлой структурой органического матрикса самих трабекул.

Исследования на содержание составных минеральных элементов в органическом субстрате новой кости, образовавшейся в местах с тяжелыми деструктивно-воспалительными хроническими процессами костно-суставных поверхностях грудных и поясничных позвонков лошадей, указали на незначительные отклонения некоторых показателей уровня элементов от физиологических констант, что, по-видимому, объясняется повышенным проявлением обменных процессов и общей и местной болевой реакцией организма на повреждения в период раннего остеогенеза.

Литература

Добровольская М.В. Минеральный состав скелета человека: основные химические соединения и микроэлементы (по материалам древних погребений) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 77.

Молодин В.И., Полосьмак Т.А., Чикишева Т.А. и др. Феномен алтайских чумий. Новосибирск, 2000.

Кашкинбаев К.А., Самашев З.К. Лошади древних кочевников Казахского Алтая. Алматы, 2005.

Фриденштейн А.Я. Экспериментальное внекостное костеобразование. М., 1963.

Biltz R.M. and Pellegrino E.D. 1969. The chemical anatomy of bone - A comparative study of bone composition in sixteen vertebrates. J Bone Joint Surg 31A:456-466.

М. Қожа

ХҚТУ Археология ғылыми-зерттеу орталығы, Түркістан, Қазақстан

ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫ АУМАҒЫНДАҒЫ КӨНЕ ТҮРКІ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

552 ж. Түркі қағанатының дүниеге келуі Орталық Азияға үлкен өзгерістер алып келді. 555 ж. түркілер Жетісуды, Орталық Қазақстанды және Хорезмді бағындырды, 563-567 жж. Орта Азиядағы эфталиттер мемлекетін талқандап, Әмударияға дейін билік жүргізді (Буряков Ю.Ф., 1982, с. 122). Отырар өңірі Қаңғу-Тарбан деген атпен түркі жазбаларында аталады (Бернштам А.Н., 1950, с. 98). Өзбек зерттеушісі Г.Бабаяровтың пікірінше, Түркі қағанаты кезінде Шаш / Ташкент облысы /, Испиджаб, Отырар, Тараз өлкелері Тарбанд атты бір иелікті құраған. Иеліктің саяси-әскери астанасы Тарбанд-Отырар қаласы болған (Бабаяров Г., 2004, с.28). Арабтардың Орта Азияны жаулап алу тарихы жазылған еңбектерде Шаш билеушісінің ордасы Тарбанд деп көрсетіледі. Қытай дерегінде Шаш билеушісі Йоша-Сырдария өзені бойында тұрады дегенде осы Тарбанд-Отырар көрсетіліп тұр. Тарбандтың Отырарға сай келетінін ат-Табаридің еңбегін атағаш шығарушы М.Я. де Гуйе айтқан екен. Тарбандта жоғары түркі билеушісі – қаған отырған, ал Шашта оның өкілі отырған деп санайды Г. Гоибов (1989, с. 50-51). Осы жағдайларды ескере отырып, бұл иелікті жай Шаш иелігі демей Шаш-Тарбанд иелігі деп атаған жөн деп санаймыз. VI ғ. 60-шы жылдарынан бастап – VII ғ. дейін түркілерге тәуелді Чжаову әулеті басқарды. 605 ж. Чжаову әулетіне жағатын билеуші өлтіріліп, түркі билеушісінің өкілі – Деле Фуджий тікелей басшылық жүргізді.

Жазба деректерде аталатын осы көне түркілерден археологиялық тұрғыдан карағанда қандай іздер қалды деген заңды сұрақ туады. Осы сауалға жауап іздеп 1994 ж. шыққан «Оңтүстік Қазақстан облысы ескерткіштер жиынтығы» атты кітапты ақтарған оқырман оның беттеріндегі 705 ескерткіш анықтамасынан өрде-бір көне түркілік қорым, не тас мүсін сипаттамасын таппайды (Свод ..., 1994). Бұл - Оңтүстік Қазақстан облысы аймағындағы VI-VIII ғғ. жататын көне түркілік ескерткіштер іздеусіз қалғанын аңғартса керек. Ал аталған өңірде көне түркілік қорымдар барын Шымкент қаласындағы Оңтүстік Қазақстан облыстық музейінде сақтаулы тұрған көне түркілік тас мүсіндер айғақтап тұр, олардың бір бөлігі Я.А. Шердің кітабында сипатталған (Шер Я.А., 1964).

Тас мүсіндердің аса құнды археологиялық дерек екеніне Ә.Х.Марғұлан ерекше назар аударып, ана тілімізде тұңғыш мақала жазған болатын (Марғұлан Ә., 1960).

Археологиялық зерттеулер көне түркілерге ғана тән ескерткіштер барын анықтады. Бұлар ең алдымен жерлеу дәстүріне байланысты. Әдетте түркілік оба, еңіт тастан не топырақтан үйілген, оның диаметрі 5-10 м, биіктігі 30 см-ден 1 м-ге дейін барады. Жоспарда төртбұрышты, не шаршы етіп тастан қаланған коршаулар кездеседі. Кейде өлген адамды басқа бір жерде өртеп, оның күлін кою дәстүрі де

болған. Соңғы дәстүр бастапқы түркілік деп саналады. Түркілерге дейін жерленген кезеңде әдетте өлген адамның басы батысқа бағытталған болса, көне түркілерде солтүстікке бағыттау тән болған. Түркілерге дейін қару – семсер болса, көне түркілерге қылыш, үзеңгі, металл қапсырмалармен қапталған белдіктер тән болған.

Қайтыс болған жоғары билік иелеріне арнайы кесене тұрғызып, оның ішіне өлген адамның мүсінін қойған. Осындай құрылыстардың ең әйгілісі - Күлтегінге тұрғызылған ғибадатхана. Оның құрылымы күрделі. Кесене тұрған аула қоршалған. Оның шығыс бөлігінде қақпа бар. Қақпаны бір-біріне карама-карсы тұрған қошқарлардың қос тас мүсіндері қорғап тұр. Қақпа алдында жазуы бар тұғыр бекітілген тасбақа мүсіні тұр (Мокрынин В.П., 1979, с. 5-7).

Оңтүстік Қазақстан қалашықтарындағы көне түркілерге байланысты ескерткіштерге назар салайық. Е.А.Смағұлов Түркістан қаласы аймағында орналасқан Күлтөбе қалашығының стратиграфиялық қазба барысында үшінші құрылыс деңгейінен ІҮ қабат/ басы жоқ аттың жерленген қаңқасын тапты. Аспен бірге пошымы дөңгелекше келген, табаны кең етіп жасалған үзеңгі, белдіктің күмістелген әшекейі табылды. Бұлар YІ ғ. аяғы мен YII ғ. жатқызылды (Смағұлов Е.А., 1987. 23 б.). Кейін М.Елеуов басшылығымен ХКТУ-дың археологтары Күлтөбедегі стратиграфиялық қазбаны кеңейткен кезде жоғарыдағы аттың басын тапты. М.Елеуов басқарған ХКТУ-дың экспедициясы байырғы тарихи деректердегі Карашық деп саналатын Төрткүл қалашығын қазған кезде оның мабасының қамал құландысы астынан жерленген жылқы сүйегін тапты. Аяқтары астына бүгіліп жатқызылған жылқының аузында ауыздық, мойнында темір қоңырау, маңайында әртүрлі жапсырмалары бар жүрек тәрізді әшекейі бар. Жылқының жанынан екі үзеңгі, тартпаның тоғасы, қола сылдырмақтар, темір заттар табылды (Ювалы А., Елеуов М.Е., 2002. 5 б.).

Отырарда көне түркі дәуіріне жататын кезеңде теңгелер шығарылған. Олардың бір бетінде арыстан бейнесі бар, екінші бетінде 0) үлгідегі таңба бар, ал екінші кейбір ғалымдар «ат» жазу десе (Бурнашева Р.З., 1989), Құйрықтөбе қалашығының цитаделінен отқа күйіп шірімей қалған ағаш тақталарда бет-пішіні, пішімі көне түркі тас мүсіндерге ұқсас тұлғалар бейнеленген. Бұлар Отырар өңірінің YIII ғ. басында билік құрған түркі билеушілері.

Отырарда жүргізілген қазбалар барысында ромб тәрізді серпентиниттен жасалған, бір ұшында тесігі бар әшекейлер кездеседі (Акишев К.А., Байпаков Б.М., Ерзакович Л.Б., 1981, с. 172). Біз осы әшекейлерді көшпелі тайпалардыкі деп санаймыз. Отырарда табылып жүрген салпыншақтар пошымы Т.И.Макарова сипаттаған лазуритті салпыншақтарға жақын. Зерттеуші салпыншақтардың табылу орындарын талдай отырып, олардың Шығыс Европада пайда болуын салпыншақтар ішіндегі берендей тайпасымен байланыстырады (Макарова Т.И., 1962, 127).

Отырартөбе мен оның айналасындағы ескерткіштердегі YII-IX ғғ. бағарынан дәстүрлі керамика үлгілерімен қатар жаңа үлгідегі керамика үлгілері кездеседі. Олар металл ыдыстарға ұқсас етіп жасалған, тұтқаларының пошымы

жұлдызша сияқты қырлы. Ыдыстардың сырты қою-қызыл, шие түстес және кара түсті ангобпен көмкерілген. Олар тор, бір-бірімен ұласқан үшбұрыштар, жартылай дөңгелекше, шынжыр тәрізді геометриялық өрнектермен нақышталған. Аталған керамика «қаңғарлық» деген атқа ие болды (Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б., 1972, с.189-190, рис. 42, 16, 17; 43, 10, 11). Бұл керамика көне түркілердің ыдыстарына еліктеуден туған, бұларды белгілі бір рутайпамен байланыстырудың қажеті жоқ деген пікірдеміз. Билеуші, үстем топ көне түркілер болғандықтан олардың ыдыстарына, киімдеріне еліктеу, ұқсас етіп жасау заңдылық. Мұндай ыдыстар VII-VIII ғғ. Соғдыда, VI-VIII ғғ. Шашта пайда болады (Байпаков К.М., 1986, с. 58).

Көне түркілердің Оңтүстік Қазақстан облысы аймағында қалдырған іздері жоғарыда тізілген ескерткіштермен шектелмейді. Көне түркілердің қорымдарын, тас мүсіндерін іздеп есепке алу, карталарға белгілеу, қазба жүргізіп зерттеу сияқты жұмыстарды тез арада қолға алу қажет.

Көне түркілердің бізге белгілі бір қорымы Оңтүстік Қазақстан облысы Бәйдібек ауданы /бұрынғы Алғабас ауданы/ Майбұлақ ауылында орналасқан. Майбұлақ атауының өзі көне түркілік Ұмай құдайы есімімен байланысты екенін аңғару қиын емес. Ауыл шетінде әлі де диаметрі 4-5 м, биіктігі 40-60 см обалар сұқталған. Осы елді мекен ішіндегі обаны тегістегенде табылған тас мүсінді жергілікті мектептің мұғалімі Ақбаев Айдардың айтуымен көріп, оны алдымен Сайрам ауданының орталығы Ақсукеңтеке әкеліп, кейін Алматыдағы Орталық музейге хабар беріп темір жол арқылы жібергенбіз. Кейін Алматыдағы музейден сырт сұлбасын салып алған А.А. Чариков оны мақалада Түлкібас ауданынан деп оның табылған орнын дұрыс көрсетпеген және жариялаған сызбасында тас мүсіннің бір топ элементтері түспей қалған (Чариков А.А., 1989, с.185-187).

Ер кісі тұлғасы тақта тас бетіне қашалған. Тас биіктігі 125 см, қалыңдығы 15 см, ені 42-45 см, иығына қарай шамалы кеңейеді. Тас мүсіннің басы жоқ (сурет 1). Тастың алдыңғы жағында малдас құрып отырған ер кісі бейнесі оймышталып бедерленген. Мойнында бедерлі әшекей байқалады. Төс тұсына көтерілген оң қолының бас бармағы мен сұқ саусағы жарты шар іспетті құтының тұғырының табанынан қысып ұстап тұр. Ыдыстың жиегі қисығынан түскен сызықшалармен өрнектелген. Шынашақта жүзік байқалады, ортаңғы саусақтары бүгілген қалыпта салынған. Киімнің жең ұшы сызықшалармен әшекейленген. Сол қолының саусақтары екі жерден ілінген семсер қынабында жатыр. Ромб пішіндес қапсырмалары бар тоғалы белдікке қынапқа салынған пышақ ілінген. Көне түркілердің осындай қанжар-пышақ пайдаланғаны жөнінде Ю.А.Мотов зерттеуінде әңгіме етіледі (Мотов Ю.А., 1998, с.116-126). Семсердің сабының басы дөңгелекше келген, қарудың балдағы, семсер қынабының құрсаулары, жүрек тәрізді етіп жасалған қынап түбі бейнеленген.

Мүсіндегі кісінің аяғы айқасқан, оң аяғы сол аяғының үстінде жатыр. Аяқтарына саптама етік, не болмаса мәсі кигізілген. Тізе тұсында аяқ киімнің өрнекті қоныштары бейнеленіпті. Аяқ астында өрнекті кілем, не орындық пішімі бар.

Ең қызығы, бейненің оң жақ кеудесінде кішкене адам сұлбасы - басы мен қолы салынған. Шағын адам алға қарай иіліп тұрған кейпінде және бір қолында шамалы еңкейтілген құмыра бар. Мүсінді жасаған шебер шағын адамды көзі үлкен, қыр мұрынды етіп бейнелепті. Сызықшалармен оның шашы көрсетіліпті. Басқа дене мүшесі, киімі көрсетілмеген. Тастың арғы бетінде сызықшалармен 6-8 бұрым шашы көрсетілген. Тас мүсінді қашаған ұста оның саусақтарын бейнелеуде үлкен шеберлік танытқан. Майбұлақтан табылған мүсінді ондағы қару-жарак үлгілеріне, мүсіннің бейнелеу тәсіліне қарап YI-YIII ғғ. жатқызамыз. Таста қашалған екінші адам сұлбасы қызметшіні бейнелеп тұр.

Отырар мемлекеттік археологиялық қорық-музейіне Бәйдібек ауданынан табылған ғылыми әдебиетте бұрын беймәлім болып келген мүсін жеткізгенбіз. Оның дәл табылған орны белгісіз. Таста тік тұрған кісі бейнеленген (сурет 2). Тастың биіктігі 146 см, ені 32 см, қалыңдығы 27 см. Ондағы бейне бадырақ көзді, мұртты, сол қолында құтысы бар, оң қолы бос, саусақтары белдіктен жоғары етіп қашалған. Тоғалы белдікке қынабымен қылыш, пышақ, «қаптарғақ» ілінген. Мүсіннің оң құлағында сырға бар. Сырғаның пошымы YI ғ. екінші жартысы – YIII ғ. екінші жартысы арасында тараған көне түркі сырға үлгілеріне жакын (Овчинникова Б.Б., 1990, с.49). IX ғ. бірінші жартысынан кейін көне түркі сырға пошымдары басқа үлгіде болғанын ескерсек, бұл мүсінді YIII ғ. ескерткіші деуге негіз бар.

Тас ескерткіштің оң қырында белдікке ілінген дөңгелек пошымды қалта бар. Бұндай қалталар оттық, түрлі ұсақ заттар сақтау үшін арналған. Бұлар әдетте теріден тігілген екен. Тері қалталар Алтайдағы көне түркі қабірлерінде кездеседі (Кубарев В.Д., 1984, с. 43-44, рис. 9). Осыған ұқсас екінші қалта мүсіннің сол қырында салынған. Мүсіннің оң жақтағы қырында жебе салатын қабы – «кылшан» бейнеленген. Бұрын-соңды бізге тас мүсіндер ішінде қылшан немесе қорамсақ бейнеленген үлгі кездескен емес. Осыған ұқсас қылшандар суретін Қ. Ахметжановтың байырғы қару-жарак, әскери өнерге арналған ана тілімізде табылған құнды зерттеуінде кездестірдік (Ахметжанов Қ.С., 1996, сурет 17, 3). Бұл тас мүсіндердің көне түркілік екендігіне күмән жоқ.

Қорыта айтқанда, Оңтүстік Қазақстан аумағындағы көне түркілердің ескерткіштері арнайы зерттеуді қажет етеді демекпіз.

Әдебиеттер

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.
- Ахметжанов Қ.С. Жараған темір кигендер. Алматы, 1996.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и миречья. Алма-Ата, 1986.
- Бурнашева Р.З. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизмати-

ческие исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII – XVIII вв. Алма-Ата, 1989.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Бабаяров Г. Чач в период тюркского каганата // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия Академий наук Казахской ССР. Серия археология. 1950. Вып. 2.

Гоибов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе, 1989.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 4.

Марғұлан Ә. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары.-Алматы, 1960.

Мокрынин В.П. Каменные изваяния – памятники древних тюрков. Фрунзе, 1979.

Мотов Ю.А. Кинжал в боевом снаряжении кочевников раннего средневековья // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана. Алматы, 1998.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая. Свердловск, 1990.

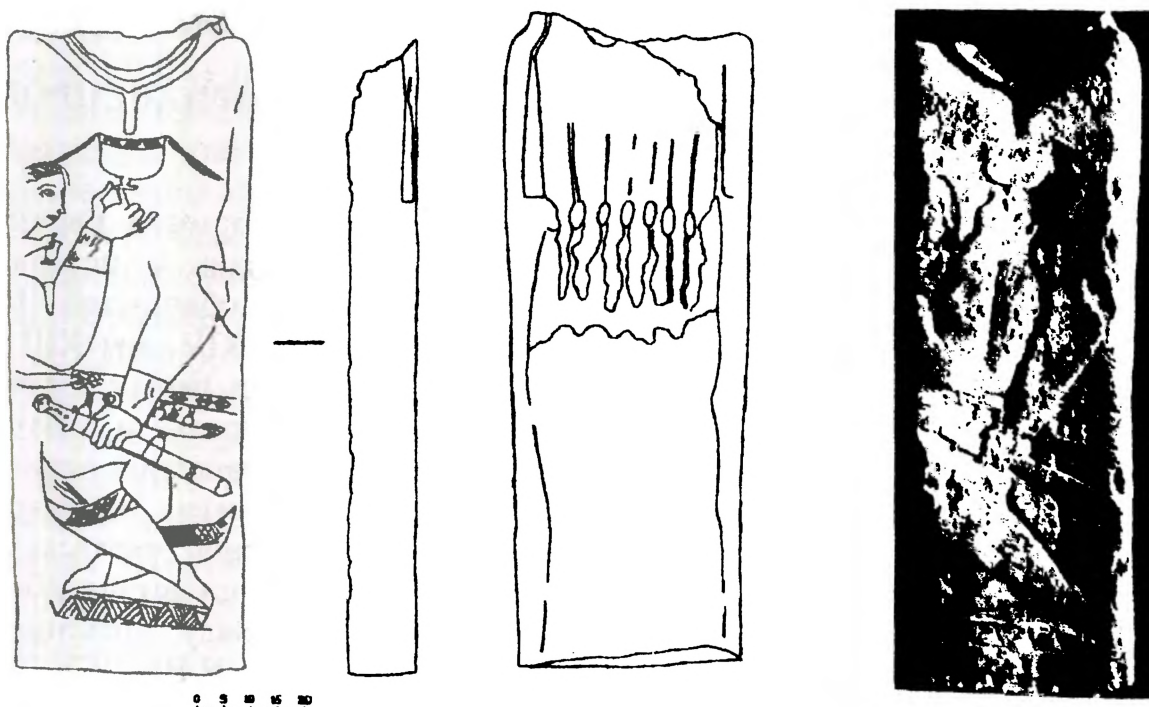
Ювалы А., Елеуов М.Е. Қарашық. Түркістан, 2002.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алма-Ата, 1994.

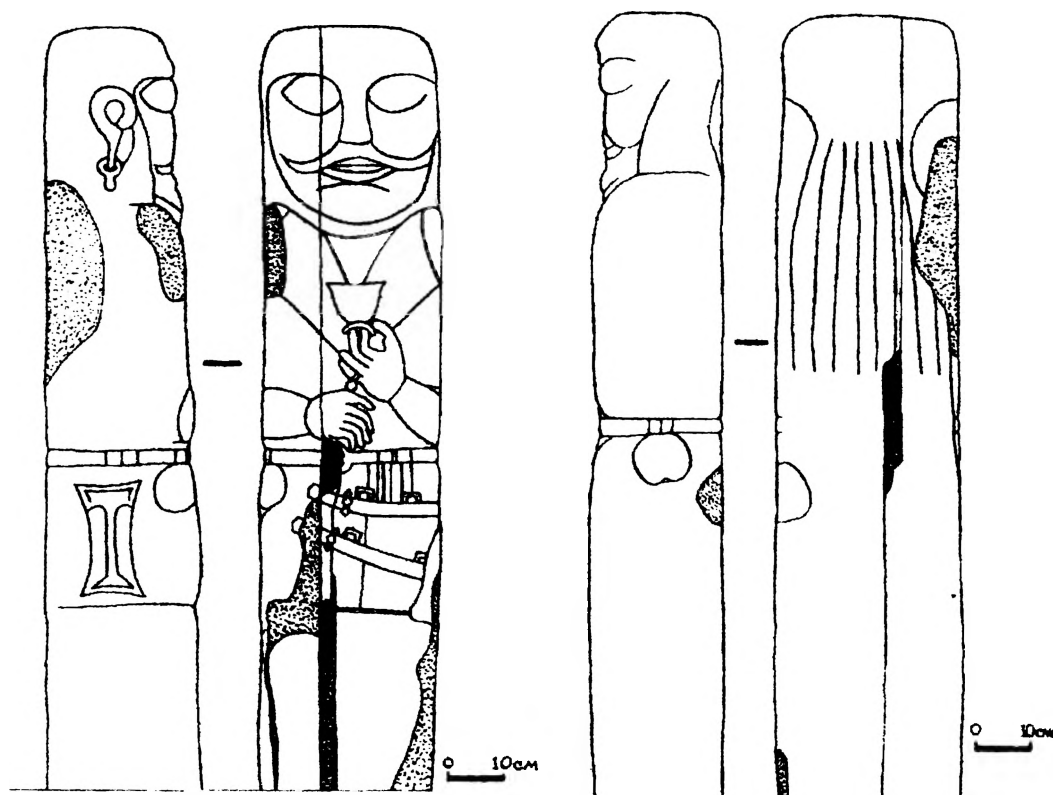
Смағұлов Е.А. Он бес ғасырға куә // Білім және еңбек. 1987. № 27.

Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. 1989. №3.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1964.

1-сурет.

2-сурет.

Д.П. Куштан

Археологическая инспекция, г. Черкассы, Украина

О ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Эпоха поздней бронзы на степных и лесостепных просторах Евразии от Днепра на западе и до Алтая на востоке была связана с историей и взаимодействием двух больших культурно-исторических общностей (КИО): срубной и андроновской. На развитом этапе поздней бронзы (XIV - нач. XIII вв. до н.э.) прослеживается проникновение отдельных элементов черкаскульской и фёдоровской культур андроновской КИО с территории Зауралья и Казахстана через степное и лесостепное Поволжье вплоть до дальней западной периферии «срубного мира» – Среднего Поднепровья. Здесь в комплексах бережновско-маёвской срубной культуры фиксируются находки типичной черкаскульско-фёдоровской керамики, бронзовых изделий андроновского очага металлообработки, а также отмечается появление погребений по обряду кремации, не характерного до этого времени для срубников (Отрощенко В.В., 1976, с. 186; Волковой С.С., 1980, с. 71; Березанская С.С., Гершкович Я.П., 1983, с. 101-108; Козьмина Е.Е., 1987, с. 63-65; Отрощенко В.В., 2001, с. 161).

Начало финального этапа поздней бронзы (кон. XIII - X вв. до н.э.) совпало с распадом срубной и андроновской КИО. На смену им на значительном пространстве степи и лесостепи от Дуная до Алтая происходит формирование общности культур валиковой керамики (ОКВК). Для культур, входивших в неё, кроме одинакового стиля орнаментации кухонной посуды одиночным наlepным валиком характерны также сходные типы бронзовых изделий из высококачественной оловянистой бронзы (Черных Е.Н., 1983, с. 90-93). Как и для предыдущего этапа, основными направлениями взаимосвязей были широтные – вдоль северной границы степи (Членова Н.Л., 1976, с. 80). Поэтому по-прежнему фиксируются активные культурные связи по линии Западная Сибирь – Среднее Поволжье – Поднепровье.

На материалах керамических комплексов поселений позднесабатиновского и раннебелозёрского времени Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья Я.П. Гершковичем была выделена «группа восточного, поволжско-приуральско-казахстанского происхождения», которая сопоставлялась с культурами восточной зоны ОКВК: черкаскульской, фёдоровской, межовской, тазабагьябской, саргаринско-алексеевской (=бегазы-саргаринской), ивановской (=хвалынской), усманской (Гершкович Я.П., 1998, с. 75-78; 2001, с. 70). Присутствует такая керамика и на памятниках белогрудовской культуры Среднего Поднепровья. Первые на неё обратил внимание ещё А.И. Тереножкин, рассматривая материалы боботовского городища (1961, с. 54-55; рис. 29). К этой группе были отнесены чашки, украшенные углублённым орнаментом в виде однорядных и двурядных горизонтальных ёлочек, иногда обрамлявшими наlepный валик,

керамика с «воротничковым» оформлением венчиков, что находит аналогии в керамике ивановской культуры Лесостепного Поволжья, кобяковской культуры Нижнего Дона, позднефёдоровской и саргаринско-алексеевской культур Притоболья и Казахстана (Гершкович Я.П., 2001, с. 70).

Благодаря последним исследованиям, перечень поселенческих памятников заключительного этапа поздней бронзы Среднего Поднепровья, в керамических комплексах которых присутствует керамика поволжско-приуральско-казахстанского происхождения, может быть продолжен. Она была идентифицирована при повторной обработке керамических коллекций поселений Мошны (Куштан Д.П., 2005, с. 104-105), Чикаловка (Куштан Д.П., 2006, с. 269), Максимовка-Топило (раскопки В.Н. Даниленко 1956 г.). Такая же керамика обнаружена на исследованных автором размытых поселениях позднесабатиновско-раннеобелозёрского времени в зоне Кременчугского водохранилища на Днепре (Липовское 1, Червонохиженцы 2, Самовица-остров 1, Чапаевка 8, Леськи 3б). На всех выше указанных памятниках керамика восточной группы найдена совместно с керамикой позднеднестровской, белогрудовской, малобудковско-бондарихинской культур.

Рассмотрим подробнее керамику поволжско-приуральско-казахстанского происхождения с этих памятников, которая может быть разделена на четыре культурные типы: ивановский, бегазы-саргаринский, атабаевско-межовский и сарганский.

Наиболее многочисленна керамика **ивановского типа**, которая присутствует на всех выше перечисленных памятниках. Это кухонные горшки с плавным S-видным профилем и максимальным расширением тулова на уровне верхней трети высоты. Внутренняя и внешняя поверхность обработана расчёсами (вертикальными — по шейке, хаотичными — по тулову), выполненными гребенчатым штампом. Орнамент состоит из одиночного налепного валика с разомкнутыми концами в виде «усов», который размещён на уровне плечиков или при переходе плечика к шейке. Поверхность валика, как правило, украшена косыми либо крестовидными оттисками прямого гладкого или гребенчатого штампа (рис. 1, б). Валиковый орнамент иногда дополнен ниже рядом косых отпечатков штампа; венчик в ряде случаев имеет утолщение в виде воротничка (рис. 1, 4). Керамика этого типа имеет аналогии с материалами поселений ивановской (хвалынской) культуры Степного и юга Лесостепного Поволжья, таких как Ивановское (Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 38-42; рис. 8, 9), Григорьевка (Колев Ю.И., 2000, с. 253; рис. 27, 28; 2002, с. 154-155; рис. 5, 6).

Вторую по численности составляет керамика **бегазы-саргаринского типа**, она найдена на большинстве из указанных поселений: Чапаевка 8, Самовица-остров 1, Леськи 3б, Чикаловка. Как и ивановская, керамика этого типа представлена горшками с валиковым орнаментом, однако, в отличие от первой, не имеет гребенчатых расчёсов на внешней поверхности (рис. 1, 2). Присутствуют так же горшки характерной формы: с узким горлом и раздутым туловом (рис. 1, 1,5). Валики украшены отпечатками преимущественно гладкого штампа в виде

косых насечек, крестов и горизонтальной ёлочки. Иногда помимо валикового орнамента сосуд ниже украшен заштрихованными треугольниками вершинами вниз, как на горшке из Чапаевки 8 (рис. 1, 1). На поселениях Самовица-остров 1 и Леськи 36 найдены фрагменты от горшков, орнаментированных оттисками прямого гладкого штампа в виде горизонтальной ёлочки (рис. 1, 8), а так же в сочетании с прочерченным орнаментом, имитирующим наклепной валик (рис. 1, 7). К этому же типу керамики вероятнее всего относится развал небольшой чаши с подлощенной поверхностью из Чикаловского поселения. Её плечики ниже узкого горизонтального прочерченного пояса, заполненного вертикальными отпечатками ногтя (вероятно тоже имитация валика?), покрыты линейным орнаментом из косо заштрихованных треугольников вершинами вниз (рис. 1, 3). Керамика этого типа близка к материалам памятников бегазы-саргаринской культуры Южного Зауралья, Центрального и Северного Казахстана, в частности таких поселений как Алексеевское (Потёмкина Т.М., 1975, с. 39-41; рис. 3, 1, 4, 2), Садчиковское (Кривцова-Гракова О.А., 1951, рис. 10; рис. 12, 4-6, 11; рис. 13, 1; рис. 22, 15; рис. 23, 10; рис. 28, 8), Шортанды-Булак (Маргулан А.Х., 1979, с. 204; рис. 155-157), Кент (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 55-56; рис. 20, 17; рис. 21, 3, 4; рис. 22).

Третий компонент восточной группы керамики на поселениях Среднего Поднепровья – керамика **атабаевско-межовского типа**. Она в небольшом количестве присутствует на большинстве поселений: Червонохиженцы 2, Мошны, Чапаевка 8. Характеризуется керамика данного типа преимущественно тонкостенными кухонными сосудами с воротничковым утолщением по краю венчика в сочетании с одним или несколькими рядами круглых наколов (рис. 2, 3) либо «жемчужин» (рис. 2, 4) по шейке. Наколы иногда совмещаются с крестообразными насечками по плечиках (рис. 2, 2) или со сложным линейным орнаментом, выполненным отпечатками гребенчатого штампа, который покрывает всю верхнюю часть сосуда, включая край венчика (рис. 2, 5). Эта керамика находит аналогии среди материалов поселений межовской культуры Приуралья (Обыденнов М.Ф., 1985, с. 133), а также близких им памятников Лесостепного Поволжья и Прикамья, содержащих керамику атабаевско-кайбельского типа (Колев Ю.И., 2000, с. 250-251; рис. 20, 1-3; рис. 22, 2; рис. 23, 5-7).

И, наконец, единственным пока экземпляром представлена керамика **сусканского типа**. Это фрагмент верхней части горшка с поселения Максимовка-Юпило. Сосуд слабопрофилированный с практически прямым венчиком и высоко расположенными округлыми плечиками, орнаментирован врезными линиями: поясом из горизонтальных линий по шейке и косыми горизонтально заштрихованными треугольниками вершинами вниз (рис. 2, 1). Указанный тип керамики близок к материалам памятников сусканской культуры Волго-Камья (Колев Ю.И., 2000, с. 244-245; рис. 4, 13; рис. 6, 11-17).

Среди причин проникновения керамики восточной (поволжско-приуральско-казахстанской) группы до Поднепровья Я.П. Гершкович называет климатические

изменения, имевшие место в последней четверти II тыс. до н.э., в частности, начало процесса аридизации (1998, с. 81). Однако, едва ли этим можно объяснить столь далёкие связи именно в широтном направлении. Очевидно, их причины нужно искать в межплеменных экономических связях и контактах.

Так, важную роль для населения Среднего Поднепровья, начиная с развитого (срубно-андроновского) этапа поздней бронзы, имело восточное направление связей, обусловленное, кроме тяготения к меднорудным базам, потребностью местных литейщиков (лобойковский очаг металлообработки) в таком дефицитном для этого времени сырье, как олово – важной составляющей для производства высококачественной бронзы. Для нужд очагов Евразийской металлургической провинции месторождения оловянной руды (касситерита) разрабатывались андроновскими племенами на территории Центрального, Южного и Восточного Казахстана, Рудного Алтая, откуда это ценное сырье пересправлялось на запад тысячекилометровыми торгово-обменными путями (Черных Е.Н., 1978, с. 72; Кузьмина Е.Е., 1987, с. 65; Евдокимов В.В., 2000, с. 116). После распада андроновской КИО монополия на добычу олова перешла к племенам бегазы-саргаринской культуры.

Трансевразийский «оловянный» путь на запад проходил двумя направлениями. Один – через Средний Урал (ареал черкаскульской, а позже межовской культуры) до Волго-Камья (ареал сусканской культуры), где функционировал чербденевский очаг металлообработки. Второй путь шёл южнее Урала через Степное Поволжье (ареал ивановской культуры) в сторону Днепра. Высокому уровню коммуникаций на заключительном этапе поздней бронзы, очевидно, способствовало применение лошади для верховой езды, о чём свидетельствует распространение по всей зоне ОКВК единого типа стержневидных псалиев.

Литература

Березанская С.С., Гершкович Я.П. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Волкобой С.С. Срубные кубки в Днепровском Левобережье // Курганы Степного Поднепровья. Выпуск 4. Днепропетровск, 1980.

Гершкович Я.П. К вопросу об андроновских элементах в срубной культуре на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье - Северо-Восточное Приазовье - Подонцовье) // Археологический альманах. №7. Донецк, 1998.

Гершкович Я.П. Взаимодействие археологических культур в заключительный период эпохи поздней бронзы на Юго-Западе Восточной Европы // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. археолог. конференц. Оренбург, 2001.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы, 2000.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Колев Ю.И. Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 2. Самара, 2002.

Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (Раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА. №21. Том II. М., 1951.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. №46. М., 1955.

Кузьмина Е.Е. О западных связях андроновских племён // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.

Куштан Д.П. Восточные элементы в керамическом комплексе поселения эпохи поздней бронзы Мошны на Черкащине // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матер. II-ї Луганської міжнародн. істор.-археолог. конференц. Луганськ, 2005.

Куштан Д.П. Проблема культурної атрибуції Чикалівського поселення доби пізньої бронзи // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №5. Луганськ, 2006.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Обыденнов М.Ф. Ареал межовской культуры позднего бронзового века и характеристика поселений на Южном Урале // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

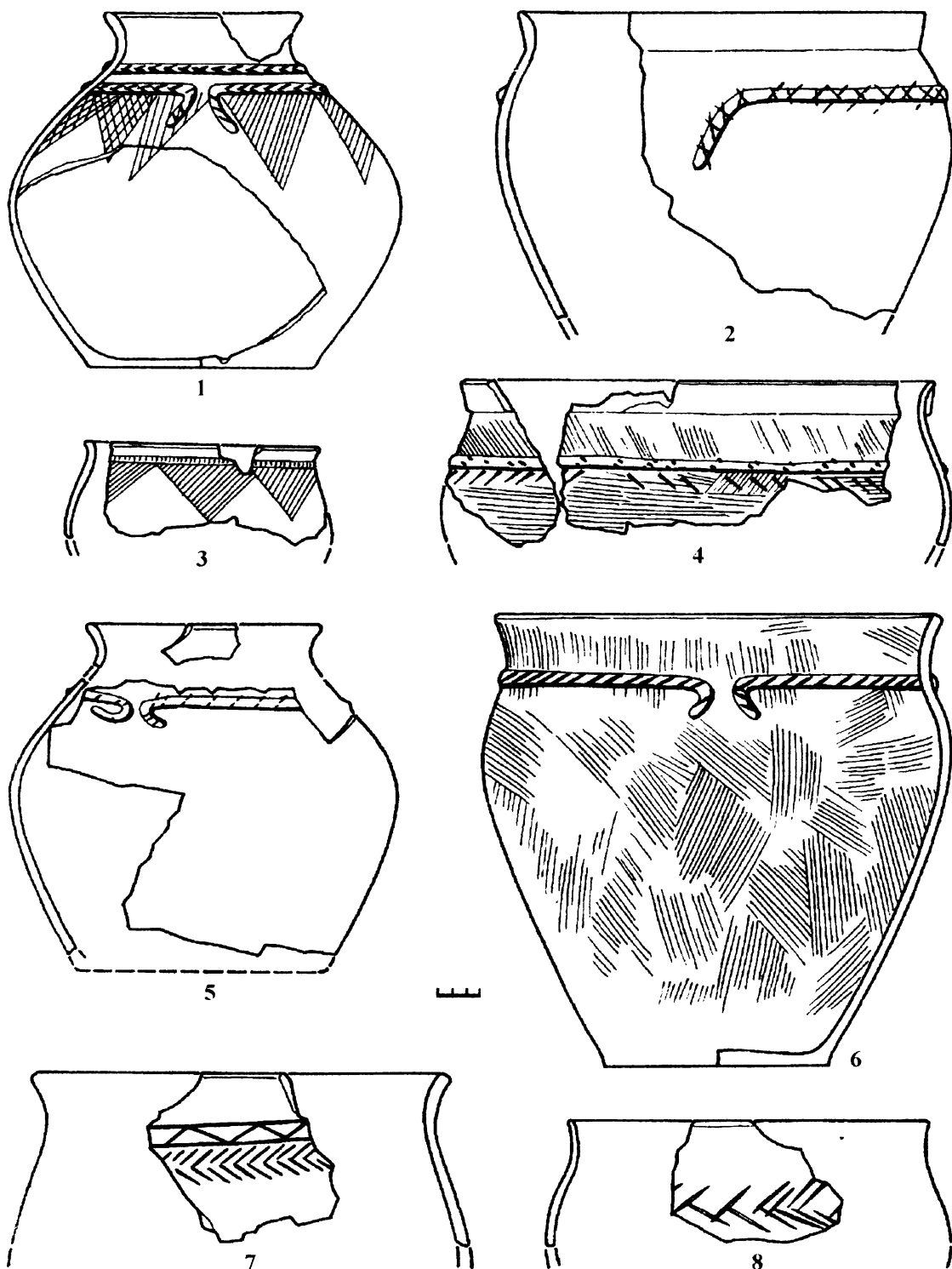
Отрошенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

Потёмкина Т.М. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. №1, 1975.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. №4, 1978.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Членова Н.Л. Пути и распространение связей древних культур Поволжья и Приуралья в эпоху поздней бронзы // Проблеми археології Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

1. Керамика бегазы-саргаринского (1-3, 5, 7, 8) и ивановского (4, 6) типов из слоев финала поздней бронзы Среднего Поднепровья: 1, 6 – Чапаевка 8; 2, 4 – Вонохиженцы 2; 3 – Чикаловка; 5, 8 – Самовица-остров 1; 7 – Леськи 3б.

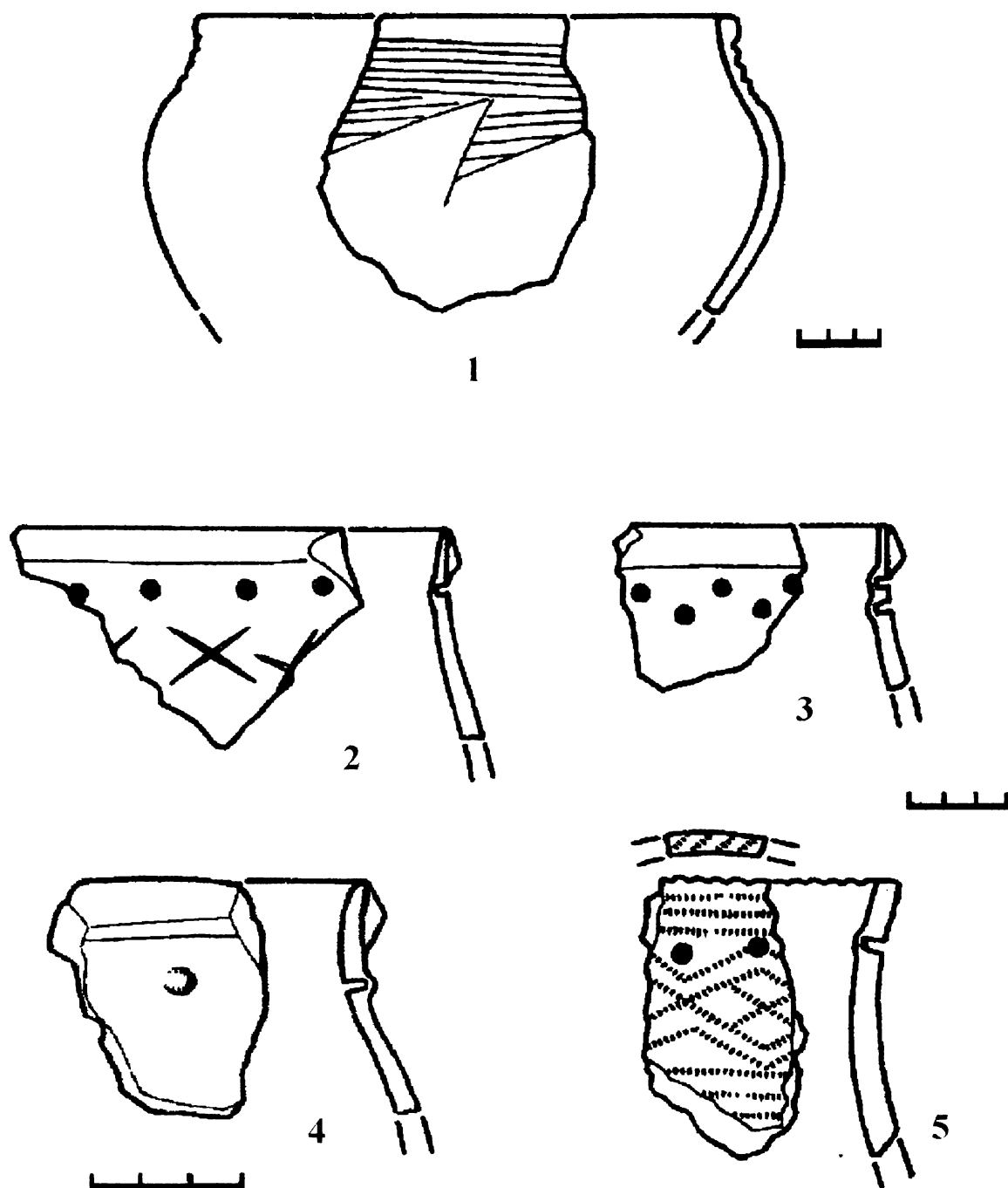

Рис. 2. Керамика сусканского (1) и атабаевско-межовского (2-5) типов из юселений финала поздней бронзы Среднего Поднепровья: 1 – Максимовка-Говило; 2,3 – Червонохиженцы 2; 4 – Мошны; 5 – Чапаевка 8.

А.В. Логвин, И.В. Шевнина, А.В. Колбина

*Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан*

ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА НА МОГИЛЬНИКЕ БЕСТАМАК

Вопрос о социальной реконструкции андроновского общества по-прежнему является одним из самых сложных в андроноведении. Погребения же пожилых людей в андроновском обществе вообще малоизвестны. Именно в связи с этим интересно погребение № 131 синташтинско-петровского периода могильника Бестамак, который находится на территории Торгайского прогиба. Памятник исследовался Тургайской археологической экспедицией в течение восьми полевых сезонов (1991–1993, 1997, 2002, 2003, 2005–2007 гг. под руководством В.Н. Логвина, С.С. Калиевой, А.В. Логвина). Захоронение женщины старческого возраста (больше 55 лет) было зафиксировано на глубине 1,5 м от материка, в яме прямоугольной формы с закругленными углами. Размер ямы в придонной части 1,8 x 0,83 м. На глубине 1,3–1,4 м, по периметру могильной ямы был зафиксирован древесный тлен, представляющий, по всей видимости, остатки обкладки погребальной камеры. Женщина находилась на левом боку в слабо скорченном положении, головой на юго-запад (рис. 1, 1). Череп погребенной завален лицевой частью вниз, кисти рук перед лицом. В районе затылка и груди костяка находилось ожерелье (рис. 1, 12), состоявшее из низки бронзовых, каменных и пастовых бус: бронзовые бочонковидные бусины (19 экз.) изготовлены из листа, диаметр 4–6 мм, длина 7–9 мм; бронзовая колечковидная бусина, диаметр 7 мм, толщина 5 мм; бусина из бирюзы колечковидная, диаметр 7 мм, толщина 5 мм, диаметр отверстия 1,5 мм; округлая, плоская бусина из двуцветного камня, с одной стороны серая, с другой стороны белая, диаметр 12 мм, толщина 5 мм, диаметр отверстия 1 мм; большая бочонковидная белая бусина из камня, длина 30 мм, ширина 20 мм, диаметр отверстия 5 мм, поперечное сечение ромбовидное; пастовые округлые бусины (17 экз.), диаметр 5–7 мм; пастовые трубчовидные бусины (7 экз.), длина 8–12 мм, диаметр 2–4 мм; пастовые колечковидные бусины (15 экз.), диаметр 2–3 мм, толщина 2 мм.

На руках женщины было надето по одному бронзовому желобчатому браслету (рис. 1, 9, 10) с несомкнутыми концами. В районе локтя правой руки находилось три бронзовых подвески в 1,5 оборота (рис. 1, 6, 7, 8), расположение которых позволяет предположить, что они были прикреплены к рукаву одежды погребенной, при этом две подвески оказались одна в другой. В южном углу, в яме погребенной (на глубине 1,4 м), был поставлен острореберный сосуд (рис. 1, 2), рядом с сосудом найдены остатки деревянного изделия, скрепленного бронзовой проволокой, концы которой скручены в спираль (рис. 1, 5). Ширина проволоки 4–5 мм. За спиной погребенной был положен бронзовый нож с наконечниками деревянных ножен (рис. 1, 11). Лезвие обоюдоострое, длина лезвия

около 65 мм, ширина 17-26 мм. Острые лезвия округлой формы, рукоять плоская, прямоугольная в сечении, длина ее около 145 мм, ширина – 20 мм. В ногах костяка, в положении «на боку», находилось два маленьких сосулика, причем в сосуд баночного типа был поставлен сосуд горшечного типа (рис. 1,3,4). В северном углу ямы на глубине 1,2-1,3 м было найдено два ребра лошади или крупного рогатого скота (определения Л.Л. Гайдученко), положенные под наклоном. На дне ямы фиксировался тлен мощностью до 0,05 м, вероятно остатки подстилки.

Керамическая коллекция насчитывает три целых сосуда. Один плоскодонный острореберный сосуд (рис. 1, 2) имеет диаметр по горловине 205 мм, по тулову 230 мм, по днищу 105 мм. Высота сосуда 203 мм, высота шейки (до ребра) 40 мм. Шейка имеет небольшой «воротничок» с внешней стороны. Срез венчика округлый. Толщина стенок 10 мм, днища 12 мм. Тесто плотное, с примесью органики, шамота и мелкозернистого песка. Орнаментирована верхняя часть сосуда. Верхняя часть шейки (до ребра) украшена рядом перевернутых вершинами вниз равнобедренных и заштрихованных треугольников без основания. Треугольники нанесены гладким штампом. Ребро орнаментировано рядом наклонных овальных вдавлений, ниже которого расположен ряд перевернутых вершинами вниз равнобедренных заштрихованных треугольников без основания, выполненных тем же штампом. Кроме этого, внешняя поверхность сосуда заглажена зубчатым штампом.

Второй, маленький орнаментированный плоскодонный острореберный сосулик (рис. 1, 3) имеет диаметр по горловине 97 мм, по тулову 113 мм, по днищу 53 мм. Высота сосулика 73 мм, высота шейки (до ребра) 20 мм. Верхний край шейки резко отогнут наружу. Срез венчика округлый. Толщина стенок 4-10 мм, днища 10 мм. Тесто плотное, с примесью органики, ракушки и шамота. На шейке, под венчиком, находятся два диаметрально расположенных округлых отверстия (диаметр – 4 мм). Орнаментирована вся внешняя поверхность сосуда. С внутренней стороны, под венчиком гладким штампом нанесен ряд перевернутых вершинами вниз заштрихованных, равнобедренных, без основания треугольников, выполненных гладким штампом. Ребро украшено четырьмя горизонтальными прочерченными линиями. Верхняя часть тулова (под ребром) орнаментирована рядом равнобедренных перевернутых вершинами вниз заштрихованными треугольниками с двойным контуром, нанесенных гладким штампом. Придонная часть орнаментирована рядом заштрихованных равнобедренных треугольников без основания, выполненных гладким штампом и двумя горизонтальными прочерченными линиями.

Третий маленький орнаментированный плоскодонный сосулик имеет плавную профилировку (рис. 1, 4). Диаметр по горловине 105 мм, по тулову 113 мм, по днищу 62 мм. Высота сосуда 80 мм. Шейка не выражена, верхний ее край слегка загнут во внутрь сосуда. Срез венчика приостренный. Тесто плотное, с примесью органики, слюды и мелкозернистого песка. Толщина стенок 8 мм, днища 10-12 мм. Верхняя часть сосуда орнаментирована тремя горизонтальными линиями, ниже которых располагается ряд равнобедренных заштрихованных

перевернутых вершинами вниз треугольников без основания. Придонная часть сосуда орнаментирована рядом равнобедренных заштрихованных треугольников без основания. Все выполнено крупным зубчатым штампом.

Погребения пожилых людей (старше 50 лет) в разных археологических эпохах достаточно редкое явление, не является исключением и эпоха развитой бронзы. Они составляют, как правило, на одном могильнике около 1,5 - 19 % всех погребений (Бужилова А. П., 2005, с. 123; Михайлов Ю.И., 2001, с.109-121; Позднякова О.А., 2000, с. 51-52). В связи с этим возникает вопрос – что андроновцы делали со своими стариками? Можно предположить две основные версии: 1) они просто не доживали до старческого возраста, 2) обряд погребения стариков отличался от общего погребального обряда (возможно, их хоронили на отдельных кладбищах).

При любой из этих версий факт захоронения женщины, дожившей до 55 лет, с остальными членами общества представляет определенный интерес.

Анализ погребального обряда и инвентаря можно рассматривать двояко. С одной стороны имеются признаки, которые, скорее всего, символизируют смену социального статуса с достижением старческого возраста:

- отсутствие наколика;
- необычное ношение подвесок в 1,5 оборота (на локте);
- бедный жертвенный комплекс;
- маленькие размеры ямы;
- бедность инвентаря (орудия труда представлены лишь ножом);
- неестественное положение головы (лицом вниз). Чем вызвано такое положение, к сожалению, сказать трудно, так как сохранность костных остатков не позволяет определить, была ли голова отчленена.

С другой стороны, тот факт, что она дожила до столь преклонного возраста и была похоронена на общем кладбище, говорит о том, что она, возможно, чем-то выделялась среди других соплеменников. Например, могла иметь отношение к ритуально-магическим функциям (нередко наличие деревянных изделий в погребениях связывают с сакральной функцией погребенного (Кузьмина Е.Е., 1997, с.44; Отрощенко В.В., 1984, с. 84-96; Литвиненко Р.А., 1997, с. 106-109). Кроме этого, необходимо отметить наличие следующих особенностей здоровья погребенной женщины, которые несомненно должны были отразиться на ее внешности: 1) изменения костной ткани черепа погребенной (сами изменения подробно описаны ниже), вероятно, появившиеся вследствие длительного инфекционного воспалительного процесса; 2) перенесенный остеомиелит; 3) прижизненная утеря предкоренных зубов; 4) стертость до основания коронок резцов и клыков погребенной. Причиной такой стертости может быть как возраст погребенного, так и процессы, связанные с использованием зубочелюстного аппарата в качестве орудия для обработки природных материалов.

Конечно, материалы одного погребения не дают возможности ответить на все вопросы, но, тем не менее, заставляют задуматься о роли и статусе стариков в андроновском обществе.

Антропологический анализ материала

Кости погребенного сохранились фрагментарно. Проводить измерения на черепе и посткраниальном скелете не представляется возможным.

Череп представлен всеми костями мозгового отдела, кроме левой чешуйчатой, слегка деформирован под тяжестью грунта. В вертикальной норме череп ромбовидной формы с очень узким лбом. Структура костной ткани рыхлая, кость несколько утолщенная, в области теменных костей до 11 мм. Отмечена резорбция тканей на теменных и затылочной костях. Вероятно, изменения могли быть вызваны *инфекционным воспалительным процессом*.

Лицевой скелет отсутствует. Нижняя челюсть представлена правой и срединной частью тела и левой ветвью. Высоту ветви восстановить не удалось из-за разрушения в точке гонион, а ширина составляет 34,3 мм. Правая часть тела челюсти разрушена, слева в области корней премоляров осталась подрывная полость вследствие перенесенного *остеомиелита*. Альвеолярные отростки атрофированы, что указывает на *прижизненную утерю предкоренных зубов*. Сохранились все нижние резцы, клыки и коренные зубы слева. Коронки резцов и клыков стерты до основания. Коренные зубы несколько отклонены к центральной части челюсти, лунки не глубокие и, практически, атрофированы. Коронки стерты не равномерно, имеют наклон от лингвальной к вестибулярной стороне, где их высота составляет 1/3 часть от нормальной высоты.

Определение возраста и пола индивида устанавливалось на основании степени зарастания швов черепной коробки и состояния костей посткраниального скелета. Все швы черепа, кроме чешуйчатого облитерированы полностью. Кости более легкие, компактный слой разрежен, на сохранившейся головке правой плечевой кости имеются неровности и шероховатости. На теле позвонков отмечены костные разрастания в виде острых гребешков. Эти признаки позволяют определить возраст погребенного как старческий.

Пол индивида определялся по признакам на костях черепа и таза: слабо развитый надглазничный рельеф, умеренные размеры сосцевидных отростков, умеренные размеры диафиза плечевой кости, форма большой вертлужной впадины позволяют определить пол погребенного как женский.

Литература

Бужилова А. П. Homo Sapiens. История болезни. Москва, 2005.

Кузьмина Е.Е. Динамика экономики и социальной стратификации истуканских племен азиатских степей // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос.науч.конф. Барнаул, 1997.

Литвиненко Р.А. Деревянная посуда в погребениях срубной культуры (СК) Ново-Донецкого региона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории племен южнорусских степей: Материалы междунар. конф. Саратов, 1997.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири.

эпоха бронзы. Кемерово, 2001.

Отрощенко В.В. Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1. Днепропетровск, 1984.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000. т. 3.

Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // Вестник древней истории. 1993. № 2.

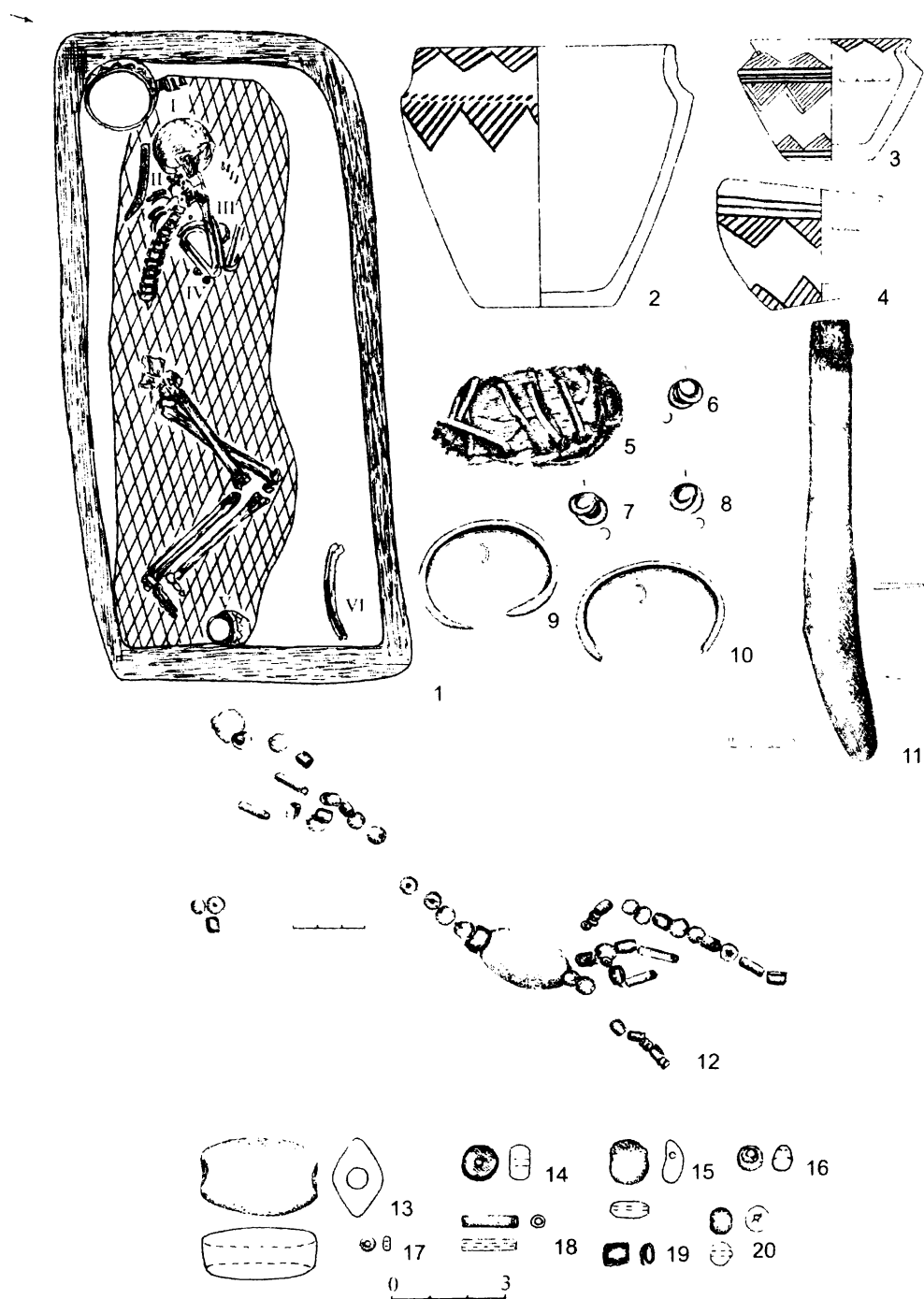

Рис.1. Могильник Бестамак. Яма № 131. 1 – план погребения. I – керамический сосуд и остатки деревянного изделия, II – бронзовый нож и ожерелье, III – бронзовые браслеты, IV – бронзовые подвески в 1,5 оборота, V – два маленьких керамических сосуда, в положении «сосуд в сосуде», VI – два ребра животного; 2,3,4 – керамические сосуды; 5 – остатки деревянного изделия, скрепленного бронзовой проволокой; 6,7,8 – бронзовые подвески в 1,5 оборота; 9,10 – бронзовые браслеты; 11 – бронзовый нож; 12 – ожерелье. Полевая зарисовка.

В.Г. Ломан, И.А. Кукушкин

*Карагандинский государственный университет им.Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан*

МОГИЛЬНИК КУДРЯВАЯ СОПКА1*

Могильник Кудрявая Сопка1 расположен на обрывистом правом берегу р. Каргалы (приток р. Ишим), у южных отрогов гор Аюлы, в 95 км к северо-северо-западу от г. Караганды и в 6 км к юго-западу от села Октябрьское.

Всего насчитано шесть близко расположенных друг к другу курганообразных сооружений; в 70 м к юго-востоку от них находится древнетюркская поминальная оградка. Раскоп площадью 198 кв. м был разбит в западной части могильника над тремя плоскими курганами, два из которых (№ 1 и № 3) оказались полностью ограбленными.

Курган № 1 имел диаметр 5,5 м, был сложен из камней в один слой максимальной высотой 0,25 м. По основанию северного сектора насыпи сохранились остатки крепиды из более крупных камней. После снятия насыпи в центральной части, на глубине 0,15 м от современной поверхности, была обнаружена пустая могила эллипсоидной формы в плане (0,65x1,8 м), глубиной 0,4 м, ориентированная длинной осью по линии «СЗ-ЮВ».

Курган № 3 находился в 2,5 м к юго-востоку от кургана № 1. Насыпь из камней в один-два слоя общей высотой 0,2 м, была окружена крепидой (3x3,5 м) из крупных плоских камней. Могила, ориентированная длинной осью по линии «З-В», эллипсоидной формы в плане (0,5x1,25 м), глубиной 0,3 м, была зафиксирована на глубине 0,2 м от современной поверхности. На дне находились *in situ* берцовые кости человека, судя по которым погребенный, ребенок 2-4 лет, лежал вытянуто на спине головой на запад.

Курган № 2 расположен в 3 м к северо-востоку от кургана № 1. Насыпь, сложенная из крупных валунов, была сильно разрушена, от крепиды сохранились дуговидные участки в северной и южной частях сооружения, по которым можно предполагать, что внешний диаметр конструкции составлял около 7 м.

Сооружение, скорее всего, было разрушено грабителями, которым, однако, не удалось обнаружить могилу, располагавшуюся с небольшим смещением к югу от центра.

Могила, ориентированная длинной осью по линии «СЗ-ЮВ», была зафиксирована на уровне 0,2 м от современной поверхности, в плане имела подпрямоугольную форму (0,85x2,35 м), глубину 0,35 м. Над восточной частью могильного пятна расчищено скопление костей годовалой лошади¹ - жертвенная выкладка или же остатки поминальной тризны.

* Раскопки проводились по Карагандинской областной программе «Культурное наследие».

¹ Палеонтологические определения выполнены старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), к.и.н. А.К. Каспаровым.

Погребение в могиле оказалось двухъярусным. Снизу находился костяк взрослого мужчины, на котором лежал детский скелет, обнаруженный на глубине 0,3 м от края ямы. Оба погребенных были ориентированы головами на северо-запад.

Погребение взрослого представляло собой искусственную выкладку неполного скелета, от которого в наличии были череп, позвоночник, кости левой руки (без кисти) и кости левой ноги. Кости были уложены в правильном анатомическом порядке так, что скелет находился в вытянутом положении на левом боку с рукой, согнутой в локте «кистью» перед лицом. Нога была слегка согнута в колене, по обеим сторонам голени лежали кости овцы: сзади – задняя нога, спереди – задняя половина хребта. Других находок не обнаружено. Дно могилы под костяком было обмазано белой глиной.

Верхняя половина скелета ребенка лежала ничком с руками, вытянутыми вдоль туловища, а таз и согнутые в коленях ноги – на левом боку. Часть ребер, кости левого локтя, кистей рук и голеней ног со стопами не сохранились. Возможно, они отсутствовали уже при погребении, как и в случае с погребением взрослого.

Ярусные погребения были встречены на территории Западного Казахстана (Гуцалов С.Ю., 2004, с. 95), где они датируются концом VI – первой половиной V вв. до н.э. (там же, с. 96). С.Ю. Гуцалов считает некоторые из них связующим звеном «между подобными памятниками эпохи бронзы и раннего железа» (Гуцалов С.Ю., 1992, с. 99), ссылаясь на наличие ярусных захоронений в эпоху бронзы (там же).

Погребение половины человеческого скелета, подобное нашему, но ориентированное «головой» на юго-восток и на правом боку, было обнаружено в Горном Алтае, на могильнике Кызык-Телань-I, в кургане № 42 (Тишкин А.А., Суразаков А.С., 2007, с. 95, рис. 98). Поза, приданная костяку, обычна для лазырыкских захоронений (там же, с. 97). Авторы публикации называют это погребение необычным, поскольку на тот момент никаких аналогий ему не имелось.

В нем были найдены две поясные роговые пряжки (там же, рис. 99: 1,2) и две костяные пронизи (там же, рис. 99: 3,4). Аналогичные принадлежности поясного набора бытовали с V по II вв. до н.э. (там же, с. 99-101), что «затрудняет определение узкой даты кургана № 42» (там же, с. 101).

По костям из могилы кургана № 2 Кудрявой Сопки-1 получена радиоуглеродная дата — 2770±40 лет (СОАН-7478, некалиброванная), или 1008/828 гг. до н.э. (калиброванная). Судя по ней, такой способ обращения с умершим появился уже в финале эпохи бронзы или же в самом начале раннескифского времени.

Литература

Гуцалов С.Ю. Ярусные погребения Илека и проблема сложения

авроматской культуры // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007.

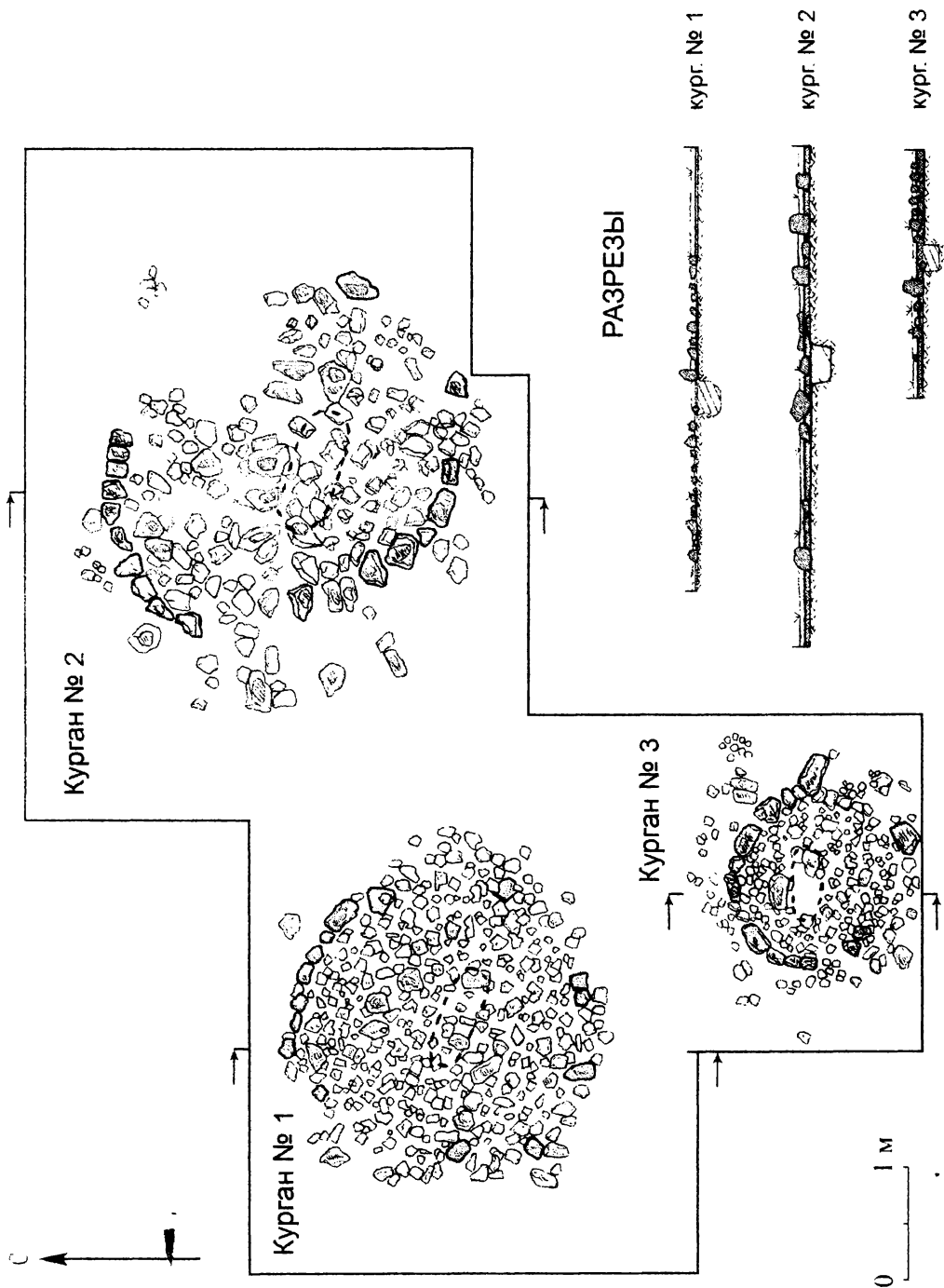

Рис. 1. Могильник Кудрявая Сопка-1. Раскоп: план и разрезы.

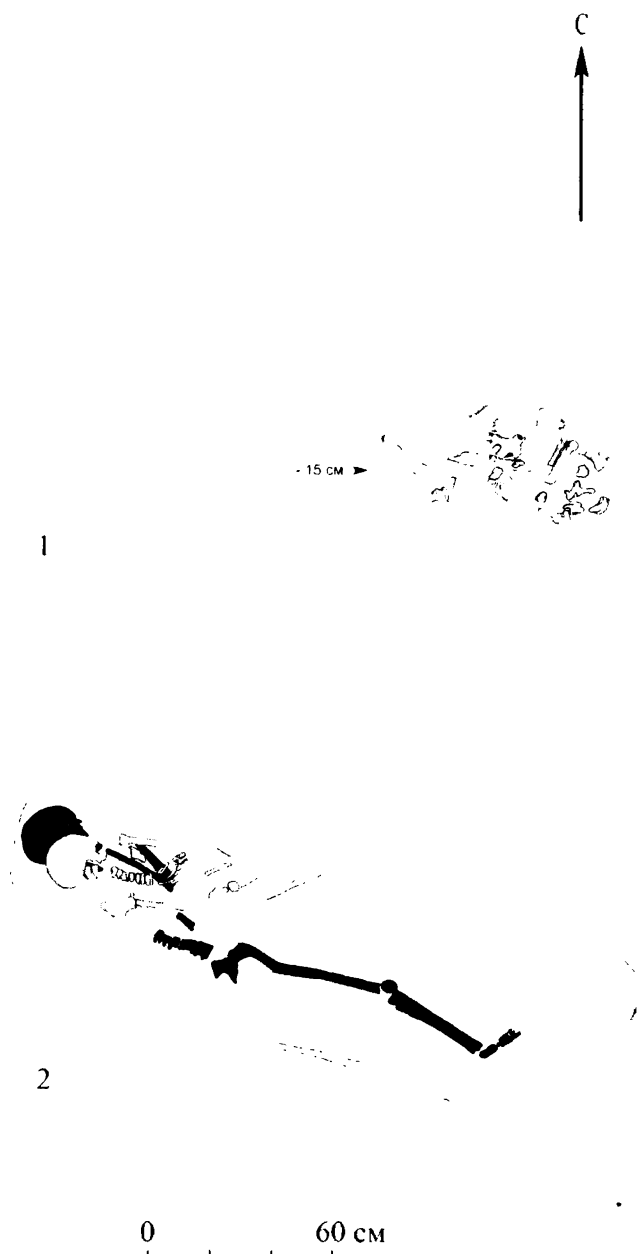

Рис. 2. Могильник Кудрявая Сопка-1, курган №2: 1 - скопление костей лошади над могилой; 2 - расположение костяков в могиле.

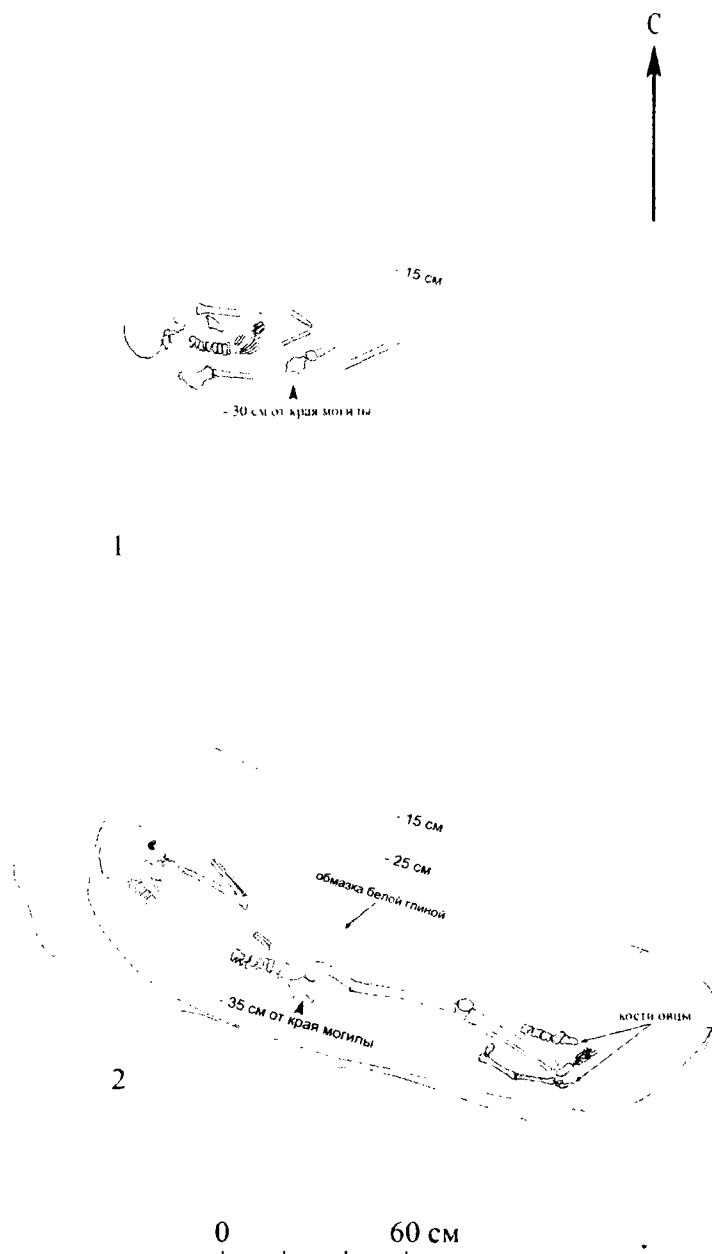

Рис. 3. Могильник Кудрявая Сопка-1, курган №2: 1 – погребение ребенка; 2 – погребение взрослого.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И СООБЩИННОСТИ В ЭНЕОЛИТЕ УРАЛО-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ*

В последние десятилетия в археологии всё чётче проступают очертания нескольких научно-исследовательских направлений. Мы не всегда чётко рефлексируем направленность своих исследований, понимая археологию как единое целое, что часто приводит к некорректности в постановке целей и задач и, соответственно, негативно сказывается на ожидаемых результатах. На текущий момент таких направлений можно выделить четыре: полевое-методическое, археолого-классификационное, археолого-историческое, теоретическое. Археологи, анализируя полученный во время раскопок материал и, проводя историко-культурные реконструкции, т.е. большую часть своего времени, работают в рамках второго и третьего.

Археолого-классификационное направление своей основной целью ставит анализ и группировку различных категорий артефактов в рамках археологических культур и создание схем, объединяющих артефакты в пространственно-временном континууме. Основным понятием в археологической классификации является археологическая культура – единство археологических памятников, расположенных на конкретной территории в определённый отрезок времени, выражаемое в близком сходстве различных категорий артефактов: орудий труда, керамике, архитектуре, погребальном обряде и т. д. Выделение археологической культуры – это создание фактологической базы археологии в систематизированном виде. Отсюда следуют и решаемые задачи, прежде всего, разноуровневая классификация артефактов: собственно археологических находок; остатков жилищ, деталей интерьера, поселений и т.д.

Однако, само научное понятие «археологическая культура» до сих пор не определённо, поскольку для различных археологических периодов используются разные критерии и принципы при выделении археологических культур. Например, выделение культур неолита-энеолита Северной Евразии проводится по анализу остатков жилищ, каменного инвентаря и керамики, а культуры медвежников раннего железного века выделяются и сравниваются по погребальному обряду, вооружению и предметам украшения. Исходным объектом исследований в археолого-классификационном направлении может служить как частично раскопанный археологический памятник с остатками сооружений – таких на настоящий момент подавляющее большинство, так и полностью раскопанная археологическая коллекция из культурного слоя. Это не влияет на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Поселенческие структуры лесостепного Притоболья в древности и раннем средневековье», проект № 09-24-00000.

конечный результат – выделение той или иной классификационной единицы: тип памятника или археологическая культура. Очевидно, что работа каждого конкретного археолога многогранна и затрагивает различные области научных исследований – от организации экспедиции и раскопок до написания монографии. Работая в археолого-классификационном направлении, нужно понимать, что классификация и типология позволяют нам ориентироваться в существующем многообразии артефактов и являются источником знаний только непосредственно о них. Выделяя археологическую культуру, мы фиксируем пространственно-временную позицию в распространении артефактов со сходными признаками, но не более того. Вряд ли здесь можно говорить о «происхождении» или «исторических судьбах» того или иного населения.

Целью археолого-исторического направления является изучение и моделирование процесса адаптации человеческих коллективов в определённый хронологический отрезок в конкретном вмещающем ландшафте, то есть, собственно, исследование истории общества. Например, уже сам факт строительства жилища на стоянке каменного века – это историческое событие, содержанием которого является адаптация конкретного, социально структурированного коллектива людей в окружающем пространстве, с целью его хозяйственного освоения. Среди основных задач археолого-исторического направления можно выделить: изучение внутренней структуры поселения как замкнуто – открытой системы, анализ палеогеографической среды вмещающего ландшафта, исследования уровня развития технологий, способов реализации адаптивных стратегий, моделирование социальной структуры поселения, разработка проблем микро и макро хронологии и целый ряд других.

Предполагаемым результатом будет модель картины жизни как отдельного социума в рамках поселения, так и реконструкция функционирования социально адаптационной системы в целом. В качестве основных понятий исходной научной гипотезы, например для неолита и энеолита, могут выступать следующие: 1) община – коллектив людей, объединяющихся с целью хозяйственного освоения определённого вмещающего ландшафта и деятельностью, направленной на воспроизводство системы жизнеобеспечения и, собственно, человеческого коллектива, который может состоять из семей и отдельных, даже не родственных членов коллектива, делиться по необходимости на хозяйственные и целевые группы; 2) общинность – совокупность общин, как основных первичных социумов, осуществляющих свою жизнедеятельность в определённом вмещающем ландшафте и связанных между собой системой экономических и брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых (или близких к этому понятию, например, фратрия, линидж, клан и т.п.) структур. Углубление понятий «община» и «общинность» представляется наиболее перспективным, поскольку общины – это единственные действительно универсальные социальные группы, которые встречаются во всех известных обществах (Мердок Дж.П., 2003; Кабо В.Р., 1986; История первобытного общества, 1986; Гиренко Н.М., 1991), а дефиницию «племя» лучше не

использовать в силу большой разноречивости этого термина, поскольку не понятно какое содержание закладывается в понятие племени – структурно-функциональное (социологическое), культурное или этническое.

В археолого-историческом направлении исходным объектом изучения может выступать только полностью исследованное поселение или стоянка с изученной внутренней структурой и связями, определенной позицией во времени и в реконструированном природном окружении.

С точки зрения археологической классификации в южной лесостепи, переходящей на юге в степь, между Уралом и Иртышом для IV – III тыс. до н.э., выделено три археологических культуры: кысыкульско-суртандинская, терсекская, ботайская (Зайберт В.Ф., 1995; Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997; Мосин В.С., 2004; Шорин А.Ф., 1999). Кысыкульско-суртандинская культура по основным классификационным признакам стоит в одном ряду с аятской культурой и типологически артефакты разных категорий составляют единую эволюционную линию, характеризующую материальную культуру уральского населения энеолитического времени на территории от Орска до Нижнего Тагила. Артефакты памятников терсекской и ботайской культур, расположенных между правобережьями Тобола и Ишима, по всем классификационным признакам составляют очень близкие типологические ряды и формально и фактически (если исключить из рассмотрения субъективные позиции авторов исследований этих памятников) должны анализироваться в рамках одной археологической культуры. Факты взаимного присутствия отдельных элементов материальной культуры указанных археологических культур за пределами основной территории распространения, например, тальково-уральской керамики в Северном Казахстане или ботайской керамики в Курганском Притоболье и т.п., не могут быть объяснены с позиций археологической классификации. Чтобы получить вразумительную интерпретацию данных феноменов необходимо смоделировать систему жизнедеятельности человеческих коллективов, населявших эти территории в рассматриваемый исторический отрезок времени, т.е. в IV–III тыс. до н.э. Сделать это можно только в рамках археолого-исторического направления. Разумеется, что пока не будут соблюдены все требования к составляющим процедурам данного направления, построения могут носить характер научной гипотезы.

Северо-Казахстанская общинность представляла собой совокупность общин, осуществлявших свою жизнедеятельность во вмещающем ландшафте южной лесостепи и северной степи с реликтовыми борами в Казахском мелкосопочнике. Основой хозяйства являлась охота на лошадь и дикого быка – тура, в меньшей степени – рыболовство, вероятно, в разных проявлениях в различных частях вмещающего ландшафта. Технологическая традиция в изготовлении орудий представлена использованием в качестве сырья местных кварцитопесчаников и преобладанием орудий из отщепов и двусторонне обработанных форм. Керамическая посуда изготавливалась и орнаментировалась в рамках, преимущественно, двух родовых традиций, представленных техникой

оттисков зубчатого (гребенчатого) и веревочного штампов и сочетанием простых и геометрических узоров.

Экзогамность, присущая всем человеческим коллективам с общинно-родовой организацией, скрепляла отдельные общины паутиной брачно-семейных связей, одновременно сохраняя внутри общинности разные родовые традиции, поскольку члены одной семьи и, тем более общины, должны состоять из представителей различных родовых структур (очевидно, что муж и жена не могут являться кровными родственниками). Своеобразный вмещающий ландшафт, экономика, направленная на максимальную адаптацию человека в окружающей среде, сочетание технологических и родовых мифологически-мировоззренческих традиций, отраженных в орнаментах, являлись основой своеобразия и неповторимости, присущей коллективам, принадлежавшим северо-казахстанской общинности IV–III тыс. до н.э.

Вместе с тем, та же экзогамия вынуждена искать брачных партнеров и за пределами уже ставших со временем родственными общин. Это приводило к возникновению более дальних связей, что особенно проявляется на территориях сопредельных общинностей, граничащих друг с другом. В силу вирилокальности браков, присущих всем известным народам Урало-Сибирского региона, женщинам приходилось после замужества переходить в общину и род мужа, перенося частично и свои родовые традиции в части орнаментации посуды (или) конкретные вещи в другую социальную среду. Таким образом, керамическая посуда северо-казахстанской общинности оказывается на территории Зауралья (например, на стоянке Бурли II), а уральская тальковая посуда на Ботае и др. Также керамика, близкая до идентичности северо-казахстанской присутствует на поселениях Курганского лесостепного Притоболья и северо-лесостепного Приишимья и наоборот (Вохменцев М.П., 2000, с. 10–16; Потемкина Т.М., 2001, с. 218–220; Косинская Л.Л., 1984, с. 54; Панфилов А.Н., 1993, с. 24, 27, 34–37) (рис. 1).

Поскольку вмещающие ландшафты южной лесостепи Урала к западу от Северного Казахстана, также как ландшафты северной лесостепи Курганского Притоболья и Приишимья к северу не имеют четко выраженных географических границ, а экономика уральской, западно-сибирской и северо-казахстанской общинностей основывалась на охоте на лошадь и тура в сочетании с рыболовством, то и, собственно, границ между общинностями, вероятно, не существовало. По всей видимости, мы имеем дело с археологической непрерывностью, которая в артефактах (рис. 1) отражает существование единой социально-адаптационной системы от Урала до Оби.

Литература

- Вохменцев М.П. Энеолит лесостепного Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Гиренко Н.М. Социология племени. М., 1991.

- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М, 1986.
- Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М, 1986.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.
- Косинская Л.Я. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
- Мердок Дж.П. Социальная структура. М, 2003.
- Мосин В.С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология в Евразии. 2004. Вып. 2 (18).
- Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Препринт. Тюмень, 1993.
- Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М, 2001.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.

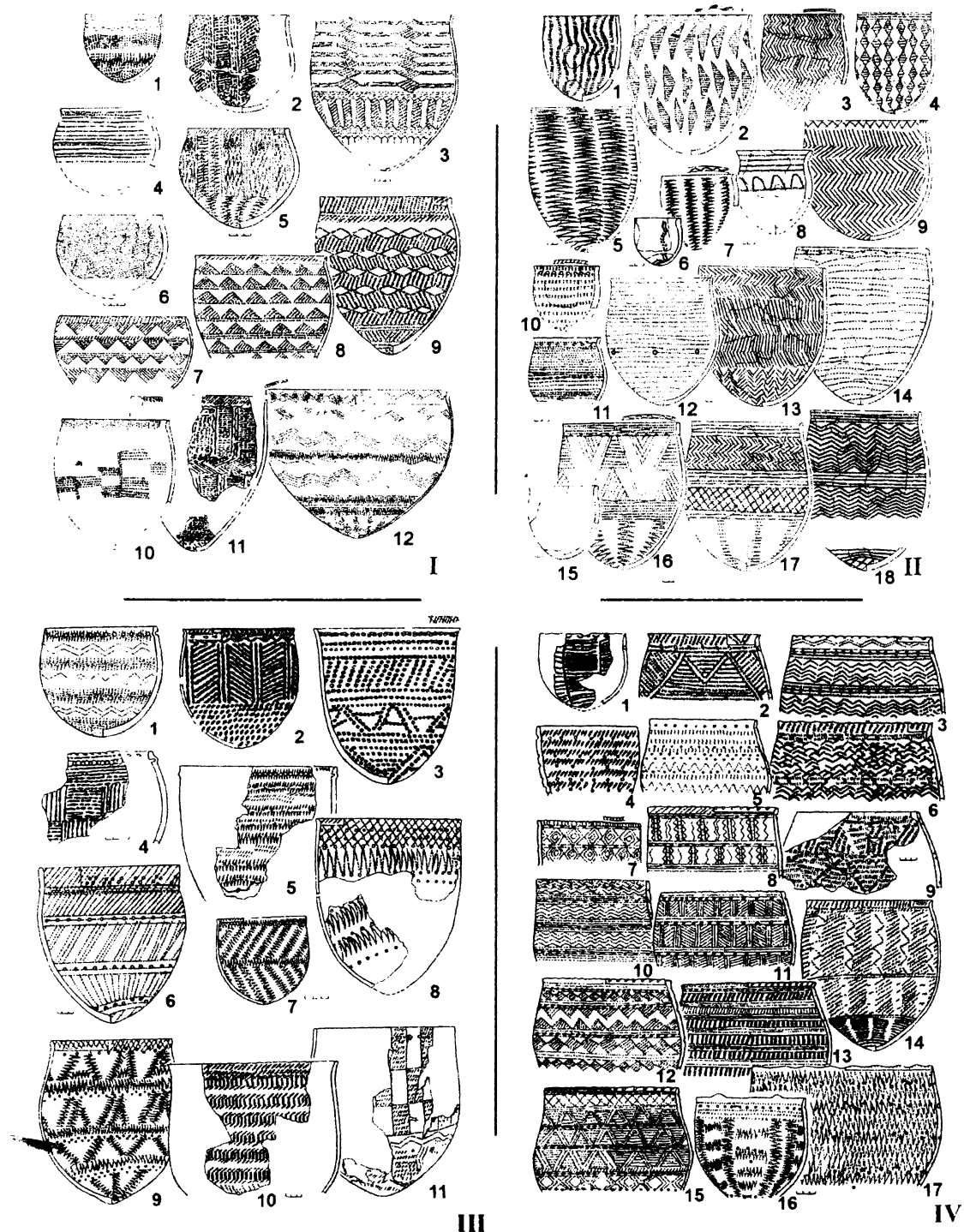

Рис. 1. I - Урал. 1 - Дружный; 2, 11 - Разбойничий остров; 3 - Чебаркуль IV; 4, 6 - Чебаркуль I; 5 - Александровка; 7 - Боровая I; 8 - Палкино; 9 - Уфа IV; 10 - Чебаркуль Ха; 11 - Шитовской исток XI. II - Северный Казахстан: 1-17 - Ботай; 18 - Васильковка. III - Оренбургское; 1, 4, 5 - Дуван V; 2, 3, 6, 7, 8, 9 - Савин I; 10, 11 - Кочег I. IV - Приишимье; 1, 2, 3, 6, 14, 17 - Серебрянка I; 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15 - Ир II; 16 - Кокуй I.

В. А. Новоженев
г. Алматы, Казахстан

К ПРОБЛЕМЕ ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЙ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

Успешное развитие советской археологической науки во второй половине и конце прошлого века привело к открытию многочисленных археологических культур и даже культурных общностей, однако мало приблизило к главной задаче реконструкции древнейших периодов истории степной Евразии. В дописьменной истории археологическая культура, применительно к кочевому населению, является понятием достаточно условным, атрибутом профессионального словаря археологов и отражает своеобразие массовых материалов материальной культуры: керамики и ее орнаментации, предметов ремесла, вооружения, охоты, погребального обряда, характерных для определенной территории.

Труды Г. Коссины (Kossinna G., 1921) и его последователей надолго дискредитировали в историографии миграционные теории по политическим причинам, однако в специальной литературе имеются теоретические разработки, определяющие типы и характер миграций (Титов В.С., 1982, с. 89-145; 1988, с. 47-53; Klejn L.S., 1974, s. 7-55; Ольховский В.С., 1992, с. 30-33 и др.). Мы также придерживаем представление о том, что конвергентное, автохтонное развитие, и миграция, как исторические явления, не могут противопоставляться друг другу (Дьяконов И.М., 1989, с. 5-21).

При реконструкции путей древнейших миграций, «инокультурная» вещь, найденная в археологическом комплексе, не может быть достаточно надежным индикатором этнокультурных контактов и их направленности, а тем более – миграции, поскольку остаются неясными условия ее появления: либо она появилась в результате торговых обменов, либо – брачно-семейных отношений, либо – военной экспансии, либо – грабежа чужих могил и т.д.

«Транскультурные» – традиционные, иррациональные черты в степных археологических культурах наиболее близки этнической основе реконструируемых социумов. В узком смысле – это предметы, определенно связанные с культурной деятельностью, в широком – особенности погребального обряда, образительная традиция, некоторые технологические навыки (литье бронзовых предметов в формах, изготовление деталей повозок, умение приручить лошадь и т.п.). В той или иной мере, эти виды деятельности связаны с ритуалами, отражающими какие-то определенные мифологические представления. Данные особенности, как правило, рассматриваются регионально, с позиций конвергентного развития и применительно к отдельно взятым археологическим культурам. Очевидно, что анализ таких «транскультурных» вещей и явлений, их картографирование позволят изменить ситуацию. Изучение их в комплексе с данными лингвистики, антропологии, мифологии, палеозоологии и древнего

климата, результатами компьютерного моделирования, наверняка повысят достоверность исторических реконструкций.

Представляется, что факт миграции определенной группы населения может считаться доказанным:

- когда имеются технические средства – повозки, позволившие осуществить такое передвижение (включая упряжных и/или верховых животных);
- когда она является следствием определенной тенденции исторического развития и присутствует комплекс внутренних и внешних причин, ее обусловивших;
- когда в археологических культурах представлены «инокультурные» и «транскультурные» вещи и элементы обрядов;
- когда совпадает антропологический тип, язык, элементы погребального обряда, мифологические представления и изобразительные сюжеты.

Настоящая статья посвящена попытке реконструкции некоторых культурно-исторических событий III-I тысячелетий до н.э. и возможных миграций древнейшего населения степной Евразии, как процесса освоения новых пастбищ первыми кочевниками, пришедшими на эти мало заселенные ранее территории (подробнее см.: Новожинов В.А., 1994).

Культурно-исторический процесс и сложившиеся системы взаимосвязей в степной Евразии представляются как непрерывная смена отдельных циклов. Каждый цикл при этом повторяется по своей структуре на новом качественном уровне и состоит из двух периодов – нестабильного и стабильного. Для первого характерно многообразие складывающихся систем взаимосвязей, миграции, для второго – статичность, большая степень определенности сложившихся ранее контактов.

Аридизация климата в начале III тысячелетия до н.э. предопределила становление нового типа хозяйства – подвижного скотоводства. Первые эксперименты с приручением новых пород животных и попытки их домашнего разведения привели к необходимости вести подвижный образ жизни, связанный с поиском новых пастбищ.

Первый цикл (3200-2500 гг. до н.э.): формируется степная культура скотоводов. Он обусловлен следующими компонентами:

- миграцией части населения из Анатолии или северной Сирии через Кавказ, что отразилось в памятниках майкопской культуры;
- синтезом (взаимодействием) носителей этой культуры и местных групп населения, что проявилось в формировании памятников новотитаровского, новосвободненского, кеми-обинского типа;
- выделением в среде крупных земледельческих образований типа Триполье-Кукутени отдельных групп населения, ориентированных на преимущественное разведение скота, что проявилось в усатовских памятниках.

Крытый фургон на дисковых колесах, запряженный парой волов, становится новым типом жилища этих небольших по численности групп первых скотоводов. Активно развиваются различные взаимосвязи с населением

Центральной и Восточной Европы, что проявилось в «чересполосном» сосуществовании древнеямной и местных культур. Этот процесс носил, очевидно, характер постепенного проникновения отдельных групп древнеямной культурно-исторической области (Мерперт Н.Я., 1977, с. 68-79). Развивается система взаимосвязей между отдельными группами скотоводов, складываются единые мифологические представления, культы, ритуалы, своеобразные знаково-коммуникативные системы.

Широкое распространение памятников сходного типа по всему степному поясу Евразии может быть объяснено ранним возникновением номадизма, как основного типа хозяйства, уже в начале III тыс. до н.э. (Мерперт Н.Я., 1977; Шилов В.П., 1975, с. 5-15; Тоунбее А., 1934, р. 404). Трудно согласиться с точкой зрения, что переход к кочевому скотоводству совершился лишь на рубеже II-I тыс. до н.э. (Хазанов А.М., 1973, с. 5-10, Грязнов М.П., 1955, 1957, Марков Г.Е., 1976, с. 109).

В конце IV-начале III тыс. до н.э. два региона могут рассматриваться, как центры практического применения и развития повозок – Двуречье и степная зона Евразии. Формирование степного центра происходило путем заимствования знаний о повозке (фургоне и двуколке), запечатленных в виде глиняных моделей или изображений, либо как результат непосредственной миграции части кочевого населения. Отметим принципиальные различия в эволюции транспортных средств в этих двух регионах, предопределившие их дальнейшее развитие в последующие исторические периоды: если на древнем Ближнем Востоке повозки выполняли военную функцию, разрабатывались как средство экспансии Шумера и обслуживали потребности оседло-земледельческого хозяйства – вывоз зерна с полей, транспортировка тяжелых грузов и людей, то в степной зоне они обеспечивали нужды подвижного, скотоводческого типа хозяйства, а именно – являлись передвижным жилищем (фургон) и средством контроля за стадами (двуколка). Военная функция при этом выражена слабо. В отличие от оседло-земледельческих обществ, где всегда имелись демографические проблемы и недостаток свободной земли, в степи самым простым решением конфликтов стала кочевка и освоение новых степных пространств – пастбищ для скота.

О двух типах экипажей имеются сведения в индоиранских и древнеиндийских текстах. Они определяются в них как легкие двуколки или колесницы и тяжелые санги для перевозки грузов, или как крытые спальные фургоны, а в древнеиндийских текстах последние упоминаются как оснащенные всем необходимым дома-дворцы на колесах (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, 728-730).

Во второй четверти III тыс. до н.э. культурно-исторические процессы стабилизируются. Это выразилось в окончательном утверждении номадизма, как основного типа хозяйства и формировании многочисленных вариантов древнеямной культурно-исторической области, как отдельных археологических культур, производственная сфера которых была ориентирована на конкретные природно-экологические ниши. По сути, в западной части степной Евразии образовалось сообщество кочевников, основу которого составляли небольшие

производственные коллективы – патриархальные семьи из 20-30 человек, объединенные между собой сходным типом хозяйства, близкой материальной культурой и системой мифологических представлений. Развивается собственная изобразительная традиция. Это были генетически (антропологически) родственные группы, говорившие на диалектах или одном общем языке. Гарантированная продуктивность скота, в отличие от рискованного занятия земледелием, явилась необходимой предпосылкой стабильного роста численности населения в группах скотоводов и сокращения детской смертности.

Второй цикл (2500-1900 гг. до н.э.) связан с миграцией отдельных групп кочевников в восточные малонаселенные районы степной Евразии и освоением здесь новых пастбищ; с возникновением археологических культур, восходящих к общей древнеямной основе. Памятники ямно-афанасьевского облика позволяют картографировать этот путь. Выделяются два направления такого движения: северное – по границе степной и лесостепной зон в Минусинскую котловину и через Горный Алтай – в степи западной Монголии; южное направление – через урало-казахстанские степи в Среднюю Азию.

Группы первых «переселенцев» стали этнической основой формирующейся афанасьевской культуры в Южной Сибири, на Алтае и в западной Монголии. Обнаруженные в этих районах памятники демонстрируют сходство материалов, антропологического типа их создателей и мифологических представлений, выраженное в изобразительных памятниках. Степная традиция украшения стенок могил и фургончиков, известная по находкам в новосвободненских, новотиторовских, кеми-обинских, усатовских памятниках, находит развитие на плитах могильников Тас Хазаа, Черновая VIII, Каракол. С миграцией групп древнеямного населения связывается появление традиции устанавливать стелы и антропоморфные изваяния в Южной Сибири и Монголии.

В конце III-начале II тыс. до н.э. стабилизация культурно-исторических процессов выразилась в местном развитии культур: афанасьевско-окуневской на севере и заманбабинской на юге.

Таким образом, развитие исторических процессов в рассматриваемый период применительно к восточным памятникам степной Евразии во многом определялось колонизацией этих малозаселенных территорий племенами индоиранского облика, проникавшими сюда с запада. Эта экспансия степных просторов традиционно была направлена на севере – в район Минусинской котловины, Горного Алтая, территории Западной Монголии и Синьцзяна, южная же ветвь проходила через урало-казахстанские степи и была ориентирована на районы земледельческих цивилизаций Турана и долины Инда.

Третий цикл (1800-1100 гг. до н.э.): наиболее яркий и относительно изученный период развития этнокультурных процессов. Резко активизируются сложившиеся раньше в степи системы взаимосвязей по всем направлениям. Возможные причины такой активизации – изобретение пароконных колесниц, динамичное конвергентное развитие сложившихся групп населения в различных районах и их интенсивные контакты, значительно возросшая роль металлических изделий в

жизни этих обществ. И это только небольшая часть тех причин, которые привели к значительным территориальным перемещениям многих групп населения в 18-15 вв до н.э. По археологическим данным этот период соответствует предсрубному и новокумакскому хронологическим горизонтам.

Эволюция транспортных средств в степной полосе Евразии, потребности хозяйства скотоводческих обществ, развитие военного дела, раннее начало доместикации здесь лошади, навыки в изготовлении гнутых деревянных деталей под нагревом явились предпосылками изобретения в этот период легкого маневренного экипажа – колесницы. Она использовалась для управления большими стадами, для охоты (например, на степную антилопу), как средство связи и обменов с другими группами скотоводов и как эффективное военное средство. Развивалась сложная система культов, связанных с колесницей, элементами которой стали жертвоприношения собак, рыб, лошадей и другие обряды, в том числе изображение колесниц на скалах, на плитах могил и других предметах.

По археологическим данным применение колесниц в степной зоне Евразии известно прежде всего у носителей петровско-синташтинской (раннеалакульской), карасукской культур, а также предполагается у скотоводов, оставивших памятники абашевской, сейминско-турбинской, срубной культур.

Эти группы вступали в активное взаимодействие с населением Подунавья, шады и через Закавказье с хеттами Передней Азии, а носители культур карасукского типа на севере Китая – с существующими здесь ранними государствами. Видимо, степные племена являлись именно теми азиатскими союзниками хеттов, о которых упоминают ближневосточные письменные источники (Барроу Т., 1976) на западе, и именно они служили наемниками у правителей ранних китайских государств – на востоке.

Другой центр изобретения колесниц локализуется на древнем Ближнем Востоке, в Египте и в районах, ему подчиненных. Колесницы здесь изначально разрабатывались как средство ведения войны и предмет престижа для знати.

Сейчас нет достаточно определенных данных, которые позволяли бы однозначно выяснить хронологический приоритет изобретения колесницы в том или ином центре. Развитие двух типов колесниц определялось военными потребностями хеттского и египетского государств, что в конечном итоге проявилось в крупнейших в древнем мире битвах с использованием колесниц (Битва при Кадеше, в Мегидо).

Распространение сейминско-турбинских памятников позволяет предположить передвижение их создателей в этот период с запада на восток. Нет никаких теоретических аргументов против предположения о существовании трансконтинентального пути миграций, как с запада на восток, так и обратно (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989). Продвижение сейминско-турбинских групп населения, носителей самобытной металлургической традиции, представляется второй крупной волной миграции в восточные районы Евразии, которая являла собой процесс инкорпорирования производственных групп металлургов-кузнецов в

различные местные культурные образования - абашевскую, раннесрубную, синташтинско-петровскую, раннеалакульскую, самусьскую и другие культуры. Производственные сейминско-турбинские коллективы представляли собой, возможно, большие патриархальные семьи кровных родственников-кочевников, специализирующихся как на разведении скота, так и на кузнечном деле. Процесс такого интегрирования, очевидно, облегчался этническим родством инкорпорантов и заинтересованных в их услугах скотоводов.

Пути продвижения «мигрантов второй волны» совпадали с направлениями переселения «ямных» групп: в Минусинскую котловину, через Алтай в Монголию и Северный Китай, на юг - через казахстанские степи. Это передвижение отразилось в редких, но ярких сейминско-турбинских могильниках, кладках и святилищах и в изобразительных памятниках Алтая, Восточного, Центрального Казахстана и Киргизии. Представляется, что перемещались в пространстве не только сейминско-турбинские производственные ячейки как таковые, а более крупные новые этнические образования, включающие в себя хранителей секретов литья бронзового оружия. Наиболее ярко эти семьи кочевников-кузнецов проявили себя в сообществах, кочевавших в Монголии и Северном Китае.

Синхронные изобразительные памятники отражают комплекс религиозно-мифологических представлений индоиранцев. Выделенные «изобразительные тексты» находят соответствие в древнейших письменных источниках - Авесте, Ригведе, отражают древнейшие мифологемы, восходящие к периоду индоевропейского единства.

Полагаем, что в западной части Евразии в это время происходили сходные процессы (Бартонек А., 1991, с. 223-291). Резко возросший в это время объем металла, переправляемого из южных земледельческих районов в степные сообщества, и «молниеносное» распространение сейминско-турбинских изделий по всему Великому поясу степей, представляются явлениями взаимосвязанными. Мы допускаем непосредственное проникновение степных групп населения в Переднюю Азию, вплоть до Иранского нагорья. Возможно, факт их пребывания фиксируют находки знаменитых луристанских бронзовых изделий, которые неожиданно появляются в более позднее время и связываются с сейминско-турбинской металлургической традицией, ставшей основой их местного развития.

К середине II тысячелетия до н.э. повсюду в степной Евразии возникают значительные группировки: срубная, андроновская, карасукская, тазабагьябская. Наблюдаются локальные миграции части федоровского населения на юг, в алакульскую среду, постсейминско-турбинских или карасукских групп из Северного Китая и Монголии в Минусинскую котловину. Окончательно сформировалось южное направление взаимосвязей с цивилизацией земледельцев Передней Азии. Период стабильного развития сопровождался процессом консолидации небольших групп скотоводов в более крупные этнические образования.

Четвертый цикл (1100-700 гг. до н.э) характеризуется новым продвижением

карасукских племен в западном направлении через Алтай и их проникновением в урало-казахстанские степи. По археологическим данным это проникновение проявилось в формировании свиты археологических культур карасукоидного облика: еловской, ирменской и бегазы-дандыбаевской. В изобразительных памятниках Южной Сибири такая подвижка проявилась ярче всего. В петроглифах Центральной и Средней Азии в этот период формируется пласт изображений эпохи поздней бронзы.

Культурно-исторические процессы в восточной части степной Евразии определялись активным взаимодействием двух групп населения: постандроновской и карасукской, в этих контактах принимали участие и другие, менее крупные группы автохтонного населения. Показательными в этом отношении представляются керамические комплексы бегазы-дандыбаевской культуры (Маргулан А.Х., 1979) и стратиграфия позднебронзовых поселений Кент и Мыржик в степной зоне Казахстана.

В результате сложных этнокультурных процессов и перемещений, консолидации отдельных групп, наступает период стабилизации, что проявилось в формировании крупных общностей: скифской - на западе, сакской - на востоке, а также тагарской культуры в Южной Сибири, представляющей местное развитие части оставшихся здесь карасукских племен. Начинался новый этап в истории общинного сообщества кочевников.

Литература

- Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
- Бартонек А. Златообильные Микены. М., 1991.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1-2. Тбилиси, 1984.
- Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ, 1955. Вып. 24.
- Грязнов М.П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1957. Вып. XXVI.
- Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Ближнего Востока. Тезисы конференции. Орджоникидзе, 1989.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии (структура хозяйства и общая организация). М., 1976.
- Мерперт Н.Я. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- Новоженю В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994.
- Ольховский В.С. Об археологических признаках миграций в эпоху бронзы и

раннего железа // Маргулановские чтения 1990 г. М., 1992. Часть 1.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Титов В.С. Европа в каменном и бронзовом веке // История Европы. М., 1988.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА, 1975, № 1.

Klejn L.S. Kossina im abstand von vierzig Jahren. // Jahresschichte mitteldeutsch Vorgeschicht. Halle/Saale, 1974, N 58.

Kossinna G. Die Indogermanen. Ein Abriss I. Das Indogermanische Urvolk. Leipzig, 1921.

Toynbee A. Study of History V.III. L., 1934: Oxford Univ. Press.

Ә.А. Нұскабай

Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан

ҚАРАҚЫСТАҚ 1 ТҮРКІЛІК ЖЕРЛЕУ ОРЫНДАРЫНЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ТҮРҒЫДАН ЗЕРТТЕЛУІ

Қарақыстақ 1 қорымы Мерке ауылынан оңтүстікке қарай 35-40 шақырым жердегі Қарақыстақ өзенінің сол жағалауындағы террасада орналасқан. Қорым Мерке ғибадатханасы аумағына жүргізілген барлау жұмыстары нәтижесінде белгілі болды және ескерткіштің топографиялық картасы жасалынды. 2006-2007 жылдары қорымдағы №1, 2, 3, 8 обаларға қазба жұмысы жүргізіліп зерттелінді.

Қарақыстақ 1 қорымы үш топқа бөлініп шоғырланған 15 жерлеу орнынан тұрады. Үш топқа бөлінген обалар аралығында диаметрі 47 м, биіктігі 2,9 м, диаметрі 30 м, биіктігі 1,26 м және диаметрі 23 м, биіктігі 2,2 м үш ірі оба орналасқан. Өзен террасасында обалар өзара топтасқан үш тізбекке шоғырланған. Алаңның орталық бөлігінде орналасқан оба №1-оба деп белгіленді. Обаның диаметрі 23 м, биіктігі 2,2 м. Орталық жерлеу орнына жүргізілген қазба жұмыстары барысында обаның топырақ үйіндісінің бетін толықтай орташа көлемдегі жұмыр тастармен жабылғандығы анықталды. Үйіндінің төменгі жағына көлемі ірі жұмыр тастар сазбен бекітіліп қойылған. Үйінді астынан ежелгі жер қабатында қабір шұңқырын айналдыра қойылған тас шеңбер жасалынғаны белгілі болды. Қабір шұңқыры шығыстан батысқа созыла орналасқан, көлемі 2,97 м x 1,7 м тереңдігі 2,2 м. Қабір шұңқырының бетін ағашпен жабылғандығын, шетінде сақталып қалған жуан бөренелерден көруге болады. Бөренелердің біраз бөлігі шұңқыр ішінде ретсіз жатқан қалпында кездесті. Қарақыстақтардың тонауына ұшыраған қабір шұңқырын қазу барысында жерленген мәйіттің жекелеген сүйектері және шұңқырдың батыс бөлігінде жатқан бас сүйек, төменгі жақ сүйегі ретсіз жатқан қалпында табылды. Жерлеу камерасында мәйіттің қабырға сүйектері, аяқ пен қолдың саусақ сүйектерінің жоқ болуы тонаушылар мәйіттің алтын мен әшекейленген киімін алып кеткен ба? деген ойға жетелейді. Киімді әшекейлеуге пайдаланылған алтын жапсырманың табылуы осындай ой тудырады. Табылған заттар арасында құрбандыққа қаланың малдың (жылқы, мүйізді ірі қара, қой) сүйектері табылды. Қабір ішінде нашарлап жатқан ыдыс сынықтары құрастырылды. Нәтижесінде бір типке жататын жапсыру әдісімен жасалынған жеті тостаған жерлеу инвентарын құрағандығын көрсетті.

Зерттелген оба бойынша жерлеу дәстүрін талдау нәтижесі қабір шұңқырына қойылған мәйіт шығыс-батыс осі бойымен бағытталып қойылғандығы анықталды. Бас сүйектің батыс бөлікте, ал дене бөлігінің шығыста орналасуы мәйіттің басы батысқа қаратылып жерленгенін көрсетеді. Антропологиялық зерттеу нәтижесі обаға жасы шамамен 40 жастағы ер адам жерленгендігін және мәйіттің сақталған сүйектері негізінде есептелген бойының ұзындығы шамамен 172 см болғандығын дәлелдейді. Мәйіттің нәсілдік ерекшелігі европеоидтік-

монголоидтық антропологиялық типтердің араластығымен сипатталады (Исмагулова А., 2007, с 113-129).

Қарақыстақ І қорымының №1 обасын қазу барысында табылған қыш ыдыс фрагменттерін калпына келтіріп, зерттеу жұмыстарының нәтижесі қорытынды жасауға негіз болды. Қабір шұңқырынан табылған жеті қыш тостағандар тек жерлеу дәстүріне арналып жасалынғандығы анық байқалады. Тостағандардың барлығы жапсыру әдісімен жасалынған және тұрмыста қолданылмаған, бір-біріне ұқсас, ішкі жағында матаның ізі сақталған. Ыдыстар тек көлемдері жағынан бір-бірінен ерекшеленеді. Көшпелілер тостағанына ұқсас түбі дөңес тостағандар көлемі: диаметрі 15,6 см мен 20,5 см, биіктігі 3 см-ден 6,5 см аралығында.

Жерлеу камерасының шығыс жағынан, солтүстік-шығыс бұрышына жақын жерден табылған алтын жапсырманың пішіні төртбұрышты, көлемі 3,3 см x 2,5 см. Жапсырманың бұрыштарында бекітілуге арналған дөңгелек тесіктер бар. Жапсырма рамасы дөңестеліп әшекейленген. Жапсырманың ортасында қанатын жоғары көтеріп тұрып, геральдикалық кейіпте бейнеленген құс келбеті сомдалған. Жалпы жапсырманы және ондағы құс бейнесін жасауда шебер бір ғана әдісті қолданған (Түрік мұрасын зерттеу және сақтау бойынша..., 17 б.).

2007 жылғы түздік маусымда қорымның шығысындағы бірінші тізбектегі №2 және №3 - обаларға, екінші тізбектегі №8 - обаға археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. №2 - оба үйіндісінің бетіне жабылған жұмыр тастар ені 2,5 метр көлемінде, ал №3 - оба үйіндісі толықтай жұмыр тастармен жабылған. Тастардың біраз бөлігі орнынан жылжытылған, бұл тонаушылардың әсерінен болуы мүмкін.

№2 - оба диаметрі 14,8 м, биіктігі 0,85. Ежелгі жер қабатында қабір шұңқырынан 4,5 м жерде ірі жұмыр тастардан тізбектеле қаланып жасалынған шеңбер анықталды. Қабір шұңқыры солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа бағытталған, ұзындығы 2,55 м, ені 1,1 м, тереңдігі 1,2 м. Толықтай тоналған обаның қабір шұңқыры еденінен шашылып жатқан ағаш және қыш ыдыс фрагменттері, жануар және адам сүйектерінің қалдықтары табылды.

№3 - оба үйіндісі солтүстіктен оңтүстікке қарай аздап созылған, көлемі 9,3 м x 7,7 м, биіктігі 0,5 м. Қабір шұңқырының ұзындығы 2,2 м, ені 0,9 м, тереңдігі 0,85 м. Оба тоналған, қабір шұңқырының түбінде мәйіт сүйегінің кейбір қалдықтары шықты.

№8 - қорған үйіндісінің диаметрі 15 м, биіктігі 1,3 м. Үйіндінің төменгі жағы жұмыр тастардан жасалынған екі қатар шеңбермен қоршалған. Сыртқы шеңбердің диаметрі 14,5 м. Сыртқы шеңберден ішке қарай 0,3 м қашықтықта көлемі 25-30 см x 20 см жұмыр тастардан қаланған екінші шеңбер жасалынған. Қабір шұңқыры үйіндінің орталық бөлігінде орналасқан және шұңқыр бетін арша бөренелерін көлденең қою арқылы жапқан. Қабір шұңқыры солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа бағытталған. Оба тоналған болғандықтан жерлеу дәстүрін толықтай калпына келтіру қиындық туғызды. Қабір шұңқырының еденінде екі мәйіттің сүйектері оңтүстік-батыс қабырғаға қарай ысырылған калпында, ал бас сүйектері солтүстік-батыс бұрышынан тіркелді. Жекелеген сүйектері солтүстік-батыстан табылды. Мәйіттердің ақыреттік заты ретінде жапсыру әдісімен

жасалынған он төрт қыш тостаған қойылған. Ыдыстар және ыдыс сынықтарының басым бөлігі солтүстік бұрыштан, ал біршамасы мәйіттердің бас жақ тұсынан табылды. Қыш ыдыстарды матаға жапсыру арқылы жасалынғандығын ыдыстардың ішінде сақталып қалған іздерден анық байқауға болады. Ыдыстарды тұрмыста қолданылмағаны анық, оларды арнайы жерлеу дәстүріне арнап жасаған деп сеніммен айтуға негіз бар.

Мәйіттердің жамбас сүйегінің тұсынан нашар сақталған екі түрлі жебе ұштары табылды. Жапырақ тәрізді жебе ұшының жалпы ұзындығы 7 см, жебенің сапқа бекітілер бөлігінің ұзындығы 3,5 см, жапырақшалы ұшының ұзындығы 3,5 см, орталық бөлігінің ені 2,8 см. Сипатталған жебе ұшының жоғарғы жағы қатты іот басқан.

№8 - обаны зерттеу барысында табылған он төрт қыш ыдыстардың пішіні 2006 жылы зерттелінген №1 - обадан табылған қыш ыдыстардың пішініне ұқсас. Ыдыстар жапсыру әдісімен жасалынған және барлығының ішкі жағында матаның ізі сақталған, бұл мәліметтер ыдыстардың пішінінің ұқсастығын толықтыра түседі. Обалардан табылған қыш тостағандарда тұрмыста қолданылғандығы туралы із байқалмауына қарағанда ыдыстар тек жерлеу дәстүріне арналып жасалынған деген тұжырым жасауға негіз бар. Обадан он төрт тостаған табылуы обда екі мәйіттің жерленуімен байланысты. Ыдыс санының көп болуы обда жерленген адамдардың әлеуметтік дәрежесінің жоғары болғандығынан хабар береді. Жеті тостаған табылған №1 - обадан ортасында геральдикалық кескінде сомдалған құс бейнесі бар алтын жапсырманың табылуы айтылған ойды нақтылай түседі.

Қарақыстақ 1 қорымындағы жерлеу орындарына жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижесі нақты қорытындыларды жасауға негіз болды. Біріншіден, қорымның Қарақыстақ өзенінің сол жағалауына жинақталып шоғырлануы және шағын терраса кеңістігіндегі жерлеу орындарының ішкі құрылымының үйлесімділігі ескерткіштердің бір мәдениеттің жерлеу кешендері екендігін анық көрсетеді. Қорымдағы жерлеу орындарының жер асты құрылымының архитектуралық ерекшелігі және жерлеу құрылысының ерекшелігі Қарақыстақ 1 қорымы ескерткіштерінің мәдени мазмұны бір екендігін дәлелдейді. Обалардың үйіндісін топырақтан үйіп, үстін жұмыр тастармен жапсыруы және қабір шұңқырының бетін ағаш бөренелерді көлденең қою арқылы қауып. оны айналдыра тастан шеңбер жасау әдісі барлығына ортақ. Жоғарыда сипатталған архитектуралық әдістердің осы аумақта орналасқан мемориалды құрылыстардың жасау әдісімен ұқсастығы осы мұраларды қалдырған халықтың техникалық жақындастығы туралы ғылыми болжамды нақтылай түседі.

Әдебиеттер

Исмагулова А. Антропологические определения костных материалов захоронения Карақыстақ (курган 1) // Түрік мұрасын зерттеу және сақтау бойынша ғылыми және Мерке ғибадатханаларының 2006 жылы жүргізілген ғылыми-

зерттеу жұмыстарының есебі. Археология институтының архивы. Алматы, 2007.

Түрік мұрасын зерттеу және сақтау бойынша Жайсан және Мерке ғибадатханаларының 2006 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі. Археология институтының архивы. Алматы, 2007.

Қ.С. Өскембаев¹, Ю.Г. Попов²

¹*Қарағанды мемлекеттік университеті, Қарағанды қ., Қазақстан;*

²*Санкт-Петербург қ., Ресей*

ХІХ ғ. ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ӘКІМШІЛІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ЖЕРГІЛІКТІ ЖЕРДЕГІ ТӨМЕНГІ БУЫНДАРЫ

(Қарқаралы уезі материалдары бойынша)

1867 жылы шілденің 11-інде ІІ Александр патша «Сырдария мен Жетісу облыстарын басқару туралы ережені», 1868 жылғы қазанның 21-інде «Торғай, Орал, Ақмола, Семей облыстарын басқару туралы уақытша ережені» бекітті. Бұл патша өкіметінің Қазақстанға байланысты жаңа негіздегі мемлекет басқару жүйесі еді. Осы жылдардан, жаңа тәртіп бойынша қазақ даласын облыстарға, облыстарды уездерге, уездерді болыстарға, болыс ауылдарға бөлінді де, ел арасында съезд өткізіп, болыс, старшын сайлау дегенді шығарды. Соның салдарынан шен-шекпен үшін болатын тайпалар арасындағы бұрынғы алауыздық аты өршіп, енді ол рулас, аталас адамдар арасында лаулады. Патша әкімшілігі бұл мүмкіндікті өз пайдасына шебер пайдаланды.

Жаңа реформалар бойынша Қазақстан жері үш генерал-губернаторлыққа: Түркістан, Орынбор және Батыс Сібір генерал-губернаторлықтарына бөлінді. Бүкіл әскери және азаматтық өкімет билігі түгелдей генерал-губернатордың тікелей басшылығына бағындырылды. Орынбор генерал-губернаторлығына Орал және Торғай облыстары, Батыс Сібір генерал-губернаторлығына Ақмола және Семей облыстары, Түркістан генерал-губернаторлығына Жетісу және Сырдария облыстары енді. Бұрынғы Бөкей хандығының жері 1872 жылы Астрахань губерниясына қосылды. Маңғышлақ приставтығы 1870 жылы Кавказ әскери округінің қарауына берілді, ал кейінірек Закаспий облысына енді. Әскери губернаторлар жанынан жарлықшы, шаруашылық және сот бөлімдерінен тұратын облыстық басқармалар құрылды, оларды вице-губернаторлар басқарды.

Уезд бастықтарын облыстардың әскери-губернаторлардың ұсынуы бойынша офицерлерден генерал-губернаторлар тағайындап отырды. Әрбір уезд бастығының екі аға және кіші көмекшісі болды. Кіші көмекші рулық жоғарғы топтан және ақсүйек сұлтандардан шыққан адамдар болды. Бүкіл өкімет билігі түгелдей уезд бастығының қолына шоғырланды. Полициялық өкімет орындарын да оның өзі басқарды. Уезде орналасқан әскери бөлімдер, мекемлер мен бекіністер де уезд бастықтарына қарады.

Әрбір уезд рулық негіз емес, жер аумақтық негіз бойынша құрылған облыстардан тұрды. Ауылдар 100-200 шаңырақтан құралды. Ал, болыстар 1000 шаңырақтан 3000 шаңыраққа дейінгі ауылдарды қамтыды.

Халық арасынан шыққан жоғарғы топтар сайлаған адамдар ғана болыс басқарушысы және ауыл старшыны болып сайлана алатын еді. Болыстық съездер де ауыл жиындарында болыс басқарушыларын, ауыл старшындарын сайлау

әрбір үш жыл сайын өткізіліп тұрды. Сайланғандар әскери губернаторлардың, облыс және уезд бастықтарының бекітуінен кейін тағайындалып отырды.

1867-1868 жылдардағы реформалар бойынша әскери-сот комиссиялары мен уездік соттар құрылды. Олар жалпы империялық заңдар негізінде жұмыс істеді. Бұл «Ережелер» екі жыл мерзімге тәжірибе түрінде уақытша енгізілген болатын. Алайда, бұл «тәжірибе» жергілікті халыққа теріс әсер етуі ықтимал деген қауіппен 20 жылдан астам уақытқа созылды. 1886 жылы 2 маусымда «Түркістан өлкесін басқару туралы ереже», 1891 жылғы 25 наурызда «Ақмола, Семей, Жетісу, Орал және Торғай облыстарын басқару туралы ереже» қабылданады. Түркістан өлкесі жерінің құрамына Ферғана, Самарқанд және Сырдария облыстары кірді. Сырдария облысы Әмудария бөлімінен және Қазалы, Перовск, Шымкент, Әулиеата және Ташкент аталған 5 уезден құралды. Ал, Орынбор және Батыс Сібір генерал-губернаторлықтарының орнына орталығы Омбы болған Далалық (Степной) генерал-губернаторлығы құрылды. Оның құрамына Ақмола, Семей, Орал, Торғай және Жетісу облыстары кірді. 1897 жылы Жетісу облысы қайтадан Түркістан генерал-губернаторлығының қарауына берілді.

Патша өкіметінің отарына айналған еңбекші қазақ халқы оған ақшалай алым-салық төледі. Оның мөлшері үнемі өзгеріп отырды. Мысалы, 1844 жылғы «Ереже» бойынша әр түтіннен 1,5 сом жиналса, 1891 жылғы «Ереже» бойынша ол 4 сомға жетті.

Түркістан және Дала өлкелерін басқару туралы жаңа «Ережелер» бойынша Түркістан және Далалық өлкелерде жалпы империялық соттар жүйесі бітістіруші судьялар, уездік, болыстық соттар және жоғарғы сот инстанциясы қалыптасты. Бұл реформалардың барлығы шындып келгенде отаршылдық езгіні күшейте түсуге бағытталған еді.

Ал, Сырдария облысында қазылар соты сақталса да, әскери-уездік соттардың дау-жанжалдарды шешудегі рөлі басым еді. Алайда сот істеріндегі өзгерістердің бір айта кететін жайы-ол ескі шарияттық патриархалдық-шонжарлық салттардың күнделікті өмірге әсеріне шек қойды. Әрбір болыста төрттен сегізге дейін (шаңырақ санына қарай) билер сайлайтын еді. Шын мәнінде, әскери губернаторлар бекіткен билер мен қазылар соттары патша үкіметінің Қазақстандағы отаршылдық сот жүйесінің төменгі буыны болды. Уездік және әскери соттар бұқараны қанауды үдетті. 1861 жылғы крепостниктік құқықты жою жөніндегі заң сияқты, 1867-1868 жылдардағы реформалар қоғамның түбірлі қайшылықтарын шеше алмады. Реформа арқылы отарлық басқару, билік нығайтылды.

1886 жылғы «Ережеге» сай Түркістан өлкесінде Ресейдегі үлгімен, жаңа соттар құрылды. Сонымен қатар «халық соттары» деген атпен мұсылман ұлындарының ісін жүргізетін төменгі сот буынын ұйымдастыру көзделді. Шын мәнінде, халық соттары империялық сотқа қосалқы, дербес мәселе шеше сайлайтын, тәуелді буын болып қалды. Жергілікті халық өкілдерінің бірсыпыра қымыстары, мысалы: қашқындарды жасыру, кісі өлтіру, тонау сияқты қымыстарды қарау, үкім шығару отаршылдық соттың өз қолында болды.

Халық (билердің) соттары да облыстық соттар сияқты тек үстем таптар мен отарлаушы басқарманың мүддесін қорғайтын сот болды. Бітістіруші сот облыстық, уездік билеушілердің мүдделерін қорғаса, халық (билер) соттары дәстүрлі жеңілдіктерін әлі де болса сақтап қалуға тырысқан бай-шонжар топтары, соттың қызметін атқарды. Патша үкіметі әртүрлі толықтырулар арқылы бұл заңдарға өзгерістер енгізгенімен, ол соттардың отаршылдық мазмұны өзгерген жоқ.

Енді, осы реформаларға сәйкес Қарқаралы уезі бойынша 1871-1919 жж. болыстық және ауылдық басқарушылар жайлы біраз мәліметтерді берсек дейміз. Бұл мәліметтер белгілі өлкетанушы, Қарқаралы қаласының құрметті азаматы, қазір Петербор қаласында тұратын Ю.Г. Поповтың тікелей көмегі арқылы жинақталды. Кезінде, 1871-1919 жылдар арасында Семей қаласында **“Семипалатинские областные ведомости”** атты газет шығып тұрды. Газетте уезд көлемінде болып жатқан оқиғалар мен генерал-губернаторлықтан бастап ауылдық жерлердегі маңызды әкімшілік құжаттар мен мәліметтер жарияланып отырылды.

Мысалы, Қарқаралы уезінде 1884 жылы осы газеттің берген мәліметіне сүйенсек 123587 адам тұрған. Әрбір болыс басқармалары жайлы қысқаша хабарламалар берілген. Сол кезеңдегі өлкеміздің 21 болысында патшалық Есейдің төменгі сот буыны қызметін атқарған, 3 жылға сайланып отырған ксақалдары (старшын) жайлы қысқа мәліметтер жиі кездеседі. Олардың арасында сол кезеңнің қатал заңдылығын көре, түсіне отырып ең бірінші өз хандастарының, ауылдастарының мүдделерін қорғауға ұмтылған ел билеушілерінің де аттары жиі кездеседі. Енді, сол тізімдерге тоқталайық:

Қу болысының басқарушылары болғандар: Ақай Баймұрынов, Қоңқабай Қасқырбаев, Мұсатай Тәттімбетов (1884-1886), Матай Ақаев, Қасым Ақаев, Қасен Ақаев, Жаппас Ақаев. Осы болыстың билері: Жаңанай Баймұрынов, Бүлебай Өтебаев, Бекеш Балықбаев, Іңкәрбай Бүсұрманов, Есебай Қырғызов, Жұбайша Шомақов, Иса Бектасов т.б.

Едірей болысының басқарушылары: көп жыл бойы болыс болған Сламбек Жүнісов, онан кейін, Нұрмұхамет Нұртазин, Темір Сәубеков, Қақабай Алшынбаев, Айғожа Теміржанов (1914-1917), елге белгілі билер – Машрап Қақабай, Жапи Алшынбаев, Баймолда Аяпбергенов, Артық Қарпықов, Төре Ажығұлов, Шалабай Жылқыбаев, Қосық Алшынбаев, Қорғанбай Ерінов.

Темірші болысының басқарушылары: Бұл болыстықты көп жылдар 1885 (1876)-1910 жж. арасында аздаған үзілістермен Әбеу Еркемов. басқарған еді. (атақты Әлімхан Еркемовтің әкесі). Белгілі билері – Иман Бекбергенов, Алшыбек Тоқтаров, Исабек Құттыбаев, Жапар Жұбанов, Райымбек Сасықбаев, Серкебай Ханхожин, 1896 ж. болыс болған Шақабай Қарабиев, 1913 ж. Нүкіш Орынқаев. билер – Смайыл Еркемов, Жазыбек Жиенбаев, Әбен Тоқпанов, Торсай Қарғынбаев, Көпбай Тойшыбеков, Нұржан Шонов, Орманбет Исин, Әбдірахман Қарылғапов, Құсайын Өскенбаев, Балағаз Омарбаев.

Берікқара болысының басқарушылары: 1878 жылдан Мұхаметәлі және

Айсу Иткариндер, 1898 ж. Ақбай Жандеркин және Бек Ақбаев. 1914 ж. Жүсіпбек Токбергенов, оның көмекшісі Қасенхан Сырлыбаев болды. Ал, кейін болыстық қызметті атқарған Байбол Қарсақбаев. Осы болыстың кейбір билері: Төребай Бердіқожин, Баймырза Байсарин, Байғұтты Жұманов, Әбди Сұлтанов, Омархан Серғазин, Алданазар Кенжеғарин, Нияз Орынбаев, Әбіш Ақбаев, Қасым Жандеркин.

Кент болысының басқарушылары: 1881 жылдан Бейсеке Бақалов, көмекшісі Серікбай Ханқожин. Билері – Иса Өскенбаев, Қарабай Матаев, Баймырза Аманжолов. 1884 жылдан сұлтан Мейіржан Арыстанов, көмекшісі Спан Мергенбаев, 1889 жылдан Оңғарбай Жомартов және Кенжебай Жомартов, 1895 ж. Кәрібай Матаев және Мұздыбай Жомартов, 1911 ж. Әміре Спанов және Айса Иткарин.

Балқаш болысының басқарушылары: 1877 жылдан Орманбет Байжомартов, көмекшісі Байтөре Табылтаев, осы кезеңнің билері: Дуан Қаракүшіков, Аттыл Бертісов, Бұланбай Байтөрин, Мақаш Сарыбаев, Донбай Қожажанов, Сабыр Бекназов. 1884 жылы болыстық басқарма тағы да Орманбет Байжомартовтың қолында болды, оның көмекшілері қатарында Құлмағамбет Байжомартов пен атақты ауыл ақсақалы болған Нармамбет Орманбетов болды. 1889 жылдан Нармамбет Орманбетов осы болыстықты өзі басқаруға қолы жетті. Оның билері: Әлілбек Маукин, Баймұхамет Алдияров, Ахмет Құбылтаев, Алдаберген Даукин, Алданияр Тоқсымақов, Лұқпан Айдосов, Әбіш Байарыстанов. 1889 ж. Нармамбет Орманбетов №3 ауылдың ақсақалы (старшыны), Алдаберген Дуаншин басқарған болыстыққа бағынған. 1911 ж. Нармамбет Орманбетов тағы болыс басқарушысы. Балқаш болысының соңғы басқарушысы (1917-1919) Шұғайбек Ахметов, оның көмекшісі Мақсұт Нармамбетов болды.

Ақсары болысының басқарушылары: 1884 жылдан Мыңғырбай Байдаулетов, 1911 ж. Сәдуақас Мыңғырбаев болған, осы болыстың билері: Садырбек Нұрманов, Қасен Садырбеков, Манғат Байдәулетов, Әбди Сұлтанов, Иса Өскенбаев, Абдулахан Абдин, Құлжа Абылханов, Байтуған Жұмақов, Сағыбалды Көшекбаев, Нұрпейіс Боқаев, Қалымбек Өскенбаев, Көке Байсамақов.

Тоқырауын болысының басқарушылары: Беркін Байболов, Баймұрын Ақаев, сұлтан Кенесары Құдайбердин, Машан Жантөбетов, Меубас Тысубергенов, Балкенбай Шонбаев, Хамит Күлтебаев, Сейтқазы Балкенбаев, Басш Құбатов, Алтынбек Қосубаев, Шайкен Машанов, Токмет Креншін, Қарибек Қосубаев, Қалиахмет Маметкұлов. Соңғы болыс болған адам (1917-1919) Бекмағамбет Рысбаев.

Келесі болыстықтарда 1914 жылдары болыс болған адамдардың тізімі олардың билерінің тізімдерімен қатар беріледі.

Дағандалы болысының басқарушылары: болысы Бейсенбай Тоқсарин, биі Ібраһман Тойсарин.

Абыралы болысының басқарушылары: болысы Әуеспай Қияқов, биі Абай Күнтуов.

Дегелең болысының басқарушылары: болысы Аман Белгібаев, биі Мұса

Әлебаев.

Дастар болысының басқарушылары: болысы Шайқы Мұсатаев, биі Нұрмағамбет Нұржанов

Ақтөбе болысының басқарушысы: болыс Қарижан Көкежанов.

Ақшатау болысының басқарушылары: болысы Әбен Тұрсынов, биі Амантай Адамбаев.

Қызылтау болысының басқарушылары: болысы Нарымбек Бодықов, биі Асқарбай Тәңірбергенов.

Бөрілі болысының басқарушылары: болысы Мақсым Әужанов, биі Бейсек Ордабаев.

Нұра болысының басқарушылары: болысы Шайқылас Жүсіпов, биі Тұрсынбек Қашқынбаев.

Шұбартау болысының басқарушылары: болысы Салықбай Бексейітов, биі Исағұл Менейқов.

Сарыбұлақ болысының басқарушылары: болысы Әбдірахман Аманбаев, биі Матабек Жүсіпов.

Мойынты болысының басқарушысы: болыс Райымқұл Сарбасов.

Қотанбұлақ болысының басқарушылары: болысы Жақыпбек Смайылов, биі Шерман Жақаев.

Газет нөмірлерінде патша өкіметі чиновниктерінің жергілікті билеушілерге адал қызметтері үшін жариялаған алғыстары мен марапаттаулары бар. Мысалы 1871 ж. Қарқаралы уезі бойынша Айбас Маутановқа, Аяған Құнанбаевқа, Өрік Арығозинға уезд басшысынан алғыс жарияланса, 1874 ж. 15 наурыздағы нөмірде императордың жарлығымен Мұхаметша Итқарин “Станислав лентасына орнатылған күміс медальмен” марапатталған. 1885 жылы губернатордың жарлығы бойынша арнаулы шекпен тапсырылғандар: Мыңғыш Байдәулетов (Ақсары), Сарбас Нұрбаев (Мойынты), Әбеу Ермеков (Темірші), билер Қарсыбек Қалманбетов (Мойынты), ал Қарымқожа Дербинге (Берікқара) күміс стакан, Нармамбет Орманбетов (Балқаш) пен Байсейіт Матаев (Ақсары) мақтау грамоталармен марапатталған. 1887 ж. Дала генерал-губернаторы Г.А. Коппаковский екінші рет арнаулы шекпендерді салтанатты түрде адал қызметтері үшін Сарбас Нұрбаевқа, Орманбет Байжомартовқа, Мұсатай Тәттімбетовке, Ақбай Жандеркинге, сұлтан Мейіржан Арыстановқа тапсырған. 1890 жылдан бері арнаулы шапандармен алмастырылған. Оны алғаш алғандар: Мұсатай Тәттімбетов, старшина Жатаков, Жастай Шынтаев, Тілеш Тұнабаев (Балқаш). Сол жылы мадақтау қағаздар алған билер; Райс Айтжанов (Кент), Жұбандық Шомаков (Қу). Шоқабай Қияқов күміс алқалы сағаттың, Қарсыбек Қалманбетов (Мойынты) стакан қоятын күміс ыдыстың, Бек Асанов (Ақсары) күміс шамақтардың иегерлері болған.

Дала генерал-губернаторы О.В. Щетинин тұсында арнаулы марапаттауларға шапандар: күміс алқалы сағат алғандар Мыңғаш Байдаулетов және Құлжанбек Сейітов (Ақшатау), аңшы мылтығымен Шыңғыс болысының құрметті азаматы Шерман (Абай) Құнанбаев.

1895 ж. уезд басшылығынан арнаулы марапаттауларға ие болғандар: Құлжанбек Аксейітов (Ақшатау), Құсайын Боштаев (Ақпет), Адамбай Шолақов (Ақшатау) – арнаулы шапандар; Бөже Жақанбадин (Сартау), Оспанқұл Менейқов (Шұбартау) – мақтау қағаздар, келесі жылы Нарымбек Бодықов шапан, Сарбас Нұрбаев күміс алқалы сағат алған. Жазбаша алғыс қағаздарға ие болған билер - Берікқара болысы бойынша Баймырза Байсарин, Шортанбай Тұңғышбаев, Жүсіп Омарханов, Ақшатау болысы бойынша Жүніс Құдайбергенов, Райымбек Кенжебаев, Ақсары болысы бойынша Сапек Мыңғарбаев, Қызылтау болысы бойынша Қошыбай Байтенов, Мойынты болысы бойынша Сәдуақас Көпбаев, Шу болысы бойынша Аманбай Атыбаев, Берікқара болысы бойынша Мұхамет Саржанов, Ақшатау болысы бойынша Сәттібай Бексейітов, Ақсары болысы бойынша Байсейіт Матаев.

1899 ж. арнаулы шапан алғандар: Оспанқұл Менейқов және Мұхамет Саржанов, алғыс қағаздарға ие болғандар Жолтай Шақсамалов (Дағандалы), Сәкербай Қанқожин (Темірші), Нұралды Көнежақов (Ақбота), Рысбек Бекболатов (Мойынты). Осы жылы уездік атты пошта тасушылар Бөкеш Өтебадин, Жүсіп Қарымсақов және Балықбай Күліковтер де алғыс қағаздар алған.

1904 жылы жоғары дәрежедегі шапан алу рәсіміне ие болған Ақбай Жандеркин болса, II-ші дәрежедегі шапанды Оспанқұл Менейқов, III-ші дәрежедегі шапандарды Шайкен Машанов (Тоқырауын), Тәңірберген Атағожин (Абыралы), Қасен Ақаев (Қу), Шакен Әлімбаев (Ақшатау) алды. 1905 ж. жоғары дәрежедегі шапанға Сәдуақас Көпбаев, мақтау қағаздарына Амантай Азанбаев, Бөкей Сандыбаев (Нұра), Омар Мауқымов (Абыралы, №9 ауыл) ие болды.

1910 жылы күміс алқалы сағат Жақыпжан Баймұхамедов (Дегелең), Қарқаралы хат тасушы Смағұл Бекқабовқа, Бөрілі болысының тілмашы Иван Александровқа табыс етілген.

1912 ж. 6 мамырдағы императордың жарлығымен Жаманбай Манабаевқа (Бақты) және Байтұрсын Бекқожинге (Кент) “Станислав лентасына орнатылған күміс медаль” тапсырылған. 1915 ж. жоғары дәрежедегі шапанға Нарымбек Бодықов (Қызылтау), III-ші дәрежедегі шапанға шабарман Қуандық Айдаболов, күміс алқалы сағатқа Маусымбай Түркенов ие болған.

“Семипалатинские областные ведомости” газетінің нөмірлерінде кейбір болыстар мен билердің қайтыс болған күндері туралы да мәліметтер бар. Мысалы: Қу болысының №8 ауыл старшыны Жанұзақ Рысымбетов 1888 ж. қазанында, 1889 ж. наурызда болыс Иса Белғасов, 15 желтоқсан 1890 ж. Қу болысының биі Аяш Бөлеев, 1892 ж. ақпанда Берікқара болыстығының №4 ауылының биі Қасым Жандеркин, 1893 ж. мамыр Кәрібай Белесартов, 1894 ж. 19 шілдеде Қызылтаулық Тайжан Асыллов, 1895 ж. желтоқсанда Кент болысының №8 ауыл старшыны Төребай Жомартов, 1899 ж. қыркүйек осы болыстықтың №2 ауылы тұрғыны Баксейт Хангелдин, 1900 ж. 27 қаңтар Абыралылық Баянды Бөленов, 1901 ж. наурызда Балқаштық Алданазар Токсұмаков және Қу болысынан Байтен Тоқыбаев, мамырда Мзойынтылық Нұркен Нұрбаев, 1906 ж. наурызда Темірші болысынан Исабай Өтегенов, 1909 ж. шілдеде Ақсары

болысының №2 ауылының тұрғыны Ахмет Сағынаев, 1914 ж. қаңтарда абыралылық Ауысбай Қиянов, 1915 ж. сәуірде Қотанбұлақ болысынан Ақтаберлі және Құдайберлі Түлешовтер және Ақбота болысынан Жүсіп Ботабаев, 1916 ж. маусымда Балқаш болысының №5 ауылынан Ақыш Манышев, 1916 ж. қазанда Қу болысының №3 ауылынан Көпбай Матақовтың қайтыс болғандығы жайлы қысқаша мәліметтер беріледі.

А.А. Плешаков, О.И. Мартынюк, Н.С. Ковшова
*Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск, Казахстан*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»:
ОПЫТ МУЗЕЕФИКАЦИИ
И ОРГАНИЗАЦИЯ ТУРИЗМА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРНОЙ ВЕТВИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ**

Великий Шелковый путь – это транскультурная структура, возникающая в процессе развития отношений между достаточно удаленными экономическими областями древнего мира, в которую были включены и кочевые племена степной и лесостепной зоны Евразийского континента. Границы бытования этих племен были условны и помечены лишь в рамках традиционных хозяйственных отношений. Сегодня величие и понимание значения Великого Шелкового пути для территории древнего Казахстана реконструируется по материалам исследований руин древних городов, по многочисленным памятникам истории и культуры, оставленных степными племенами. На этом обширном пространстве система торговых отношений распространялась и в границах хозяйственно-экономических связей сакских племен.

В апреле 2003 года в Послании народу Казахстана Н.А. Назарбаев предложил реализовать специальную среднесрочную программу “Культурное наследие”, первым этапом которой явилось создание целостной системы изучения культурного наследия страны, фиксации и описания памятников культуры. Данный этап включал в себя поиск и первичное обследование памятников археологии, истории и архитектуры, а также создание Свода памятников по областям. Инициированная Президентом страны государственная программа «Культурное наследие» стала сегодня одним из главных приоритетов национального развития. Нурсултан Назарбаев подчеркивает, что «культура – это отражение нации, ее души, ума и благородства. Цивилизованный народ гордится ходом своей истории, развитием культуры, великими людьми, прославившими страну и внесшими огромный вклад в золотой фонд мировых достижений мысли, искусства. Именно посредством культуры, традиций нация становится известной».

Свод памятников истории и культуры Северо-Казахстанской области был издан в числе первых в Казахстане. Свод явился результатом многолетнего труда коллектива североказахстанских ученых и краеведов. В нем отражена информация не только сохранившихся сегодня объектов старины, но и утраченных, вследствие различных причин, но дающих ценные исторические данные для реконструкции древней истории края.

В настоящее время в Республике Казахстан идет претворение в жизнь второго этапа национальной программы по сохранению культурного наследия, совершенствуется законодательная база по обеспечению охраны памятников,

остро ставятся вопросы о музеефикации археологических объектов, создании сети туристических маршрутов, развитии туристического бизнеса. В связи с этим изучение и охрана археологических памятников современного Казахстана носит актуальный характер.

До середины 60-х годов XX века территория Северного Казахстана многими историками считалась малопригодной для проживания древнего человека не только в эпоху каменного века, но и в последующие времена. Вместе с тем, северный регион республики был включен в процесс изучения местности на предмет наличия древних памятников истории, в связи с перспективой вовлечения степных просторов по освоению целинных и залежных земель. Было организовано несколько экспедиций по обследованию территорий, включенных в новый хозяйственный оборот. К.А. Акишев прошел и проехал не одну тысячу километров по бескрайним степям республики, находя и кропотливо нанося на карты места проживания и захоронения древних людей. Но узкие временные рамки, а также срочность исполнения поставленной правительством задачи, не позволили более детально и скрупулезно обследовать, в частности, территорию Северного Казахстана. В итоге, в 1960 году в издательстве Академии наук КазССР вышла «Археологическая карта Казахстана», где был также опубликован список и внесены на карту республики основные обнаруженные археологические объекты Северо-Казахстанской области. В издании были учтены сведения собранные историками XVIII – начала XX века (С. Ремезов, П.И. Рычков, П.-С. Маллас, И.П. Шангин, А.И. Левшин, А.К. Гейнс, И.А. Кастанье, А.И. Добросмыслов, И.Т. Пославский, В.В. Радлов, Ч.Ч. Валиханов, Ю. Аргентовский).

В 1967 году по инициативе Г.Б. Здановича на базе Северо-Казахстанского областного краеведческого музея и Петропавловского педагогического института (ныне СКГУ им. М. Козыбаева), была организована Северо-Казахстанская археологическая экспедиция. С этого момента началось крупномасштабное исследование археологических объектов Северного Казахстана. За сорок лет существования экспедиции были раскопаны сотни памятников, в диапазоне от каменного века до средневековья.

В.Ф. Зайбертом на материалах каменного века Северного Казахстана была выделена атбасарская неолитическая культура. Это позволило подробно описать жизнь древних рыболовов и охотников, реконструировать жилища и поселки, в которых они проживали. Были открыты места добычи сырья для изготовления каменных орудий, а по их набору определены функции многих хозяйственно-бытовых предметов, позволивших древним насельникам достойно выживать в суровых условиях сухого климата эпохи каменного века.

Древнейшее население активно использовало благоприятную для существования широкую долину Ишима. Стоянки, поселения и мастерские сконцентрированы, как правило, в определенных местах, наиболее удобных для обитания и ведения производственной и хозяйственной деятельности древнего человека.

В конце каменного века между природой и человеком устанавливаются

сложные взаимоотношения, основанные на все более активном использовании ее ресурсов, обусловленных поступательным развитием общества. Это время характеризуется не только приспособлением человека к окружающей среде, но и завоеванием им определенной независимости, которая проявлялась в значительном совершенствовании образа жизни и методах хозяйствования. На поселениях наблюдается разнообразный набор каменных орудий и инструментов (большое количество скребков, ножей, резцов, разверток, скобелей, деталей вкладышевых инструментов). Это позволяет говорить о разнообразии производственных операций и предполагает развитость промыслов, в частности, по обработке больших партий шкур животных, которые, несомненно, предназначались для изготовления надежной теплой одежды, столь необходимой для человека в этих широтах.

В пределах Северо-Казахстанской области открыто и исследовано более 200 объектов каменного века, большая часть которых относится к неолиту. Это позволило разработать периодизацию и наметить хронологию неолита Северного Казахстана. Было выделено три периода – ранний, средний, поздний неолит. Начало относится к VI, а финал – к началу III тысячелетия до новой эры. Вероятнее всего, переход от собирательства, охоты и рыболовства к зачаткам производящей экономики – придомному скотоводству и земледелию – мог произойти около шести тысяч лет назад.

В 1980 году разведочной группой в составе В. Заитова и О. Мартынюка был открыт эталонный памятник энеолитического времени Северного Казахстана – поселение Ботай. Это послужило началом исследований эпохи медно-каменного века (энеолита), которые во многом пролили свет на протекавшие в северном регионе республики исторические процессы в период с середины IV - вплоть до конца III тыс. до н.э.

Многолетние и плодотворные раскопки этого уникального поселения позволили основному его исследователю – В.Ф. Зайберту обоснованно выделить особую ботайскую энеолитическую культуру (поселения Ботай, Красный Яр, Васильковка, Баландино, Рошинское, Сергеевка). Многопрофильными научными исследованиями феномена культуры занимались ученые из Алматы (специалисты по древним млекопитающим Т.Н. Нурумов, Л.А. Макарова), Санкт-Петербурга (специалист по ископаемым животным Н.М. Ермолова, трасолог Г.Ф. Коробкова), Екатеринбурга (остеолог П.А. Косинцев), Москвы (почвовед И.В. Иванов), Челябинска (археологи В.С. Мосин, С.А. Григорьев), Англии (М. Левине), США (С. Олсен), Петропавловска (А.М. Кисленко, В.И. Заитов, Т.А. Даниленко, А.А. Плешаков, Н.С. Татаринцева, Е.Е. Тетюхин, О.И. Мартынюк, Н.С. Ковшова, И.М. Шаламарчук, Р.А. Попович, В.В. Расстегняев, А.Г. Шалагин, С.О. Миллер). В рамках изучения проблем ботайской культуры было проведено несколько международных симпозиумов с участием ведущих ученых Великобритании, Германии, Ирана, Канады, США, Чехии, Финляндии, Японии, России, Казахстана, Украины, которые в известной степени поставили вопрос о времени и степени механизации лошади в степной зоне Евразии.

На поселении Ботай, за весь энеолитический период его существования, длившийся несколько столетий, древними людьми было построено не менее 250 жилищ. Площадь полуземляночных жилищ составляла от 20 до 70 кв. м. Они располагались группами, часто примыкали друг к другу, а некоторые попарно соединялись между собой переходами. Все постройки разделены на жилые и хозяйственные. Как правило, в каждом ботайском жилище был один очаг, расположенный на полу, в центре. Не исключено, что в таких жилищах жили родственные общины, представлявшие, скорее всего, одну хозяйственную ячейку. Она могла насчитывать от 40 до 50 человек. Коллективные разнополюе захоронения подтверждают вероятную возможность существования семейно-хозяйственных общин, состоящих, в свою очередь, из трех-четырёх малых семей.

Если в неолитическое время на территории Северного Казахстана преобладали орудия, характерные для охоты и рыболовства, то в эпоху энеолита, на этой же части лесостепи, в связи с наметившемся переходом к производящему хозяйству, ведущее место стали занимать инструменты, используемые в деревообработке, скорняжном деле и других видах домашних промыслов (скребки, скребла, ножи, топоры, долота, сверла, проколки). Многочисленную группу составляют изделия из сланцев, известняка, гранита. Широко использовалась разнообразная керамическая посуда, применявшаяся как в быту, так и в производственных целях.

Примечателен набор костяных орудий: серпы и косы из костей нижних челюстей лошадей, землеройные орудия, инструменты по обработке дерева, иглы, шила, ткацкие инструменты, штампы, гарпуны. Это свидетельствует о наличии земледельческих навыков и развитой системы домашних промыслов.

Некоторые орудия и предметы имеют на своей поверхности орнаментальные рисунки, пиктографические знаки и линии.

Но главной особенностью находок на поселении Ботай является наличие огромного количества костных остатков. Они фиксируются повсеместно – и на современной поверхности земли, и в межжилищном пространстве культурного слоя, и в заполнении стен жилищ, и на полу жилищ, и в завалах хозяйственных ям. Не самое примечательное заключается в том, что лишь только сотая часть общего объема остеологического материала принадлежит некоторым видам диких животных (зубр, лось, косуля, сайга, мелкий тур, медведь, лисица, корсак, бобр, сурок, заяц, кабан). Подавляющая же масса костного материала определена специалистами как остатки различных частей скелетов лошади, что может быть одним из составных признаков вовлечения этого животного в хозяйственный оборот, как системообразующего начала. На современном этапе ученые, в силу объективных причин, не имеют эталонных морфологических признаков скелета лошади. Сложность определения, в первую очередь, связана с образом жизни коня. Общеизвестно, что лошадь, до момента приручения (объездки), является практически диким животным, ибо это стадное, четвероногое, парнокопытное млекопитающее круглый год находится в вольном поиске корма, даже зимой оно самостоятельно его добывает и, вдобавок ко всему, имеет

относительно высокую подвижность. Разноплановый анализ массового остеологического материала, происходящего из раскопок памятников ботайской культуры, а также наличие специфических сопровождающих артефактов, позволяют некоторым специалистам высказывать предположения о том, что именно в данное время древний человек приступил к domestикации этого животного, а территория области являлась одним из основных мировых центров приручения лошади.

Фиксируемые в ботайской культуре орнаментальные рисунки, в большей своей части, являются иконографической основой развитой знаковой системы, обнаруживаемой в эпоху бронзы, которая по многим параметрам признается временем сложения глобальной индоевропейской общности.

А.А. Плешаков и Т.А. Даниленко, применив метод изучения функций орудий по следам сработанности, разработанный С.А. Семеновым, провели глубокое экспериментально-трасологическое обследование артефактов. Результаты исследований позволили до мельчайших подробностей интерпретировать функциональное назначение костяных, каменных и кремневых орудий древних племен, что привело к достоверной и детальной их реконструкции и явилось новой составляющей в процессе изучения древнейшей истории Северного Казахстана.

В.И. Заитов подверг тщательной типологизации класс каменных орудий, что позволило подробно и достоверно реконструировать технико-технологический ряд их изготовления.

Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович и Т.С. Малютина провели скрупулезную работу по детальной хронологизации и периодизации культур андроновской культурно-исторической общности, которая, по мнению большинства современных ученых, явилась основой для сложения древнейшей мировой арийской цивилизации. Исследователями выделены ее начальная фаза формирования. В поисках следов проживания древних племен индо-иранцев на территории Северного Казахстана большой вклад внесли сотрудники Северо-Казахстанской археологической экспедиции (В.Ф. Зайберт, А.А. Плешаков, Т.А. Бухонина (Бойко), А.А. Бухонин, Н.О. Иванова, Д.Г. Зданович, М.К. Хабдулина, А.М. Кисленко, Т.А. Даниленко, О.И. Мартынюк, Н.С. Татаринцева, В.И. Заитов, С.С. Заев, И.М. Паламарчук, В.В. Растегняев, Р.А. Попович, В.С. Мосин, С.Г. Боталов, Э.Р. Усманова).

Проведение работ по вскрытию археологических объектов широкими площадями позволило более детально и достоверно интерпретировать этническую, социальную и хозяйственную составляющие древнейших обществ региона. В пределах Ишимской равнины были исследованы укрепленные поселки эпохи бронзы, обнаружены захоронения рядовых и знатных воинов-колесничих. Бронзовая колесница и система упряжи, разработанные в евразийских степях четыре тысячелетия назад, широко и глубоко внедрились на всем ареале распространения индоевропейской цивилизации (Троя, Микены, Греция, Малая Азия, Балканы). Укрепленные поселки, впервые обнаруженные у североказахстанских сел Новоникольское, в настоящее время Г.Б. Здановичем объединены в

...еобразную протогородскую цивилизацию, «Страну городов», сложившуюся путем слияния сибирского и восточно-европейского этносов. В нее включены древние городища Северного Казахстана и Южного Зауралья (Аркаим, Синташтинское, Аландское, Андреевское). У этих древних крепостей детально реконструированы оборонительные стены, рвы, систематическая (квартальная) застройка, конструкции жилых и производственных помещений, общественные присутственные места (центральная площадь), сложные входы и выезды из городищ, система канализации. Это время было одним из этапов зарождения индоиранской общности со сложившейся социальной и мифологической структурой, достаточно развитой металлургией, достойным земледельческим и скотоводческим потенциалом, многоотраслевой инфраструктурой племенных промыслов, заложивших основу этнолингвистического самосознания населения Евразийских степей. Это, впоследствии, привело к рождению скифо-сакского (скифо-сибирского) феномена и явилось главной составляющей в формировании кочевого образа жизни степей.

С конца 60 гг. XX в. ведутся планомерные исследования культур раннего железного века края. В окрестностях города Петропавловска раскопано городище Актау. На территории Северо-Казахстанской области исследованы десятки курганов, относящихся к скифо-сакскому времени. М.К. Хабдулиной на основании исследованных памятников смоделированы культурно-исторические события раннего железного века степного Приишимья в системе Великой степи помидов.

В конце 90-х годов XX века совместной Казахстанско-Германской экспедицией (Г. Парцингер, А. Наглер, В.Ф. Зайберт, А.А. Плешаков) было исследовано святилище сакского времени Байкара, материалы которого значительно расширили представления по данному периоду древней истории региона. С 2004 года начаты планомерные работы по обследованию городища Ак-Ирий.

Таким образом, территория Северо-Казахстанской области с древнейших времен была активно включена в общеисторические процессы, протекавшие в Евразийских степях. Начиная с эпохи мезолита, край стал интенсивно заселяться человеком. Новые природные зоны, сформировавшиеся после исчезновения ледника, представляли новому населению не только благоприятные природные условия, но и довольно мощный прожиточный потенциал в виде многочисленной разнообразной флоры и фауны. Это, в конечном счете, позволило древним неолитическим племенам региона, насельникам эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья, поэтапно перейти от присваивающего (охота и собирательство) к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство, ремесленничество).

Порокалетние исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции выявили на территории региона ряд генетически связанных между собой археологических культур в диапазоне от мезолита до раннего железного

- охотничье-рыболовные племена эпохи мезолита;
- неолитическая (атбасарская) культура Северного Казахстана, положившая начало производящему хозяйству региона;
- энеолитическая (ботайская) культура, перевернувшая научные представления о процессах и проблемах доместики лошади;
- сведения об андроновской культурно-исторической общности эпохи бронзы существенно пополнились разработкой как культурологических проблем (выявлены ранние этапы сложения общности – петровская культура, выделена своеобразная саргаринская культура заключительного этапа эпохи бронзы), так и детальной разработкой и классификацией древних хозяйственно-культурных типов. Огромный вклад внесен в решение проблем реконструкции погребального обряда, предоставляющего неограниченные возможности по воссозданию социального строя и мифологической картины древнего человека;
- савроматский (сакский) мир достаточно профессионально и детально исследован и реконструирован по материалам многочисленных раскопок городищ, могильников и курганных комплексов.

Укрепленные городища скифо-сакского периода на севере Казахстана, зафиксированные в виде великолепно сохранившихся остатков городища Ак-Ирий, и ранее исследованного в черте Петропавловска – городища Ак-Тау, а также ряда других памятников с величественными фортификационными сооружениями, являются своеобразными форпостами, отделяющими формирующийся мир кочевников от насельников лесной зоны и помечающие границу степей.

Одно из ответвлений Великого Шелкового пути проходило по кромке степной и лесостепной зоны евразийского континента, что подтверждают неоднократные находки раковин каури и в курганах, и на городищах. Это свидетельствует о том, что саки имели довольно обширную географию опосредованных внешних торговых и культурных сношений, в том числе, и с весьма отдаленными регионами. Раковины каури ценились за красоту и с древних времен до начала XX в. имели хождение у ряда народов Азии, Африки и островов Тихого океана, а в древности и Европы, в качестве средства обмена (т.н. раковинные деньги). И сейчас эти раковины у казахского народа служат оберегами для детей и нашиваются на одежду.

На севере Казахстана кочевые племена оставили величественные курганы – молчаливые свидетели древних эпох. В 1997-1999 гг. усилиями североказахстанской экспедиции совместно с германскими коллегами был досконально исследован новый тип археологических памятников сакского времени, характеризующийся как необычными размерами, так и сложнейшими конструктивными изысками – священными храмы, которые ранее считались курганами-кенотафами.

Оборонительные сооружения, жилые и производственные комплексы, а также совокупность сопутствующих артефактов исследованных археологических секторов позволяют реконструировать натуральное хозяйство древнего населения североказахстанского региона как сложносоставное, многоотраслевое. Памятники такого типа (городище Актау, поселение Кеноткель-Х, городище Ак-

Ирий, могильник Байкара) являют собой свидетельство начального этапа перехода к подвижным формам ведения хозяйства и отражают сложный этап взаимодействий внутри моноэтнической среды. Подобные памятники являются определенной частью общины, обслуживающие кочевую округу, включая контроль и защиту обширной территории. В дальнейшем, с укреплением и консолидацией новой производственной специализации, начинается процесс поляризации кочевого и оседлого мира, вследствие чего, оседлый компонент выносятся за пределы этнической общности.

Великий Шелковый путь, как транскультурная структура, довольно продолжительное время функционировавшая для организации торговых сношений между достаточно удаленными друг от друга экономическими областями древнего мира, несомненно, постоянно эволюционировал. Традиционные караванные маршруты могли изменяться, исчезать старые и возникать новые пути, в зависимости от складывавшейся на текущий момент военной, политической и экономической ситуации как в целом на евразийском континенте, так и в отдельных его регионах. Опираясь на результаты исследований памятников раннего железного века и раннего средневековья Урало-Иртышского междуречья, в том числе Северного Казахстана, а также примыкающих с запада и с востока к этому обширному региону территорий, населенных близкородственными этносами, необходимо поставить вопрос о функционировании в эту эпоху северной ветви Великого Шелкового пути – Срединной Евразийской этнической артерии.

Удачное географическое расположение, концентрация археологических объектов, добротная и детальная изученность северо-казахстанских памятников могут стать основой для создания исторического музейного парка Срединной Евразийской этнической артерии в окрестностях Петропавловска.

Главная цель проекта – сохранение естественно-географического и исторического ландшафта региона, его углубленное научное изучение, направленное на детальную реконструкцию древней истории края в рамках изучения проблем Срединной Евразийской этнической артерии. “Живые” археологические памятники и среда их бытования могут стать объектами регионального и международного туризма, что позволит, активизируя отдых, на определенное время погрузить человека непосредственно в ту или иную историческую эпоху. Отдыхающему может быть предоставлен выбор эпохи и, соответственно, образ жизни того или иного времени.

В Северном Казахстане наиболее предпочтительным направлением является развитие туризма, который предполагает активное пребывание в условиях «открытой» природы при непосредственном взаимодействии отдыхающего с историко-культурными объектами, удовлетворяющими его познавательные, культурные и научные потребности. В свете концепции устойчивого развития, подобное направление туристической деятельности приобретает все большую популярность в мире, как способ экологически безопасного использования

природных и культурных ресурсов. Объектами историко-экологического туризма в североказахстанском регионе могут стать типично степной ландшафт, практически не менявшийся в течение семи тысяч лет, и памятники истории, включенные в интерактивный отдых.

Немаловажным направлением, в реализации общегосударственной программы "Культурное наследие", является задача детальной и скрупулезной реконструкции народных, традиционных и художественных промыслов (ковроткачество, гончарство, кузнечное и скорняжное дело, резьба по дереву, изготовление художественных изделий из кожи, камня, бересты, кошмы), которое видится в организации обучения незанятого населения региона, что, в свою очередь, послужит процессу создания дополнительных рабочих мест.

Впервые вопрос о создании археолого-этнографического парка в окрестностях северо-казахстанского областного центра возник в 90-е годы XX в. Предполагалось создание парка по аналогии с природно-ландшафтным и историко-археологическим заповедником «Аркаим», созданном в России в 1991 году (Кизильский район Челябинской области). Музей-заповедник «Аркаим» – первый историко-ландшафтный парк в степной зоне Евразии, использующий в своей деятельности элементы организации активной музейной экспозиции. В Российской Федерации успешно функционирует еще один подобный заповедный музейный комплекс в лесопарковой зоне – «Томская писаница» (Кемеровская область). В состав этого заповедника входят несколько комплексных зон показа под открытым небом: Томская писаница, Архитектурно-этнографическая территория "Шорский улус Кезек", Зона мифологии, эпоса и календарей народов Сибири, Археодром с древними жилищами и погребениями, Музей наскального искусства Азии, Музей естественной истории. В Республике Казахстан предпринимается попытка музеефикации средневекового городища в черте города Астана, а также поставлена задача по развитию культурного туризма на базе исторических объектов Великого Шелкового пути.

Опираясь на опыт создания музеев под открытым небом, предлагается ввести в структуру будущего природоохранного археолого-этнографического музейного парка не только туристско-сервисные подразделения и экспозицию музея, но радикально расширить его деятельность в сфере туристических услуг.

Парк призван объединить несколько структурных подразделений, имеющих разную специфику, но нацеленных на выполнение общих задач по сохранению природного и культурного наследия и его популяризацию.

Основным объектом парка должна стать активная музейная экспозиция, включающая в себя:

- *воссозданные модели-реконструкции погребальных сооружений эпохи бронзы и раннего железного века;*
- *воссозданные модели-реконструкции поселений (жилищ) эпохи каменного, бронзового и раннего железного веков, домов переселенцев XIX-XX вв., а также стоянок и зимовок поздних кочевников;*
- *модели бытовых, культовых и хозяйственных сооружений разных эпох и*

различных этносов, приспособленных для кратковременного проживания туристов в «этнической» среде.

Центр по возрождению народных промыслов призван взять на себя функции обучения незанятого населения области и города, а также всех желающих, уникальным профессиям, а в своих учебно-производственных мастерских налаживать изготовление этносувениров.

Научно-исследовательский центр по изучению природного и культурно-исторического наследия, обобщая накапливаемый опыт, через посредство широкого издания научно-методических и популяризаторских материалов, а также системы практических семинаров должен явиться тем аккумулирующим началом, которое призван выполнять исторический (ландшафтно-археолого-этнографический) музейный парк Срединной Евразийской этнической артерии.

В связи с этим, в рамках научных изысканий Северо-Казахстанской археологической экспедиции, начаты практические работы по музеефикации археологического памятника раннего железного века. По всем параметрам городище Ак-Ирий являет собой наиболее подходящий пример такого объекта, сочетающего в себе и научную значимость, и удачное расположение, в непосредственной близости от кромки природоохранного заповедника, и небольшую удаленность от регионального центра организации туризма.

Городище Ак-Ирий (тюркско-иранское сочетание слов, означающее понятие «белый рай») находится в 50 км севернее областного центра. В процессе изыскательских работ была детально обследована площадка памятника, расположенная на высоком правом коренном берегу реки Ишим, в месте, являющемся географической пограничной зоной между живописной Ишимской равниной и южной кромкой Западно-Сибирской низменности. Административно памятник расположен в полутора километрах юго-восточнее села Долматово Кызылжарского района Северо-Казахстанской области. Ориентировочно общая площадь городища оценивается в 24500 кв.м.

GPS

сш. 55°18'56"

вд. 69°30'26"

выс. 140,5 м.

Археологические исследования территории городища проводятся достаточно обширными площадями с примыканием новых раскопов к уже исследованным участкам. Это позволяет более детально и скрупулезно реконструировать не только хозяйственную составляющую населения, проживавшего в этом городище, но и его культурно-бытовой и социальный вектор. Раскопки производятся квадратно, послойно, горизонтальной зачисткой, на глубину от 5 до 10 см, с полным выносом земли за пределы раскопа. Вынутый грунт укладывается в траншеи, по которым выносятся на поверхность. Дерновые пласты из раскопа последнего года завершают рекультивацию ранее исследованных участков городища.

Первоначально раскапываемая площадка охватила пространство, отнесенное к хозяйственно-производственной зоне памятника и его фортификационным

сооружениям. В целях выявления полной стратиграфической ситуации раскопки проводились на прилегающих участках и подступах к фиксируемым, на современной поверхности, крепостным сооружениям. В результате выявлены конструктивные особенности главного въезда и сложного вала, состоящего из тщательно выровненной в древности площадки, на которую первоначально был уложен гидроизолирующий слой бересты. Полосу бересты шириной до 2м перекрывает хорошо утрамбованное земляное основание, на котором сооружена глиняная стена.

Глубокий ров, органично продолжающий систему защитных сооружений, был тщательно облицован дерновыми пластами, а ряд наклонно вкопанных березовых столбов, высотой не менее 2м, образующих внутреннюю оборонительную стену, завершает общую конструкцию оборонительных элементов. Ряд столбовых ям, на небольшом удалении от стены, позволяет предположить наличие смотровой (боевой) галереи, примыкающей к ней. Оригинальной конструктивной особенностью вала является внешний, довольно пологий склон, который в древности был облицован дерновыми пластами, которые выполняли двойное назначение. Во-первых - они защищали вал от разрушения, а во-вторых – обладали великолепной маскировочной функцией, зрительно нивелируя общую высоту конструкции и, тем самым, дезорганизовывали и затрудняли наступательный порыв и маневры осаждавших крепость вражеских войск.

Городище функционировало как культово-хозяйственный и торгово-промышленный объект. Об этом свидетельствуют многочисленные, хорошо сохранившиеся кости животных, встречающиеся в отдельных ямах, явно не хозяйственного назначения. По всем признакам при отправлении ритуальных действий, туши расчленялись, а в некоторых случаях даже помещались в отдельные жертвенные положения. Фиксируются также остатки полных скелетов животных.

В центральной части городища, на поверхности земли, акцентировано выделяется просторная, слегка углубленная, площадка с лучеобразно расходящимися во всех направлениях, широкими канавками, которые, вблизи крепостной стены, соединяются с обводной дорогой. Население городища уже в этот ранний период железного века достигло, судя по находкам, достаточно высокого уровня развития. На памятнике вычленяются производственные площадки, на которых концентрированно фиксируются фрагменты обожженного кирпича, металлические шлаки. Найдены остатки печей, предназначенные для выплавки металла, что свидетельствует о том, что древние саки были хорошо знакомы с технологией металлургического производства. На современной поверхности детально визуализируется крепостной вал, высотой до одного метра, оборонительный ров, глубиной около метра. В процессе раскопок выявлен не только главный (центральный), но и вспомогательные (боковые) въезды на территорию городища.

Постепенно вырисовывается планиграфическая модель жилого пространственно-археологического объекта, обустроенного в виде устойчивого набора

хозяйственных ям и углублений, окружающих небольшие, хорошо утрамбованные площадки. Зафиксированы жилые площадки, рассчитанные на проживание коллектива, численностью не более шести человек. По сохранившимся фрагментам сожженных легких деревянных конструкций, в некоторых местах их деревянные стены были обильно обмазаны глиной, а в отдельных местах добротнее скреплены конструктивными узлами, сложенными из нерегулярно сформированных «кирпичей», больше похожих на грубую, но довольно хорошо обожженную, саманообразную массу.

В хозяйственных ямах обнаруживаются крупные скопления рыбьих костей, большое количество фрагментов трубчатых костей млекопитающих (лошадь, корова, овца), фрагменты обожженной глины, прокаленная почва (в некоторых местах), небольшие зольники и древесный уголь. Основную массу остеологического материала составляют позвонки, ребра и фрагменты костей млекопитающих, а также чешуя, жаберные крышки и мелкие кости скелетов и голов карасей. Трубчатые кости млекопитающих, в силу фрагментарности, по видовому составу не всегда определимы.

В целях детального восстановления фортификационных сооружений археологического объекта Ак-Ирий, в 2007 году за пределами основной площадки городища начаты работы по реконструкции основных составляющих этих сооружений (отсыпан вал, сооружен ров и бревенчатая стена). Эти экспериментальные работы, во-первых, позволят подтвердить или опровергнуть данные, положенные в основу реконструкции защитных конструкций городища, во-вторых, являются начальным этапом строительства музея под открытым небом.

В 2008 году продолжены работы по реконструкции крепостной стены и оборонительного вала городища. В процессе сооружения рва и отсыпки вала производились хронологические замеры различных этапов земляных работ.

Начаты работы по сооружению кургана-обсерватории:

- разметка опорных точек и линий будущего объекта на местности;
- детальная разметка и трассирование основных контуров обсерватории;
- отсыпка основания центрального кургана древней обсерватории;
- сооружение основных элементов общей конструкции.

Курган отсыпался грунтом, вынутым при работе по реконструкции рва крепости. Общая высота насыпи составила 0,5 м, диаметр - 8 м.

После отсыпки насыпь была перекрыта дерновыми пластами. По краю кургана уложены гранитные камни. В центре насыпи из плоских камней, выложена площадка диаметром 1 м. По линии северо-восток, в направлении точки восхода солнца 22 июня, на расстоянии 41,5 м (50 мегалитических ярдов) от центральной площадки кургана, отсыпано небольшое возвышение (высота - 0,4 м, диаметр - 1,2 м) и вкопан камень. От этого репера, к насыпи кургана, по дуге положено 6 камней. По линии юго-восток, в направлении точки восхода солнца 22 сентября, на расстоянии 41,5 м (50 мегалитических ярдов) от центральной площадки кургана, также отсыпано небольшое возвышение (высота - 0,4 м,

диаметр - 1,2 м) и вкопан камень. От этого репера, к насыпи кургана, по дуге уложено 6 камней.

Таким образом, на сравнительно компактной площадке, находящейся в ста метрах севернее новодела крепости, намечены основные объекты древней обсерватории, общими очертаниями схожей с конструкцией курганов «с усами» и заложены общие очертания солнечных часов, лунного и солнечного календарей.

В рамках подготовки этнической составляющей будущего исторического парка, за пределами городища Ак-Ирий предпринята попытка по организации строительства ремесленного поселка. Из природных материалов были изготовлены легкие навесы, стены и плетни, подготовлены необходимые приспособления, орудия труда и механизмы, предназначенные для проведения практического полевого керамического семинара, участниками которого стали не только сотрудники областного музейного объединения и Северо-Казахстанской археологической экспедиции, но и студенты-практиканты, учащиеся школ города и области.

Кроме этого, на основании археологических реконструкций, инициативными членами клуба ролевых игр пошиты и изготовлены этнические костюмы, украшения, головные уборы и накосники, подготовлены ритуальные танцы и иррища.

Ежегодно апофеозом заранее срежиссированного и тщательно подготовленного действия, является однодневный тур с участием населения близлежащих населенных пунктов и экскурсантов, организованный через туристические агентства области. Постоянно растет и обновляется пакет сценарных разработок театрализованных представлений. В перспективе, привлекая организационную структуру Факультета общественных профессий СКГУ им. М. Козыбаева, предполагается расширение образовательных возможностей ремесленного поселка, разработаны планы поэтапной организации и внедрения новых видов народных промыслов (плетение, кузнечное и косторезное дело). В будущем, с развитием сервисных служб парка и привлечением заинтересованных сторонних организаций, появится возможность предоставления площадок и услуг для предприятий туристического направления по организации уже многодневных интерактивных туров.

Несомненно, одно – развитие сети археологических парков-заповедников позволит существенно разнообразить и активизировать работу по пропаганде памятников культуры и популяризацию историко-культурного наследия народов Казахстана.

Литература

Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. Челябинск, 1984.

Зайтов В.И. Каменная индустрия заключительных этапов каменного века северного Казахстана. Челябинск, 2007.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследования). Челябинск, 2007.

Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1994.

Парцингер Г., Зайберт В.Ф., Наглер А., Плешаков А.А. Большой курган Байкара. Исследования скифского святилища. Берлин, 2003.

Плешаков А.А. Реконструкция хозяйственных комплексов мезолита-неолита Северного Казахстана. Петропавловск, 2003.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

З.Самашев, А.Оңғар, Ғ.Қиясбек, Н.Жетпісбай, Е. Оралбай
Ә.Х.Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан

ҮСТІРТТЕГІ САРМАТТАРДЫҢ ҚЫЗЫЛҮЙІК ХРАМ- ҒИБАДАТХАНАСЫ (2007 ЖЫЛҒЫ ЗЕРТТЕУ ҚОРЫТЫНДЫСЫ)

Қызылүйік ғибадатханасы Үстірттің солтүстік шетіндегі ұшпаларға он төрт шақырым жетпейтін биік аумақта, Доңызтаудың оңтүстік-батысында, Үстіртке шығатын бірнеше асулардың бірі – Қызылқуыстың аузында орналасқан. Зерттеу объектісі Ақтөбе облысының Байғанин ауданы, Атырау облысының Жылыой ауданы мен Маңғыстау облысының Бейнеу аудандары шекараларының қиылысар жерінде орналасқан.

Бүгінде сарматтардың бұл ғибадатханасын ежелгі сауда жолының бойына, айналасы жақсы көрінетін, не болмаса ол алыстан көрінетін жерді тандап арнайы салғаны анық.

Мемлекеттік “Мәдени Мұра” бағдарламасы бойынша ғибадатханадағы зерттеулердің 2007 жылы төртінші маусымдық жұмыстары жүргізілді. 2007 жылғы қазба бойынша ғибадатханадағы Негізгі салт-жоралық Ғимараттың (храм) айналасы толық аршылды. Зерттеудің келесі сатысында НСЖҒ-ты оңтүстігінен басқа жағынан қоршап тұрған ендері 14-17 метр, тереңдіктері 0,9-1 метр болатын ор мен ондағы әр дәуірдің тас құрылымдары (сопақша, төртбұрышты қоршаулар және шартты түрде «мұртша» аталған тастардың ұзынша тізбектері) ашылды (1-сурет).

Негізгі салт-жоралық Ғимараттың сыртқы секторларындағы құлаған ұлутастарды аршу барысында көне жер бетіне дейін еш артефакт табылмады. Тек НСЖҒ-тың шығыс, солтүстік-шығыс, батыс және оңтүстік-батысынан, көне жер бетінен диаметрлері 1х1 метр, қалыңдықтары 0,05-0,07 метр ішінде, не шетінде малдың күйген сүйектері бар ақ күл, қара күйелер – от орындары болды.

Арнайы дөңгелете өңделген қас беттік плиталардан тұратын бір қатар тастар түбінде екі, кейде он қатары ғана сақталып, қалғаны түгелімен құлаған. Бұған себеп биік құрылымның қас беттік плиталары қабырғаның ішкі тастарымен байланыстыра қойылмауында жатса керек. Әр секторларда сыртқы қас беттік плиталардың түбіне дейін түк қалмай құлауы құлау процесінің тез жүргендігін, яғни бір мезетте құлағандығын көрсетсе керек.

Ашылған қабырғаларға қарағанда, НСЖҒ-ты тұрғызу барысында ені 6,5 метр болатын қабырғалардың ішіне көп мән беріп дұрыс қалаған, сыртын әсемдеп өтіп, ішкі кеңістігіне жақындағы карьерден әкелінген ұлутастарды кіші, үлкен өлшемде горизонтальды түрде кейде тек тастардан, кейде қалыңдығы 1 метрге дейін ордан алынған топырақтармен толтырған.

Фасадтық қабырғаларының қатарлары әр бөлікте әрқалай сақталған. Солтүстік-батыс бөліктегі НСЖҒ-ның сақталынған биіктігі 5 метр (бұл биіктікте 9 қатар плиталар қалауы бар), қалыңдығы мөлшермен 6,7 метр. Топырақ аралас ірі плиталар қас беттік плиталы қабырғадан сыртқа қарай 8 метрге дейін құлаған.

Шығыс бөліктегі қабырғаның сақталынған биіктігі – 4,8 метр. Осы биіктікте қаланған ұлутас плиталар саны – 42. Бұл бөліктегі НСЖФ қабырғасының қалыңдығы – 6,36 метр. Қас беттік өңделген плиталардан салынатын қаптаманың 6 қатары сақталынған. Қабырғаның 2,5 метр биіктікте ішкі шығыс қабырғадан 5,9 метр ендіктен шығысқа қарайғы бөлік құлаған тастар, қас беттік плиталар, топырақтар. Ірі және орташа көлемді плиталардың құлауы *in situ* сақталынған қас беттік қабырға түбінен 4-4,8 метр жерге дейін созылады. Сонымен қас беттік плиталы қабырғадан 6-9 метр жер тегіс, одан кейін еңіс болып ордың шеті басталады. Батыс бөліктегі қабырғаның биіктігі – 4,3 метр. Қалау 35 ұлутастан тұрады. Ішкі қалаудан батыстағы *in situ* сақталынған қас беттік плитаға дейінгі қабырға қалыңдығы мөлшермен 7,1 метр. Құланды сақталынған қас беттік плиталардан 6,2 метр жерге дейін шашылған. Солтүстік бөліктегі НСЖФ-ның сақталынған биіктігі 4,8 метр (бұл биіктікте 30 қатар плиталар қалауы бар), қалыңдығы мөлшермен 6,4 метр. Топырақ аралас ірі плиталар қас беттік плиталы қабырғадан сыртқа қарай 4,5 метрге дейін құлаған. Бұл құлаған плиталар негізінен қабырғаның өз плиталары, күмбездің плиталары ішіне тік құлаған. Оңтүстік бөліктегі қабырғаның сақталынған биіктігі 4,8 метр. Осы биіктікте ені 4,66 метр ішкі сақталынған қабырғадан қас беттік қабырғаға дейінгі қалыңдық 6,58 метр. Оңтүстіктегі топырақ жалдың әсерімен сақталынған қас беттік қабырғаның биіктігі 2,58 метр. Бір қыры өңделген ұлутас плиталардың қалпағынан қойылған 17 қатары.

Сонымен бірге НСЖФ-тың оңтүстігіндегі жасанды топырақ жалдың да батыс жарты бөлігі толық ашылды (1-сурет). Топырақ жал НСЖФ-тың оңтүстігінде, сыртқы қабырға түбінен басталып жатқан ғибадатхана құрылысының бір қосымша элементі. Топырақ жал ұсақ ақ түйіршік тастар мен топырақтан тұрады. Архитектор Ж. Шайкеннің ойынша, бұл НСЖФ-ның ішінен, есік-ойығынан сыртқа шығарылған қоқыстар. Бірақ бұл «қоқыстың» көшпелілер қасиет тұтатын храмның дәл кіре беріс табанында жатуы ойға қалдырытыны анық. 2006 жылғы зерттеу барысында топырақ жалдың оңтүстік етегінде, сыртқы қас беттік қабырға үстінен 5 метр оңтүстікте сарматтық тас мүсін сынығы табылды (Самашев З. және т.б., 2007). Тағы бір олжа – тас мүсіннің аяқ бөлігі есік-ойықтан оңтүстікте, қабырға шетінен 1,5 метр топырақ жалдың үстінен табылған-ды. НСЖФ ішінен табылған айналма шарықта жасалған, әдемі кішкене тостағанның тағы бір бөлігі оңтүстіктегі қазба жиегінен батыста 2 метр жерден қас беттік қабырғаның түбінен, топырақ жал үстінен ашылды. Осы сектордағы есік-ойықтың оңтүстігінен шығар тұсында, қабырғаның үстінен мал-жануарлардың 6 омыртқа сүйектері алынған еді. 2007 жылы ашылған топырақ жалдың батыс бөлігінің НСЖФ фасадтық қабырға бойымен оңтүстік қазба жиегінен батысқа қарай ұзындығы 9,72 м, ал оңтүстігіндегі ұзындығы 11,1 м. Батыс жағындағы ені 3,2 м, ортаңғы ені 6,14 м. Топырақ жалдың батысындағы бітер жеріндегі көне жер үстінен биіктігі 0,4 метрді құрайды. Сонымен адам қолымен арнайы жасалған топырақ жал НСЖФ-тың тек оңтүстік орсыз «ашық» жатқан бөлігін толық қамтып тұр. Жалпы ені 6 метр бұл құрылым НСЖФ-тың қабырға түбінен көне жер

бетінен 8-9 см биіктіктен басталып, үш метрге дейінгі ендікте 70-75 см-ге дейін көтеріліп, сосын тағы сол ендік өлшемде 6-2 см-ге дейін жермен тегістеле бітеді. Құрылысты салудың биікте орналасқан есік-ойығына кірудегі алғашқы «саты» рөлін атқарған практикалық мәні болса, сонымен қатар белгілі бір ғұрыпты орындауға, НСЖҒ-тың оңтүстігінде оры жоқ жерде жиналған қауымға Жеке әлемге кіруге шектеу жасау сынды ғұрыптық мәні де болса керек.

НСЖҒ-ты тұрғызбас бұрын арнайы жерді дайындап, астына диаметрі мөлшермен 30 метр болатын, аса биік емес платформаға салынған Ғимаратты айналып жүру алаңы болған. Арнайы жасалған жол болмауы мүмкін. Бұған көне жер бетінен НСЖҒ-тың әр бөлігінен, фасадтық қабырғалар түбінен ашылып жататын от орындары дәлел.

Ордағы жасалынған жұмыстардан басқа НСЖҒ-тың шетіндегі үш құрбандық орны (№1, №2, №3) мен бір обада (№4) қазба жұмыстары жасалынды.

№1-ші шеткі объект құрбандық шалу орнына жатпайды екен. GPS координатасы – 46 00' 59", 051° 29' 80".

№2-ші құрбандық шалу орны НСЖҒ-тан оңтүстік-шығыста 78 м жерде орналасқан. Қазбаға дейін жер бетінен 10-15 см биік, дөңестеу болып көрініп жатқан тастар аралас топырақ үйінді еді. Зерттеу нәтижесінде тас қоршау мен одан сыртқа құлаған тастар аршылды. Тастардың құлау қашықтығы 1,5-1,6 метрге дейін және құландылардың көбі қоршаудың астыңғы қаландысы – көне жер бетінен 20-25 см биікте жатты. Қабырға тастары кейіннен құлаған қоршаудың астыңғы екі қатары толық, ал үшінші қатары кейбір жерде сақталған. Қоршау қабырғасының ені 0,8-1,5 м. Бұл қоршаудан да ежелгілердің тас қалауда фундаментке міндетті түрде ірі тас плиталарды қойып, бірі-біріне қиюластыра қалауды сақтамағандығын тағы да бір дәлелдейді. НСЖҒ-ты салуда да осындай құрылыс дәстүрі орын алған еді. Бірақ қоршаудың сыртқы қалауларына ірі плиталар көбірек қойылған. Ішкі жағы орташа немесе ұсақ тастардан. Қалаудағы тастар көлемі – 85х60х10 см, 50х48х25 см, 30х23х8 см. Қоршаудағы үш қатары сақталған қаландының биіктігі 48-50 см. Тас қоршаудың ортасында 1,64 м (оңтүстік-солтүстік) х 0,98 м (батыс-шығыс) ашық кеңістік болған. Тас қоршаудың размери 3,13 м (оңтүстік-шығыс – солтүстік-батыс) х 3,56 м (оңтүстік-батыс – солтүстік-шығыс). Тас қоршаудың солтүстік-шығысы қатты бүлінген. Ежелгі адамның еш ізі (ыдысы, құрбандық мал сүйегі, от жаққан орны) білінбеген қоршаудың ішіне 0,45-0,5 м тереңдікте тексеру қазбасы салынғаннан соң зерттеу тоқтатылды. Сонымен қатар қоршаудан оңтүстік, оңтүстік-шығыс бағытта 4,85 м, 5,10 м, 6,80 м және 11,30 м жерде екі-үш жалпағынан жер бетінде жатқан тастар шоғырлары болды. Олжалар, соның ішінде қыш ыдыс сынықтары, тек қоршаудың шығыс, солтүстік-шығыс жақ сыртынан, қабырға іргесінен 40-50 см тереңдіктен табылды. Қыш ыдыс сынықтарының көбісі қолдан жапсыру әдісімен жасалған, нашар күйдірілген, қабырғасының қалыңдықтары 0,8-1 см-ді құрайды. Табылған қыш сынықтары іші қара, сырты сұр түсті, қимасы қара түсті, жұқа қабырғалы бір ыдыс пен іші мен сырты қызғылт түсті, қимасы қызғылт және қара сары аралас, қабырғасы қалың екінші ыдысқа тән. Тағы бір айналма шарықта

жасалған, қабырғасының қалыңдығы 0,6 см, түсі қызыл қыш сынығы да табылды. Қоршаудан оңтүстік-шығыста 5,1 м қашықта, жер бетінде, төңкеріле жатқан, ортасы тостағандай ойықты (тереңдігі 7-8 см) астау болды. Астаудың қалыңдығы 13-14 см, ал ұзындығы 30 см, ені 14 см. GPS координатасы – 46° 00' 90", 051° 29' 708".

№3-ші құрбандық шалу орны НСЖҒ-тан оңтүстік-батыста мөлшермен 100 м қашықта орналасқан. Қазба жасамас бұрын объектінің жер бетінен биіктігі 0,2 метрді құрады, кейбір тастары жер бетіне шығып жатты. Құрбандық шалу орны ірі және орташа көлемді тастардан (өлшемдері 60-80 смx35-40 смx15-20 см) жасалған. Оңтүстік бөліктегі ең ірі тастың өлшемі 95x55x20 см. Құрбандық орнын топырақтан аршу барысында оның батыс, солтүстік-батыс бөлігінен, жер бетінен 35 см тереңдіктен тастан қашалып жасалған, дөңгелек пішіндес астаушаның сынығы (ұзындығы 19 см, ені 9 см) табылды. Астаушаның түбі мен бір жақ ернеуінің қалдығы ғана сақталған. Түбі мен ернеуі жақсы өңделген. Астауша құрбандық орнының солтүстік-батыс жағындағы ірі тастың дәл іргесіне төңкерулі түрде қойылған. Астаудың бастапқы диаметрі 23-25 см, биіктігі 10 см болғанға ұқсайды. Қоршаудың НСЖҒ-қа қараған солтүстік-шығыс бөлігі ашық (ұзындығы 1,8 м), яғни тас қаланбаған. Құрбандық орнын толық ашқаннан соң белгілі болған қоршаудың іші мен сыртындағы құлаған тастарды алу барысында қоршаудың батыс жағынан, қоршау іргесіне жер бетінен 35 см тереңдікте төңкере қойылған қыш ыдыс *in situ* табылды. Қыш ыдыстың үсті біршама ірі таспен «бастырылған». Қыш ыдыс қабырғасының қалыңдығы 0,4-0,9 см. Ернеуінің диаметрі 9,5 см. Ашылған екі қатар тастардан қаланған қоршаудың диаметрі 1,7 (солтүстік-оңтүстік) x 2,2 м (оңтүстік-шығыс – солтүстік-батыс). Қоршаудың ішінен ашқандай зат, мал сүйегі, не күлдің орындары байқалмады. №3-ші құрбандық орны НСЖҒ-тың айналасына салынған көптеген осы тектес шағын ескерткіштердің бірі. Мұнда белгілі бір діни-ғұрыптық рәсімдер орындалған. GPS координатасы – 45° 99' 65", 051° 29' 698".

Зерттеу жұмыстары НСЖҒ фасадтық қабырғасынан солтүстік-батыста 37,50 жердегі №4 объект – обада жалғасты. Жасалынған қазбаның солтүстіктен оңтүстікке қарайғы ұзындығы 10 метрді, ал батыстан шығысқа қарай 9,5 метрді құрады. Қоршаудың тас плиталары екі-үш қабат орнында жақсы сақталса, кейбір жерлерінде екі-үш қабаты қоршау ішіне қарай жаппай құлаған. Осы құлауға қарап, «күмбезді» кіші обалар болған деген де пікірлер болған. Себебі, қаланды плиталардың ең үстінгісі неғұрлым ортаға жақын құлап, басқаларына қарағанда тереңірек жатты. Сыртқа қарай құлаған тастар қаланды іргесінен аса қашық құламаған, тек солтүстік, солтүстік-батыс жағындағы тастар 2,2-3 м аралықта шашырап құлаған. Тастардың өлшемдері – 63x53x10 см, 30x23x8 см, 30x10x7 см. Тас қаланды жан-жағы мен ішкі кеңістігінің құланды тастарынан тазартылғаннан кейін сыртқы диаметрі 5 (оңтүстік-батыс – солтүстік-шығыс) x 5,2 м (солтүстік-батыс – оңтүстік-шығыс), ал ішкі диаметрінің 3x3,7 м екендігі көрінді. Тас қоршаудың оңтүстік-батысындағы тік тұрған тастар – осы қоршауға кірер «есік» тектес. Қоршау оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай созылыңқы келген

Болжауымызша, НСЖҒ-тың ішкі қабырғасы едәуір ендікте мықты етіліп қаланған. Себебі оған күмбез сүйенген. Одан кейінгі ендікте фасадтық қабырғаға дейін жалпағынан қойылған тастар мен әр қалыңдықтағы саз топырақтар голтырылған. Басты Ғұрыптық Құрылысты салу барысында есік-ойықтың ұзына бойы екі қабырғасы бірге қаланған. Тек кейіннен есік-ойыққа ішінен адам тізесінен жоғары етіп бастап, сосын сыртқа мөлшермен 3-4 м биіктікке дейін тастардан саты салған. Жалпы есік-ойыққа сырттан кіру шахталық құдық түріндегі кішкене қуыс болғандығын зерттеушілер жоққа шығармайды. Тек заңтай дерек жүзінде сақталмай отыр. Ал сыртқы қабырғаның жаппай ертеде қаланғанынан күмән жоқ. Есік-ойық сатысының едені жалпағынан қойылған тастардан тұрса да, тегіс емес. Есік-ойығы еденінің ені 1,1 м. Есік-ойығының төбесі құлағалы тұрған топырақ-тастарымен бірге фасадтық қабырғадан ішке қарай 4,66 м ұзындыққа дейін алынды. Бұл жердегі қабырғаның баспалдаққа дейінгі сақталынған биіктігі 2,3 м (13 қатар қалау), ашық қалған ені 0,6 м. Қабырғаның тастары есік-ойығы баспалдақтарының астынан жасалған қима бойынша баспалдақ плиталарымен еш қиылыспайды. Есік-ойығы қалауының сақталынған үстіңгі үш-төрт қатар тастары қысымнан болса керек ішке қарай қатты жылжыған. Сондықтан да толық көрініс жасау қиын. Есік-ойығының ішкінен сыртқа қарай 2 м жердегі есік-ойығының астыңғы ені 1,04-1,2 м, сақталынған, ашылған үстіңгі ені 0,4-0,55 м. Қалаудағы тастардың ұзындықтары мен қалыңдықтары былай: 66x18 см, 64x17 см, 77x24 см, 70x12 см, 39x16 см. Қабырғадағы тастар еденнен бастап 1,38-1,44 м биіктікке дейін тігінен қаланып, сосын ішке қарай біртіндеп ене береді. Есік-ойығы шығыс қабырғасының оңтүстіктен қарағандағы қима көрінісін сипаттасақ, есік-ойығының биік баспалдағынан 0,54 м биіктікке дейін төрт қатар плиталар ұзынынан, еденінен қаланған. Одан жоғарыдағы төрт плита біртіндеп ішке қарай тізілген. Тастардың өлшемдері 67x14x63 см, 35x53x9 см. Есік-ойығы сырғаларындағы қалаулар әдемі салынған. Ішкі беттері тік етіліп өңделген. Тек сыртқы қабырғалардағы қаптама плиталардай ішкі плиталармен қаныспаған, бір қатарда ғана кетеді.

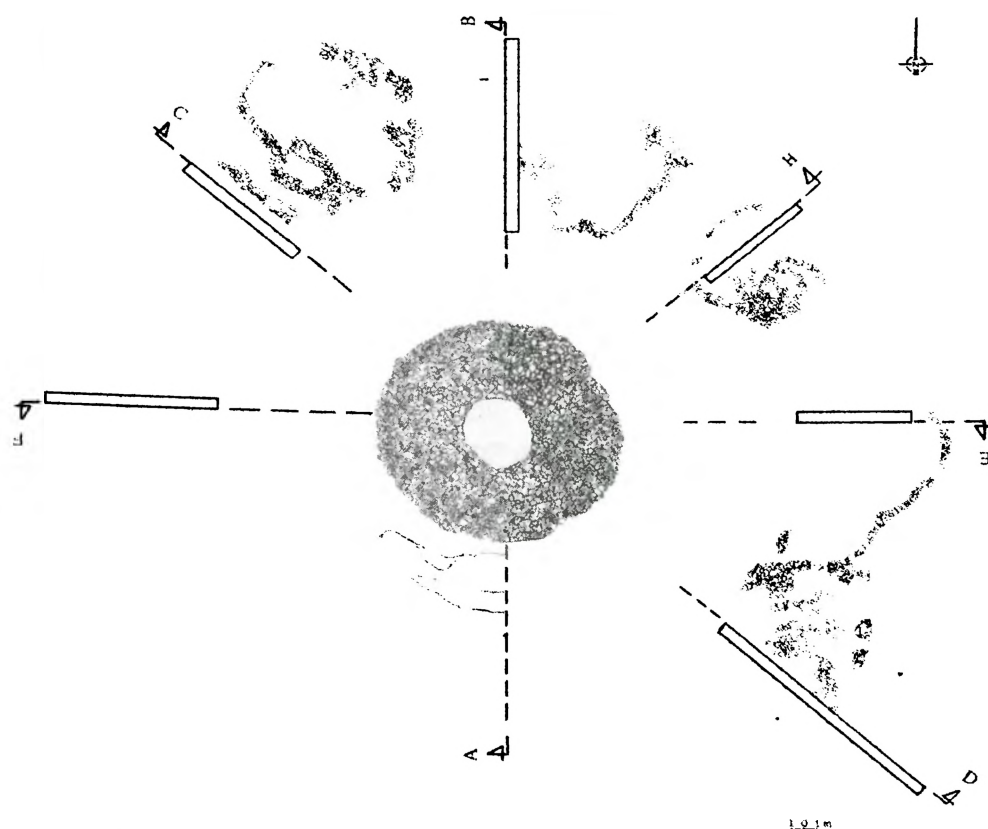
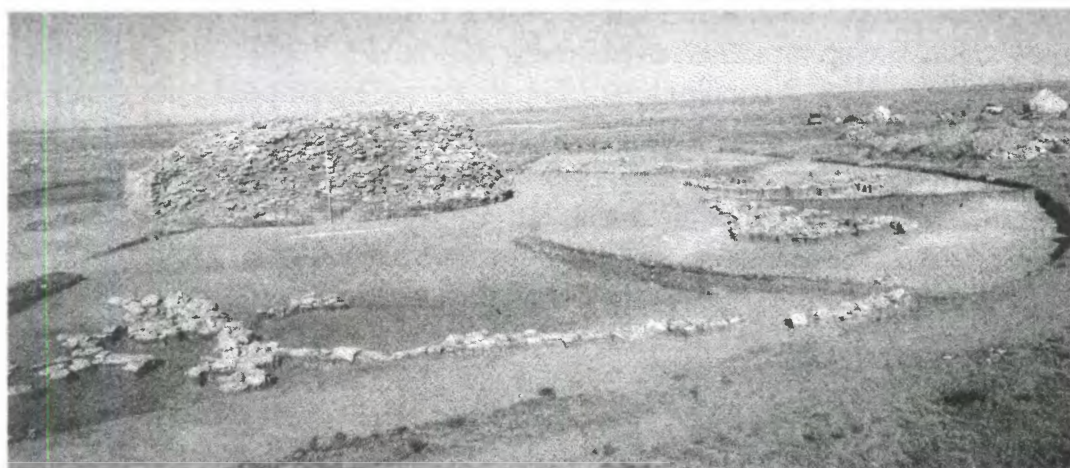

Храм, мавзолей қабырғасының ішін топырақ пен ұлутас плиталармен ретсіз толтыру осы өлкедегі көне заманнан бергі келе жатқан құрылыс салты болса керек. Бұл сөзімізге қосымша ретінде берілген Ембі өзені бойындағы, ғибадатхана маңындағы қазақ мазарларының құрылысы дәлел.

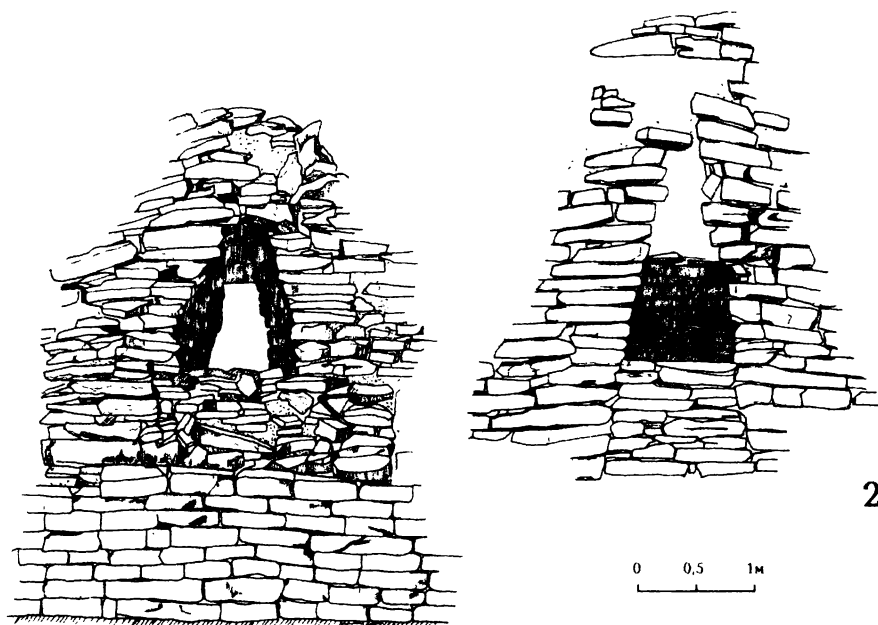
НСЖҒ б.з.д. 2 – б.з. 3 ғасырларында ғұрыптық храм рөлін атқарып, кейіннен әртүрлі мақсатта қолданылса керек. Сондықтан ішкі бөлігінен әр деңгейден әр тарихи кезеңнің артефактілерін табуға болады (3-сурет). Ішінен алынған малдың сүйектері мен от орындарынан алынған күйе, күл қалдықтарынан жасалған радиокөміртекті мерзімдеу де әр хронологиялық шеңберді беруде. Ортағасырларда да елдің ғұрып орындап, сыйынғандығын орларда ашылған қоршаулар дәлел.

Әдебиеттер

Самашев З., Оңғар А., Шайкен Ж., Киясбек Ғ., Жетпісбай Н., Оралбай Е. Сарматтардың Үстірттегі ғұрыптық ескерткіштерін зерттеу мәселесіне (Қызылүйік ғибадатханасы) // «Кадырбаевские чтения - 2007». Ақтобе. 2007.

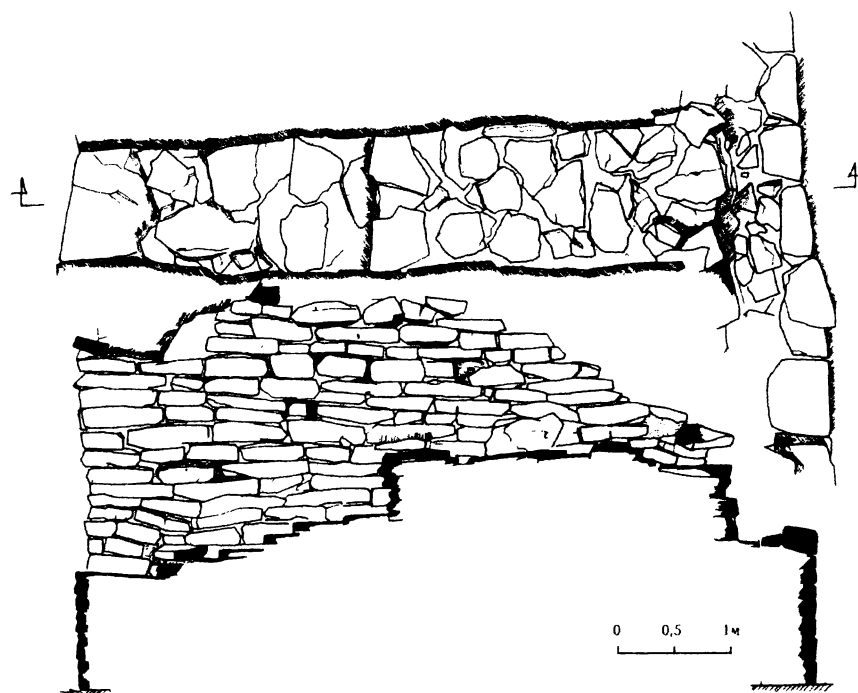

-сурет. Қызылүйік ғибадатханасы. 2007 жылғы зерттеу қорытындысы бойынша асалған жалпы сызба жоспар.

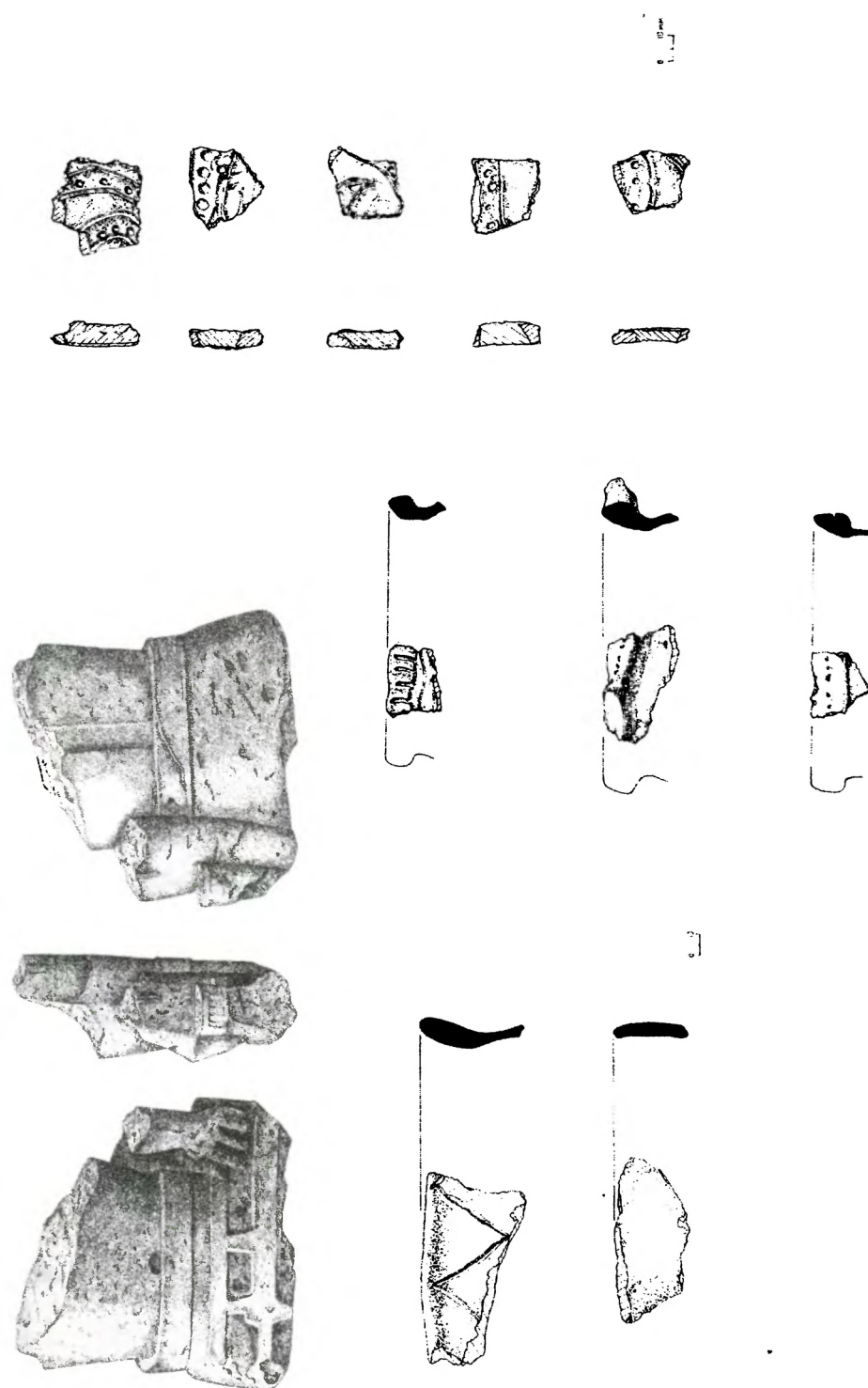
1

2

3

Сурет. Қызылүйік ғибадатханасы. Негізгі салт-жоралық ғимарат. 1-Есік-ойық. Оңтүстіктен қарағандағы сызбасы. 2-Есік-ойық. Солтүстіктен ішінен қарағандағы сызбасы. 3-Есік-ойығының қимасы мен үстінен қарағандағы сызбасы.

3-сурет. Қызылүйік ғибадатханасы. 2007 жылғы табылған олжалар.

**З. Самашев, А.Е. Чотбаев, Е.Т. Толегенов,
Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева**

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ

(некоторые итоги раскопок берельских курганов в 2007 г.)

В 2007 г. были продолжены работы на комплексе археологических памятников Берел в Катонкарагайском районе Восточно-Казахстанской области. Раскопки осуществлялись на средства, выделенные по государственной программе «Культурное наследие».

Полученные материалы дополняют имеющиеся данные по конструкции наземных и внутримогильных сооружений, по погребальному обряду рядовых кочевников, комплексу вооружения древних берельцев (4-3 вв. до н.э.). Исследованные в 2007 г. курганы №№ 72, 73, 74 – небольшие по размеру (рис. 1), первоначально скрытые под слоем грунта и дерна.

Курган № 72 расположен в одной цепочке с объектами №№ 4, 9, 10, 11, 71, с ЮВ стороны кургана № 71. До начала раскопок курган был скрыт дерновым слоем толщиной до 0,5 м с густой растительностью. С ЮВ стороны к кургану примыкает каменная наземная конструкция объекта № 73.

После удаления дерна был выявлен овальный в плане курган, диаметр которого по длинной оси составлял 14,40 м, в поперечнике - 13,10 м, высотой 0,85 м. Он ориентирован длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Верхний слой кургана («панцирь») образован в основном галечником, а также мелкой плиткой, отмечены валуны белого и серого цвета, по периметру объекта зафиксированы камни (плиты и блоки) среднего и крупного размера. В ходе исследования выявлено несколько конструктивных элементов наземной конструкции. В центральной части, практически по границам грабительского лаза, зафиксировано два кольца, пространство между которыми забутовано галечником, мелкими плитками и камнями средних размеров. Расстояние между кольцами составляло 0,75 м в ЮВ секторе. Кольца наиболее уверенно фиксируются в восточной половине кургана. Форма колец в плане – овальная. В периферийной части насыпи прослежены плиты крепиды.

В поле кургана, в северной части, выделяется участок, в котором камни сходятся компактно и сгруппированы так, что образуют некое подобие особой конструкции. Здесь зафиксированы плиты, четыре из которых лежали с напуском друг на друга, в наклонном положении от кургана, две плиты лежали плашмя, одна была направлена нижним концом к периферии кургана. Параметры камней одного участка объекта: 59 x 28 x 9 см; 44 x 23 x 5 см; 57 x 40 x 5 см; 50 x 30 x 5 см. После расчистки второго слоя кургана выявлено, что плиты и блоки здесь сходятся в основном в горизонтальном положении, с небольшим наклоном в разные стороны, в один слой. В процессе расчистки слой мелких камней и

галечника при выявлении характера этой конструкции был снят.

После углубления центральной части кургана на 0,80 м было выявлено могильное пятно. Оно четко отличается по цвету: на фоне желто-серого материка выделяется заполнением темно-коричневого грунта. На глубине – 1,99 м погребальная камера имела прямоугольную в плане форму, ориентированную длинной осью по линии ВЗ с небольшим отклонением к северу. Дальнейшая зачистка выявила контуры деревянных конструкций внутри погребальной камеры, от которых сохранился лишь тлен. По нему можно предположить, что сруб первоначально был прямоугольным в плане, ориентированный длинной осью по линии ВЗ, восточный торец несколько шире, чем западный. В западной части зафиксированы плиты перекрытия сруба, уложенные горизонтально по линии, перпендикулярно длинной оси сруба. Размеры наибольшей плиты: 60 x 40 x 5 см. За западной торцевой стенкой сруба зафиксирована еще одна плита, упирающаяся одним ребром в южную стенку ямы (в наклонном положении). Под плитами перекрытия сруба зафиксирован один слой полотнищ бересты. Захоронение человека занимало южную половину могильной ямы. После удаления всех камней в западной части ямы над захоронением человека были расчищены остатки досок, сохранившаяся толщина – 1 см. Возможно, это остатки перекрытия конструкции (колоды?).

Колода находилась у южной стенки сруба. В центральной части сруба выявлено потревоженное погребение человека. В положение *in situ* находились только кости ног (от колена вниз). По их расположению можно предположить, что погребенный в скорченном состоянии был уложен головой на восток с небольшим отклонением на юг, на правом боку.

Сопроводительный вещевой комплекс состоит из девяти костяных черешковых трехгранных наконечников стрел; фрагмента бронзового (медного?) трубчатого изделия, обернутого золотой фольгой; железного чекана; колчанного крюка (?); ножа (?); керамического кувшина; фрагмента железного изделия (рис. 2, 3).

С северной стороны, между колодой и северной стенкой сруба, лежали крестец и хвостовые позвонки МРС.

За северной стенкой сруба располагалось сопроводительное захоронение лошади, взнузданной бронзовыми удилами и деревянными псалиями, ориентированной головой на восток. Животное было уложено на живот, ноги подогнуты под брюхо. На черепе фиксируется отверстие, видимо, от удара чекана. В районе ребер с левой и правой сторон, а также под черепом находились предметы, изготовленные из кости (рога?): две пряжки (подпружная и от оголовья) и пронизь.

Курган № 73 на уровне современной дневной поверхности не фиксировался, был скрыт слоем дерна мощностью от 0,15-0,20 м до 0,60 м у полов кургана. В плане – округлый. Над погребальной камерой (в середине кургана) камни наземной конструкции отсутствовали – фиксировалась площадка размером 1,4 x 2,7 м, в результате выявленная форма кургана имела форму кольца.

После снятия гумусного слоя и зачистки объекта выявлены следующие конструктивные особенности наземной части сооружения. Погребальная камера по окружности была ооконтурена кольцом, составленным из блоков и камней больших размеров. Местами кольцо двойное. По периферии конструкция ооконтурена крепидой, составленной из больших плит, поставленных на боковую грань и крупных блоков, уложенных плашмя.

Диаметр кургана составлял 8,1 м, высота - 0,67 м, сооружен из блоков, камней больших и средних размеров, галечника. Валуны отмечены единично. Мелкие плитки и галечник в насыпи встречались довольно редко, основу составляли плиты средних размеров, уложенных плашмя. По периметру расположен ряд плит, образующих своего рода кольцо - крепиду. Размеры камней крепиды кургана № 73 составляют: 42 x 18 x 23 см; 76 x 18 x 36 см; 49 x 13 x 22 см; 33 x 26 x 19 см; 56 x 30 x 10 см; 92 x 17 x 34 см.

В северной половине кургана, где расстояние между объектами №№ 72 и 73 равняется примерно 5 см, один массивный блок из крепиды, размерами 63 x 65 x 25 см, был как бы задвинут в направлении к центру, а его место заполнено небольшими камнями, плитками и галечником, отмечены редкие валуны. Несмотря на то, что курганы №№ 72 и 73 расположены очень близко друг к другу, каких-либо дополнительных элементов наподобие «дорожек», выкладок, специально соединяющих объекты не зафиксировано (в отличие от северной спочки курганов).

В пределах кургана наибольшая концентрация галечника от панциря прослеживается в западной части объекта. Вокруг погребальной камеры прослежено подобие кольца, наиболее четко фиксируемое в южной половине объекта по граням массивных блоков и плит, установленных на ребро. Плиты кольца находились в наклонном положении (верх обращен к центру кургана, низ - к периферии). Пространство между кольцом вокруг погребальной камеры и крепидой было заполнено плитками средних размеров и брусковидными камнями, размерами 20 x 7 x 5 см; 24 x 9 x 7 см; 30 x 6 x 5 см. Эти камни наземной конструкции объекта уложены и поставлены в один слой на уровне древней поверхности, пространство между ними заполнено галечником. Погребенная почва фиксируется как рыхлый грунт темно-коричневого цвета, мощностью до 0,2 м.

В центральной части кургана, на глубине 0,40 м, были выявлены контуры могильной ямы. Заполнение могильной ямы выделяется темно-коричневым цветом на фоне желтого суглинка. В плане яма прямоугольной формы со скругленными углами, вытянута длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Параметры ямы на глубине - 1,20 м: 2,50 м (СЮ) x 2,10 м (ЮВ), грабительского лаза - 2,20 м x 1,30 м.

В могильной яме и в грабительском лазе на глубине - 2,10 м фиксируется проклат мощностью от 4-5 см до 10 см. Проклатена вся СВ часть погребальной камеры.

Погребение человека выявлено на глубине - 2,21 м. Оно сильно потревожено. Под погребенным зафиксировано черное пятно органического происхождения, размером 0,43 x 1,27 м. Размеры костей погребенного позволяют предположить,

что это был ребенок.

Состав сопроводительного комплекса включает: керамический кувшин, хвостовые позвонки МРС, нашивку от одежды из металла желтого цвета, фрагменты железного изделия (ножа?).

Курган № 74 расположен между курганами №№ 71 и 72, расстояние от него до кургана № 71 равно 5,3 м, № 72 – 2,3 м. На уровне современной дневной поверхности курган фиксировался по верхушкам задернованных камней. Уровень наносного гумусного слоя в верхней части наземной конструкции составляет 0,22–0,32 м, у подножия – 0,40–0,50 м.

Курган округлый в плане, первоначально диаметр составлял - 9,3 м, высота - 0,73 м, образован в основном из камней больших размеров (блоков и плит), местами встречаются крупные валуны; галечник и мелкие камни использованы здесь в меньшей степени, чем на объектах №№ 72 и 73.

В центральной части кургана фиксируются следы грабительского лаза, представляющего собой площадку овальной формы без камней, размерами 2,5 x 2,9 м.

В самом начале исследования уверенно выявилась линия камней крепиды, маркирующая край кургана. Она составлена из крупных блоков. От крепиды к центру кургана зафиксированы крупные блоки и плиты, расположенные по кругу кургана, то есть круговыми линиями. В восточной половине кургана есть участок, где несколько плит расположено вплотную друг к другу, лежат в наклонном положении, примерно в 5 слоев.

В восточной половине кургана, в юго-восточном секторе фиксируется конструкция из крупных камней, возможно, это «аккуратно» вынесенные грабителями плиты. Мощная плита, размерами 100 x 50 x 3-5 см, находится на камнях средних параметров, поверх нее лежит еще одна плита, размерами 92 x 42 x 5 см; у подножия первой плиты плашмя лежит еще одна, размерами 50 x 40 x 4 см. Большая плита одним концом покоится на камне-блоке размерами 44 x 55 x 13 см. Эта конструкция отстоит от крепиды на 0,25 м. Параметры камней крепиды в восточной половине кургана 30 x 22 x 16 см; 50 x 55 x 9 см; 47 x 27 x 36 см.

Западная часть кургана резко отличается от восточной тем, что камни, образующие крепиду в этой части объекта, гораздо крупнее. Кроме того, здесь наблюдается концентрация камней больших размеров, уложенных на первый взгляд по окружности, не образуя в расположении точной системы.

Отметим, что крупные валуны, хотя и немногочисленны, в основном, фиксируются в непосредственной близости от границы грабительского лаза, возможно, изначально они укладывались в определенном порядке (?) по границам могильной ямы. По полам кургана фиксируются плиты малых и средних размеров, галечник. В периферийной части восточной половины кургана встречаются небольшие валуны белого цвета.

В целом, после удаления мелких камней (галечник, плитки) панциря явилась основа наземной конструкции. Она образована кольцом вокруг могильной ямы и крепидой. Пространство между ними заполнено галечником и

мелкими плитками в один слой. Расстояние между околмогильным кольцом и крепидой различное, в северной части оно составляет 0,50 м. На некоторых участках крепиды сохранились плиты, установленные вертикально, некоторые – с наклоном наружу, возможно, первоначально они тоже стояли вертикально, с внешней стороны укрепленные насыпкой из галечника и мелких плиток.

Могильная яма в плане – овальная, ориентированная длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ. Размеры: ССВ-ЮЮЗ – 2,8 м, В-З – 2,5 м. На глубине – 1,23 м четче выявились плиты, расположенные по контуру могильной ямы. В основном это плиты и блоки средних размеров, сосредоточенные на северо-восточном и юго-западном участках могилы. Камни находятся в наклонном к центру положении. Заполнение ямы выделяется темным грунтом на фоне желтого суглинка, представляет собой смесь большого количества мелкого щебня и грунта. На глубине – 2,05 м определились прямоугольные очертания могильной ямы, ориентированной длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Размеры ямы на этой глубине: 2,30 x 1,7 м. Юго-западная часть ямы уходит под стенку на 0,2 – 0,3 м. На этой глубине фиксируется несколько плит и два валуна. Одна из плит расположена в ЮЗ углу ямы, остальные – сгруппированы в СВ углу ямы, где фиксируются границы грабительского лаза (размеры лаза: 1,50 x 1,20 м).

В процессе расчистки заполнения могильной ямы на глубине – 2,35 м зафиксированы разрозненные кости человека, фрагменты дерева, фрагменты фольги желтого цвета.

В южном углу могильной ямы выявлены камни, формирующие или обозначающие угол ямы. Размеры камней: 0,35 x 0,24 x 0,05 м; 0,38 x 0,23 x 0,04 м. Вдоль юго-восточной стены ямы вертикально установлено несколько плит, обозначающая стену погребальной камеры. На этих плитах выявлен органический тлен коричневого цвета мощностью около 1 см. Возможно, это береста или что-то наподобие войлока.

В грабительском лазе, на глубине – 2,65 м, зачищены фрагмент черепа человека, фрагмент предмета, выполненного из желтой фольги в виде изображения рогов архара.

В ЮЗ части ямы зафиксировано восемь плит среднего размера, четыре из которых расположены по контуру погребальной камеры, с наклоном к центру ямы. Вдоль СВ и ЮВ стенок ямы фиксируются фрагменты дерева от внутримогильной конструкции.

Северная часть погребальной камеры (2,2 м x 1,6 м) занята захоронением лошади, взнузданной бронзовыми кольчатыми удилами и деревянными псалиями. Животное было уложено на живот с подогнутыми под брюхо ногами. При расчистке фиксировался тлен коричневого цвета, возможно, лошадь была покрыта слоями бересты или чем-то наподобие войлока. Седло не сохранилось, с одной стороны в районе живота зафиксирована костяная пряжка, вероятно, пружная.

Сопроводительный комплекс представлен керамическим сосудом (рис. 4), костяными позвонками мелкого рогатого скота, железным ножом с рукояткой,

обложенной желтой фольгой, бронзовым изделием в виде стержня с заостренным концом, девятью костяными, трехгранными, втульчатыми наконечниками стрел, элементами парадного конского убранства (фрагментированные зооморфные изображения из желтой фольги).

В процессе углубления в погребальную камеру выявлено перекрытие над захоронением человека. Судя по сохранившейся южной части, оно образовано плитами, уложенными перпендикулярно длинной оси могильной ямы. Захоронение человека было совершено, по-видимому, в колоде, находящейся внутри сруба, от которых остался только тлен. Примерные параметры сруба: 1,17 x 2,27 м. Сруб сверху перекрывался каменными плитами, из которых в первоначальном положении сохранилось восемь плит в южной части погребальной камеры. В районе грабительского лаза плиты перекрытия не сохранились.

Анализируя приемы возведения курганов, исследованных в полевом сезоне 2007 г., отмечается две архитектурные традиции. Особенности первой заключаются в том, что те, кто оставил объект № 72, являются носителями группы населения, практиковавшей овальную форму наземной конструкции. Те же, кому принадлежат объекты №№ 73 и 74, придерживались сооружения округлых в плане конструкций.

В отношении хронологической принадлежности исследованных объектов, учитывая конструктивные особенности курганов, традицию продолжения цепочки курганов 4-3 вв. до н.э. (№№ 4, 9, 10, 11), можно предположить, что они также оставлены в 4-3 вв. до н.э. Одно из основных отличий этой группы от ранее изученных объектов заключается в том, что исследованные в 2007 г. курганы относятся к разряду рядовых. В тоже время некоторые типы предметов сопроводительного вещевого комплекса указывают на несколько более позднее возведение указанных курганов, ближе к 3-2 вв. до н.э., т.е. – к наиболее позднему этапу пазырыкской культуры, скорее, к переходному к гунно-сарматскому времени.

Рис. 1. Берел, курганы №№ 72, 73, 74

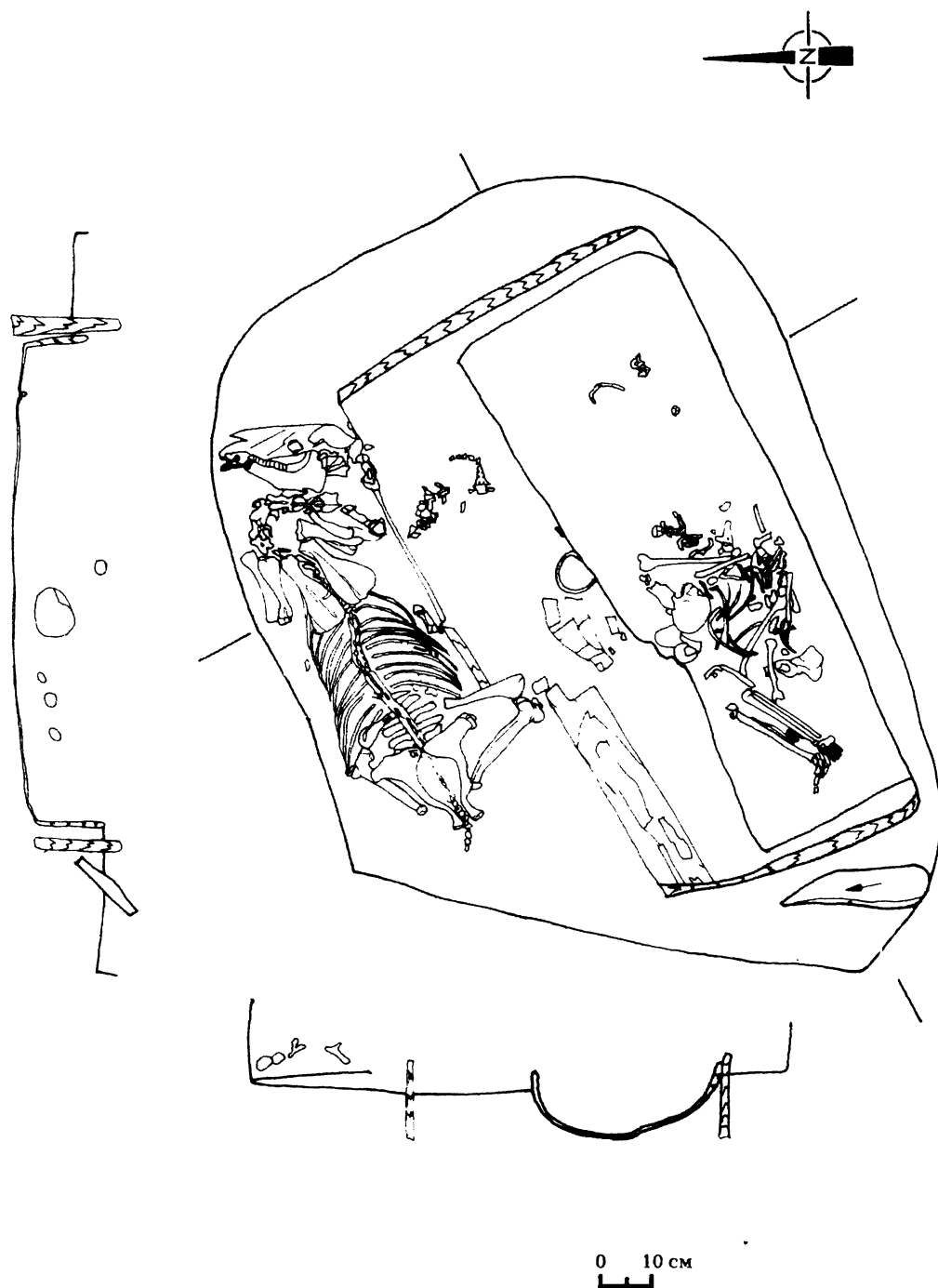

Рис. 2. Берел. Погребение в кургане № 72

3. Берел, курган № 72. Пряжка

Рис. 4. Берел, курган № 74. Сосуд

Г.Б. Саргизова

Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Ә.Х. МАРҒҰЛАН ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАС ДӘУІРІ ЕСКЕРТКІШТЕРІ

Ә.Х. Марғұлан - Қазақстандағы археологиялық және этнографиялық мектептердің негізін салушы көрнекті ғалым. Ә.Х.Марғұлан еңбектерінің тарихи маңыздылығы Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің беғазы – дәндібай мәдениетін ашуымен қоса, сондай-ақ, оның еңбектерінде Қазақстанның ежелгі кезеңі де қамтылған.

1946 жылы Ә.Х.Марғұлан зерттеулері Мойынты, Сарысу өзендері бойымен, Бетпақдаладан Ұлытау дейінгі алқапты, Торғай, Жіліншік өзендерінің ағысын, Кеңгір, Жезді, Байқоңыр мен Бұланты өзендерін қамтыды. Сарысу өзенінен Бөрібас 1, 2 тұрақтары және Теректідегі тастағы суреттерді тапты. (Марғұлан А.Х., 1948).

Ә.Х.Марғұлан өз ізденістерін Мойынты, Сарысу өзендерінің бойларында Бетпақдала шөлдерінің солтүстік беткейінен бастап Ұлытау тауларына дейін жүргізді. Торғай; Жыланшық өзендерінің сағасынан бастап Кеңгір, Жезді, Байқоңыр өзендеріне дейін жеткен. Ол Шығыс Бетпақдаланы, Жаңаарқа, Шет, Ақтоғай және Қарқаралы аудандарын зерттеді.

Солтүстік – батыс Бетпақдаланың неолиттік тұрақтарының бірқатары - Айдарлы (1-2), Жаман-Айбат (1-2), Алатақыр (1-6), Қосқұдық (1-8), Шыбынды (1-3), Аққұдық (1-4) ескерткіштері ашылды (Марғұлан А.Х., 1998).

1947 жылы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы Ә.Х.Марғұлан жетекшілігімен Жиделі өзенінің бойында, Қыпшақбай және Көкек шатқалдарында уақытша тұрақ – шеберханалар тапты. (Марғұлан А.Х., 1947).

Неолиттік тұрақтарының кейбіреулері Батыс Бетпақдалада, Жетіқоңыр құм шоталарында кездескен болатын. Ол жерден Жаман – Айбат 1 және Жаман – Айбат 2 тұрақтары анықталды. Микролиттік өндіріспен байланысты тұрақтар Қарағанды қаласының маңайында (Новая Тихоновка), Нұра және Шерубай-Нұра өзен алқаптарында, Жезқазған мекенінде, Ұлытау ауданындағы Шайтанас шатқалында, Балқаштың батыс бөлігінде кездескен.

Ә.Х.Марғұланның бақылауынша, Бетпақдала жазығында тұрақтардың болуына екі басты себеп болған. Олар - табиғат жағдайларының қолайлы болуы және неолиттік адамдардың еңбегінің басты құралы - шикізат өнімінің мол қоры. Неолит дәуірінің тұрғындары терімшілер мен аңшылар болса керек. Сол кезеңге жататын тастағы суреттерге қарағанда олар терімшілік пен аңшылыққа қоса қабайы жануарларды қолға үйретумен және өсірумен айналысқан.

Тас дәуіріне жататын тұрақтар Сарысу өзенінің бойында анықталған. Олар Сарысу өзенін бойлай орналасқан. Олар Көктіңкөлі, Түгіскен, Қызылжар, Бөрібас, Сарыөзен, Қаражар (Саргот), Талмас-Ата, Тұздысай және Боқтықарын ескерткіш топтары.

Бетпақдаланың батыс бөлігінде микролиттік өндіріспен байланысты энеолиттік тұрақтар орналасқан. Біреуі – Бөрібас шатқалында, екіншісі – қазіргі Шет ауданындағы Көктіңкөлі өзенінің маңайында. Бөрібас шатқалында микролиттік қарулар мен қоса макролиттік өндірістің жәдігерлері де кездеседі (Марғұлан А.Х., 1951).

Сарысу өзені жағалауында Қызылжар тұрағынан 18 км төмен жерде Бөрібас тұрағы орналасқан. 1947 жылы Ә.Х. Марғұлан ашқан, екінші болып 1962 жылы М.Н. Клапчук зерттеу жүргізген. 1967 жылы Бөрібас тұрағында қазба салынды. Нәтижесінде ежелгі мыс қорыту орны болған шұңқыр – ошақ анықталған. Қазба кезінде көмір күлдері мен жануарлардың күйген тістері, ал шұңқыр түбінде малахиттік руда және мыстың төрт құймасы табылған. Шұңқыр – ошақ айналасынан он шақты тас өндірісінің құралдары мен қалдықтары шашылған. Ә.Х.Марғұлан тұрақтың ерекшеліктеріне қарай кейінгі неолит және энеолит кезеңіне жатқызады (Марғұлан А.Х., 1998).

Неолиттік тұрақтардың көпшілігі Қарағанды қаласының оңтүстік, оңтүстік-батыс және шығыс аймақтарында, Соқыр, Үлкен және Кіші Бұқпа өзендері арасында Сораң тауының солтүстік және солтүстік-батыс баурайына дейін орналасқан. Қарағанды неолиттік тұрақтар тобының ерекшеліктері - олардың көпшілігі батпақты жерде, яғни сулы, бұлақты, жер асты артезиан суларының құймалары маңайында орналасқан. Үлкен Бұқпа өзенінің алқабында он шақты тұрақтар (Үлкен Бұқпа-2, -3, -4, -5, -6, -7, -8, -9, -10) анықталған. Тұрақтардың осындай санын Ә.Х.Марғұлан жетекшілігіндегі экспедициясы Кіші Бұқпа алқабында (Кіші Бұқпа-1, -14, -15, -16, -17, -18, -26, -37 тұрақтарын), Соқыр өзені алқабында үш тұрақ (Соқыр -24, -22, -48), Майқұдық маңайында үш тұрақ (Майқұдық-27, -28, -29), Сораң тауының етегінде екі тұрақ (Сораң-41, -46), Новая Тихоновка маңайында бес тұрақ (Новая Тихоновка-34, -43, -44, -45, -54) тапты.

1946 жылы Жезқазған медкомбинатының геология бөлімінің қызметкерлері тапқан төрт үйіндіден тұратын зираттар тобын Ә.Х.Марғұлан неолиттік кезеңге жатқызады.

Жезқазған қаласы өзендердің және түрлі арналардың ағып жатқан жерінде орналасқан. Олардың ірілері Кеңгір, Қаракеңгір, Сарыкеңгір, Жезді (Үлкен және Бала Жезді); Жыланды өзендері. Ежелгі кезеңде бұл өзендердің алқаптары түрлі тайпалардың мекені болған. Ә.Х.Марғұланның көп жылғы ізденістерінде Жезқазған аймағында екі ежелгі мәдениет қабаты зерттеледі. Ең алдымен, бұл жерде кең көлемде көптеген тұрақтар мен шикізатты қарулары бар неолит дәуірінің мәдени кешені орналасқан. Көршілес аймақтарға қарағанда Жезқазған аймағындағы неолиттік тұрақтар жиі кездеседі. Бұл жер далалық неолиттің ірі орналасуы болған, кейінгі неолит негізінде Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің пайда болуы және қалыптасуының ошағы болып есептеледі.

Жезқазған зираттар тобы үш қорғаннан тұрады және ол Шом тауының биік шыңында, Жезқазған V неолиттік ескерткіш ауданында орналасқан. Келесі аймақтық Покро рудалық аймағының солтүстік-шығыс және солтүстік-батысынан табылды. Басқалары Кресто рудалық аймағынан кездескен.

Зираттар тобындағы Қорған 3 ескерткішіне 1948 жылы зерттеу жұмыстары жүргізілген. Ол Жезқазғанның оңтүстік-шығыс бөлігінде орналасқан. Диаметрі 12 м, биіктігі 0,8 м. Ортасынан плиталы қоршау шыққан. Қоршау ортасынан тереңдігі 0,25 м, ұзындығы 1,8 м, ені 0,56 м шұңқыр ашылды. Ол плитамен жабылған. Шұңқырда жерленген адам сол жағына қарай қисайып, басы солтүстік-батысқа қарап, қолдары бүгінгі жатыр. Бас жағында пішіні әр түрлі үш тас құрал табылған.

Ә.Х.Марғұланның түсіндіруінше, мүрде жанындағы үш жәдігер оның жеке заттары, ал топырақ арасынан алынған құралдар қайтыс болған адамның құрбандық еткен заттары. Сол кезеңде қабір қазған құралдарды жерленген орынға тастап кету ырымының болғандығын дәлелдейді.

Зираттардың құрылысына және керамика мен әшекей бұйымдардың кездеспегендіктеріне қарай Ә.Х.Марғұлан бұл Жезқазған зираттар тобын неолиттен энеолитке өту кезеңіне межелейді (Маргулан А.Х., 1976).

Бүгінгі күні Орталық Қазақстанда Ә.Х.Марғұлан неолиттік кезеңге жатқызған Жезқазған жерлеу орнындарынан басқа өзге жерлеу орнындары табылған жоқ. Зираттар тобында кездескен тас құралдардың неолиттік кезеңге жататыны күмән тудыруда.

1956 жылы Ұлытау аймағынан тастағы мүсіндер суреттері табылды. Олардың көпшілігі Ұлытау тауларының оңтүстік-батысында Жылы-Сай алқабында кездеседі. Алғашқы қауымдық қоғамның өнерлері Жаксы Қызылтау (Шет ауданы) табылып, Теректідегі (Жезқазған аймағы) тастағы суреттерге зерттеу жұмыстары жүргізілді.

Теректідегі тастағы суреттерде ежелгі бұқалардың және осы күнде жоғалып кеткен аңдар бейнесі анық, қашалынып салынған. Қашау техникасы ежелгі суретшінің көп жылғы тәжірибесі мен ептілігін көрсетеді. Тау жартастарына салынған суреттер ішінде аңдардың шайқасуы, аңшылық және тұрмыстық суреттер де кездеседі.

Ә.Х.Марғұлан суреттердің салыну техникасына және сюжеттеріне қарап, адамзат мәдениетінің алғаш сатысы – ерте палеолит кезеңіне жатқызады. (Маргулан А.Х., 1956).

Өлкеде ескерткіштердің негізгі бөлігін Ә.Х.Марғұлан жетекшілігімен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы зерттеді. Солардың ішінде тас дәуірі ескерткіштері назардан тыс қалған емес. Ә.Х.Марғұлан сипаттаған тас дәуірі ескерткіштерінің басым көпшілігі неолит кезеңіне жатады. Автор еңбектеріндегі ескерткіштердің ерекшелігі – олар барлау кезінде ашылғандықтан жалпылама аталынған. Ескерткіштердің орналасу мекені көрсетіліп, суреттелген. Сондықтан, Орталық Қазақстанның тас дәуірі ескерткіштерінің алдағы уақытта жан-жақты, толық зерттелуіне Ә.Х.Марғұлан еңбектерінің қосар үлесі зор.

Әдебиеттер

Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане 1946

1. // Известия АН КазССР. Алма-Ата, 1948. Серия археологическая. Вып. 4.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы, 1998.

Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. Алма-Ата, 1947. № 67. Серия археологическая. Вып. 2.

Маргулан А.Х. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1956 год. Архив Института археологии. Д. №3847.

Маргулан А.Х. Погребения эпохи неолита в Джезказгане // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Алма-Ата, 1951. Серия археологическая. Вып. 3.

К.Н. Солодовников

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ И АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Сходству естественно-географических условий Алтайского региона и казахстанских степей, а также общего хода исторических процессов на этих территориях в эпоху бронзы соответствует сходство антропологического состава населения этого времени. Алтайский регион, включающий Алтайский край и Республику Алтай в современных административных границах Российской Федерации, охватывает разнообразные ландшафтно-климатические зоны. Горный Алтай является центром Алтайской горной системы. В нее входит и расположенный западнее Рудный Алтай, северная часть которого включена в границы Алтайского края, а южная является частью Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (Малолетко А.М., 1999). Основная территория Алтайского края находится в лесостепной зоне юга Западносибирской равнины, и лишь его наиболее западные районы – в степной.

В эпоху энеолита и ранней бронзы через казахстанские степи осуществлялась миграция населения с особенностями протоевропейского антропологического типа, результатом которой явилось формирование афанасьевской культуры на обширной территории Алтае-Саяно-Хангайского нагорья (Савинов В.Д., 1994). Как показывают новые палеоантропологические материалы, наблюдается совпадение характера локальной изменчивости и присутствие одних и тех же морфологических компонентов в составе афанасьевцев, с одной стороны, и населения восточной зоны древнеямной культурно-исторической общности степей и лесостепей Восточной Европы, а также предшествующего на этой территории, с другой. Это позволяет связывать формирование афанасьевской культуры с миграцией древнейших скотоводов, начавшейся, вероятно, на ранних этапах сложения древнеямной общности или в непосредственно предшествующий этому период. Она является продолжением реконструируемого палеоантропологически процесса аккумуляции и ассимиляции древнеямниками энеолитического населения юга Восточной Европы, сопровождавшегося вытеснением его части из западных районов складывающейся культурной общности на восток (Солодовников К.Н., 2006).

К сожалению, результатов палеоантропологического исследования материалов памятников с территории Казахстана, сопоставимых с афанасьевскими или древнеямными в культурно-хронологическом отношении (Карагаш, Аксуат и др.), пока нет или они не опубликованы. Изученный А.О. Исмагуловой (1989) мужской череп протоевропейского типа из кургана 2 могильника Черновая II в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области, фактически на границе с Горным Алтаем, включен в горно-алтайскую афанасьевскую краниологическую серию по причине культурно-хронологической близости археологических

комплексов (Оразбаев А.М., Омаров Г.К., 1998). Возможно, к этому же времени относится мужской череп протоевропейского типа из погребения на многослойном поселении Усть-Нарым (Гинзбург В.В., 1956) в Восточно-Казахстанской области (костяк 2). Первоначальная датировка этого безинвентарного погребения, находящегося примерно в 150 км от ближайшего горно-алтайского афанасьевского могильника, с которой оно вошло в антропологическую литературу – «энеолит или очень ранняя бронза» (Гинзбург В.В., 1956). В дальнейшем, вместе с остальными ранними захоронениями на этом памятнике, данное погребение, скелет в котором находился скорченно на спине, было отнесено к эпохе неолита (Черников С.С., 1970, с. 7). Происходящий из него череп лишь недавно исключен из суммарной серии андроновцев Казахстана (Солодовников К.Н., 2001), в которую традиционно включался (Алексеев В.П., 1967).

Лесостепной Алтай в эпоху ранней бронзы заселяли племена елунинской археологической культуры (Киришин Ю.Ф., 2002), составляющей культурную общность вместе с кротовской Барабинской лесостепи и Среднего Прииртышья. Отчасти синхронна им в Горном Алтае каракольская культура постафанасьевского времени, входящая в круг культур окуневского типа Южной Сибири. Формирование антропологического состава населения этих и других культурных образований самусьско-сейминского времени Южной и юга Западной Сибири связано с взаимодействием пришлого европеоидного населения с местными монголоидными группами. Европеоидная морфогенетическая составляющая населения культур елуниинско-кротовской общности, окуневского круга, а также, вероятно, самусьской культуры, отлична от характеризующего население афанасьевской культуры варианта протоевропейского антропологического типа и имеет самостоятельное происхождение по отношению к афанасьевцам. В составе населения культур окуневского типа Горного Алтая и Тувы европеоидный компонент представлен в форме гиперморфного варианта древне-средиземноморского антропологического типа. Сходный европеоидный компонент присутствует у населения елуниинской и кротовской культур. У елуниинцев он также морфологически наиболее сближается с гиперморфным средиземноморским типом, но, возможно, отличался несколько меньшей шириной лица. Появление этих и других краниологически несколько различающихся европеоидных вариантов связывается с одним миграционным потоком из значительно более южных и западных регионов (Солодовников К.Н., 2006).

Палеоантропологические материалы этого времени с территории Казахстана не изучены, хотя погребальные комплексы елуниинско-кротовского облика начинают исследоваться и на его территории (Мерц В.К., 2003). Является очень перспективным изучение в палеоантропологическом отношении и так называемого «чемурчекского культурного феномена», охватывающего помимо Севера Синьцзяна и Западной Монголии и районы Восточного Казахстана (Бовалев А.А., 2005).

Возможно, с миграционными процессами начала II тыс. до н.э. связано присутствие черепов европеоидного средиземноморского типа в погребениях синташтинско-петровского времени в Актюбинской области, в отличие от краниологических материалов синташтинского времени из Поволжья, в которых доминирует протоевропейский антропологический компонент (Хохлов А.А., 1996).

Краниологические материалы андроновского времени с территории Казахстана немногочисленны, но они впервые представляют серийные данные, числовые характеристики которых возможно использовать в межгрупповом статистическом анализе. Изученные рядом исследователей к 60-х гг. XX в. черепа с территории Казахстана были сгруппированы В.П. Алексеевым (1967) в серии андроновской культуры Западного, Северного, Центрального и Восточного Казахстана. Позже В.А. Дремовым (1997) три последние малочисленные группы черепов были объединены в одну, названную сокращенно серией Северо-Восточного Казахстана, противостоящую территориально и в морфологическом отношении западноказахстанской. В составе краниологической серии андроновцев Западного Казахстана, в которую вошли черепа почти исключительно из могильников смешанного (алакульско-федоровского) кожумбердинского типа, был выявлен значительный средиземноморский морфологический компонент (Алексеев В.П., 1964; Гинзбург В.В., 1962). В тоже время серию Северо-Восточного Казахстана определяют особенности характерного для населения федоровской культуры андроновского варианта протоевропейского типа, своеобразным «эталоном» которого служит андроновская серия Среднего Енисея. Морфологические различия выделенных В.А. Дремовым из материалов Северного и Центрального Казахстана отдельно федоровской и алакульской групп повторяют различия между андроновскими сериями Среднего Енисея и Западного Казахстана, что демонстрирует реальные антропологические отличия населения этих археологических культур андроновской общности (Дремов В.А., 1997).

Поскольку вошедшие в андроновскую серию Северо-Восточного Казахстана палеоантропологические материалы происходят из раскопок, проводившихся достаточно давно, культурно-хронологическая атрибуция некоторых погребений, в которых были найдены черепа, в настоящее время изменилась. Как выяснилось (Солодовников К.Н., 2001), часть вошедших в данную серию краниологических материалов не имеет отношения к андроновской культуре и датируется, в основном, более поздним временем (вплоть до раннескифского времени – Канай в Прииртышье; или эпохи кочевников – впускное погребение в ограде 7 могильника Канатгас). Поэтому из нее были исключены измерения черепов, имеющих другую культурно-хронологическую принадлежность или неопределенную датировку. Большинство оставшихся происходит из погребений федоровской культуры. В таблице I приводятся средние данные, полученные после пересчета (Солодовников К.Н., 2001), судя по которым андроновцы Северо-Восточного Казахстана характеризуются наиболее выраженными особенностями андроновского

варианта протоевропейского типа.

Таблица I

Суммарные серии черепов андроновского времени Северного, Восточного и Центрального Казахстана и Рудного Алтая, поздней бронзы Верхнего Прииртышья

		Андроновское время		Поздняя бронза	Андроновское время		Поздняя бронза
		Северный, Восточн. и Центральн. Казахстан	Рудный Алтай	Верхнее Прииртышье	Северный, Восточн. и Центральн. Казахстан	Рудный Алтай	Верхнее Прииртышье
Пол		Мужчины			Женщины		
Признак		x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)
1	Продольный диаметр	181,3(6)	188,2(6)	181,8(5)	177,1(8)	174,3(14)	166,0(3)
8	Поперечный диаметр	142,8(6)	140,8(6)	149,2(5)	138,5(8)	134,7(14)	137,3(3)
8:1	Черепной указатель	78,8(6)	74,9(6)	82,1(5)	77,5(10)	77,4(14)	82,8(3)
17	Высотный диаметр от ба.	140,0(3)	139,5(6)	141,7(3)	131,3(3)	130,7(9)	129,3(3)
17:1	Высотно-продольный ук-ль	76,6(3)	74,2(6)	79,3(3)	73,7(3)	74,3(9)	78,0(3)
17:8	Высотно-поперечный ук-ль	97,7(3)	99,1(6)	94,1(3)	93,8(3)	95,1(9)	94,3(3)
20	Высотный диаметр от ро.	120,0(4)	117,7(6)	122,0(4)	114,8(5)	112,5(11)	112,7(3)
5	Длина основания черепа	104,5(2)	108,0(6)	102,3(3)	100,3(3)	99,1(9)	97,0(3)
9	Наименьшая ширина лба	99,8(6)	93,8(6)	100,2(5)	95,9(9)	92,8(15)	93,0(3)
32	Угол профиля лба	87,8(4)	81,8(6)	84,0(3)	87,2(5)	84,2(11)	88,3(3)
40	Длина основания лица	100,5(2)	103,5(6)	97,3(3)	97,3(3)	95,5(8)	90,7(3)
40:5	Указатель выступания лица	96,2(2)	95,8(6)	95,1(3)	97,0(3)	97,1(8)	93,4(3)
45	Скуловой диаметр	139,0(5)	138,0(6)	139,3(4)	128,3(3)	125,0(11)	128,5(3)
48	Верхняя высота лица	69,2(6)	69,8(6)	75,2(5)	65,0(6)	66,6(12)	65,0(3)
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,8(2)	50,3(6)	52,4(3)	50,0(3)	51,2(8)	50,2(3)
48:45	Верхний лицевой указатель	49,6(5)	50,7(6)	53,1(4)	50,2(3)	53,6(10)	50,6(3)
72	Общий лицевой угол	86,3(4)	86,3(6)	87,0(3)	86,7(3)	84,6(11)	88,7(3)
77	Назомаллярный угол	140,9(3)	136,9(6)	139,0(4)	137,3(5)	140,1(15)	140,3(3)
2Zm	Зигмаксиллярный угол	126,5(3)	124,3(6)	130,3(3)	129,5(4)	126,6(10)	130,0(3)
51	Ширина орбиты	43,7(3)	44,5(6)	45,1(4)	42,3(4)	41,9(12)	42,2(3)
52	Высота орбиты	31,0(4)	31,6(6)	32,9(5)	30,8(4)	32,9(12)	30,4(3)
52:51	Орбитный указатель	71,7(3)	70,9(6)	73,7(4)	72,0(4)	78,5(12)	72,2(3)
55	Высота носа	51,5(4)	50,1(6)	52,3(5)	47,0(6)	49,1(12)	47,3(3)
54	Ширина носа	25,8(4)	25,3(7)	25,3(4)	24,8(6)	23,5(12)	24,1(3)
54:55	Носовой указатель	50,2(4)	50,4(6)	48,0(4)	51,9(5)	48,0(12)	51,0(3)
75(1)	Угол выступания носа	33,5(4)	35,3(6)	30,0(4)	27,3(3)	28,0(11)	30,0(2)
SC	Симотическая ширина	11,05(2)	8,48(6)	9,00(4)	10,47(3)	8,24(11)	8,20(3)
SS	Симотическая высота	5,60(3)	4,93(6)	4,73(4)	5,03(3)	4,27(11)	3,85(2)
SS:SC	Симотический указатель	49,1(2)	58,4(6)	52,3(4)	49,5(3)	51,7(11)	52,3(2)
DC	Дакриальная ширина	22,60(2)	22,42(6)	22,60(4)	21,30(3)	21,27(11)	23,17(3)
DS	Дакриальная высота	13,50(2)	14,40(6)	13,38(4)	12,73(3)	11,93(10)	11,45(2)
DS:DC	Дакриальный указатель	60,7(2)	65,1(6)	59,9(4)	60,4(3)	57,0(10)	51,8(2)
УЛС		7,7	-5,9	20,2	5,3	5,3	20,2

С территории лесостепного Алтая исследовано значительное количество черепов андроновской (федоровской) культуры, что позволило выделить в составе ее населения несколько слагающих морфологических компонентов, доля которых существенно варьирует в разных локальных группах. Более половины черепов проявляет черты андроновского протоевропейского варианта. Его появление на территории лесостепного Алтая связано с расселением носителей андроновской (федоровской) культуры, а генетические истоки находились к западу от

Алтайского региона, как представляется, на территории Казахстана. Наибольший удельный вес другого европеоидного – средиземноморского морфологического компонента в составе андроновцев лесостепного Алтая фиксируется в группах более южных и западных районов, в том числе с территории Рудного Алтая¹, где достигает половины. По происхождению он связывается генетически не с алакульцами, как ранее считалось исследователями, а, предположительно, с группами населения самусьско-сейминского времени юга и юго-запада ареала елунинской культуры (Рудный Алтай) и, возможно, еще более южных районов. Третий немногочисленный морфологический компонент выявляется преимущественно у женщин, проявляет смягченные монголоидные особенности и относится к обь-иртышскому антропологическому типу западносибирской расы. Происходит он из северных районов подтаежной полосы Западной Сибири и появляется в составе федоровского населения лесостепного Алтая в результате брачных связей (Солодовников К.Н., 2006).

В таблице I представлены первые для территории Казахстана серийные краниометрические данные эпохи поздней бронзы. Измерения черепов из погребений мало-красноярского этапа (XIII-XI вв. до н.э.) Березовского могильника (Ткачева Н.А., 1997) и позднебронзовой ограды 44 могильника Кызылтас составляют численно небольшую, но морфологически довольно однородную серию из Верхнего Прииртышья. Ее характеристика заметно отличается от характеристики суммарных серий предшествующего времени. Значение общего индекса уплощенности лицевого скелета и выступления костного носа (УЛС) черепов эпохи поздней бронзы немного превышает значения, характерные для «чистых» европеоидов (Дебец Г.Ф., 1968), в отличие от андроновских серий, для которых характерна резкая выраженность европеоидных особенностей. Высота лица в мужской группе позднебронзовых черепов большая, в то время как андроновский вариант характеризуется малыми значениями величин высоты лицевого отдела. Мозговая коробка верхнеиртышских черепов эпохи поздней бронзы более короткая и широкая по сравнению с андроновскими этой же территории. Все это указывает на значительное морфологическое сходство населения поздней бронзы Верхнего Прииртышья, особенно его мужской части, с синхронным населением лесостепной полосы Западной Сибири (карасукская, черкаскульская культуры, и, более общего порядка – ирменская, еловская и эпохи поздней бронзы Барабинской лесостепи). Лишь в отношении женской части верхнеиртышского населения можно предполагать генетическую преемственность с предшествующим. Об этом свидетельствует сходство в строении мозговой коробки и лицевой части женских

¹ В краниологическую серию андроновской (федоровской) культуры с территории Рудного Алтая (табл. I) помимо материалов с верховий р. Алей вошли измерения черепов из погребений развитой бронзы могильников Маринка и Черемухинский, расположенных на правом берегу Иртыша ниже г. Усть-Каменогорск (раскопки Н.А. и А.А. Ткачевых). Пользуюсь случаем, выражаю им искреннюю признательность за предоставленные сведения о погребениях эпохи бронзы, исследованных ими в Верхнем Прииртышье в 1993-94 гг.

черепов поздней бронзы Верхнего Иртыша с андроновскими Северо-Восточного Казахстана и, особенно, из позднеандроновского могильника Чекановский Лог-2 в верховьях Алея. Последняя серия также выделяется ослаблением европеоидности в строении лицевого отдела, как и позднебронзовая Верхнего Прииртышья, преимущественно по признакам его горизонтальной профилировки (Солодовников К.Н., 2007).

Некоторые черепа, исключенные из андроновской серии Северо-Восточного Казахстана по причине иной культурно-хронологической принадлежности, датируются эпохой поздней бронзы (Солодовников К.Н., 2001). Часть из них не проявляет отчетливых мифологических отличий от андроновских. Выделяются лишь два женских черепа из Центрального Казахстана, которые объединяет небольшая длина мозговой коробки, ее выраженная брахикрания, абсолютно и относительно высокий лицевой отдел с заметной его горизонтальной уплощенностью, и несильно выступающий нос. Это отличает данные черепа² от андроновских и морфологически сближает с мужскими черепами поздней бронзы Верхнего Прииртышья и сериями, которые служат им ближайшими морфологическими аналогиями. Уже эти данные дают возможность предполагать значительные миграционные процессы на территории Восточного и Центрального Казахстана на рубеже развитой и поздней бронзы. Однако, для суждений в отношении этой и других проблем древней истории Казахстана, решению которых могут способствовать палеоантропологические исследования, необходимо значительное увеличение краниологических материалов и ввод их в научный оборот.

Литература

Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент, 1964.

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. 1967. № 1.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахстана // Антропологический сборник I. М., 1956.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // Сорокин В.С. Могильник Тасты-Бутак в Западном Казахстане. М.-Л., 1962.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологи-

² Один из них относится к бегазы-дандыбаевской культуре (Моинты, скелет из керексура), культурная принадлежность другого не ясна (Чубартау) (Солодовников К.Н., 2001).

ческий очерки). Томск, 1997.

Исмагулова А.О. Энеолитический череп из Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.

Малолетко А.М. Структура Алтайской горной системы и номинация ее частей // География и природопользование Сибири. Барнаул, 1999. Вып. 3.

Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998.

Савинов Д.Г. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994.

Солодовников К.Н. Краниологическая серия андроновцев Северо-Восточного Казахстана // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Солодовников К.Н. Палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы верховий р. Алей // Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. I. Приложение. Барнаул, 2007.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997.

Хохлов А.А. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского – в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1970.

Сулейменова Г.А.

Гимназия № 97, г. Караганда, Казахстан

КРУЖКОВАЯ РАБОТА ПО АРХЕОЛОГИИ В ШКОЛЕ

История – область знаний, интерес к которой пробуждается весьма рано, в дошкольном возрасте. Тайны прошлого будоражат воображение человека с раннего детства до глубокой старости. Развить интерес к истории как науке, научить ребенка пользоваться понятийным аппаратом данной науки, ориентироваться в мире минувшего, анализировать ситуации и т.п. – задача учителей истории. В силу различных обстоятельств эта задача решается не только на школьных уроках, но и в процессе индивидуальной работы ребенка, созданием факультативов, кружков, клубов и других объединений школьников, работой учреждений дополнительного образования.

Научные детские секции позволяют существенно расширить рамки школьной программы, причем не в сухой теории, а в самой, что ни на есть, живой практике. Дети учатся работать с настоящими приборами (микроскопами, телескопами и др.), изучают растения и животных, ездят в интересные экспедиции. Подобная деятельность во многих случаях определяет и будущую профессию ученика.

Огласитесь, что профессиональная ориентация уже в школьном возрасте – вещь весьма полезная.

Нередко бывает так, что в классе у ребенка по тем или иным причинам нет друзей. В этом случае кружок или учебная группа может стать настоящей дружиной – ведь здесь собираются единомышленники. И не важно, что их объединяет – любовь к насекомым, археологические раскопки или экосистема пресных вод – главное, что у них есть общие интересы и, как минимум, тема для беседы.

Одна из главных задач кружковой работы в школе – попытка привить интерес детей к истории как науке. Педагогическая археология – направление в историко-краеведческой работе со школьниками. Это направление, опираясь на разностороннюю базу педагогики, приобщает детей к археологии, к познанию далёкого прошлого своего края. Археология – наука, стоящая на стыке гуманитарных, естественных и точных наук, в этом не только её своеобразие, но и мощный стимул к расширению интереса по широкому спектру наук.

В общем контексте школьного обучения необходимо отметить, что увлечение детей археологией повышает их интерес к истории. Особенно это заметно в работе школьных археологических кружков. Ребенок, увлекаясь столь загадочной наукой, по-иному воспринимает учителя, тем более совершая с ним походы, участвуя в экспедициях, преодолевая совместно бытовые, погодные и прочие невзгоды. Через призму отношения к учителю корректируется и отношение к преподаваемому им предмету.

Педагогическая археология оказывает существенное влияние на формирование устойчивого познавательного интереса к истории. Приобщая детей к одной из

интереснейших исторических наук – археологии – система дополнительного образования не только расширяет собственные образовательные возможности, но и влияет на школьную успеваемость подростков, пробуждая их интерес к истории и другим предметам.

Особенностью преподавания археологии является её вузовская ориентация. Изучение методов археологии не входит в систему школьных знаний, но наука весьма притягательна для детей, что позволило ей прочно войти в систему дополнительного образования.

Изучение только научных археологических методик было бы очень скучным для детей, поэтому большое внимание уделяется сочетанию археологии и истории в клубе юных археологов. Существующие сегодня школьные программы по истории, данные археологии учитывают в ограниченном объёме, из-за этого дети обладают скромной информацией о далёком прошлом своего края. Более того, недостаточное изучение и сообщения в средствах массовой информации формируют у школьников представления об археологии как о гробницах фараонов, кладах и поисках золота, что совершенно не отражает реальностей данной науки. Между тем археология, как никакая другая наука обладает огромным образовательным потенциалом, изучая не историю человека в узком смысле, а исследуя самые разнообразные области его эволюции, материальную и духовную культуру. Знакомясь с методологической базой археологической науки, ребёнок может увидеть, как из групп разнообразных вещей возникает информация о ремесле, духовной культуре и других аспектах жизни и быта древнего населения.

Важный этап деятельности археологического кружка – участие в работе научных экспедиций. Участвуя в археологических экспедициях, кружковцы знакомятся с полевыми раскопками, учатся определять культурный слой, вести полевую обработку материалов, размечать раскоп, составлять чертежи планов и разрезов. Работая в поле, они получают хорошую закалку для дальнейших экспедиций. Никакой рассказ учителя или рисунок не даст ребёнку того эмоционального ощущения, которое возникает при непосредственном знакомстве с орудиями древних людей, особенно когда ребёнок самостоятельно обнаружил это орудие в земле.

Как показывает опыт, знакомство ребёнка с реальным миром древних вещей и его исследование значительно расширяет горизонты познания, правильно формирует систему ценностей, углубляет формирующееся мировоззрение ребёнка.

Обращаясь два-три раза в неделю в свободное время к истории края, проводя хотя бы один месяц на раскопках археологического памятника, у школьников, как показывает практика, значительно повышается интерес к истории. В первую очередь он распространяется на историю края, в меньшей степени на остальную историю.

На личном опыте было замечено, что у детей, посещающих археологический кружок, повышается интерес к истории, что также отражается на школьных

оценках. Археология основное внимание уделяет древней и средневековой истории, почти не касаясь последних столетий. Поэтому не удивительно, что, привыкнув к насыщенному общению в рамках этой исторической среды, школьники меньше увлекаются историей нового и новейшего времени, где изучаются иные исторические понятия и закономерности. Практика показывает, что у старшеклассников, не связывающих свою будущую профессию с историей, интерес к школьному курсу этой науки несколько ослабевает. Здесь видна недоработка школы, которой надо искать новые формы и методы для повышения познавательного интереса у ребёнка к изучению новой и новейшей истории.

Развить интерес к истории как науке, научить ребенка пользоваться понятийным аппаратом данной науки, ориентироваться в мире минувшего, анализировать ситуации и т.п. – задача учителей истории. В силу различных обстоятельств эта задача решается не только на школьных уроках, но и в процессе индивидуальной работы ребенка, созданием факультативов, кружков, клубов и других объединений школьников, работой учреждений дополнительного образования. Система дополнительного образования содержит громадный потенциал, позволяющий научить подростков уважать прошлое и настоящее своей Родины, любить свой край, быть добрее, уважать себя и других.

Одна из задач археологического кружка – попытка привить интерес у детей к истории как науке, части нашего бытия и как школьному предмету. Устойчивый интерес, обладая универсальностью, наглядно демонстрирует достижение учителем ставящихся им перед собой и обучаемым им коллективом педагогических задач. Развитые способности могут сформироваться при постоянном стимулировании познавательного интереса, активном взаимодействии непосредственного и опосредствованного интересов, при этом интерес должен быть активным, широким и глубоким. Здесь учитель должен не только давать знания, но и всесторонне развивать необходимые умения, многие, доводя до навыков. Глубокое осознание своего долга и призвания – это уже область воспитательной работы, возлагающая на учителя огромную ответственность. Всё это и определяет универсальность устойчивого интереса, он включает в себя элементы других интересов. Поэтому формирование устойчивого интереса является одной из важнейших задач, как в методике преподавания исторических наук, так и в процессе кружковой и факультативной работы.

Расширяющиеся возможности педагогики и археологии позволяют уверенно говорить, что никогда не наступит то время, когда педагогический потенциал археологии окажется полностью исчерпанным.

Литература

- Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Методика преподавания в школе. М., 1999.
- Историко-краеведческая работа в школе. Алма-Ата 1981.
- Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1998.
- Степанищев А.Т. Методический справочник учителя истории. М., 2000.

М.П. Сыволап

*Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого,
г. Черкассы, Украина*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХОЗЯЙСТВЕ ПЛЕМЕН ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ УКРАИНЫ

Ямная культура является одним из наиболее ярких археологических феноменов эпохи бронзы Евразии. На огромных пространствах степи и лесостепи от Казахстана до Венгрии рассеяны тысячи курганов с погребениями носителей этой культуры. На основании анализа их погребального инвентаря археологами выделены более 10 локальных вариантов, в пределах Украины известны донецкий, приазовско-крымский, среднеднепровский, нижнеднепровский, юго-западный и южнобугский варианты (Мерперт Н.Я., 1968; Шапошникова О.Г., 1985). На территории Среднего Поднепровья распространены памятники среднеднепровского (или северо-западного) локального варианта ямной культуры, который охватывает лесостепную зону бассейна Днестра от нижней Десны до устья Ворсклы, т.е. около 70-90 тыс. км². Они представлены, прежде всего, недостаточно изученными курганными могильниками с малочисленными безинвентарными, как у большинства периферийных вариантов, погребениями. В связи с незначительным количеством в погребениях таких этнокультурных маркеров как вещевые находки, прежде всего керамика, для среднеднепровского варианта ямной культуры, как и для большинства других, особенно остро стоит вопрос поиска поселенческих памятников. Еще недавно на этой территории не было известно ямных поселений, материалы которых можно было бы соотнести с находками из ямных курганов, поэтому, было невозможно составить полное представление о способе жизни и хозяйствования ямных племен региона.

В результате почти 10-летних поисков автором поселений ямной культуры в Среднем Поднепровье в 1993 году в долине р.Тясмын было выявлено поселение Десятины (Сыволап М.П., 2001). За последующие 15 лет, автором и его коллегами в Центральной Украине было выявлено еще 28 поселенческих памятников ямной культуры. Были установлены топографические закономерности их расположения, выделены их типы, что существенно упростило дальнейшее выявление подобных памятников.

Прямых аналогов большим укрепленным поселениям с высокой топографией и интентивной потестарной функцией, типа нижнеднепровской Михайловки, в Среднем Поднепровье пока не обнаружено, хотя возможным соответствием этому типу памятников может быть поселение Ланок (Сміленко А.Т., Циндровська Л.О., 1993), расположенное на высоком коренном берегу (террасе) Днестра в г.Канев. Большая его часть была уничтожена, так что других оснований относить Ланок к

Михайловки, кроме расположения на высоком (20м) мысу, не имеется. Однако же большинство (15шт.) поселенческих памятников – это небольшие участки (0,5-1га) со сравнительно бедным и тонким культурным слоем (от 0,4 до

0,5-0,7м), располагающиеся на небольших островах в широких поймах рек 1-го и 2-го порядка (Днепр и его притоки). Они, как можно судить по данным раскопок Десятин (822м²) и шурфовок других, являются долговременными базовыми поселениями со сравнительно насыщенным культурным слоем (до 100 находок на 1м²), с 2-4 слегка углублёнными жилищами и различными объектами: хозяйственными ямами, кострищами, рабочими площадками, даже погребениями (Десятинны). С некоторых из них происходят десятки тысяч находок: кости животных (около 70%), а также фрагменты керамики и артефакты из глины, кремня, кварцита, других пород камня, кости, раковин, медного сплава. Лишь некоторые (6 шт.) из пойменных памятников – это остатки кратковременных стоянок, о чем свидетельствует их небольшая площадь (0,2-0,3га) и на 1-2 порядка меньшая насыщенность находками. Их, несмотря на низкую топографию, очевидно, следует отнести к 3-му типу поселенческих памятников – остаткам пастушеских стоянок с разнообразной топографией, а именно к подтипу 1) пойменных стоянок. Также нами были открыты стоянки с высокой топографией: 2) Сонэчко на вершине высокого водораздела, но рядом с источником воды, а также стоянки 3) на высокой береговой террасе малых рек 3-4-го порядка (но рядом с расширением долины) и 4) на невысоких мысах малых речек. Именно последний подтип более известен в ряде других вариантов ямной культуры, в то время как водораздельный подтип встречен впервые. Автор ожидает открытия еще одного подтипа – стоянок у степных блюдец (в основном на Левобережье Днепра), на что может указывать отсутствие других источников воды в открытой степи при наличии ямных курганов вблизи. Для стоянок с высокой топографией (все на Правобережье) характерна особая бедность материала при почти полном отсутствии фрагментов керамики и костей животных, но при некотором количестве кремнёвых, кварцитовых и песчаниковых орудий труда, отходов и сырья. Эти стоянки размещены на участках с чернозёмным грунтом, в то время как пойменные поселения и стоянки находятся на глинистых (каолин) и песчаных возвышенностях.

Все нововыявленные ямные поселения и стоянки ещё слабо изучены, исследуются, преимущественно, методом постоянного многоразового сбора подъёмного материала и шурфовки. Открытие большинства этих объектов стало возможным благодаря пахоте, затоплению водохранилищами или осушению долин рек, во всё ещё заболоченных долинах поиск наталкивается на технические трудности (обводнённость слоя, густые заросли тростника).

В процессе раскопок Десятин, в радиусе нескольких сотен метров на соседних островках были выявлены ещё 3 почти аналогичных поселения. Пока ясно – это группа синхронных поселений или результат развития во времени одного объекта. Всего в 1-2 км, на I-й и II-й террасах правого берега р.Тясмын, напротив данного гнезда поселений расположена группа неисследованных курганов. На расстоянии 5км к северо-западу находится ещё одно гнездо поселений и аналогичная группа курганов. Обзор региона показал – подобные комплексы памятников могут быть открыты и на других реках. Наибольшее

количество поселенческих объектов сосредоточено в долине Днепра и его притоков, а высокие берега этих рек усеяны цепочками и группами курганов, многие из которых исследованы и являются ямными.

Из материалов стационарных поселений типа Десятины (дополненных погребальным инвентарём) мы можем получить представление о домашних ремеслах среднеднепровских ямников. Это домостроительство (углублённые котлованы жилищ, столбовые ямы, кусочки “обмазки”); камнеобработка – добывание, скалывание (желваки и сколы на стоянках), шлифование и сверление камня, в т. ч., изготовление боевых топоров-молотов (заготовки, брак, высверлки), режущих, скоблящих и других орудий из кремня, кварцита и др. (орудия, нуклеусы, отщепы, чешуйки); деревообработка (скобели, абразивы и т.п.); косторезное ремесло (мотыга, проколки, ложила, нарезные пронизи, молоточковидные булавки); скорняжество (скрёбла и скребки, те же костяные ложила), прядение и ткачество (прясла, напярсла, грузило), гончарство (фрагменты сотен сосудов, печина, керамические ложила, костяные штампы-орнаментаторы, гребёнки из створок Unio для нанесения расчёсов). Находки льячек, каменных пестов, наковален, медно-бронзовых вещей (шилья, ножи, бляхи, серьги, всплески металла) наталкивают на мысль о существовании примитивной металлургии (медь, оловянистая бронза, изредка серебро, свинец). На существование меново́й торговли косвенно указывает находка шила из мышьяковистой бронзы (анализ №1098), возможный результат контактов с Кавказом; известны находки пустой породы криворожского (200 км к югу) магнетита – источника сырья для охры.

Что касается существования у местных ямников хотя бы примитивного земледелия, то достоверных доказательств этому пока нет. Несколько пестов и гранитных зернотёрок, аналогичных михайловским (Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г., 2005, с.173), находки больших сосудов (зерновиков?) показывают лишь употребление в пищу зерна, которое могло быть получено и со стороны. Костяная мотыга, найденная на Десятинах, скорее всего использовалась для копания ям в твёрдой каолиновой глине острова, как и большие трапцевидные кварцитовые отщепы со сработанными лезвиями.

В то же время огромное количество костей и их фрагментов уверенно подтверждает преобладание животноводства у ямных племён Среднего Поднепровья. По данным анализа части остеологического материала из слоя in situ I-е место в ямном стаде Десятин принадлежит быку (72%), далее идет коза, свинья, лошадь и собака (все по 7%) (Журавлев, 2001, с.58-59). Кроме того, на Десятинах встречаются кости рыб (сом), обожжённые фрагменты панциря болотной черепахи (Emys orbicularis), кости бобра речного, лесных копытных животных (“мясных”): лося, благородного оленя, косули европейской, дикого кабана, в культурном слое многочисленны раковины речного моллюска Unio и улиточного Helix, а в курганах известны кости волка (Canis lupus L.). Домашний скот по количеству особей преобладает над дикими животными (26%). Состав стада и набор диких животных указывает на существование Десятин хоть и в

лесостепной зоне, но в окружении больших лесных массивов. В синхронном III-м слое Михайловского поселения также доминирует КРС, но соотношение видов иное: бык (44%), мелкий рогатый скот (33%), лошадь (18%), собака (3%), свинья (2%) (Бібікова, Шевченко, 1962, с.207). Эти отличия палеозоолог Института археологии НАН Украины О.П.Журавлёв объясняет расположением поселений в разных географических зонах – лесостепи и степи. Естественно, что на Десятинах окружающая среда диктовала разведение прежде всего крупного, а не мелкого, рогатого скота. О.П.Журавлёв также произвёл определение собранного автором в течение 1995-2007 гг. остеологического материала из Попового Озера и других поселений (см. таблицу №1).

О транспортных средствах среднеднепровских ямников нет никаких надёжных данных. В их курганах пока не выявлены остатки деревянных повозок и их колёс, возможно, это вызвано меньшей подвижностью местного населения, пересечённым рельефом, лесистостью региона в прошлом, а также, исходя из островного положения поселений, большой ролью водного транспорта, а также использованием волокуш и саней, как у трипольцев. О роли домашних животных в качестве тягловых или верховых, а не только мясных, также нет чётких свидетельств, хотя на Десятинах и найден фрагментированный скелет лошади, находившийся *in situ* на одном уровне с фрагментами керамики ямной культуры. Это некалиброванная дата 3880 ± 70 лет (Ki-9196), а калиброванная колеблется в пределах 2495-2193 гг. до н.э.

Согласно лингвоисторическим данным для индоевропейцев издавна были присущи два типа поселений – укрепленных и неукрепленных, потестарных и аграрных, по древнерусской терминологии это “грады и веси”, по санскритской – “пуры и виши”. По нашему мнению, “градам” и “пурам” у ямных племён соответствуют укрепленные природой и человеком поселения типа Михайловки (Манок?). К категории поселений-“весей”, можно отнести небольшие поселения типа Десятин в широких поймах рек, в которых проживало большинство населения – рядовых общинников, коллективами по 50-100 человек (большая патриархальная семья), во главе со старейшинами родов – “домовладыками” (лит. *višpats*, д.-инд. *viśpāti*). Важным свидетельством способа жизни ямных племён стало открытие 4-х подтипов стоянок пастухов, на которые мужчины продуктивного возраста уходили со скотом из долины на тёплое время года. Женщины, дети и старики могли оставаться на месте. Благодаря высокой продуктивности местных биоценозов плечо отгона скота, в отличие от степных районов, было совсем незначительным (5-10км), но также как и в степи часто имело вертикальный характер (на плато) (Шишлина Н.И., Булатов В.Э., 2000, с.43-44).

Таким образом, по данным поселений и курганов можно предположить, что жители Среднего Поднепровья практиковали придомно-отгонное скотоводство, в стаде доминировал домашний бык, разводили также козу/овцу, свинью, лошадь, собаку, незначительно дополняя свой рацион с помощью охоты, рыболовли и собирательства, имея в своём распоряжении некоторое количество

зерна (торговля?, приусадебное земледелие?). Основной инокультурной примесью на большинстве базовых поселений служит керамика скифского и раннеславянского времени. Вероятно, только в ямное время и в эпоху раннего железного века сложились соответствующие климатические условия, способствовавшие постоянному или эпизодическому заселению тех же форм пойменного рельефа, а присутствие ямной и скифской керамики на стоянках может быть косвенным доказательством близости типов хозяйствования ямников и лесостепных скифов.

Литература

Журавлев О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев, ИА НАНУ, 2001.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., Европейский дом, 2005.

Бібікова В.І., Шевченко А.І. Фауна Михайлівського поселення // Лагодівська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ, Вид. АН УРСР, 1962.

Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы // Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1968.

Петрашенко В.О. Звіт Канівської експедиції за 1993 р.; Сміленко А.Т., Циндровська Л.О. Роботи Канівської експедиції по вул.Гагаріна у м.Каневі // НА ІА НАН України, ф.1993/27.

Сыволап М.П. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев, Наукова думка, 1985. Т.1.

Шишлина Н.И., Булатов В.Э. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке: ТГИМ. Выпуск 120. М., 2000.

Таблица 1.

Вид	Попове Озеро				Чехивка-17				Гальицкие				Корчи			
	Кости		Особи		Кости		Особи		Кости		Особи		Кости		Особи	
Всего определяемых костей / животных	2118	%	129	%	492	%	27	%	196	%	29	%	150	%	12	%
Бык домашний (<i>Bos taurus</i> L.)	1578	77,66	38	32,2	461	94,1	19	76	140	74,5	13	54,1	139	93,3	7	63,6
Овца домашняя (<i>Ovis aries</i> L.)	3	0,15	3	2,54					2	1,06	1	4,2	2	1,3	2	18,2
Коза домашняя (<i>Capra hircus</i> L.)									1	0,53	1	4,2				
Овца и коза (<i>Ovis aries</i> E. et <i>Capra hircus</i> L.)	182	8,96	5	4,24	19	3,87	4	16	4	2,1	1	4,2	4	2,7	-	
Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i> Gray)	112	5,51	41	34,75					5	2,65	2	8,3				
Лошадь домашняя (<i>Equus caballus</i> L.)	149	7,33	29	24,57	10	2,04	2	8	34	18,1	5	20,8	4	2,7	2	18,2
Собака домашняя (<i>Canis familiaris</i> L.)	8	0,39	2	1,69					2	1,06	1	4,2				
Всего домашних животных	2032	95,94	118	91,47	490	99,6	25	92,6	188	95,9	24	82,7	149	99,3	11	91,7
Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	1	1,16	1	9,1					1	12,5	1	20				
Бобр речной (<i>Castor fiber</i> L.)																
Зап. русак (<i>Lepus europaeus</i> Pallas)	7	8,14	2	18,2												
Кабан дикий (<i>Sus scrofa ferus</i> L.)	31	36,05	4	36,4					1	12,5	1	20	1	100	1	100
Медведь бурый (<i>Ursus arctos</i> L.)									2	25	1	20				
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	6	6,98	3	27,3	1		1	50	3	37,5	1	20				
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	8	9,3	1	9,1					1	12,5	1	20				
Птицы (<i>Aves</i>)	14															
Черепаша (<i>Emys</i> sp.)	19				1		1	50								
Всего диких животных	86	4,06	11	8,53	2	0,4	2	7,4	8	4,1	5	7,3	1	0,7	1	8,3
Не определено	12104	85,11			1492	23,2			617	23,7			679	30,9		
Всего костей	14 222				641				257				217			

Примечание: Попове Озеро расположено на глинистом острове в долине р.Тясмын (пр.Днепра), рядом с Десятинами, остальные – на песчаных островах в пойме левого берега Днепра. Это частично объясняет разницу в количестве костей.

Д.А. Талеев

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Астана қ., Қазақстан*

ҚАРАСПАНТӨБЕ КЕШЕНІНДЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

2006 - 2007 жылдары Қараспантөбе мен оның айналасында шоғырланған ескерткіштерге кешенді түрде жүргізілген зерттеулер оның бір замандарда ірі орталықтарға тән құрылыстар мен құрылымдардан түзілген үлкен қала болғандығын көрсетті. Қала дәстүрлі үш бөліктен: цитадель, шаһристан және рабадтан тұрады. Ол ұзындығы 10 шақырымнан асатын қорғаныс қабырғасы мен оның сыртынан қазылған терең ормен қоршалған. Яғни «ұзын қабырғалы» қалалар қатарына жатады. Зерттеушілердің мәлімдеуінше бұндай «ұзын қабырғалы» қалалар әдетте ірі орталық қалалар болған. Қабырғаның Оңтүстік және Оңтүстік-Шығыс шеттегі бөліктері 4 шақырымнан көп қашықтықта сақталған. Бұл бетте ирек-ирек бұралып созылған дуалдың қалдығы, ұзын жон болып жатыр. Оның биіктігі кей тұста 5 метрге дейін сақталған. Жонды көлденең (ұзындығы 22,5 м, ені 1,5 м, тереңдігі 3,5) қиып салынған барлау қазбасы қабырғаның сақталған бөлігінің биіктігі 1,5 метр, астына үйілген тұғырының биіктігі де 1,5 метр, ені табанында 3 метр, жоғарғы жағында 2,5 метр қалыңдықта болғанын анықтады. Қабырға алдын ала үйілген биік белдеудің үстіне салынған. Қиман шыққан қыш ыдыстардың сынықтарын YII –IX ғасырлардікі деп шамалауға келеді. Ұзын қабырғаның Солтүстік-Шығыс және Оңтүстік-Батыс бөліктері қазіргі ауыл мен егін еккен аймақтаң астында қалған. Батыс шеттегі қабырғаның үстінен үлкен оқарық түскендіктен ізі жойылып кеткен. Ауылдың арасымен өткен Солтүстік-Шығыс қабырғаның бірсыпыра жерінде дуалдың қалған құландылары байқалады. Әсіресе үйлердің ауласы мен көшелердің бойында үзік-үзік төбелер қалған. Құландыларды кесе қазып салынған кейбір қора – қопсылар мен сарайлардың қабырғасында ескі дуалдың қалдықтары анық көрінеді. Ал қаланың Солтүстік-Батыс шетін Арыс өзенінің суы қоршап жатыр. Солтүстік-Шығыс және Оңтүстік-Батыс қабырғалардың бір шеті осы өзенге барып тіреледі. Қабырғаның Батыс бұрышы Арыс өзеніне барып түйіскен жерде үлкен төбе сақталған. Үстінде осы күнгі зират орналасқан бұл төбе қазір Жортбастың төбесі деп аталады. Топографиясы жағынан «алаңды төбелер» тобына жататын бұл мекенжай қорғаныс қабырғасының өзенге қосылған тұсын күзетіп, қорғап тұрған әскери күзет бөлімі орналасқан бекіністің орны болуы мүмкін. Қабір қазған кезде шығып қалған ыдыс сынықтары YII-X ғғ. шамаланды. Осы Жортпастың төбесіне қарсы бетте Арыстың оң жағалауындағы биік терастың мүйісінде тағы бір мекенжай орналасқан. Бұл Төрткүлтөбе. Бұлда қаланы теріскей бетінен қорғаған күзет бөлімдері тұрған әскери бекетке ұқсас. Үстінен жиналған ыдыс сынықтары негізінен үлкен хумдардың ернеулерінен тұрады. Олар сапасы, құрамы және жасалу тәсілі жағынан Жортбастың төбесінен жиналған ыдыс сынықтарымен бірдей.

Қараспантөбенің солтүстігінде 500 метр жерде, Сыртқы қорғаныс дуалының ішкі жағында кіші Қараспан мекенжайы орналасқан. Аланды төбелер тобына жататын бұл ескерткіш қаланың шаруашылық және әкімшілік қызметін атқарған бір бөлігінің орнына ұқсас. Мекенжайдың Шығыс және Батыс шетінде орналасқан екі қақпаны бақылау міндетін атқарған күзет бөлімі де осында орналасса керек. Мекенжай Қазақстанның тарихи және мәдени ескерткіштерінің Шымкент облысына арналған жинағының 1-томында YI–YIII ғғ. жатқызылған.

Қараспантөбеден шығысқа қарай 2 шақырым жерде, Бадам өзенінің сол жағалауында бір-біріне жақын орналасқан Қостөбе I және Қостөбе II төбелері тұр. Осы екі бекініс орнын алғаш тауып зерттеген Б.Нұрмұқанбетов оларды YI–YIII ғғ. ескерткіштері қатарына жатқызған. Бұл төбелер де жоғарыда айтылған жинаққа енген. Бадам өзенінің Арысқа құяр тұсындағы екі бөліктен тұратын Төреарық мекенжайы қаланың ауыл шаруашылық аймағының орталығы және Солтүстік-шығыс бағыттан келген жаудан қорғау мақсатын атқарған деуге келеді. Жоғарыда аталған жинаққа енген бұл мекенжай да YI–YIII ғасырлармен мерзімделеді. Қараспантөбенің батыс шетінде 500 м. жерде дәл осындай мекенжай бар. Оны жергілікті тұрғындар Сарытөбе (Қожамжар) деп атайды. Аумағы 1 га жерді алып жатқан бұл төбе аса биік емес (0,6–1 м.), айналасы тасталған, нақты жобасы сақталмаған. Өзен суы жартысына дейін жуып кеткен солтүстік шетіндегі жарқабақтан мекенжайдың мәдени қабаты анық көрінеді. Ескерткіштің үстінен жиналған археологиялық заттар (негізінен ыдыс-саянықтары) айтылған мекенжайлардыкімен бірдей. Бұл егіншілік мақсатында пайдаланылып, ізін жойлған рабадтың сақталып қалған бір бөлігіне ұқсайды.

Қаланың сыртқы қабырғасының Шығыс бұрышынан басталып, Қостөбенің жанымен Бадамды жағалай созылып жатқан үлкен оқарықтың көне орны бар. Бұл оқарық Қараспантөбеден шығысқа қарай 4 шақырым жерде, Бадам өзенінің биік терасындағы мүйісте орналасқан Төлебайтөбе бекінісінің жоғарғы жағынан бастау алады. Қаланы және оның егіншілік аймағын сумен қамтамасыз еткен осы оқарық болса керек. Су торабының басын және шығыстан келген жаудан қорғау міндеті жүктелген әскер тобы осы бекіністе орналасса керек. Биік табиғи мүйіске орналасқан бұл қамал орналасқан орны мен топографиясы жағынан басқа мекенжайлардан ерекше. Бекіністің бұрыштары дүниенің төрт нүктесімен бағыттас салынған. Сыртқы қорғаныс қабырғалары (үш жағынан) табиғи орға жалғастыра тұрғызылыпты. Тек оңтүстік шеті, оның өзінде батыс бұрышы ғана жайуат жермен шектелген. Осы шеттен басталған қорғаныс дуалы оңтүстікке қарай бет алып, Қараспанның ұзын қабырғаларына дейін барады. Қалашықтың өлшемі 150x120 метр. Төлебайтөбенің стратегиялық маңызы бар жерде орналасуы, оның топографиясы мен қорғаныс құрылыстарының ерекшеліктері бұл бекіністің Қараспан қаласы тынысында ерекше орын алғандығын білдіргендей. Жергілікті қариялардан жазып алынған «Төлебай батыр» туралы аңыздың (аңыздың мәтіні төменде берілген) мағанасы да осыны аңғартқандай.

Қаланың Оңтүстік-Шығысын қоршап тұрған ұзын қабырғаның түстік беті арқа-қырқа болып жатқан жоталарға жалғасады. Қабырғаның етегінен бастап

сол жоталардың беткейі мен төбелерін орташа көлемдегі (диаметр 3-20, биіктігі 0,5-2 м) мыңдаған төбешіктер басқан. Археологиялық зерттеулердің нәтижесі бұл төбелердің біздің дәуіріміздің бірінші мыңжылдығының алғашқы жартысына жаттатын обалар екендігін көрсетті. Осы сансыз обалар жерлеу ғұрпы мен соулеткерлік құрылымы тұрғысынан екі топқа: склеп және катакомбалық жерлеулер болып бөлінеді. Жоталардың басында және бауырайында тарыдай шашылған обалар негізінен катакомбалық жерлеулер. Олар I-Ү ғ. мерзімделеді. Ал жоталардың етегінде ұзын қабырғаларды жағалай жайылып жатқан обалар склепті (жердің бетіне салынған сағаналардың үстінен топырақ үйген) жерлеулер. Мерзімделуі жағынан VI–VIII ғ. жатады.

Түйетартар керуенсарайы

Осы жылғы зерттеулер барысында Қараспанның ұзын қабырғасының оңтүстік бұрышының түстікке қарай 400 м жерде болған Керуенсарайдың орны анықталды. Бұрыштары дүниенің төрт нүктесіне бағытталған тік бұрышты бұл сарайдың өлшемі 98x68 м, қабырғаларының құлаған орнының биіктігі 2 м. Орта тұстағы негізгі бөлігінің өлшемі 42x42 м, оның Оңтүстік-Батыс шетіндегі бөлменің өлшемі 30x42 м. Осы екі бөлмелердің қабырғалары қалың (2,5 м) және бұқаларынан едәуір биік. Бұлардың Оңтүстік – Батыс және Солтүстік – Шығыс шеттеріне жалғастыра ені 26 метрлік екі бастырма салынған. Шығар есіктің іздері Шығыс және Оңтүстік бұрыштардан байқалады. Керуенсарайдың жоғарғы қабаты XIX ғ. соңы мен XX ғ. басында қазылған жертөле (кепе) үйлердің салдарынан бүлінген. Дегенмен сарайдың бастапқы жобасын қарапайым көзбен де байқау қиын емес. Біздің шамалауымызша ортадағы үлкен бөлме қонақтар мен керуенбасшылары тоқтайтын қонақ орын, оның батыс шетіндегі шаруашылық бөлмесі. Ғимараттың шығыс және оңтүстік шеттеріндегі ұзын баспаналар керуен көліктері орналастырылатын жай болған. Орталық бөлменің Шығыс қабырғасының орта тұсынан көлденең (ені 1,5 м, ұзындығы 15 м) қима салынды. Қимада қалыңдығы 2 м, сақталған биіктігі 1,2 м, пақсадан соғылған қабырға (Сурет 10) аршылды. Қиманың ұзына бойынан айтылған қабырғадан үш метр жерден оған қатар жатқан тағы бір қабырға табылды. Осы екі қабырғаның бойын қалай оңтүстікке созылған қазба салдық. Қазбаның өлшемі 13,5 x 5 м. Қазбада негізгі қабырғаны жағалай ішкі жағынан салынған әртүрлі мақсаттағы бөлмелер орындары ашылды. Алғаш қазылған қимамен тоғысқан шеткі бөлменің өлшемі 3x2,5 м. ішкі қабырғасының қалыңдығы 0,7 м, биіктігі 0,5 м. Бөлменің шығыс бұрышында аумағы 0,5 м шамасындағы оттың дағы қалған. Бөлменің жалаң қабақтан тұратын оңтүстік қабырғасына жалғастырыла екінші, кішкене бөлме орналасқан. Оның өлшемі 2x3 м. Осы бөлменің солтүстік-батыс бұрышына, қабырғаларға жалғастырыла 0,9x0,9 м өлшемдегі, төрт бұрышты, биіктігі 1м кішкене салынған. Текшенің сыртқы қабырғаларының жоғарғы жағы қырынан қазылған, өлшемдері 38x18x6 см қыштармен қаланған. Текшенің астыңғы жағында да алаудың орыны сақталыпты. Жалғаса салынған үшінші бөлменің

өлшемі 4,8х3 м бөлменің басым бөлігін алып жатқан сыпаның өлшемі 2,25х3 м, биіктігі 20-25 см. Сыпаның шеткі жағы қыштармен қаланған. Оңтүстік-батыс бұрышта құлаған ошақ пен мұржаның жұрнағы қалған. Бөлменің кейбір жерлеріне шомбал тастар қойылған. Ең шеткі, төртінші бөлме өлшемі 3,8х3 м. Еденінде қалың күл қалдықтары қалған. Бөлменің оңтүстік қабырғасында болған есік қуысының ізі анық байқалады. Қатар орналасқан осы бөлмелердің ішкі қабырғалары 34х19х9 немесе 33х18х8 см өлшемдегі қыштармен қаланған. Қазба кезінде табылған заттар Керуенсарайдың шамамен X-XII ғғ. дәуірен құрғанын білдіреді. Осы сарайдың жанынан батысқа қарай Арысты жағалап Сырдарияның бойына өтіп, одан әрі Отрар бағытында, Шығысқа қарай Шымкент, Сайрам, Тараз бағытында кететін керуен жолы өтеді. Қаланың сыртқы қабырғасын жағалай өтетін осы жол Кіші Қараспан тұсындағы қақпадан ішке кіреді. Қақпадан Шығысқа қарай кететін жол екі бағытқа бет алған. Біріншісі тікесі Шығысқа қарай бағыт алып, Ордабасы арқылы Шымкент, Сайрамға қарай өтеді. Екіншісі Оңтүстік – шығысқа қарай бұрылып, Қостөбенің маңынан Бадам өзенінен өткен соң Жуантөбе, Қарауылтөбе арқылы Арысты қуалап Йаканкент, Шарапкент арқылы Таразға қарай кетеді. Космостан алынған суретте анық байқалатын осы қолдардың бірсыпыра бөлігі оларды жағалай жүру арқылы тағыда нақтыланды. Керуен жолының осы айтылған тармақтарын жергілікті тұрғындар «түйетартар» (түйе жетектер) деп айтады екен. Пайымдап қараған адамға бұл атаулар керуен жолы деген мағана беретінін түсіну қиын емес.

Соңғы жылы жүргізілген зерттеу қорытындыларын саралай келе Қараспатөбе қалашығы әуелгі ортағасырдағы ірі қаланың орны болған деп айта аламыз. Қалашықпен оның маңындағы көптеген археологиялық объектілерді кешенді түрде зерттеу арқылы қаланың қалыптасу, гүлдену және құлдырау кезеңдерін анықтауға болады. Қалашықтың жоғарыда айтылған қалалармен баламалану маңындағы шешілетін кез де алыс емес. Қазірге дейін қолымызға түскен материалдардың негізінде X ғасырдағы араб деректерінде айтылатын Кенджид өңірінің бас қаласы Субаникеттің (Усбаникет, Арсубаникет) орны осы жерде болған деп тұжырымдауға толық болады.

Төлебей батыр туралы аңыз

Ертеде Төлебей батыр Қараспанның басындағы Бадам өзені жағасында орналасқан әскери бекіністе тұрған. Ол өзінің қарамағындағы жүздеген әскерімен Қараспанның малын сыртқы жаулардан қорғаса керек. Қас батырды қарсы жау қанша әрекет қылса да өлтіре алмайды екен. Батырға ешқандай қару батпай, оқ қарымайды екен. Амалы таусылған жау айласын асырып өлтіруге әрекет жасайды. Әйтпек батырдың әлсіз жерін анықтау үшін әйел адамды жұмсайды. Ебін тауып Төлебейдің үйіне кіріп алған әлгі әйел оның асын пісіріп, кірін жуып жүреді. Еден сеніміне кірген ол күндердің күнінде батырдың осал жерін біліп алады. Соңғы көтеріңкі күндердің бірінде батыр сауытының кеуде тұсында бітпей қалған есік бар, ең қауіпті жері сол екенінін байқамай айтып салады. Әйел бұл мәліметті

кожасына жеткізген. Келесі бір жорықта тасада әдейі аңдып тұрған жау мергені батырдың кеуде тұсын нысанаға алып атады. Осал жерге дөп тйген оқтың еркіне көнбей батыр атының басын батысқа қарай бұрып, шаба береді. Өзімен қатарласып келе жатқан сарбаздарына – «аттың басын тартпандар, мені құлаған жерге жерлерсіңдер. Егер жау менің жоктығымды білсе, сендерге күн көрсетпейді. Сондықтан өлгенімді ешкімге айтушы болмандар», - дейді. Сарбаздары батырдың соңынан еріп шаба береді. Соңғы күшін жинаған батыр барынша ұзаққа кетуге тырысып бағады. Ақыры Арыстан, сосын Сырдан өтіп, құмның орта тұсына жеткен кезде батыр құлаған екен. Серіктері оны сол жерге жерлеп, басына белгі қойып, кері қайтады.

Елге оралғасын бұл оқиғаны батырдың жесірінен басқа ешкімге айтпайды. Төлебайдың әйелі барлық мал- мүлкін айдап, батырдың моласының басына барып, қоныс тебеді. Ол жақта аш қасқырлар көп жүреді екен. Ауылдастары мына қаңғырған қасқырлар малыңды қырып кетеді, қысқа қалмай елге қайтқаның дұрыс деген ақыл айтады. Бірақ жарына сай қайсар жесір белін бекем буып, сол жерді мекен етіп қала береді. Шынында да аш қасқырлардың үйірлері малды айналып ұзақ жүргенімен тап беруге батпай кері кетеді екен. Сөйтсе батырдың рухы малды аралап жүреді екен. Оны көрген итқұстар шабуға батылы жетпей, қайтып кете беріпті. Ал Төлебайдың әйелінің малының басы көбейіп, мол дәулет жинайды. Бір жылдары еліне оралып, жарының басына кесене орнату үшін мол кірпішті түйеге артып, кері қайтады. Сырдан өтіп, құмға жеткенде қатты дауыл тұрып, әрі қарай жүру мүмкін болмайды. Сонда әйел көмектесуге ілескен жерлестеріне қарап, сендер жүкті осында түсіріп жөндеріңе жүре беріңдер, әрі қарай өзім бір амалын тауып апарармын – дейді. Ауылдастары кері қайтып кетеді. Келесі жылы қайта оралған ел ақсақалдары батырдың басына салынған керемет кесенені көріпті деседі.*

Екінші нұсқа бойынша Төлебай батырды тек таңғы намаз кезінде өлтіруге болатын екен. Ол жерленген жерде Пісте әулие кесенесі бар. Сол жерде өсетін пістенің сабағынан жебенің сабын жасауға болады екен.

* Аңыз Ордабасы ауданына қарасты Макташы ауылында тұратын Бостан Тойшыбек қарияның аузынан жазып алынған.

М.Т. Телеубаев

*Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты,
Алматы қ., Қазақстан*

СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫС ЖЕТІСУ ӨңІРІНДЕГІ СОҢҒЫ ҚОЛА МЕН ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНІҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ

Жетісу өлкесінің археологиясы бүгінгі күні өлке тарихына қатысты көптеген ғылыми сұрақтарға жауап іздеуде. Себебі қазір аймақтың көлемінде заттай деректер мен ескерткіштер көптеп кездеседі. Ал, осы археологиялық ескерткіштердің ішінде негізгі ауқымын соңғы қола мен ерте темір дәуіріне қатысты нысандар құрайды. Дегенмен, өңірдің ежелгі тарихын ашып көрсетуде қиындық туғызатын жайт. Бұл Жетісу өлкесі бойынша аталмыш дәуір ескерткіштерін кезеңдеуде ортақ хронологиялық шеңбердің жасалмай отырғаны. Мұндай жағдайды, бірінші кезекте, жалпы өңір бойынша кешенді археологиялық зерттеу жұмыстарының жүргізілмеуі қалыптастырып отыр.

Солтүстік-шығыс Жетісу аймағында тақырыбымызға қатысты ескерткіштер жетерлік. Ескеретін жайт, бұлар осыдан ширек ғасыр бұрынғы барлау жұмыстарының нәтижесінде анықталған. Кейінгі кездері зерттеу жұмыстарын ойғанда, барлау мен тізімге алу жұмыстарының жүргізілмеуін ескеріп аталған ескерткіштердің саны толық деп қабылдамауымыз қажет.

Зерттелу тарихына үңілсек, Солтүстік-шығыс Жетісудағы археологиялық ескерткіштер сонау патша заманында зерттеле бастады.

1862 жылы В.В. Радловтың Қапал маңындағы үш обаны казумен және кездейсоқ олжалардың жиналуы арқылы ерте темір дәуірінде Жетісуды мекендеген халықтар жайлы құнды мәліметтер легі жиналды. Нәтижесінде 1879 жылы осы өлкенің алғашқы археологиялық картасы жасалынды. Обалар тобын тізімдеп, сипаттау жұмысымен бұл кездері Н.А. Абрамов, М.В. Флоринский, Д.И. Кородецкий, Н.Н. Пантусов, В.В. Бартольд сынды ғалымдар айналысты (Оңғарұлы А., 2004, 53-55 б.).

Көрнекті патша заманының зерттеушісі Н.Н. Пантусов өзінің қызметі барысында Алтынемел болысына барған сапарында көненің көзі болатын көптеген ескерткіштердің барлығын айтып өткен. Ол жерде қорғандардың, тастағы суреттердің үлкен шоғыры бар екенін көрсетеді. Сонымен қатар, Н.Н.Пантусов Теректі шатқалы мен Көксу өзенінің жағалауларын тиянақты зерттеп, ол бұл жерде тастағы суреттердің сипаттамаларын жасап (арқар, жылқылар, иттері бар аңшылар), фотосуреттер жасайды (Савельева Т.В., 1993, с. 85).

1890 жылы Н.Н. Пантусов әскери инженер П.С. Нечогиннен алынған мәліметтерді тексеру мақсатында Қапалдан солтүстік-батысқа қарай орналасқан ағылағаш аңғарында бірнеше қорғандарды қазды (Байпаков К.М., 2006, с.18).

Солтүстік-шығыс Жетісуда ХІХ ғасырдың 90 жылдарына дейін ашылып, тәжірбиелі болған ескерткіштердің жинағы В.М.Флоринский басшылығымен 1898

жылы басылып шықты (Савельева Т.В., 1999, с.47).

Бүгінгі таңда, аталмыш өңірде қола дәуірін зерттеу өте өзекті, әрі маңызды. Өйткені, өңір көлемінде қола дәуіріне қатысты ескерткіштер сирек кездеседі. Әрине негізгі себеп зерттеу жұмыстарының кешенді түрде жүргізілмеуінен болып отыр. Осы мәселе бойынша ғылыми қызығушылық тудырып отырғаны-ол Солтүстік-шығыс Жетісудағы қола дәуірінің қорымдары мен қоныстары болып отыр. Себебі олар туралы мәліметтер жоқтың қасына жатады.

Біздің тақырыбымыз бойынша белгілі қола дәуіріне жататын қорғандар, петроглифтер Солтүстік-шығыс Жетісудағы Лабасы тауында, Баянжүрек, Қызылтас, Алакөл өңірлерінде кездеседі. Сақ дәуірінің қорғандары болса Бесшатыр, Қапал, Ақсу өңіріндегі Мұзбұлақ, Баласаз сайларында табылған. Солтүстік-шығыс Жетісу жеріндегі Қапал, Баянжүрек қорымдары қола дәуірінің соңғы кезеңіне жатқызылады. Олар өз құрылымдарының қарапайымдылығымен ерекшеленеді (Мұхатова О.Х., 2005, с.16).

Солтүстік-шығыс Жетісуға қатысты қола дәуірін зерттеушілерінің ішінде А.Н. Марьяшев, С.А. Потапов, А.А. Горячев, К.М. Карабаспаковаларды атап өте аламыз. Осылардың ішінен К.М. Карабаспакованың зерттеулеріне қысқаша тоқталып өтсек.

Жетісудағы қола дәуірін зерттеушілердің ішінде, Қарағанды археологиялық мектебінің өкілі К.М. Карабаспакованың қола дәуіріне қатысты зерттеулері өте құнды болып табылады. К.М. Карабаспакова К.А. Ақышевтың ғылыми жетекшілігімен алғашқылардың бірі болып, Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудың қола дәуірінің ескерткіштерін зерттеуге баса мән берді. Зерттеулері, әсіресе, Солтүстік-шығыс Жетісудағы қола дәуіріне қатысты жаңа мәліметтерімен толықтырылды. Ғалымның аталмыш тақырып бойынша оннан астам ғылыми мақалалары шықты.

К.М.Карабаспакова Жетісу аймағындағы ұзақ жылдар бойындағы зерттеулерінен кейін екі мәдениетті бөліп шығарды. Біріншісі Жетісу (б.з.д. II мж ортасы мен II мж соңы) және екіншісі Бүйен (б.з.д. I мж басы) мәдениеттерін бөлді. Жалпы зерттеулерінде аймақтағы мәдени-тарихи үрдістің даму жүйесі жасалды. Сонымен бұл үрдістегі миграциялар мен өзара байланыстардың рөлі анықталды.

Зерттеуші Бүйен мәдениетіне Бүйен өзені бойындағы ескерткіштерді топтастырды. Бұл мәдениетке Бүйен 1, Бүйен 13, Арасан қорымдары және Бүйен қонысын жатқызды. Сонымен бірге ғалым Бүйен мәдениетінің ескерткіштеріне бірқатар белгілер тән деп көрсетеді. Бұл жер бетінің құрылысы мен жерасты құрылысына, жерлеу орындарының бағытталуы бойынша, жерлеу тәсілдері, керамика түрлері (екі түр), қоныстың түрлері бойынша, белгілерді бөліп, олардың бір жерде жинақталуы, Солтүстік-шығыс Жетісуда, соңғы қола кезеңіне жататын ерекше Бүйен археологиялық мәдениетін бөліп шығаруға негіз беретінін айтады (Карабаспакова К.М., 1998, с.16).

Өкінішке қарай, К.М. Карабаспакованың бұл зерттеулері кең ауқымда ғылыми ыңғалымға енбей отырғаны. Себебі аталмыш еңбек солтүстік-шығыс Жетісудың

қола дәуірін зерттеуінде жаңа серпін берер еді.

Жалпы ғалымдардың пікірінше, б.з.д. ХҮ ғасырдан бастап андронов тайпалары еліміздің оңтүстік аймақтарына жылжуын бастаған. Бірақ, әлі күнге дейін ғылымда бұл миграцияның негізгі себептерін ашатын ортақ пікір қалыптаспаған. Қысқаша тоқталып өтсек, бірқатар зерттеушілердің пікірінше осы кездегі халық санының өсуі мен жайылымдық жерлердің тарылуын миграцияның негізгі себебі деп көрсетеді. Ал, енді бір зерттеушілердің пікірі бойынша андроновтықтардың қоныс аударуының негізгі себебі ІІ мыңжылдықтың ортасында басталған қуаңшылық дейді. Яғни, климаттық өзгеру андроновтарды Жетісу аймағында жаңа жайылымдық жерлерді іздеуге итермеледі.

Біздің ойымызша, шамасы бұл жерде жоғарыда аталған екі пікірдің негізінде келесідей қорытынды жасауға болады. Аталған уақытта жалпы климаттың өзгеруімен андроновтықтарда халық санының өсе бастауы, тіршілік етуге қолайлы жаңа жерлерді іздеу қажеттілігін тудырды. Яғни олардың Жетісу аймағына қоныс аударуының негізгі себебіне айналды.

Қола дәуірі тайпаларының Жетісу өңірін игеру бірнеше ғасырлардың ауқымында жүрді. Алғаш рет Жетісуда андрон тұрғындары шамамен б.з.д. ІІ мыңжылдықтың ортасында келген. Олардың қоныстануы тіпті б.з.д. VІІІ ғасырға дейін жалғасқан. Жоңғар Алатауының етектерін андроновтықтардың негізгі қоныстануы б.з.д. XII-X ғғ жүрді. Соңғы қола дәуірінде Солтүстік-шығыс Жетісуда Көксу өзеніндегі Талапты қонысы мен Баянжүрек тауларындағы Тасбас қонысы ірі жанданған қоныстар болған. Мұны кейінгі археологиялық зерттеулер көрсетіп отыр (Байпаков К.М., 2006, с.47).

Талапты қонысы теңіз деңгейінен шамамен 800м биіктікте Ешкіөлмес жотасының етегінде орналасқан. Бұл қонысты А.Н. Марьяшев және А.А. Горячев зерттеген болатын зерттеулер көрсетіп тұрғанындай Талапты қонысы ұзақ уақыт өмір сүрген (б.з.д. ІІ м.ж. соңы І м.ж. басы), ал бұл қоныстың тұрғындары кешенді мал-егін шаруашылығын жүргізген. Одан басқа Көксу өзеннің оң жақ жағалауында зерттеушілер анықтағанындай 15 шақырым жерге дейін кілең ежелгі қоныстар, қорымдар мен табыну орындары жатыр. Бұл аймақ б.з.д. ІІ мыңжылдықтың өзінде-ақ тығыз қоныстанған көрінеді (Марьяшев А.Н., 1991, с.104).

Солтүстік-шығыс Жетісудағы қола дәуірінің ескерткіштері негізгі табылған аумағы Көксу өзенінің аңғарында, Жоңғар Алатауында, Баянжүрек тауларында анықталған.

Солтүстік-шығыс Жетісу жерінде қола дәуірінің обалары қазіргі Көксу ауданындағы Лабасы тауларының етегінен кездестіруге болады. Обалар Лаба тауының етегіндегі кең далалы жерді алып жатқан обалар кешенін құрайды. Құрлымдық жағынан оларды Орталық Қазақстанның қола дәуірінің ескерткіштерімен салыстыруға болады. Мысалы, Орталық Қазақстанда тас ғұрыштар граниттен қойылса, Лабасы тауында ұсақ кристалды түрлі-түсті тастардан қаланған. Алакөл ойпатындағы Қаракұдық қорымы, бірен-саран ескерткіштер мен қоныстар. Қапал мен Биғаш ауылдары маңынан табылған тас

жәшіктер мен коршаулар да қола дәуіріне жатады. Сонымен бірге Лабасы тауының қара сай аңғарындағы тасқа салынған суреттер қола дәуірінің тарихынан мол мәлімет беретін дерек кешені болып табылады (Мұхатова О.Х., 2005, с.17).

Қола дәуірінің келесі бір қызықты ескерткіші, бұл Көксу өзенінің алқабындағы Ешкіөлмес жотасында орналасқан петроглифтері болып табылады. Ең алғаш рет Ешкіөлместің суреттері 1981 жылы табылған. Кейіннен бұл жерде зерттеулер жүргізіле бастады.

Ешкіөлмес жотасы Алматы облысының Ескелді ауданында орналасқан. Бұл жота Жетісу Алатауының жүйесіне кіріп, оның батыс бөлігі болып саналады. Жотаның ұзындығы 30 шақырымнан аспайды. Жотаның оң жағында Көксу өзені өтеді. Осы өзеннің оң жағалауында көптеген археологиялық ескерткіштер табылды. Ескерткіштер қола дәуірінен басталып, ортағасырлық қоныстарға дейін бар (Марьяшев А.Н., 1991, с.80).

Жетісу экспедициясы қола дәуірінің ескерткіштерін зерттеуде бірқатар жұмыстар атқарып келеді. Аталған экспедиция Жетісу (Жоңғар) Алатауының солтүстік аумағындағы ескерткіштерді зерттеген. Нақтырақ айтсақ, Алматы облысының Қапал ауданында жүргізілді. 1998 жылдың маусымында Қалақай-1 қорымында 4 қоршау зерттеліп, оны соңғы қола кезеңіне жатқызды. Себебі мұнда алғаш рет керамикалық материал табылып, осындай кезеңдеуге негіз берген. Сонымен бірге шатқалдан шыға берісте Жетісу Алатауының солтүстік еңісінде, жанында құрбандық шалатын шұңқырлары бар тас мүсіндер табылды. Ең ірі тастар маңында тас қоршаудың диаметрі 90м дейін барады. Онда жан-жануарлардың көп мөлшердегі сүйектері табылды. Әсіресе, Баянжүрек жотасында 1998 жылы мұндай құрылыстар өте көп анықталған (Марьяшев А.Н., 1999, с. 99).

Ешкіөлмес тауында 2007 жылы негізінен барлау мен археологиялық ескерткіштерді фиксациялау жұмыстары ауданның археологиялық картасын жасау мақсатында жүргізілген болатын. Жүргізілген жұмыстың нәтижесінде әр кезеңдік петроглифтердің 20 шоғыры, 41 қорым мен 19 қонысы анықталған болатын (Марьяшев А.Н., 2008, с.193-195).

Ерте темір дәуірінің ескерткіштеріне келетін болсақ, Жетісудың ерте көшпелілердің тарихына қатысты алғашқы жалпылама зерттеулермен М.П.Грязнов пен А.Н.Бернштам XX ғасырдың 30-40 жылдары айналысқан болатын (Степная полоса....., 1991, с.73).

Кейіннен Жетісу көшпелілер археологиясына елеулі үлесті К.А. Ақышев, Е.И. Агеева, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, А.К. Ақышев, Б.Н. Нурмуханбетов қосты. Солардың ішінде аталған жұмыстардың бастауында тұрған К.А. Ақышевке ерекше тоқталғанды жөн көрдік.

Жетісу аймағында сақ археологиясы XX ғасырдың 50-60 жылдары жаңа деңгейге көтерілді. 1954 жылы сол кездегі тарих, археология және этнография институты Іле археологиялық экспедициясын жасақтайды. К.А.Ақышевтың басшылығымен құрылған экспедицияның басты мақсаты - Қапшағай ГЭС-ның болашақта су басатын аумағын зерттеу жүктелді. Бірінші маусымның өзінде-ақ

экспедиция бұл аумақтан сақ-үйсін кезеңіне жататын қорғандардың үлкен шоғырын тапты. Солардың ішінде ерекшеленгені бұл Бесшатыр қорымы болды (Байпаков К.М., 2006, с.23).

1956 жылы археологиялық зерттеу жұмыстары үлкен қарқынға ие болған шақта Қазақ ССР ҒА-ның Археология бөлімі сол кездегі Алматы мен Талдықорған облыстарының ескерткіштерін зерттеу мақсатында Іле экспедициясының негізінде Жетісу экспедициясы жасақталады (Савельева Т.В., 1999, с.47).

Сөйтіп 1957 жылы Жетісу археологиялық экспедициясы өз зерттеулерін бастайды. Сақ-үйсін ескерткіштерін, ортағасырлық қала мәдениетін зерттеу оның негізгі міндетіне айналған еді. Себебі осы уақытта «Қазақстан археологиялық картасын» жасауда, Жетісу өлкесіндегі ескерткіштерді тіркеу, тізімге алу жұмыстарын жүргізу қажеттілігі туындады.

1960 жылдары Жетісудағы сақ-үйсін ескерткіштерін зерттеу жұмыстары өз жалғасын тапты. К.А. Ақышевтың жұмыстарында сақтар мен сақ мәдениетінің қалыптасу мәселелерін қарастырды. Сонымен бірге садақ ұштарының мерзімдемелік классификациясын ұсынып топтастырады. К.А. Ақышев Жетісудың сақ қоғамындағы әлеуметтік бөлінісі жөніндегі тезисін Алакөлден Таласқа дейінгі аралықтағы патша қорғандарының картографиялау мәліметтері бойынша дамытады (Байпаков К.М., 2006, с.19).

Бесшатыр қорымы Іле өзенінің оң жағалауындағы Желшағыр тауларының негізіндегі Шылбыр шатқалына кірер тұстағы Бесшатыр қорымы тыңғылықты зерттелген. Қорым солтүстіктен оңтүстікке қарай 2 шақырымға, шығыстан батысқа 1 шақырымға созылып жатыр. Қорым 31 обадан тұрады, олардың 21 тас, қалғандары қиыршық тас пен топырақ үйіндісінен тұрғызылған.

Бір айтатын жайт қорымдағы обалар жүйесіз орналасқан, бірақ оңтүстік және солтүстік топтарға бөлінеді. «Үлкен» деп аталған ең ірі оба қорымның солтүстік-шығысында орналасқан. Оның диаметрі 104м, орташа биіктігі 17 метрге жетеді. Үйінді жамылғысы диаметрі 32м қиық конус түріндегі үсті жайпақ төбе обаның негізінде жамылғысы табан бөлігінде бірнеше тығыз қатардан тұрады да, орасан зор үйіндіден тұратын шығыңқы ірге (цоколь) секілді болып көрінеді. Үйіндінің солтүстік және оңтүстік жағынан төбеден төменге түскен орлар байқалады. Үйіндіні айналдыра белдеулік жол соғылған. Үйіндімен қатар тас бағандардан (менгирлерден) және үлкен қойтастардан тұратын «қоршаулар» деп аталатын дөңгелек құрлыстар орналасқан. Мұндай қоршаулар саны 94 және жоспары бойынша олар оба маңындағы бұранда сымды еске түсіреді. Қоршаулардың тұрыптық мәні болғандығы анықталған, сірә олар отқа табынушылықпен байланысты болса керек (Байпаков К.М., 2006, с.151-152).

Солтүстік-шығыс Жетісудағы жан-жақты қарқынды зерттеулер 1963-1970 жылдар аралығында жүргізіліп, кейіннен ерте темір дәуіріне қатысты зерттеулер жүргізілмей қалды. Нәтижесінде аталған өңірдегі ерте көшпелілерге қатысты мәліметтерді тек бүліну жағдайындағы ескерткіштерді құтқару қазба жұмыстарының мәліметтерімен толығып отырғанын байқаймыз. Бір айта кететін жайт соңғы онжылдықтағы жылдың ішінде Солтүстік-шығыс Жетісуда ерте темір дәуіріне қатысты

зерттеулер мүлдем жүргізілмеуде. Ерте темір дәуіріне қатысты обалардың легі анықталмай тұрғандығын да айта кетуіміз қажет.

Осы уақытта бізге белгілі ірі қорғандарға тоқтала өтейік. Сарыөзек-Қоғалы трассасының бойында б.з.д. V-III ғасырларына жататын Қаракемер қорғандары Жоғарғы Көксу қорықшасының оңт-батысына қарай орналасқан. Қоғалы елді мекенінен оңт-шығысқа таман жолға жақын орналасқан Қоғалы қорғандары б.з.д. V-III ғасырларына жатады. Бұл қорғандар Ұлы Жібек жолының үстінде бойында орналасқандығы аса бір қызықтырады. Облыстық маңызы бар автожолдың бойында Жайнақ пен Тастыөзек елдімекендерінің арасында Голубиновка қорғандары орналасқан. Мерзімдемелік ауқымы бойынша, бұл қорғандар б.з.д. V-III ғасырларға жатқызылады. б.з.д. V-III ғасырларға жататын Сарыөзек қорғандары Алматы-Талдықорған, Алматы-Жаркент жолдарының түйіскен жерінде тұр. Сарыөзек кентінің оңтүстігінде орналасқан. Жоғары да көрсетілген қорғандар Қоғалы даласында тұр.

Сонымен қатар б.з.д. V-III ғғ. жататын Қапал, б.з.д. XII-X, VIII ғғ б.з. II ғасырына жататын Күйған, Талапты; б.з.д. XII-XI ғғ Биғаш қорғандары бар (Туристическая карта..., 2002).

Жетісу өлкесіндегі ерте темір кезеңінен мәлімет беретін заттық кешені бізге «Ыжы көмбесі» деген атпен белгілі. Оның құрамында қола ауыздық пен сулық (сбали) қола тоға, т.б. жәдігерлер табылды. Ең бір қызығы осы аймақтан ұзындығы 39 см болатын қола қанжар табылды. Қанжар да б.з.д. VIII ғасырға жатқызылады. Осыдан келіп, келесідей ой түйеміз б.з.д. VIII ғасыр мен VII ғасырдың басы Солтүстік-шығыс Жетісуда сақ мәдениетінің қалыптасу уақыты болуы керек. Ал, бұл мәдениеттің тарихи тамыры сонау қола ғасырынан бастау алады деген сөз (Степная полоса..., 1991, с.85).

Жетісу аймағында үйсін ескерткіштерін зерттеумен А.Н. Бренштам, К.А. Ақышев, Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, К.А. Кушаев айналысқан.

Іле аңғарындағы сақ-үйсін мәдениетіне қатысты аса ірі зерттеулер К.А. Ақышев пен Г.А. Кушаевтың есімдерімен байланысты. 1960 жылдардың басына қарай ғалымдар сол кезде белгілі болған мәліметтерді жүйелеп, мәдениеттің тарихи кезеңдемесін нақтылап, халықтардың шығу тегі, қоғамдық құрлысымен шаруашылығына дейінгі мәселелерді қарастырды.

Жетісу өлкесінде атқарылған жұмыстарының нәтижесінде Г.А. Кушаев Іле аңғары бойын мекендеген үйсіндердің жерлеу ғұрпын, шаруашылығы мен мәдениетін ашып, оларды анықтап мерзімдеген. Осыдан бастап ғалымдар тарапынан үйсіндер жайлы арнайы зерттеулер жүргізіле бастады.

Қазіргі кезде үйсін қорғандарының аз мөлшерде қазылуы және табылған материалдардың аздығы олардың абсолюті датасын анықтауға мүмкін бермей ыр.

Кезінде К.А. Ақышев тапқан б.з.д. III-II ғғ. жататын шығыс Жетісуда Қаратал өңірінің аңғарындағы Теңлік қорымына тоқталайық. Қорым аумағындағы бір қорғанынан табылған ауқатты (тайпа көсемі) адамның жерлеу орны көрселенеді. Ауқатты көшпелінің киімі жүздеген көркем алтын тоғалармен

апталған болып шықты. Сонымен қатар аса қызықтысы алтын тоғаларда жамылғыдағы аты кісінің бейнесі барлығы, темір түйреуіштер мен шаншуыштар одан басқа қола айна, алтынмен әшекейленген ағаш қобдиша шықты. Осы Теңліктен табылған тоғалардағы бейнелер ғалымдарға сол кездегі жылқылардың тұқымы жөнінде мәлімет берді (Степная полоса..., 1991, с. 83).

Қортындылап айтқанда: Солтүстік-шығыс Жетісудағы қола дәуірінің ескерткіштерін зерттеу арқылы алынған нәтижелер, бізге өңірдің тарихына катысты маңызды теориялық проблемаларын шешуде көмектеседі деп ойлаймыз. Ең, алдымен қола дәуірін зерттеу арқылы біз Солтүстік-шығыс Жетісудағы сақ мәдениетінің қалыптасуымен дамуы мәселелерінің күрделі жақтарын аша отырып, олардың өзара сабақтастығын анықтаймыз. Сол себептен сақ мәдениетінің мүмкін болар бастаулары, соңғы қола кезеңдерінің ескерткіштерінде жатыр деп тұжырымдай аламыз. Қазіргі күні отандық археология ғылымында Солтүстік-шығыс Жетісудағы соңғы қола мен ерте темір дәуірінің тарихына катысты көптеген өзекті мәселелер бойынша ғылыми жауаптар күтілуде. Сондықтан, болшақта бұл өңірдегі соңғы қола мен ерте темір дәуірінің ескерткіштеріне археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу қажеттілігі күн санап арттып келеді.

Әдебиеттер

- Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы, 2006.
- Карабаспакова К.М. Племена Семиречья и Южного Казахстана в эпоху бронзы. Автореф. Дисс ... кан. ист. наук. Алматы, 1998.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата, 1991.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Семиреченская экспедиция по изучению памятников эпохи бронзы // Известия МН и ВО РК НАН РК. – 1999, серия общественных наук, №1.
- Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Памятники наскального искусства (петроглифы Казахстана) Ешкиольмес, Тамгалы, Арпа-узен, Койбагар, Каракыр // Отчет об археологических исследованиях в 2007 году института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2008.
- Мұхатова О.Х. Жетісу өлкесінің археологиялық ескерткіштері // «Тарихи-мәдени мұраны зерттеу және сақтау мәселелері» атты республикалық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Алматы, 2005.
- Оңғарұлы А. Жетісу өлкесіндегі сақ-үйсіндердің ескерткіштерін зерттеудегі кейбір мәселелер // «Ақынжанов оқулары 2004». Конференция материалдары. Алматы, 2004.
- Савельева Т.В. Исследователь Семиречья // Известия НАН РК. Серия общественных наук, 1993. №5.
- Савельева Т.В. Средневековые города и поселения северо-восточного Кетису (Семиречья). Дисс. ... док. ист. наук. Рукопись. Алматы, 1999.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Москва, 1991.

Туристическая карта Алматинской области. Алматы, 2002.

С.С. Тихонов

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия*

МОГИЛЬНИК ДАНДЫБАЙ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ НУРИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В 1933 ГОДУ

Могильник позднебронзового времени близ аула Дандыбай, материалы которого, наряду с комплексами некрополя Бегазы, стали основой для выделения бегазы-дандыбаевской культуры, был исследован экспедицией Института истории материальной культуры, которой руководил П.С. Рыков. Материалы могильника несколько раз были опубликованы, но более всего известны три работы: П.С. Рыкова (1933, с. 40-88), М.П. Грязнова (1952, с. 129-162) и А.Х. Маргулана (1979, с. 147-153). К материалам этой культуры неоднократно обращались ученые, занимающиеся археологией Казахстана, Западной Сибири и сопредельных территорий. Однако, история выявления и раскопок могильника Дандыбай освещена в печати неполно. Хранящиеся в Музее археологии и этнографии ОмГУ материалы из архива М.П. Грязнова (фонд 3) вкупе с опубликованными данными позволяют значительно дополнить этот археологический сюжет.

Итак, экспедицией руководил Павел Сергеевич Рыков, его заместителем был М.П. Грязнов. Кроме них в состав экспедиции входили старшие научные сотрудники М.И. Артамонов, ставший известнейшим советским археологом, специалистом по археологии скифов, хазарского каганата и знатоком древнерусской миниатюры, И.В. Сеницын и Н.К. Арзютов – ученики П.С. Рыкова. Младшими научными сотрудниками были М.Н. Комарова (жена Михаила Петровича) и А.Н. Рогачев, будущий известный специалист по палеолиту. Я бы сказал, что состав экспедиции сборный, т.е. набрали кого смогли, и послали куда надо. К слову сказать, что никто из них не имел опыта работы в Центральном Казахстане, и только П.С. Рыков и М.П. Грязнов в середине 1920 гг. немного поработали в Западном Казахстане. Напомню читателям, что П.С. Рыков в начале научной карьеры занимался изучением археологии радимичей, после – сарматов, с начала 1920 годов он работал в Поволжье, изучая памятники от эпохи бронзы до средневековья, занимался музейной деятельностью и научно-организационной работой, в 1937 г. был репрессирован и в 1942 г. умер во Владивостоке.*

Литература о П.С. Рыкове: Сеницын И.В., Степанов П.Д. Памяти Павла Сергеевича Рыкова // СА, 1964, №1, с. 130; Третьяков П.Н. 25-летие научно-педагогической деятельности профессора П.С. Рыкова // ПИДО, 1934, №12, с. 153-154; Худяков М.Г. 25-летие научной деятельности профессора П.С. Рыкова // СЭ, 1935, 32, с. 155-158; Рогачев Н.Ф. Музейная педагогика профессора П.С. Рыкова // www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/ethnism/docs/51.pdf; Щавелев С.П. Рыков Павел Сергеевич (1884-1942) // www.old.kurskcity.ru/book/historian/rykov.html.

Цель экспедиции заключалась «в установлении степени угрожаемости сохранности археологических памятников связи с развитием сельскохозяйственных работ совхоза», причем «...взятый для изучения район был совершенно неизвестен ранее с археологической стороны и вызвал к себе особый интерес...» (Рыков П.С. 1933, с. 40). Другими словами говоря, цель работ – спасти и изучить неизвестные памятники в неизученном районе, но который «...вызвал к себе особый интерес...». Конечно, П.С. Рыков не мог тогда написать, что работы он вел на месте будущего Карагандинского ИТЛ – печально знаменитого Карлага. Дело в том, что в октябре 1930 года Наркомзем удовлетворил заявку НКВД, и выделил 1 млн га земли для организации Казакстанского (так писали в то время) ИТЛ ОГПУ (по другому Казлаг, или Казулон), который бы занимался лесозаготовками, делал кирпичи для Турксиба и мощения улиц Алма-Аты, и организовал бы совхоз «Гигант». В сентябре 1931 года этот ИТЛ ликвидировали, оставив только совхоз «Гигант», который должен был стать крупным образцовым социалистическим животноводческим хозяйством. Предполагалось, что это хозяйство станет основой продовольственной базы предприятий Караганды, Балхаша и Карсакпая. Летом 1932 г. геолог Д.Н. Бурцев в 12 км южнее поселка Долинка (Долинское) в отвалах оросительного канала совхоза обнаружил следы угольных пластов. Затем буровики нашли здесь угольные пласты рабочей мощности, так было открыто Шурубай-Нуринское местонахождение угля.**

В этот неизученный археологически, но уже осваиваемый хозяйственно район и послали Нуринскую экспедицию, которая была одной из многих экспедиций на местах великих строек. Известно, что в 1932-33 годах археологи работали на трассах канала Москва-Волга, Беломорканала, БАМа, на местах строительства московского метрополитена, гидроэлектростанций в Ярославле, Перми, Нарыне, Баксане, на Южном Урале и т.д., т.е. в тех местах, где был большой объем земляных работ, где работали множество заключенных и где работы курировал НКВД. Именно поэтому И.И. Мещанинов в предисловии к «Археологическим работам...» писал только о предложении Госплана закладывать в смету строительства расходы на археологические работы (Мещанинов И.И. 1933, с. 2), именно поэтому Академия наук послала множество отрядов на «стройки социализма», отправляя кого куда придется: Б.Н. Гракова (скифолога) на Южный Урал, Т.С. Пассек (специалистка по триполью) и С.В. Киселева (специалист по Алтаю) на метрополитен, Г.П. Сосновского (специалист по эпохе камня Сибири) в Сестрорецк, он же обрабатывал материалы, полученные на Бие и Иртыше и т.д. Ну а П.С. Рыков – внештатный сотрудник ИИМК – поехал в Казахстан, причем там уже шли и мелиоративные, и геологические работы.

Метод, которым экспедиция проводила обследование гигантского района, я называл маршрутно-кустовой. Всего было сделано 4 длинных маршрута (2 по

(см. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР // <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-htm>; Карагандинский угольный бассейн: события, люди и факты // <http://karaganda.pmicro/KRGmarka/Rfr30-39.htm>).

Нуре, 1 по Шурубай-Нуре - по орфографии того времени Чурубай-Нуре – и 1 по Жаксы и Жаман-Сары-Су). Кроме того, археологи прошли 26 коротких маршрутов. Полагаю, что фактически это было обследование территории и поиск памятников, перспективных для исследований. В итоге Нуринской экспедицией были раскопаны памятники у аула Дандыбай (писали также Дынды-бай и Дындыбай), у аула Алеп, у с. Долинского и хутора Центрального. Раскопки вели старшие научные сотрудники, а начальник экспедиции, похоже, осуществлял общее руководство, младшие же научные сотрудники, вероятно, помогали старшим. На каждом памятнике каждый археолог изучил несколько насыпей. Данные об этом сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Памятники, раскопанные Нуринской археологической экспедицией

Исследователь	Название памятников и номера курганов				
	Дандыбай	Алеп	Центральный	Долинское	Итого
Арзютов Н.К.	1	3, 5	4, 5	10	6
Артамонов М.И.	2, 9, 12	2	2	12	6
Грязнов М.П.	5, 11	1, 6	1, 6, 8	8	8
Синицын И.В.	4, 6, 8, 10	4	3, 7	6	8
Итого	10	6	8	4	28

Судя по объему выполненной работы, к работе экспедиции привлекали рабочих со стороны. П.С. Рыков отмечал доброжелательность местных жителей и огромные возможности работать по хозяйственным договорам. Правда, неясно кого он называл местными жителями: казахов, заключенных, администрацию Карлага. Если говорить о казахах, то в их доброжелательности и гостеприимстве никто не сомневается. Администрация подобных учреждений просто обязана была быть предупредительной по обязанности. Можно вспомнить поездку советских писателей во главе с Максимом Горьким на Беломорканал, которую организовал НКВД, а можно посмотреть планы и карты памятников изученных экспедицией ИИМК. В архиве есть фотокопии карт в масштабе 1:50000 (пятисотметровки), которые и сейчас секретны. Их могли получить только у администрации, и выдача таких карт – явное свидетельство внимания администрации к проводимым работам. Ну, а огромные возможности по хоздоговорам – скорее всего это труд заключенных, что практиковали при раскопках в зоне строительства.

Сразу по окончании работ Рыков П.С. написал небольшую заметку (Рыков П.С., 1933, с. 57-58), а затем и развернутую обобщающую статью (Рыков П.С., 1935, с. 40-88). К сожалению, в этой работе слишком мелкие рисунки керамики, которые, конечно, передают общий контур сосуда и отчасти его орнамент, но об их особенностях по этому рисунку судить очень трудно. Скорее всего, археологов обязали подготовить эти работы, поскольку два тома работ отчетно-информационного характера – 109 и 110 выпуски Известий Государственной Академии истории материальной культуры – вышли в свет почти через год после окончания полевых работ.

Я не знаю, планировали ли участники экспедиции изучать бронзовый век Казахстана далее. Но их публикации по этой теме мне не известны. Но вот М.П. Грязнов занялся этой проблемой целенаправленно. Он завел папку, куда помещал материалы по археологии бронзы Казахстана: оттиски ранних статей, сведения, полученные от коллег, рисунки сосудов, реконструкции штампов по нанесению орнамента и т.д. Появился у него и план работы над темой (рис. 1). Он выделил направления: техника, хозяйство, быт, социальный строй с небольшими подразделами, и поставил главную проблему: Дандыбай – это единичное явление? Это крайний предел? Или это пока первый памятник карасукского типа в Казахстане? Эту папку М.П. Грязнов постоянно пополнял. Внутри нее он группировал материалы в отдельные тетради, где были помещены данные о конкретных памятниках: планы могильников, рисунки и фотографии керамики, реконструкции керамических штампов и т.д. (рис. 2). Интересно, что керамические сосуды М.П. Грязнов рисовал и фотографировал несколько раз, сопровождая рисунок описанием орнамента, орнамента, теста, из которого лепили сосуд, и внешней поверхности.

Механика	Хозяйство	Быт.	Соц. строй.
	Складчатость	Орудия Лек. орудия	Сос. орудия Металл
Ка. лент. оруд.			Орудия - оруд.
Бронз. оруд.			Разрешение.
			Визуальное.

1. Дандыбай – единичное явление?
или крайний предел? Или это пока первый памятник карасукского типа в Казахстане?

Рис. 1. План работы М.П. Грязнова по теме «Бронзовый век Казахстана»

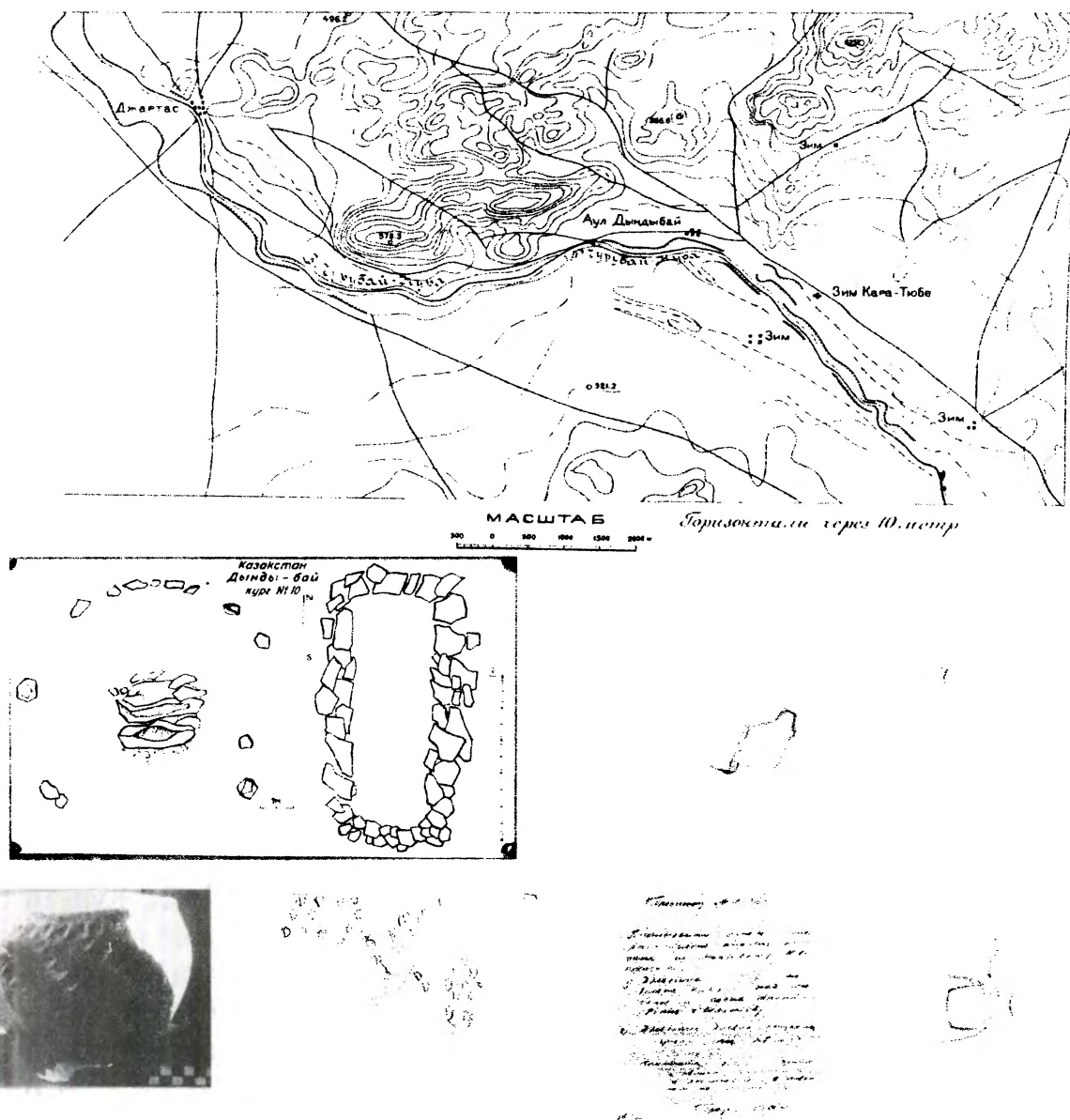

Рис. 2. Материалы М.П. Грязнова по теме «Бронзовый век Казахстана»

Поскольку исследованные экспедицией памятники были ограблены, инвентаря в них почти не было, исключения составляют небольшое количество бронзовых бусинок, колец, бляшка, наконечники стрел, проволочка, особое внимание М.П. Грязнов уделял керамики.

Начатые работы по изучению бронзового века Казахстана были прерваны. И.С. Рыкова безвинно арестовали и он погиб в лагере, но был реабилитирован в 1956 году. М.П. Грязнова арестовали и после следствия выслали на несколько лет в Сибирь. Однако, в 1940 году М.П. Грязнов вновь начинает исследования по оставленной ранее теме, но берет ее глобальнее.

Полагаю, что М.П. Грязнов отказался от представлений о связи материалов могильника Дандыбай с Западным Казахстаном и отнес его материалы к кругу карасукских памятников. Об этом говорит название подготовительных тетрадей «История культуры Южной Сибири и Казахстана во II-I тысячелетиях до н.э. I. Эпоха бронзы».

Однако и эта работа не была завершена. Началась Великая Отечественная война.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ЮЖН. СИБИРИ

и

КАЗАХСТАНА

во II-I тысячелетиях до н.э.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
ТЕТРАДИ

I
ЭПОХА БРОНЗЫ

М. Грязнов. 1940 г.

Обобщающую работу по могильнику Дандыбай М.П. Грязнов опубликовал в 1952 году. Возможно, что катализатором работ М.П. Грязнова стали раскопки А.Х. Маргулана (1947 год) и Л.Р. Кызласова (1948 год) на памятнике Бегазы, и их совместная статья (Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. 1950, с. 126-136). Хотя еще в 1946 году М.П. Грязнов просил профессора С. Ванина определить породы дерева, найденные в кургане 11 могильника Дандыбай. В статью М.П. Грязнов поместил материалы только кургана 11, который копал он сам (Грязнов, 1952, с. 129-162). Курган был самый богатый, даже не смотря на то, что был ограблен. Другие могилы до сих пор не опубликованы. Редактором этого выпуска «Советской археологии» был М.И. Артамонов, участник той экспедиции.

Так закончился этап, содержанием которого стали раскопки памятников, ставших основой выделения новой археологической культуры, и первичное обобщение материала. Больше к бегазы-дандыбаевской проблематике Михаил Петрович практически не возвращался.

Литература

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. XVI. 1952.

Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные орнаменты могильника Бегазы // КСИИМК, Вып. XXXII. 1950.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1979.

Мещанинов И.И. Предисловие // Археологические работы академии на новостройках. Известия ГАИМК. Вып. 109. М.-Л., 1935.

Рыков П.С. Нурунская экспедиция // ПИМК. 1933. №9-10.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах // Археологические работы академии на новостройках. Известия ГАИМК. Вып. 110. М.-Л., 1935.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

АЛТАЙ В ХУННУСКОЕ ВРЕМЯ (конец III в. до н.э. – I в. н.э.)*

Хронологической границей между скифо-сакским и «гунно-сарматским» временем в истории Южной Сибири считается рубеж III и II вв. до н.э. (Степная полоса..., 1992). В 203–202 гг. до н.э. население указанного региона было подчинено в ходе завоевательного похода шаньюя хунну Маодуня (Модэ) (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004, с. 62). В результате территория Алтая вошла в состав формировавшейся Хуннуской империи. Дальнейшие военно-политические события повлияли на ход истории, а также на материальную культуру, социальную организацию и мировоззрение кочевых и полукочевых народов Центральной Азии. Реальное сопоставление множества данных указывают на радикальные изменения, произошедшие на огромной территории, и связаны они с сокрушительными походами хунну, в ходе которых этнокультурная ситуация стала иной по сравнению с предыдущим периодом (Боровкова Л.А., 2005). Не везде результаты воздействия хуннуского влияния были одинаковы, поэтому оценка реально зафиксированных событий и археологических данных оказывается разной.

Прекращение существования на Алтае пазырыкской культуры (2-я половина VI–III вв. до н.э.) отражает начало раннего этапа становления и развития булан-кобинской общности. На наш взгляд, между ними нет прямой преемственности, основанной на автохтонном развитии. Различия резко проявляются и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе. В настоящее время имеется ряд свидетельств о разграблении захоронений пазырыкской культуры, которые произошли именно в хуннуское время. Это и другие ниже отмеченные обстоятельства отражают приход на Алтай нового населения, агрессивно настроенного по отношению к прежнему этносу-элите.

В настоящее время имеется обширная литература о хунну/сюнну. На русский язык переведены китайские письменные источники. Опираясь на опубликованные материалы, Н.Н. Крадин (2001, с. 234) выделил этапы развития империи Хунну, которые определяются отношениями с Ханьским Китаем. Обозначенные хронологические отрезки им были немного уточнены, дополнены и изложены в другой работе (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004): первый этап (209¹ – 133 гг. до н.э.) свидетельствует о расцвете державы; второй этап (129–58 гг. до н.э.) связан с активной экспансией Хань; третий этап (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №07–06–00341 Применение естественно-научных методов при изучении кочевников Алтая эпохи поздней древности и средневековья.

¹ Дата 209 г. до н.э. в настоящее время оспаривается Л.А. Боровковой (2005, с. 14–16), которая называет ее не обоснованной и ошибочной. Исследовательница считает, что о времени создания державы сюнну Маодунем можно говорить лишь после завоевания им северных народов и разгромом войск Хань (201–200 гг. до н.э.).

отражает внутренние войны и принятие вассалитета от Китая части хунну; четвертый этап (9–48 гг. н.э.) характеризуется сменой внешней политики Китая по отношению к Хунну. Стоит указать еще серию дат и событий, связанных с начальным периодом хуннского владычества в Азии (Боровкова Л.А., 2005): 199 г. до н.э. – договор о мире и родстве с империей Хань; 174 г. до н.э. – смерть Маодуня и вступление Лаошаня на «трон» шаньюя; 165 г. до н.э. – окончательная победа хунну над царством «Большое Юэчжи»; 162–126 гг. до н.э. – время правления Цзюньчень-шаньюя и усиление могущества державы; 119 г. до н.э. – завершилась успешная для Хань пятнадцатилетняя война с Хунну. Кроме этого, отметим другие известные факты: 123 г. до н.э. – перенос ставки хуннских шаньюей на север Монголии; 36 г. до н.э. – хунну вторглись в Среднюю Азию, где были разбиты китайскими войсками; 48 г. н.э. – официально считается годом разделения хунну на северных и южных; 93 г. н.э. – по китайским источникам держава северных хунну прекратила свое существование после ее разгрома сяньбийцами (Могильников В.А., 1992, с. 254; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; и др.). Все эти сведения, изложенные в письменных источниках, требуют соответственного подтверждения археологическими материалами.

Народы, проживавшие на территории северной полупериферии довольно обширной державы Хунну, изучены слабо. В этом плане Алтай не является исключением. До середины 1980-х гг. археологических комплексов, достоверно датирующихся II в. до н.э. – I в. н.э., не было выявлено. Это определило весьма схематичное представление об истории народов Алтая в хуннское время. Оложившаяся ситуация породила несколько гипотез относительно судьбы племен пазырыкской культуры и обусловила на долгие годы искусственную затянутость верхней хронологической границы скифо-сакского времени (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007). В научной литературе даже излагалось мнение о переходном характере памятников «гунно-сарматского» времени в схеме развития ранних и поздних кочевников Алтая (Гаврилова А.А., 1965). Полученные за последние 20 лет массовые археологические материалы предоставили значительные возможности для исследования историко-культурных процессов, имевших место на рассматриваемой территории в конце III в. до н.э. – I в. н.э.

В настоящее время к хуннскому времени относятся курганы (более 75), раскопанные на могильниках Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан-II (западная группа) и Пазырык, которые расположены в северной, центральной и восточной части Алтая. Все они относятся к булан-кобинской археологической культуре, выделенной Ю.Т. Мамадаковым (1990), и определяют ее усть-эдиганский этап (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, 2006); который назван по исследованному Ю.С. Худяковым (1997, 1998 и др.) памятнику Усть-Эдиган. Датируется весь накопленный массив данных в рамках II в. до н.э. – I в. н.э., что подтверждается как анализом археологического материала, так и калиброванными показателями радиоуглеродного датирования образцов, отобранных из ранних погребений памятника Яломан-II и исследованных в разных лабораториях России и за рубежом (Тишкин А.А., 2007).

Изученные памятники булан-кобинской культуры обладают специфическими чертами, отличными от предшествующих пазырыкских. Сравнительному анализу погребального обряда населения Алтая скифо-сакского и хуннского времени посвящено специальное исследование (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007). Среди надмогильных сооружений усть-эдиганского этапа преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой, реже подпрямоугольной формы с крепидой из более крупных камней. На могильном поле курганы образуют подобие тесных цепочек. Под насыпями находятся грунтовые могильные ямы, в большинстве которых сооружены каменные ящики из массивных плит; реже встречаются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) внутримогильные конструкции. Способы погребений, в основном, представлены одиночной ингумацией в сопровождении верхового коня или без него, а также кенотафами (с лошадью или без животного). Умершие люди лежали либо на боку с согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяются два направления ориентации погребенных: в западный и восточный сектор (с преобладанием последнего). Лошади располагались на перекрытии ящика, со смещением «в ноги человека». Гораздо реже они лежали параллельно умершему за длинной стенкой внутримогильной конструкции (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006).

Обнаруженный инвентарь в памятниках усть-эдиганского этапа весьма разнообразен. Его подробный анализ также опубликован (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006). Оценивая в целом находки, необходимо отметить сочетание нескольких основных культурно-хронологических групп вещей.

Первая группа предметов, самая многочисленная, целиком базируется на материальной культуре хунну. Она включает сложносоставные луки, бронебойный наконечник стрелы, кинжалы без перекрестия и навершия, панцирные пластины, поясные и уздечные наборы, бытовые ножи, костяные трубочки, керамические вазы, котел и колокольчики. Большая часть этих изделий появляется и начинает свое развитие на рубеже III/II вв. до н.э., четко очерчивая нижнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа. Сюда же можно отнести фрагменты зеркал, лаковую посуду и некоторые другие изделия китайского производства. Следует отметить, что часть предметов бытовала в Азии только на протяжении собственно хуннского времени и являлась престижными вещами: поясные ажурные пряжки, наконечники и бляхи, ложечковидные застёжки и уздечные украшения. После I в. н.э. они уже не использовались, утратив свой статус с падением могущества хунну.

Вторая группа отражает окончание предшествующих материальных традиций скифо-сакского времени. На Алтае они связаны, в основном, с наследием пазырыкской и каменной культур. Сюда относятся боевые шипастые наконечники стрел, модель чекана, подпружные пряжки, пряжки-блоки, костяные втульчатые наконечники стрел, часть сосудов, столик-алтарик, некоторые бляхи-нашивки, серьги и гривны. Все эти типы вещей, за редким исключением, исчезли из обихода в течении II в. до н.э. – I в. н.э., маркируя верхнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа.

Третья группа предметов отражает влияние материальных традиций культур сарматского и среднеазиатского (раннекушанского) круга. К ней относятся зеркала с выступом-шипом, кинжалы с перекрестием и навершием, некоторые типы блях-нашивок и, возможно, другие изделия, появление которых укладывается в рамки III–I вв. до н.э.

Можно говорить о становлении на усть-эдиганском этапе и собственно булан-кобинской культурной традиции. Определенное сочетание предметов в типовом наборе инвентаря усть-эдиганского этапа также демонстрирует его своеобразие, позволяя четко отличать булан-кобинский материальный комплекс от других синхронных и сопредельных культур (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006; Тишкин А.А., 2007).

Следует указать, что археологические материалы, зафиксированные на памятнике Яломан-II, активно изучаются с помощью естественно-научных методов. В частности, сделан спектральный анализ всех изделий из цветных металлов, осуществлены ксилотомические определения обнаруженной древесины, проведен химический анализ найденного лака, имеются палеокарпологические данные, получены результаты радиоуглеродного и дендрохронологического датирования, исследуются скелеты людей и лошадей, для рассмотрения многочисленных стеклянных бус используются рентгенофлюоресцентный и эмиссионный спектральный анализы и т.д.

Выделенные группы вещей усть-эдиганского этапа при сравнении с данными погребального обряда (Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007) отражают участие различных компонентов в формировании булан-кобинской культуры. Несмотря на то, что среди инвентаря ведущее место занимает хуннуской комплекс, погребения собственно хунну на Алтае не выявлены. Существует предположение, что пришлый компонент составляла иная этническая группа, находившаяся под сильным влиянием хуннуской культуры и происходившая с территории Монголии. В формировании булан-кобинской культуры могло принять участие население Восточного Казахстана (кула-жургинская культура) (Мамадаков Ю.Т., 1990, с. 18). Действительно, кула-жургинская погребальная обрядность во многих деталях совпадает с элементами обряда, зафиксированными при исследовании ранних булан-кобинских памятников. Пришлому компоненту соответствуют следующие элементы погребального обряда: иная, по сравнению с пазырыкскими памятниками, планиграфия могильников и отличающиеся надмогильные сооружения, положение умерших вытянуто на спине, ориентация погребенных головой на запад, размещение коня на боку на перекрытии конструкции.

Еще одна группа показателей соотносится с такими характеристиками погребального обряда, как положение умерших на боку с согнутыми ногами, ориентация погребенных в восточный сектор, положение коня на животе вдоль длинной стенки конструкции, сооружение ящиков. Эти признаки могут отражать ставшийся после разгрома «пазырыкцев» местный компонент. Его доля как в инвентаре, так и в обряде невелика.

Этнокультурные процессы, которые привели к сложению на территории

Алтая булан-кобинской культуры, невозможно понять без оценки военно-политической ситуации в центрально-азиатском регионе, изложенной выше. Начало усть-эдиганского этапа синхронизируется с событиями самого конца III в. до н.э., когда было установлено хуннское господство над территорией Южной Сибири. Для закрепления новых земель в Горный Алтай переселили племя, подчинившееся хунну. Не исключено, что им могли быть «кула-жургинцы». Обосновавшись на новом месте, они включили в свой состав остатки местного населения. Возможна и иная реконструкция процесса образования булан-кобинской культуры, когда пришлых компонента было два. Жизнь булан-кобинского населения на усть-эдиганском этапе протекала под эгидой державы Хунну. Эта зависимость усиливалась или ослаблялась из-за конкретной политической ситуации. В конце I в. н.э. северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г. н.э.) и утратили свое господство в большей части Центральной Азии. Земли Алтая оказались в сфере влияния победителей, что определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры.

Литература

Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М., 2005.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2004.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2001.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. №3.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени // Теория и

практика археологических исследований. Выпуск 3. Барнаул, 2007.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997.

Худяков Ю.С. Зеркала могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998.

А.А. Ткачёв

Институт проблем освоения Севера СО РАН, г.Тюмень, Россия

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ НУРТАЙСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Широкие полевые исследования степных районов Центрального Казахстана позволили выделить своеобразный нуртайский комплекс памятников, основная часть которых расположена в северных районах Сары-Арки. Первые материалы нуртайского облика получены при исследовании могильника Красная Круча в 1954 г. (Семенов Л.Ф., 1956, с.263-265). Позднее острореберная керамика была встречена в культурном слое поселений Атасу I и Акмая, а также в захоронениях могильников Алтынсу и Шет III. Изучение данных памятников позволило М.К.Кадырбаеву высказать предположение о наличии в степях Центрального Казахстана комплексов, на основе которых происходило формирование и развитие населения, оставившего атасуские древности (Кадырбаев М.К., 1983, с.141-142).

Изучение в 70-80-е годы XX в. поселений Икпень I-III и могильников Икпень I, Бозенген, Сатан, Нуртай, Актобе I-II послужило основой для выделения нуртайской культуры в истории развития древнего населения Центрального Казахстана (Ткачев А.А., 2003, с.13-18; 2005, с.57-59). Толчком для формирования данного культурного образования послужило проникновение в степи Центрального Казахстана ямного населения из Волго-Уральского междуречья, сыгравшего важную роль в процессах культурогенеза региона.

Основным типом нуртайских жилых помещений являлись крупные прямоугольные полуземлянки площадью 140-210 м², с полами, обмазанными глиной, смешанной с песком и речным илом. Значительно реже встречаются небольшие помещения – до 50-70 м². Кроме жилых стационарных построек возводились и хозяйственные помещения малых размеров. Жилища и подсобные постройки имели каркасно-столбовую основу с плоскими или двускатными крышами. В постройках выявлены крупные ямы-хранилища, хозяйственные и столбовые углубления. Помещения отапливались очагами открытого типа, иногда очажные ямы обкладывались камнями. В центре одного из жилищ вскрыто два колодца. Особенностью жилых комплексов является наличие захоронений младенцев, иногда подростков или взрослых, внутри или за пределами котлованов.

В нуртайских некрополях изучено свыше 50 погребальных конструкций, содержащих около 200 погребений. Основой погребального обряда нуртайского населения являлось совершение захоронений в безнасыпных оградах из вертикально вкопанных в грунт крупных гранитных плит, при традиции курганных захоронений для социально-значимой группы общества. При сооружении крупных курганов земля для насыпей бралась из ровиков, кружавших ограды (Сатан, Нуртай, Актобе I). В то же время в большинстве

случаев земляные купола небольших курганов формировались за счет выброса грунта из могил, который размещался внутри ограды после ее предварительного сооружения. Огражденное пространство содержит одну-две, реже – три-пять могил. Младенцев и детей младших возрастных групп хоронили в одной могиле со взрослыми, в ограде, за оградой, в насыпи кургана или в отдельных пристройках. Единичны ограды, содержащие только детские захоронения (Нуртай, Шет III). Сепаратный участок детского кладбища изучен на могильнике Икпень I.

По внешним признакам в погребальных памятниках выделяется 4 типа надмогильных конструкций, демонстрирующих между собой близость пространственного размещения могил. Это позволяет отнести формирование и развитие погребальной обрядности к одной культурно-хронологической эпохе, в течение которой внутри нуртайских коллективов происходили идентичные социальные процессы.

Различия в заполнении внутреннего погребального пространства отдельных могильных комплексов свидетельствует о том, что они относятся к разным этапам развития культуры. Преобладает линейный способ размещения могил на огражденном погребальном пространстве. В могилы помещали по одному покойнику, значительно реже – взрослого с одним-двумя детьми, двух детей или разнополую пару. Выделяется пространственным размещением погребальный объект сочетающий пристроечный комплекс с концентрическим размещением детских могил вокруг центрального женского захоронения (мог. Бозенген, кург. 23). Аналогичное размещение могил отмечено в ограде 1 могильника Шет I (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, рис.58). Два крупных кургана отличаются бессистемностью в размещении могил: в процессе длительного функционирования погребения чаще размещались между ранними захоронениями или впускались в насыпь (мог. Бозенген, кург. 8 и 24).

В погребальном обряде преобладающим типом могильной конструкции являлись каменные ящики (59,6%) и грунтовые ямы (38,1%), спаренные ящики единичны. Могилы перекрывались каменными плитами и деревянными плахами. Умерших укладывали на левый бок в сильно скорченном положении, с согнутыми в коленях ногами и сложенными перед лицом руками, на подстилку из войлока или ткани, иногда дно посыпали желтым песком. Погребенные ориентированы головой на запад (31,9%), с отклонениями на юго-запад (44,6%) или северо-запад (15,9%). Для детей, подростков, единично и для взрослых эти правила иногда нарушались: отмечена ориентировка на север, восток и юг. В парных погребениях умершие обычно лежат лицом друг к другу: мужчина на левом боку, женщина – на правом. Как исключение, в могильнике Нуртай отмечено парное захоронение, где оба умерших лежат на левом боку, причем мужчина находился за спиной женщины. В одиночных захоронениях положение на правом боку характерно для значительного количества погребений девочек и женщин.

Следы кремации в памятниках нуртайской культуры единичны. Трупосожжение отмечено в двух крупных ящиках (мог. Бозенген) и в одной из детских

грунтовых ям (мог. Икпень I). Единичность данного обряда позволяет считать его не характерным для нуртайского населения. Наличие в одном из захоронений костяных наконечников стрел показывает, что погребенный мужчина имел особый социальный статус, что потребовало для него альтернативного способа погребения. Основными вариантами огненного культа в нуртайском погребальном обряде является использование древесных угольков для посыпания умерших или разжигание огня в оградах (мог. Нуртай, Бозенген, Актобе II).

Инвентарь нуртайских памятников богат и разнообразен. Он включает предметы, изготовленные из бронзы, камня, кости и других материалов. Крупную серию составляют бронзовые предметы вооружения – наконечники стрел, втоки, вислообушный топор, ножи-кинжалы, одно- и двулезвийные пластинчатые ножи. Среди орудий труда отмечены тесла, долота, стамески, серпы, шилья, пробойники, острога, крючья, рыболовные крючки. Широко представлены украшения: гривны, браслеты, перстни, заколки, подвески, бляшки, обоймы, пронизки, бусы.

Геоморфологические условия Центрального Казахстана способствовали широкому использованию различных пород камня в хозяйственной деятельности. В поселенческих и погребальных комплексах выделяются многочисленные группы каменных орудий: литейные формы, абразивные плитки, молоты, песты, оселки, мотыги, зернотерки, булавы, наконечники стрел, диски, грузила, кулоны, подвески, бусы из сердолика, бирюзы и агата.

Кость широко использовалась в обиходе нуртайского населения. Из нее вырезали псалии, наконечники стрел, кинжаловидные орудия, заколки, пряслица, рукояти, ложки, орудия для обработки сыромятных ремней, подвески, пряжки, напершья, пронизки, бусы из рыбьих позвонков и трубчатых костей животных.

Глиняные изделия немногочисленны: обломки кирпичиков, створки литейных форм, обломок литейного сопла, кружки-фишки.

Изделия из других материалов, обнаруженные при исследовании всех могильников, представлены пастовыми бусами и ребристыми пронизьями. Они использовались для украшения одежды, покрывал, подстилок, обшивки сложносоставных изделий. Своеобразным элементом украшения костюма взрослых и детей являются пряжки и подвески из ископаемых раковин.

Керамические комплексы нуртайских поселений и могильников обладают ярко выраженным сходством. Посуда специфичного черного цвета, иногда коричневого или серого. Поверхность сосудов обработана заглаживанием и полировкой: затиралась при помощи пальцев, травы или ткани. Своеобразной технологической особенностью является дополнительная обмазка глиной внутренней и внешней поверхностей (Ломан В.Г., 1993, с.7-14). В процессе изготовления керамики использовалась и термическая обработка поверхности сосудов. Так, в керамических комплексах, полученных при исследовании могильников Бозенген и Сатан, выделяется группа сосудов, поверхность которых обжигалась при помощи обваривания (Ломан В.Г., 1993, с.11,15).

В морфологическом отношении нуртайская посуда разнообразна. Керамичес-

кие комплексы включают сосуды баночных и горшечных форм при наличии значительной серии емкостей переходного, горшечно-баночного типа. Доминирует посуда средних размеров. Ведущей формой являются горшки с ребристым профилем и сглаженным уступ-ребром. Гончарные изделия горшечных форм снабжались дополнительными рельефными деталями – «воротничками», валиками, поддонами. Специфической формой посуды являются биконические банки.

Преобладает посуда, орнаментированная узорами, выполненными резной техникой или гладким штампом (62-71%), значительно реже встречается орнаментация оттисками гребенки (24-26%), единичны орнаментальные мотивы, выполненные протасенной гребенкой, оттисками «веревочки», округлыми, треугольными или овальными вдавлениями.

Для нуртайского декора характерен горизонтально-ленточный принцип размещения орнамента, с разделением его на несколько бордюров, расположенных сплошным полем по шейке – тулову, в придонной части и как исключение на дне и внутренней стороне венчика. Выделяются небольшие группы посуды со свободной от орнамента зоной в верхней части венчика, тюльпановидной шейкой и с внутренним ребром.

Для посуды разных типов характерны определенные орнаментальные стандарты. Банки украшены в верхней части тулова однозональным орнаментом, включающим горизонтальные линии, треугольники вершинами вниз, горизонтальный зигзаг, дополненный косыми насечками, вдавлениями, «качалкой». Для переходных горшечно-баночных форм характерна желобчатая орнаментация в сочетании с горизонтальными зигзагами и разнообразными вдавлениями, хотя отмечены и отдельные нарядно орнаментированные сосуды.

На шейке сосудов горшечных форм часто встречается деление на две подзоны: верхняя часть венчика обычно украшена разнообразными треугольниками; нижняя – ромбами, зигзагом, пирамидками, ступенчатым меандром. Разделителем между орнаментальными зонами шейки выступают горизонтальные линии, а также треугольные или овальные в сечении валики. Неорнаментированная полоса в нижней части шейки отмечена как исключение. Орнаментальные композиции по тулову отличаются богатством и разнообразием; среди симметрических узоров преобладают линейно-зигзаговые композиции, разнообразные треугольники вершинами вниз, пирамидки, меандровидные фигуры. Как пережиток более ранних черт фиксируется резная «волна» с «подвешенными» к ней треугольниками. Придонная часть сосудов обычно украшена горизонтальными линиями в сочетании с равнобедренными или «косыми» треугольниками. Днища орнаментированы редко, преимущественно вазисткообразными фигурами или концентрическими окружностями.

Собранный на памятниках нуртайской культуры Сары-Арки разнообразный бытовой инвентарь, с одной стороны, широко распространен в территориальном и хронологическом отношениях, с другой, часть предметов материальной культуры, характеризованных выше, появляется и развивается в рамках конкретной

культурной традиции. Это позволяет определить не только время бытования отдельных комплексов, но и проследить последовательность развития и направленность культурно-исторических связей.

Древности нуртайского типа территориально и хронологически наиболее близки памятникам петровской культуры Северного Казахстана. Сравнительный анализ петровских и нуртайских комплексов показывает не только сходство по ряду признаков, но и существенные различия, что связано с локальным своеобразием этих культурных образований (Ткачев А.А., 1999, с.27-29, табл.2).

Вопрос о происхождении нуртайских племен Центрального Казахстана не может быть решен однозначно, так как памятники энеолита и ранней бронзы в регионе изучены слабо. В тоже время, в доандроновский период территория Сары-Арки активно осваивалась и имела значительную плотность населения.

Раннебронзовые комплексы поселения Караганда XV и Гренада, содержащие специфичный кремневый и керамический инвентарь (Чиндин А.Ю., 1992, с.7-8), вероятно, оставлены перемещающимися с запада на восток носителями ямных культурных традиций. Миграция этих групп населения происходила в последней трети III тыс. до н.э. (Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1989, с.45). Этим же временем датируются и позднеэнеолитические комплексы Центрального Казахстана, доживающие, по мнению Ю.А.Чиндина, до начала II тыс. до н.э. (Чиндин А.Ю., 1992, с.20). Местные энеолитические коллективы по уровню своего развития были готовы к новым социально-экономическим отношениям, о чем свидетельствует наличие на стоянках костей домашних животных (быка, лошади, овцы), а также кусков медной руды (Зеленая Балка IV, Караганда XV) (Клапчук М.Н., 1965, с.216-217; 1970, с.156). Проникновение в степи Центрального Казахстана носителей ямных традиций стало катализатором формирования новых культурных явлений, получивших свое отражение в комплексах нуртайской культуры.

Близость нуртайских и петровских культурных образований обусловлена единой степной подосновой. В лесостепном Зауралье и Северном Казахстане на развитие автохтонных групп повлияли контакты с западными абашевско-полтавкинскими общинами, что выразилось в сходстве культурных образований лесостепной зоны Ишимо-Поволжского региона. Нуртайские древности Центрального Казахстана фиксируют степную линию развития от местного энеолитического и раннебронзового населения.

Близость памятников типа Синташты и Петровки, а также взаимные контакты разнотипных групп, развивавшихся в лесостепной полосе урало-казахстанских степей, способствовали формированию в этой зоне единого алакульского комплекса. Местная подоснова развития нуртайских племен привела к сложению атасуских комплексов, в формировании которых важную роль сыграло андроновско-канайское население, активно проникавшее во второй четверти II тыс. до н.э. в степи Центрального Казахстана (Ткачева Н.А., 1997).

Контакты между носителями канайских и нуртайских традиций имели одностороннюю направленность. В канайских комплексах Восточного Казахстана

оявляются сосуды, близкие к остросеребряным (Ткачев А.А., Ткачева Н.А, 1997, с.26, рис. 2). В поздних кызылтасских комплексах канайской культуры продолжали бытовать сосуды, у которых ребро спускается в среднюю часть тулова (Максимова А.Г., Ермолаева А.С., 1987, с. 29,41, рис.12, 4; 19, 9).

Современной тенденцией при абсолютном датировании поселенческих и номинальных комплексов бронзового века Урало-Казахстанских степей является постоянное удревнение памятников андроновской общности, объединенных в рамках отдельных археологических культур, с использованием восточной и западной линий синхронизации.

Памятники петровской культуры, соотнесенные первоначально с новокумакскими древностями, были датированы XVI-XV вв. до н.э. (Зданович Г.Б., 1975, с. 21; Виноградов Н.Б., 1983, с. 22). В связи с открытием синташтинских памятников и их частичной синхронизацией с петровскими комплексами происходит удревнение последних до XVII-XVI вв. до н.э. (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 376), XVIII-XVI вв. до н.э. (Зданович Г.Б., 1997, с. 60), XIX-XVI вв. до н.э. (Евдокимов В.В, 2000, с. 35-37). С.А.Григорьев датировал синташтинские комплексы второй половиной XVIII-XVII в. до н.э., хотя не исключает и удревнение синташтинской культуры до XX в. до н.э. (Григорьев С.А., 2000, с. 282-283). По мнению исследователя, петровские памятники являются в Зауралье не ранее XVI в. до н.э. (Григорьев С.А., 2000, с. 287).

Использование методов естественных наук привело к уточнению датировок археологических объектов. Многие исследователи, используя радиоуглеродные даты, синхронизировали с памятниками Европы древности бронзового века степной зоны, опираясь, прежде всего, на микенские параллели (Лесков А.М., 1964, с. 299-303; Бочкарев В.С. 1968, с. 144-148). При датировке новокумакского хронологического горизонта использовались те же микенские параллели и обосновывалась идея о влиянии культуры Микенской Греции вплоть до Зауральской степи (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 42-50). Существует и противоположное мнение – о влиянии степного населения на Микенскую Грецию и зарождении этих культурных проявлений в Урало-Казахстанских степях (Бесседин В.И., 1999, с. 52).

Широкое применение радиоуглеродного датирования и уточнение этого метода позволило удревнить даты как ямно-катакомбных погребений Украины (XXIII-XXI вв. до н.э.), так и памятников ямной (XXVI-XXIII вв. до н.э.), волтавкинской (XXIV-XXI вв. до н.э.) и срубной (XVI-XIV вв. до н.э.) культур Поволжья (Кузьмина Е.Е., 2001, с. 69). Дата синташтинских захоронений могильника Кривое Озеро укладывается в пределы XIX-XVI вв. до н.э. (там же, с. 69). Анализ датировок Синташтинского могильника выявил две зоны совпадения достоверных интервалов: одна охватывает последнюю треть XX- начало XVII вв. до н.э., другая – конец XXIV- конец XXII вв. до н.э. (Телегин Д.Я., Соботович В., Ковалюх Н.Н., 1981, с. 81, 84; Матвеев А.В., 1998, с. 369, рис. 85). Радиоуглеродные даты поселения Аркаим также позволили выделить две зоны совпадения достоверных интервалов: более древняя охватывает XXI-XX вв. до

н.э., более молодая – XVIII-XVI вв. до н.э. (Зданович Г.Б., 1997, с. 59-60).

В последние годы наблюдается противоречие между абсолютными датами, полученными при помощи сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов. Чтобы снять противоречие, исследователи, используя доверительный интервал радиоуглеродных дат, высказали предположение о начале формирования синташтинских (а значит, и петровских) комплексов в конце III или на рубеже III – II тыс. до н.э. (Евдокимов В.В., 2000, с.35; Зданович Г.Б., 1997, с.60; Матвеев А.В., 1998, с.362-373; Кузьмина Е.Е., 2000, с.7-8). Для памятников нуртайского типа Центрального Казахстана определена радиоуглеродная дата остатков сатанской колесницы – с довольно широким доверительным интервалом в пределах 1575-1255 (1420±160) гг. до н.э. (ЛЕ 2320). Завышенная дата данного памятника связана с влиянием Семипалатинского ядерного полигона (Новоженков В.А., 1989, с.115; 1994, с.160).

Подводя итоги можно констатировать, что на территории Центрального Казахстана начало сложения андроновской культурной традиции связано с нуртайскими комплексами. В развитии нуртайской культуры выделяются два этапа: ранний – бозенгенский и поздний – сатанский (рис. 1). В бозенгенское время происходит становление культуры на основе местных энеолитических и раннебронзовых традиций при определенном влиянии ямного компонента. Наиболее полно процесс становления данного культурного явления прослеживается по материалам поселения Икпень II и могильников Бозенген, Красная Круча, Актобе I, Актобе II.

Памятники сатанского времени (поселения Икпень I и Икпень II, могильники Сатан, Нуртай, Икпень I, ограда 14, 18, 10, 19, 27 Балыкты, ограда 4 Звенигородка, Алтынсу, ограда 1-3 Шет III, ограда 33 Сангру II) соотносятся с синташтинским этапом развития зауральской «Страны городов». На этом этапе начинается трансформация общественных отношений, связанная с процессами социальной дифференциации, что отразилось в появлении крупных надмогильных конструкций, престижного инвентаря, захоронений колесниц и лошадей (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с.54-55).

Материалы свидетельствуют о том, что верхняя дата самостоятельного развития нуртайской культуры определяется временем миграции восточно-казахстанского андроновско-канайского населения на рубеже XVII-XVI вв. до н.э. (Ткачева Н.А., 1997, с.16). Исходя из серии предметов, часть из которых появляется в конце III тыс. до н.э. (ножи, тесла, долота, булавы) и бытование не выходит за пределы первой половины II тыс. до н.э., время развития нуртайских древностей определяется в пределах первых веков II тыс. до н.э.: бозенгенский этап – XIX – XVIII вв. до н.э.; сатанский – конец XVIII – XVII в. до н.э. Процесс формирования андроновской культурной традиции, начавшийся в конце III или на рубеже III-II тыс. до н.э., связан с резкой аридизацией климата, наступившей на рубеже тысячелетий в Урало-Казахстанских степях (Мосин В.С., 1995, с.127-128).

Литература

Беседин В.И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, Воронеж. ун-т, 1999. Вып. 13.

Бочкарев В.С. Проблемы Бородинского клада // Проблемы археологии. 1968. Вып. 1.

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по материалам петровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., ИА АН СССР, 1983.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2000. Т. I.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской степи // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, Караганд. ун-т, 1989.

Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы, ИА НАН РК, 2000.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишмья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., ИА АН СССР, 1975.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА, 1997, № 2.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, Башк. ун-т, 1983.

Клапчук М.Н. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году // СА. 1965. № 3.

Клапчук М.Н. Стоянка Караганда 15 // СА. 1970. № 4.

Кузьмина Е.Е. Время истории Волго-Уралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, Самар. гос. ун-т, 2001.

Лесков А.М. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. №1. 1964.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., ИА РАН, 1993.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С. Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, Наука, 1987.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, Наука, 1998.

Мосин В.С. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье и Северном

Казахстане на рубеже энеолита и бронзового века // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, Челяб. ун-т, 1995. Ч. V, кн. 1.

Новожинов В.А. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей (краткий обзор источников) // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, Караганд. ун-т, 1989.

Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алма-Ата, НАН РК, 1994.

Семенов Л.Ф. Находка каменного топора у реки Нуры // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. 1.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., Наука, 1977.

Телегин Д.Я., Соболев Э.В., Ковалюх Н.Н. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов (Сообщение 2 координационного совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975-1977 гг.) // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, Наукова думка, 1981.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2.

Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., ИА РАН, 2003.

Ткачев А.А. Памятники нуртайской культуры в системе андроновских древностей // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, Красноярск. гос. пед. ун-т, 2005.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Керамические комплексы средней бронзы Верхнего Прииртышья // Казахской государственности 530 лет. Усть-Каменогорск, Изд-во ВКГУ, 1997.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, Алтай. гос. ун-т, 1997.

Чиндин А.Ю. Каменные индустрии племен Центрального Казахстана эпохи мезолита – энеолита (на основе типологии, трасологии, эксперимента): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., ИИМК РАН, 1992.

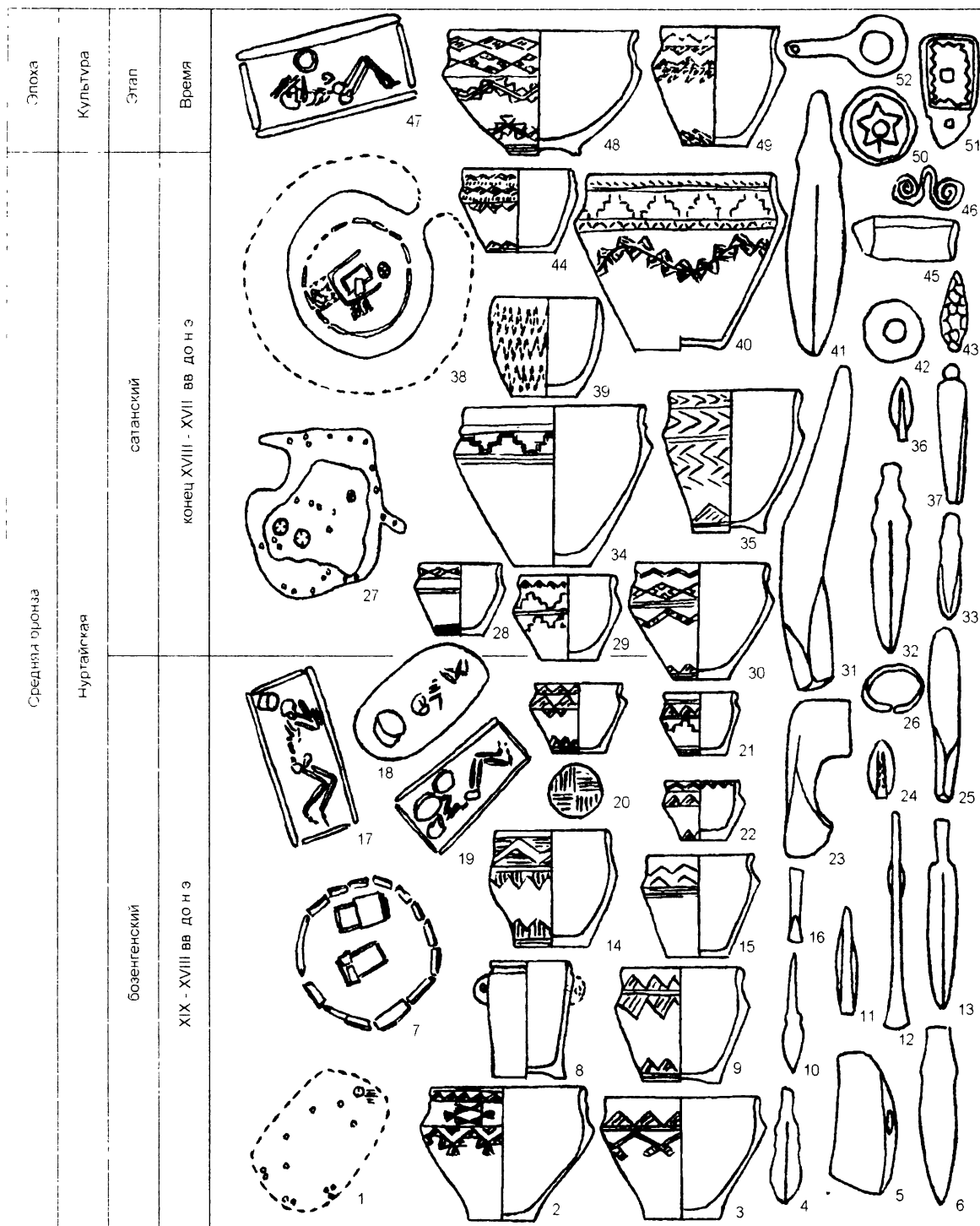

Рис. 1. Схема культурно-исторического развития нуртайской культуры. 1 - пос. Икпень III; 2-4, 4-14, 17-19, 23, 24 - мог. Бозенген; 5, 6 - мог. Красная круча; 15, 16, 20, 25, 31, 32 - пос. Икпень II; 21, 22, 26-28 - пос. Икпень I; 29, 30, 33, 35-40, 42, 44-50, 53 - мог. Нуртай; 34 - мог. Актобе I; 41, 43, 51 - мог. Сатан; 2, 3, 8, 9, 14, 15, 20-22, 28-30, 34, 35, 39, 40, 44, 48, 49 - глина; 4, 6, 10-13, 16, 23-26, 31-33, 36, 41, 46, 50 - бронза; 5, 37, 42, 43 - камень; 5, 52 - кость.

Н.А. Ткачёва

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
г. Тюмень, Россия*

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В степной зоне Верхнего Прииртышья выявлено 36 могильников эпохи бронзы. Раскопкам подвергнуто 30 памятников, но материалы многих номинальных комплексов не опубликованы. Памятники, исследованные в конце XIX – начале XX веков, утеряны или опубликованы частично (Черников С.С., 1960, с.13-18), поэтому не отражают все стороны погребального культа. Для характеристики погребального обряда андроновских племен Верхнего Прииртышья использованы материалы 24 могильников, основная часть которых изучена во второй половине XX века.

Преобладающее число могильников выявлено вдоль правого и левого берегов Иртыша, обычно на первых надпойменных террасах. Достаточно часто могильники расположены в небольших долинах, ограниченных со всех сторон горными массивами, сопками и поймой реки. Террасы, замыкающие межгорную котловину, как бы «предусматривают» существование особых «долин мертвых», которые посещаются живыми в исключительных случаях. Внутри долин могильники занимают мысовидные выступы террас у края поймы. Другие могильники расположены на открытых площадках, возвышенностях береговых террас или склонах сопки, вплотную примыкающих к реке и господствующих над окружающей местностью. Речная долина хорошо просматривается вверх и вниз по течению, а с окрестных хребтов и сопки видны места захоронений. Высота погребальных площадок достигает 4-30 м от уреза воды в реке.

На вторых надпойменных террасах крупные могильники эпохи бронзы не встречены. Здесь отмечены отдельные погребальные объекты – одиночные ограды с насыпью, расположенные обособленно или среди могильных сооружений более поздних эпох. Расположены эти сооружения на расстоянии от 1 до 5 км от края террасы, иногда на водоразделах.

Большинство могильников разрушено антропогенным воздействием и поэтому определить точное количество надмогильных сооружений зачастую не удастся. Погребальные конструкции на площади могильников «вытянуты» вдоль реки или возвышенности на 0,15-0,8 км (Маринка, Канай, Сарыколь I, Барашки) или расположены компактной группой (Кызылтас, Жанажурт, Березовский).

Для ранних памятников характерно размещение надмогильных конструкций компактной группой, развивающейся из единого центра. Постепенно, в процессе развития общества, в могильниках на общем погребальном поле выделяются внутренние группы (обычно от двух до пяти), расположенные на некотором удалении друг от друга. За этими группировками могильных сооружений можно видеть постепенный переход от единых родовых коллективов, в руках которых

была сосредоточена общая родовая собственность, к большесемейным общинам, объединенным в один родоплеменной коллектив, но имеющим отдельные участки для погребения членов своих семей на общем погребальном поле. В обществе, члены которого оставили данные поминальные объекты, формируется двойная структура управления: родоплеменное устройство, регулирующее взаимоотношения между большесемейными общинами и выступающее как единое целое во взаимосвязях с другими коллективами, и управление большесемейными общинами, определяющими хозяйственное развитие общества и особенности форм собственности (Березовский, Темир-Канка, Зевакино, Средняя база Беткудук).

Площадь могильников составляет от 4-5 тыс. м² (Маринка, Жанажурт, Сарыколь II, Мало-Красноярка) до 10-30 тыс. м² (Березовский, Темир-Канка, Зевакино).

Надмогильные сооружения фиксируются в виде безнасыпных оград, сооружавшихся из разных пород камня: ограды из гранитных плит, поставленных на ребро и вкопанных в канавки, прорезавшие верхний слой грунта и углублявшиеся слегка в материк; ограды из ломаного камня (гранита, порфирита, сланца, кварца) обычно возводились на материковой поверхности, предварительно очищенной от дерна. Преобладают ограды округлой и овальной форм, прямоугольные, квадратные или трапециевидные сооружения фиксируются значительно реже. В некоторых могильниках встречаются ограды с одной-пятью пристройками (7,3%). Их появление связано с изменением структуры андроновского общества в переходное – от средней к поздней бронзе – время. Особенностью комплексов с пристройками является их развитие в меридиональном направлении, чаще дополнительные сооружения пристраивались к основной ограде с юга, реже с севера, единично с востока, с отклонениями к югу или северу.

Количество видимых на поверхности оград от 1 до 87. Некоторые ограды имеют невысокие насыпи высотой 0,1-0,3 м, диаметром 9-12 м (8,6%). В плане курганы фиксируются в виде круга или слабо вытянутого овала, форма насыпей сегментовидная со сглаженной вершиной, иногда в центре находится овальная западина от грабительского лаза или провалившихся могильных конструкций. В некоторых случаях встречено двойное ограждение. Во внешнюю конструкцию крупных размеров встроено сооружение меньшего размера, нередко другой формы: в круг встроен квадрат (Зевакино), в квадрат встроен овал (Кызылтас), в квадрат встроен прямоугольник (Меновное IX), в круг встроен круг (Березовский). Уникальной является конструкция в виде ограды-мавзолея. Ее внутреннее сооружение округлой формы из плашмя уложенных плит с проходом в западной части окружено квадратной оградой, ориентированной по сторонам света (Кызылтас).

На поздних этапах бронзового века выделяются три линии развития погребальных комплексов: появляются крупные пристроечные комплексы с коллективными захоронениями (Зевакино); фиксируются крупные ящики без оград или окруженные оградой из плашмя уложенных плит (поздние комплексы

могильников Измайловка и Кызылтас); небольшие ограды, перекрытые каменно-земляной насыпью (Меновное Х).

Всего в исследованных могильниках изучено 257 погребений. Обычно ограда содержала одну могилу, расположенную в центре огражденного пространства. Незначительное количество оград имеет две могилы (11,3%) и, как исключение, в ряде оград отмечено 4-5 могил (Мало-Красноярка, Малый Койтас). Если в ограде две и более могил, то они расположены параллельно друг другу в центре, или одна, более крупная, в центре, другая, несколько меньших размеров, смещена в один из секторов. Если в ограде встречены взрослые и детские захоронения, то погребение взрослого помещено в центр, ребенок погребен в одном из секторов ограды или за оградой, чаще – в отдельной пристройке.

Погребения совершены: в грунтовых ямах – 151 (58,6%), некоторые из них имеют одну-две каменные стенки; каменных ящиках – 80 (31,2%), цистах – 21 (8,2%), единичны захоронения в спаренных ящиках – 2 (1,6%) и на материке (0,4%). Распространение их по отдельным могильникам значительно варьируется, но чаще встречаются грунтовые ямы (55-97%). Исключение составляет могильник Кызылтас, где преобладают каменные ящики (83%) и могильник Малый Койтас, где, судя по последним исследованиям, также преобладают каменные ящики (Максимова А.Г., Ермолаева А.С., 1987, с.37-42, рис.18). По отчетам В.И.Каменского, проводившего исследования могильника Малый Койтас в 1910 г., не всегда ясно какой тип могильного сооружения присутствовал в конкретных оградах, по косвенным данным можно говорить, что во многих оградах были каменные ящики или цисты (Черников С.С., 1960, с.13-14). Богатство инвентаря памятников, несмотря на ограбление, позволяет считать, что погребения этого могильника принадлежат привилегированным слоям андроновского общества.

Преобладание в конкретных могильниках определенного типа могильных сооружений зависит как от хронологического, так и от территориального расположения. В наиболее ранних памятниках, при общем преобладании грунтовых ям, количество захоронений в каменных ящиках достаточно велико – 25-27% (Канай, Мало-Красноярка). Наблюдение по хронологическим характеристикам свидетельствует о постепенном увеличении в погребальном обряде ящиков как основного типа могильных конструкций (45-83%), что характерно для памятников, расположенных на левом берегу Иртыша, богатого выходами хорошо колющихся гранитов. На правобережье Иртыша на протяжении бронзового века преобладают грунтовые ямы (71-100%). Камень чаще использовался для сооружения оград, стенки ям иногда укреплялись несколькими плитками, имитирующими ящик. Если на левобережье для сооружения могильных и надмогильных конструкций в основном использовали гранит, то на правом берегу ограды, ящики, цисты сооружались из разных пород камня – кварца, сланца, порфирита, в отдельных сооружениях разные породы камня сочетались.

Особенностью могильных конструкций является наличие уступчиков, на которые опиралось перекрытие, ниже находилась яма, ящик или циста. На раннем

этапе средней бронзы они являются исключением (Маринка), позднее, эта особенность становится характерной чертой многих могильников (Кызылтас, Средняя база Беткудук, Меновное IX). На позднем этапе средней бронзы и в переходное время данная черта погребальной обрядности постепенно исчезает (Березовский, Зевакино, Барашки) и на заключительной фазе бронзового века почти не встречается, тогда как стенки ящиков возвышаются не только над материком, но и над современной дневной поверхностью (Темир-Канка, Ковалевка, Измайловка, Кызылтас – поздний комплекс).

Для перекрытия могил на левобережье использовали целые плиты или его составляли из нескольких небольших плит, иногда встречается двойное перекрытие на уровне материка и на уступчиках. На правобережье преобладают перекрытия из деревянных плах (Маринка, Березовский, Барашки) и бревен лиственницы (Предгорное – Черников С.С., 1970, с.35-36). В могильнике Зевакино в двух грунтовых ямах встречены деревянные конструкции: в одной бревна сложены в один ряд вдоль стен, образуя прямоугольную раму, в другой находился сруб из четырех рядов необработанных бревен, перекрытых бревенчатым накатником (Арсланова Ф.Х., 1973, с.161; 1975, с.76).

Погребальные склепы – цисты, сложенные из каменных плиток, встречаются редко. Их появление связано с выделением в андроновском обществе особой социальной группы, сформировавшейся на раннем этапе среднего бронзового века (Канай), на позднем этапе среднего бронзового века их количество несколько увеличивается (3,1-33,3%), в тоже время они продолжают бытовать как исключение. Наибольшее их число отмечено в могильнике Зевакино, Джартаг, Меновное IX. На финальной фазе бронзового века этот тип внутримогильных конструкций почти полностью исчезает. Исключение составляет циста, изученная в могильнике Меновное X.

По размерам могильные ямы можно разделить на 3 группы: малые, средние и крупные. Детские могилы малых размеров: длина 0,3-1,25 м, ширина 0,2-0,7 м, глубина 0,1-0,5 м; могилы подростков несколько больше (1,25-1,7 х 0,8-1,0 х 0,4-1,0 м); могилы взрослых крупных размеров (1,4-2,7 х 0,6-1,7 х 0,5-1,7 м).

Ориентировка продольной оси могил весьма не устойчива (табл.1), с преобладанием во всех случаях широтного направления (3-100%). В могильниках Маринка, Зевакино, Березовский достаточно широко распространена ориентировка по линии СЗ-ЮВ (16-28%) и СВ-ЮЗ (18-34%). Меридиональная ориентировка встречается как исключение, хотя в поздних памятниках распространена широко – 44,4% (Мало-Красноярка). В суммарном выражении по всем могильникам степной зоны Верхнего Прииртышья преобладает ориентировка по линии З-В (69,4%), значительно реже СВ-ЮЗ (12,4%), СЗ-ЮВ (12,8%) и С-Ю (5,4%).

Основной способ захоронения, судя по остаткам костяков и отдельных костей скелетов в ограбленных могилах, ингумация – 221 (84,7%). Чаще встречаются одиночные костяки (77,8%), реже парные – дети, женщины с детьми, мужчины и женщины (6,1%), единично зафиксированы групповые – 0,8% (дети, взрослые с

детьми). Обряд кремации встречается крайне редко – 10 (3,8%). Основная часть захоронений по обряду кремации выявлена в могильнике Маринка, где данный способ отмечен в трех ямах: в одной сочетание кремации и ингумации; а в остальных обнаружены две-три кучки кальцинированных костей. В других могильниках Верхнего Прииртышья погребения по обряду кремации встречаются как исключение. Появившись на раннем этапе средней бронзы, обряд не получил распространения, исчезая полностью на заключительной фазе бронзового века. В значительной группе могил способ погребения не определен: отсутствуют кости при наличии вещей или отсутствуют кости и вещи – 30 (11,5%).

Поза и ориентировка костяков определены в 133 случаях. Судя по сохранившимся костякам и отдельным частям скелетов, умерших помещали в могилы в скорченном положении, иногда связывая и ломая отдельные суставы, преимущественно на левом боку – 112 (84,2%), значительно реже на правом – 18 (13,5%). На правом боку чаще лежат женщины, реже мужчины (Малый Койтас). В парных погребениях умершие лежат лицом друг к другу, мужчины на правом, женщины на левом боку (Маринка).

Уникальным является парное захоронение, где умершие лежат на правом боку головами к центру могилы (Зевакино) (Арсланова Ф.Х., 1975, с.75). В наиболее раннем могильнике Канай встречено парное захоронение, где умершие лежат на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, с согнутыми в коленях ногами, поднятыми вверх. Безынвентарное погребение, где умерший лежал в аналогичной позе, встречено в позднем могильнике Измайловка (Максимова А.Г., Ермолаева А.С., 1987, с. 57-58, рис. 26, 2). Но этот способ не характерен для периодов средней и поздней бронзы (2,8%) и является, вероятно, пережитком более ранней эпохи. Промежуточная поза – на боку с одной рукой, согнутой в локтевом суставе, другая вытянута вдоль туловища – отмечена в могильнике Маринка.

В ориентировке костяков преобладает западное направление – 74 (55,7%), с отклонениями на северо-запад – 23 (17,3%) и юго-запад – 17 (12,8%). Как исключение встречено меридиональное направление головой на север – 3 (2,3%) и юг – 2 (1,5%). Восточное направление фиксируется редко – 9 (6,8%), с отклонением на северо-восток – 5 (3,6%). Восточная ориентировка костяков характерна для наиболее ранних памятников, но постепенно происходит смещение к западному, юго-западному и северо-западному направлениям.

Сопровождающий погребальный инвентарь представлен керамикой, орудиями труда, оружием, украшениями.

Керамика в виде целых сосудов и отдельных фрагментов отмечена в 149 могилах (57,9%). Учитывая степень ограбления, наличие отдельных костей и вещей в погребениях, а также небольшое число костяков без сопровождающего инвентаря, можно предположить, что посуда с пищей являлась обязательным атрибутом погребального обряда, а могилы без керамики следует считать исключением, пока не поддающимся объяснению.

Количество посуды в могилах не велико: один, значительно реже, два сосуда. В их расположении прослеживается следующая закономерность: обычно посуда с

лищей ставилась в головах или перед лицом, иногда на уровне груди и, как исключение, в ногах.

Из-за сильного ограбления могил в древности, оружие и орудия труда в погребениях встречаются не часто – 23 (8,9%). Ряд предметов представляют несомненный интерес: ножи срубно-андроновского типа с перехватом и перекрестьем, двулезвийные ножи с выделенной рукоятью и намечающимся перекрестьем, двулезвийные пластинчатые ножи с выделенной рукоятью и дополнительным перекрестьем, однолезвийные ножи с выделенной рукоятью, однолезвийные ножи с выделенной рукоятью и кольцевым навершием; бронзовые наконечники стрел (черешковый и втульчатые); иглы, шилья, каменные и костяные наконечники стрел, пест, поделки из глины.

Украшения, являющиеся составной частью погребального обряда, встречены в 41 могиле (15,9%). Более всего распространены серьги с раструбом (литые и кованые), бляшки с тисненным и пуансонным орнаментом, желобчатые браслеты, пуговицы, подвески (кольцевые, листовидные, в полтора оборота), бронзовые бусы; подвески из клыков и резцовых зубов животных. Перечисленные украшения считаются характерными для памятников андроновского круга (Сорокин В.С., 1962, с.55-56), а серьги с раструбом являются этнографическим признаком восточно-андроновских и федоровско-нуринских племен Северного и Центрального Казахстана (Аванесова Н.А., 1975, с.67-69; 1991, с.50-53). Особым этнографическим признаком прииртышских племен являются бородавчатые подвески, фактически не известные за пределами иртышско-алтайских степей.

О сложности погребального обряда прииртышских андроновских племен свидетельствует широкое использование культа огня. Появившийся на раннем этапе развития, обряд кремации не получил широкого распространения, очищающая сила огня в погребальном обряде была заменена его атрибутами: помещением в могилу древесных угольков или разведением открытого огня на перекрытии могилы после захоронения. Сожжение умерших всегда проводилось на стороне и в могилу помещали только кучку пережженных костей. Данный обряд связан с проявлением особых отношений к конкретному умершему, существовавших внутри андроновских коллективов Прииртышья. Отличительной чертой этих захоронений является почти полное отсутствие посуды и погребального вещевого инвентаря.

В андроновских памятниках Верхнего Прииртышья редко фиксируются следы жертвоприношений: сосуды, вкопанные в материк, или скопления костей отдельных частей домашних животных, помещенных на краю могилы, или, значительно чаще, в могиле. Состав костей заставляет предполагать, что в процессе обряда погребения совершалось ритуальное расчленение жертвенного животного и умершему посвящали только отдельные части туши: голову, лопатки, ноги. Возможно, умершему предназначалась и шкура (Кадырбаев М.К., 1974, с.1; Сальников К.В., 1967, с.34). Преобладают кости крупного рогатого скота, очень редко кости лошади, овец или коз.

Близость элементов погребального обряда исследованных могильников

позволяет проследить изменения погребального культа племен эпохи бронзы Верхнего Прииртышья на протяжении среднего и позднего периодов бронзового века.

Литература

Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., Наука, 1975.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, Изд-во «Фан», 1991.

Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточного Казахстана // СА. 1973. № 4.

Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л., Наука, 1975.

Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, Наука, 1974.

Максимова, А.Г., Ермолаева А.С. Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, Наука, 1987.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., Наука, 1967.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. 1960.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., ИА АН СССР, 1970.

Ж.К. Укеев, Н.Ж. Есов

*Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану музейі, Қарағанды қ., Қазақстан;
Қарқаралы ауданының тарихи-өлкетану музейі, Қарқаралы қ., Қазақстан*

ШЕЖІРЕ – ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ ТАРИХИ ДЕРЕК КӨЗІ

Қазіргі кезде тәуелсіздіктің арқасында ұлттық тарихымыздың бастау көзі болып табылатын өлке тарихы, шежіре, салт-дәстүрлерді оқып үйренуге ұмтылуға баса назар аударылып отыр. Әсіресе, шежіре тарихын мұрағат материалдары мен ғылыми еңбектерді кеңінен пайдалану арқылы зерттеп, ғылыми ой елегінен өткізу – қазіргі тарих ғылымының өзекті мәселесіне айналууда.

Шежіре – қазақ халқының ұлттық дерек көзі. Қазақ халқы үшін шежіре – қазақ руларының тұқым қуалау кестесі ғана емес, ол халықтың сан ғасырлық тарихы, сол тарихты ұрпақтан ұрпаққа игі жақсылардан қалған аталы сөздері мен істері арқылы жеткізетін ұлттық сананың құрамдас бөлігі.

Шежірені тек құрғақ генеологиялық тізбе ретінде түсінбей, бүгінгі біздің тарих мағынасында қабылдап, қазақ шежіресін қазақ ру-тайпаларының ғана емес, нақты тарихи дерек көзі етіп көрсету. Осы орайда ғалым Ақселеу Сейдімбектің мына сөздерін айта кеткіміз келеді: «Қазақ ру-тайпаларының тарихы түптеп келгенде, қазақ халқының тарихы. Оларды шежірелік мағлұматтарсыз ажыратып, түсіну мүмкін емес. Қазақтың рулық жүйесі қазақ мемлекетінің қалыптасуына негіз болған» (Сейдімбек А.6 1994).

Бірақ осы уақытқа дейін шежіреге тарихи дерек көзі ретінде келді, оны тек қазақтардың ата-бабаларының тізімі деп қарастырды.

Шежіре – тарихи дерек көзі. Егер оны таратып айтар болсақ, мынадай мәселелерге тоқталғымыз келеді. Біріншіден, қазақ шежіресі - қазақ мемлекеттігінің қалыптасу тарихынан құнды дерек беруші. Себебі, ру-тайпаларының тарихы қазақ хандығының зерттелуіне негіз болған. Екіншіден, қазақ шежірелері ру тарихына, тарихи оқиғалар мен ірі тұлғалардың өміріне қатысты деректерден қашанда мол мәлімет беретін құнды тарихи дерек көзі. Үшіншіден, қазақ шежірелері ауыздан ауызға жетіп, фольклорлық дерек ретінде қазақ тарихына байланысты мәліметтерді толықтыра түседі. Бұл жағдайда ауызша шежіре айтудағы қазақ ақсақалдарының рөлін Ш.Ш.Уәлиханов, М.Ж.Көпеев, Ә.Х.Марғұлан жоғары бағалайды.

Қазақ шежіресіндегі материалдар XVIII ғасырдың бірінші жартысында басқа деректемелерге қарағанда неғұрлым толық мәлімет береді, яғни қазақтар мен жоңғар қатынастарын сипаттайды. Мұндай тарихи мәліметтер қазақ даласына жоңғар шапқыншылығынан келген зардаптар, көшпелілердің қалыптасқан дәстүрлі көші-қон, көшпелілердің жер қатынастары мен руаралық байланыстар жүйесі күйрей бастаған кездегі рулардың қоныс алмастыруын дәлелдейді, және де шежіренің құндылығы тарихтағы батырлардың есімдері мен тарихи оқиғаларынан сақталады. Қазақ шежірелері қазіргі тарих ғылымына қазақ жырлары мен ғолғаулары жанрында кең көлемде деректемелер де жай ғана халық ауыз

әдебиетінің үлгісі ретінде қарастырып келдік. Ол қате түсінік, өйткені шығармаларда казактар тарихы жөнінде егжей-тегжейлі мәліметтер кездеседі. Мәселен, “Абылай туралы жыр”, Көкбай жазған “Сабалак”, “Абылай хан әңгімесі”, М.Ж. Көпейұлында “Абылайханның алғаш көзге түскені. т.б.

XVI ғасырдағы белгілі тарихшы М.М. Хайдар Дулатидің “Тарихи Рашиди” деген шығармасы XIV-XVI ғасырлардың басында Қазақстан аумағы мен көрші аумақтарда өмір сүрген ірі мемлекеттердің бірі Моғолстан тарихына арнайы арналған. М.Х.Дулати өз еңбегін моғолдар, атап айтқанда, өз бабалары – дулат әмірлері арасында белгілі ауызша аңыздарға негіздеген. Ол өзіне дейінгі ғалымдардың – Жамал-ад-дин Қаршидің, Жувейнидің, Рашид-ад-диннің және басқа көптеген адамдардың тарихи еңбектерін пайдаланған.

Қазақтың тұңғыш тарихшы-ғалымы, этнографы Ш.Ш.Уәлиханов (1835-1865) казак ұлтының төл деректеріне ғылыми негізделген ой айтқан казак ғалымдарының алғашқысы болды. Ол Қазақстан, Орта Азия, Шығыс Түркістан тарихының мәселелерін, түркі халықтарының тарихын зерттеді. Ш.Ш. Уәлиханов өзінің «Қырғыз шежіресі», «Қырғыздар туралы жазбалар», «Қырғыздардың көші-қоны туралы» деген еңбектерінде казактардың этногенезінің, жүздер құрылуының, казактардың рулық-тайпалық құрамының, орналуының мәселелерін зерттеді.

Ш.Ш.Уәлиханов өз зерттеулерінде казак және ноғай эпостарын, аңыздары, тарихи әңгімелерді, алуан түрлі фольклор материалдарын пайдаланған. Ауызша деректер тобына жататын аңыз-әңгімелер, жыр-дастандар мен қатар Ш.Ш.Уәлиханов жазба деректер туралы да өз ойын айтып, олардың деректік маңызын көрсетті. Ол Қ.Жалаирдің «Жамиғ-ат-тауарих», М.Х. Дулатидің «Тарихи-Рашиди» еңбектерінен үзінділер келтіреді. Рашид-ад-диннің шығармасын зерртей отырып оның мәліметтерін казак тарихи-этнографиялық мәліметтер бар деп Рашид-ад-дин шығармасын жоғары бағалайды.

Ш.Уәлиханов казактарға байланысты этногенетикалық мәселелерге байланысты таптырмайтын дерек ретінде этнография мен фольклор мәліметтерін, казак аңыз-әңгімелерін жоғары бағалайды. Этнографиялық және фольклор деректерінің ежелгі тарихты зерттеудегі маңызы туралы ғалымның ойлары оның «Жоңғария очерктері», «Оңтүстік Сібір тайпалары туралы», «Қырғыз шежіресі» деп аталатын еңбектері мен мақалаларында анық байқалған.

М.Ж. Көпейұлының “Қазақ шежіресі” тарихнамалық мұра болып табылады (Көпеев М.Ж., 1999). Оның бұл еңбегі казак шежіресіндегі дәстүрлі бағыт болып табылады. Онда батыс не шығыс авторларына сілтеме жасалмайды. Ол осы еңбегінде халықтың ауыздан-ауызға тарайтын фольклор деректерін-аңыз-әңгімелерді, тарихи жыр-дастандарды пайдалана отырып, казак халқының түп-түбіне байланысты тарихи фактілерді, тарихи тұлғалар мен оқиғаларды пайдаланыстырады. Ол батыс және шығыс деректерінің төл деректерден асып кете алмайтындығын және әрбір шетел ғалымдарының өзіндік пиғылының барлағын ескерте кетеді.

XX ғасырдың 20–жылдары шежіреге қатысты алғашқы ғылыми зерттеулер

дүниеге келе бастады. Олар: М.Тынышпаев, Ә.Бөкейханов, С.Асфендияров және б. Авторлардың зерттеу нысанасы төмендегідей мәселелерді қамтиды: қазақтың тегі және қашаннан бері жұрт, яғни қалыптаса бастағандығы мәселесі; қазақ жеріндегі ежелгі түркілік, тайпалық одақтардың және мемлекеттердің қазақ ұлтын қалыптастырудағы ролі. XX ғасыр басында “Шежіре–халықтың тарихын зерттеулердің ең басты қайнар көзі - деп зерттеуші М.Тынышпаев айтқан еді. 1925 жылы М.Тынышпаевтың “Қырғыз-қайсақ халқының тарихы жөніндегі материалдар” деген еңбегі шығарылды, 1926 жылы “Қазақстанды зерттеу қоғамы” оның “XVII- XVIII ғасырлардағы қырғыз– қазақтар” деген еңбегі шығарды. “Материалдарда” қазақ жүздерінің этникалық құрамы, қазақтардың шыққан тегі туралы аңыз-әңгімелер, қазақ руларының таңбалары мен ұрандары берілген, әрбір тайпаның тарихын сипаттау үшін тарихи материал іріктеліп алынған. Алайда ол ғылыми емес әдістерді қолданып, қателіктер жіберді: географиялық атаулардың, тарихи есімдердің лингвистикалық үндестігін қазақ халқы тайпаларының ежелден келе жатқанының айғағы деп қабылдайды (Тынышпаев М., 1998).

Ә.Бөкейхановтың тарихи деректану ғылымына қосқан үлесінің келесі бір бөлігі, ол өз шығармаларында айтқан тарихи деректанушылық ойлары, нақты төл деректерімізді сынауға байланысты білдірген көзқарастары.

Мысалы, 1911 жылы жарық көрген Ш.Құдайбердіұлының «Түрік, қырғыз, қазақ һәм шежіресі» деп аталатын еңбегіне арнаған рецензиясында: «Шәкәрімнің бұл кітабы қазақ шежіресінің тұңғышы»- деп, бұл еңбектің қазақтың төл дерегінің бірі–шежірені жариялаудағы орнын, автордың объективті қиыншылықтарға қарамай тындырған еңбегін жоғары бағалайды (Құдайбердіұлы Ш., 1911).

Шежіреге тарихи тұрғыдан аса көңіл бөлген ғалымдар Е.Бекмаханов пен Ә.Х.Марғұлан. Олар ортағасырлардағы қазақ тарихына байланысты қазақ шежіресін қолдану тәжірибесінің барлығын дәлелдеген ғалымдар еді.

Қазақтан шыққан тұңғыш тарих ғылымының докторы, профессор Е.Бекмахановтың еңбегінің «Казахстан в 20-40-годы XIX века» деген еңбегінде өзінің деректанушы екендігін көрсетеді. Ол өзінің тарихи зерттеулерінде Кенесарының орыс отаршылдығына қарсы соғысындағы тарихын жазуда қазақтың ақсақалдарының сөздерін дерек ретінде қолдану қажеттілігін дәлелдеп, қазақи тарихи мәліметтерді жариялады.

Дегенмен, бұл материалдардың ғылыми тұрғыда пайдалану үшін «ең алдымен жазбаларға сыни көзбен қарап, бұл жазбаны қашан, кім және кімнен естіп жазғанын анықтау өте маңызды. Қазақ сұлтандарының, билері мен ақсақалдарының өздері жинаған жазбалары анағұрлым дұрыс болып табылады» (Бекмаханов Е., 1954) –деп зерттеушілерге деректің пайда болуының субъективті факторларына да көңіл аударудың қажеттілігін ескертеді. Соғыстан кейін жылдарда бірқатар ғылыми зерттеулер жүргізіп, қазақ халқының тегін анықтауға

Ә.Х. Марғұлан көп еңбек сіңірді. Оның көп жылдық еңбегінің қорытындысы – «Орталық Қазақстанның ертедегі мәдениеті» деген монографиясы Орталық Қазақстанның ертедегі заманын зерттеудегі және тайпалардың орналасу

мәселерін анықтаудағы маңызды кезең болып табылады.

Сонымен қатар6 Марғұлан – қазақ фольклорының теңдессіз білгірі, тарихшы, шығыстанушы. Ғалымдар арқа сүйейтін үш негізді де – ауыз әдебиетін, жазба деректерді және заттай құндылықтарды өте терең де жан-жақты зерттеп, қазақтың көне тарихы туралы 1985 жылы шыққан «Ежелгі жыр, аңыздар» кітабында ғұндардың, тарихи аңыздарының қазақ ауыз әдебиетімен үндестігі, тарихи тұлға Мөде туралы тың деректер, ғұндар мен қазақ тайпаларының тұтастығы туралы дәйекті мәліметтермен құпия жайттардың бетін ашады (Марғұлан Ә., 1985).

Қазақтар шежіресінің бір бөлігі болып есептелетін қазақтардың түр -кейпі туралы антропологиялық ерекшеліктерімен байланыстыра отырып шежіренің дерек ретінде қолданылуына тарихшы-этнограф О.И. Исмагуловтың үлесі зор. Ол қазақтардың түр-сипатын әрбір аймақтарда антропологиялық, соматологиялық белгілерін бөліп көрсетеді.

Оларда хунну державасы мен ежелгі түріктердің тарихына, географиялық орналасуына тоқталады. IX–XI ғасырлардығы кимектер тарихы жөніндегі монографиялық зерттеуін қазақ этногенезінің сюжеттерінің біріне арналған Б.Е.Көмеков–шығыстанушылардың Петербург мектебінің көрнекті өкілінің бірі. Мұсылман топтарын егжей – тегжейлі зерттеу негізінде ол қазақ халқының тегі деп санауға болатын кимектер мемлекетінің өмір сүруі мен мәдениетінің проблемасын тұжырымдап шешті (Кумеков Б.Е., 1972). 80 жылдарда тарихшылардың назары қазақ халқының тарихы географиясына, этногенезі мен динамикалық тарихына байланысты пікірлер шоғырланды. Солардың бірі М.Ақынжанов Қазақстанның ортағасырлық қыпшақтарына арналған монографиялық зерттеулерінде едәуір толық талдап шешкен мәселелері: қыпшақтардың шығу тегі, шаруашылығы, этнография мәселелерін қарастырды. Сонымен бірге қыпшақ және кимек этнонимдердерінің арақатынасы туралы мәселеге назар аударды (Ақынжанов М., 1957).

Кенестік биліктің жылдарында қазақ халқының өмірі, тілі, діні, мәдениеті зерттеледі, бұл рухани тұрғыда азып-тозуға айналды. Әсіресе ұлттық тарихымызды жазуға таптың принцип күшейген еді. Тәуелсіздігімізді алғаннан кейін, тарихымыз жаңа үрдіске ие болып, ұлттық тұрғыдан жазыла бастады. Тарихымыздың шынайы, толық дәрежеде жазылуына үстемдік еткен марксизм-ленинизм ұстанымы күйреді. Көптеген тарихшыларымыз тарихымыздың ақтандақ беттерін ашып, әртүрлі тарихи еңбектері өмірге әкеле бастады. Сондай еңбектердің бір тобын шежірелер туралы жазылған еңбектер құрайды. Өз ата-бабасы туралы білу, өзінің қай рудан шыққандығын анықтауға деген үлкен талпыныс пен ұлттық сұраныс шежіре жазуға деген қызығушылықты тудырады. Шежіре айту қазақ халқының өзіне ғана тән қасиеттерінің бірі. Халқымыз аңызбен ұрпақтан ұрпаққа жеткізу арқылы шежірелерді осы күнге дейін сақтап келеді.

Шежіре – халықтың шығу тегін таралуын баяндайтын тарих ғылымының бір бөлігі. С.Мұқановтың анықтамасы бойынша «Шежіре» – деп кімдерден кімдер шыққан, қалай өрбігенін баяндайтын ерте заманнан атадан балаға мирас болып келе

жатқан ауызша деректерді атайды.

«Біз кімбіз, қайдан келдік, ата тегіміз кім олар қай жерлер де мекендеген, қандай ел болған?» деген сауалдарға жауапты шежіре береді.

Шежіре – рудың, тайпаның, халықтың тарихымыз құрамды бөлігі. Әлемдегі бірқатар халықтың ішінде өздеріне белгілі тарихи тұлғалардың шежіресін жасаудың салты бар. Шығыста бұл салт Қытай елінде өте ертеде дамыған. Ресейде патшаның, текті сословиелердің, дворян әулеттердің шежіресін жасау салты қалыптасқан.

Қазақ халқында да ата шежіресі ерте кезден бар: «Жеті атасын білмеген жетесіз», «Жеті атасын білген ер жеті жұрттың қамын жер, жалғыз ұлын білген ел, құлағы мен жағын жер» – деген сөздер бекер шықпаған. Шежіре арқылы оның тегі, ата-қонысы, қауымға қосқан үлесі, отан қорғаудағы орны т.б. болмысы білінетін болған.

Шежіренің негізгі категориялары – ру, бау, тайпа, сан, тұқым, тек арыс, жүз, жұрт, ел сияқты халықтың бүкіл тарихын көрсететін категориялары.

Қазақ шежіресін қарай отырып, ондағы рулар мен тармақтар атауларынан өзара ұқсастықтарын байқауға болады. Бұл нені білдіретіндігіне жауап берер болсақ, ерте замандарда болған соғыстарда, апатты қырғын, жұт, ауру-індет кезінде кейбір тайпалар ыдырауға мәжбүр болған енді біреулерінің көпшілігі қырылып, аз аман қалған. Осы аман қалған рулар мен ру бөліктері басқа бір рудың не тайпаның құрамына қосылған. Белгілі ақсақалдар жаңа кірме рулардың жаттығын білдірмес үшін өз руларының атасынан тарайтындай етіп, оларды өздеріне тартқан. Сол арқылы рулардың бірлігі сақталды. Бұдан шығатын қорытынды біз бұл жерден біріншіден, қазақ халқының өмірі мен тарихында ақсақалдар орнының қаншалықты дәрежеде болғандығын көрсек, екіншіден, қазақ халқының ру-тайпаларының бейбіт өмір сүруінде қазақ шежіресінің қандай роль атқарғандығын көре аламыз. Сөйтіп, шежіре тек қана генеологиялық тізбек ролін ғана атқарып қанай қоймай, сонымен қатар елмен елді жалғайтын, халықтың біртұтастығын сақтауда маңызды қызмет атқарған.

Кеңес Одағы кезінде Қазақ халқының тарихының көптеген салалары әлсіз зерттелгені белгілі. Соның ішінде шежіре зерттеу тарихы да бар. Шежірені ол кезде ескіліктің, рушылдықтың қалдығы деп есептеп, оған мән берілмеуі. Сондықтан шежіре КСРО кезінде дерек көзі ретінде қарастырылмауы сондай-ақ оны қазақ тарихының дерек көзі ретінде қабылдау, қолдану аясы болған жоқ. Сондықтан қазіргі Қазақстан тарих ғылымы шежіренің қазақ тарихын зерттеуде олар орнының маңызды екенін сезіне отырып, оның дерек көзі ретінде қолданулуына, зерттелуіне көп көңіл бөлуі қажет.

Қорытындылап айтар болсам, қазақ – шежіресінің мәліметтері қазақ ру-тайпаларының тарихы ғана емес, қазақ халқының тарихынан көп дерек беретін бірден-бір дерек көзі болып табылады. Шежіре арқылы қазақ халқының түп-тамырын, қазақ мемлекеттілігін, қазақ қоғамын біле аламыз.

Әдебиеттер

- Ақынжанов М. Қазақтың тегі туралы. Алматы. 1957.
Бекмаханов Е. Қазақстан в 20-40 годы XIX века. Алма-Ата, 1954.
Дулати М.Х. Тарихи-Рашиди. Алма-Ата, 1999.
Гумилев Л.Н. Көне түріктер. Алматы 1992.
Көпеев М.Ж. Қазақ шежіресі. Алматы, 1999.
Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI в.в. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз, қазақ һәм хандар шежіресі. Орынбор, 1911.
Марғұлан Ә.Х. Ежелгі жыр-аңыздар. Алматы, 1985.
Сейдімбек А. Қазақ жырлары: кеше, бүгін, ертең // Қазақ әдебиеті. 1994. № 11-12.
Толыбеков С. Қазақ шежіресі. Алматы., 1992.
Тынышбаев М. Генеология киргиз-казахских родов // История казахского народа. Алма-Ата, 1998.
Уәлиханов Ш.Ш. Таңдамалы. 2 том. Алматы, 1984.

Э.Р. Усманова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Казахстан*

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СЫРЬЯ ДЛЯ ТКАЧЕСТВА (по материалам эпохи бронзы казахстанских степей)

Находки казахстанских археологических тканей эпохи бронзы очень редки, они практически не сохраняются в процессе археологизации. При этом даже небольшое количество накопленных образцов дает основание для технико-технологического изучения текстиля эпохи бронзы, который является ценным источником по истории развития казахстанского ткачества. Будучи продуктом труда, археологический текстиль может охарактеризовать практически весь производственный цикл, предшествовавший созданию одежды. В этом контексте немаловажно установить вид сырья, способы его получения и подготовки для изготовления текстиля в культурах андроновской общности II тыс. до н.э. Эта небольшая заметка является попыткой представить технологические приемы обработки шерсти, на основе анализа текстильных образцов (фрагменты вдетеной тесьмы и ткани, шнуры, нити) из погребений алакульской культуры (могильники Лисаковский I, II, Костанайская обл.). Главным образом, они представлены фрагментами головного убора и куртки. Текстильная основа изделий – шерстяная нить.

Порода овец эпохи бронзы. Находки костей в культурных слоях поселений, в жертвенных комплексах могильников указывают, что овца занимала одно из ведущих мест по количеству особей в андроновском стаде (Потемкина Т.М., 1985, с. 312; Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н., 1992, с. 175-177). Она являлась источником и мяса, и молока, и шерсти, и кожи. То есть по универсальности использования овцу с уверенностью можно считать главным животным в системе пастушеского хозяйствования эпохи бронзы, и не только бронзы, но и всех последующих эпох.

Но вот какую породу точно разводили в эпоху бронзы не известно. Имеется описание их общего вида: овцы были крупной породы, при среднем росте в холке 70 см и весе 50 кг (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 69). Однако по некоторым пропорциям костей можно предполагать, что овцы были подобны современной породе «чунтук» – группа курдючных овец. Шерсть у них была грубая. Чунтуки (матки и бараны) в большинстве случаев не имеют рогов. В настоящее время эта порода практически исчезла (устное сообщение А.К. Каспарова; также см. Каспаров А.К., 2006, с. 71-72). В любом случае вопрос о породе «андроновской» овцы остается открытым. По костным остаткам она остается не определимой. В связи с этим интересным является заключение о характере шерстяного волокна текстильных образцов из алакульского погребения могильника Лисаковский II (курган 1). Установлено, что при изготовлении вдетеного текстиля изделия использовалась тонкорунная шерсть очень хорошего

качества (Орфинская О.В., Голиков В.П.). И определение тонкорунности шерсти, из которой был изготовлен «лисаковский» текстиль несет в себе некий элемент «повторного» открытия в археозоологии. И вот почему...

Происхождение мериноса. Краткий экскурс. Овца тонкорунной породы (меринос) – селективный продукт позднего времени. Меринос дает длинный пух, который позволяет прясть тонкую, но прочную нить. И миф о золотом руне мог быть реальным фактом и отражением реальных походов греков в поисках источника качественной шерсти. По общепринятым сведениям овца породы меринос была выведена в Передней Азии в 3–2 вв. до н.э., возможно на основе отар, попавших туда из Средней Азии. Арабы в 12 веке привезли ее в Европу, где она повсеместно распространяется в 18 веке (Горелов Ю.К.). В России меринос появляется в начале 19 века, в Америке и Австралии в начале 20 века. В Казахстане тонкорунная порода мясо-шерстного направления выведена в опытном хозяйстве им. К.Мынбаева за период с 1931 по 1946 годы. Казахская тонкорунная порода была селекционирована путем скрещивания грубошерстных курдючных маток с баранами тонкорунных пород. Настриг шерсти у маток составляет 4,3–5,5 кг, у баранов – 10–11 кг (БСЭ. Интернет ресурс).

В поисках «золотого руна» эпохи бронзы. Откуда и когда появилась тонкорунная овца в составе «андроновского» стада? Оказалась ли она результатом случайной метисации или была выведена опытным путем? Какой был настриг шерсти у «андроновского» мериноса? В каком количестве он присутствовал? Принадлежал ли он стаду из отдельно взятой местности или был распространен по всей территории «андроновского» хозяйствования? Еще в 30-е годы технологическим исследованием первых находок из шерсти (фрагменты шапочек, гесьма, ткань), обнаруженных в могильниках у дер. Андроново и Орак, установлено, что материалом для этих изделий служила шерсть грубошерстной и тонкорунной овец, а возможно также и пух грубошерстной (Сосновский К.В., 1934; Сальников К.В., 1951, с. 139). Но почему-то вопрос о тонкорунной овце не рассматривался в контексте понимания истории возникновения этой породы в составе андроновского стада.

Уместно упомянуть о локальной породе данного региона – сулукольской овце породе мясо-шерстных овец с тонкой шерстью, выведенной в 70-е годы XX века в Аулиекольском районе Костанайской области в результате скрещивания местных овец казахской породы с самцами тонкорунных, привозных. Настриг шерсти достигает от самца – 10–12 кг, от овцы – 5,5 кг. Возможно, что удачное селекционирование сулукольской породы в местных, довольно суровых климатических условиях каким-то образом отражает историческую действительность существования «андроновского» мериноса, известного по археологическим данным в Верхнем Притоболье во II тыс. до н.э. И выходит, что «андроновцы» обладали своим собственным «золотым руном» задолго до скрещивания местных «оригенных» пород с привозными, например, австралийскими мериносами. И это «золотое руно» служило отличным сырьем для получения тонких нитей, используемых в ткачестве.

«Большой вам стрижки» (пожелание во время стрижки в казахском ауле). Стригут тонкорунную овцу один раз в год (апрель–май), грубошерстную – два раза в год (весной и осенью). Стрижка происходит пластом, который и называется руном. Ножницы для стрижки известны с эпохи раннего железа, они имеют специфический вид, с рукояткой, изогнутой в форме латинской буквы «U», обе пластины которых заострены. При сжатии рукояти обе пластины взаимно пересекаются. С ослаблением сжатия они вновь приходят в первоначальное положение (Малинова Р., Малина Я., 1988, с. 81). У славян такие ножницы именуются «пружинными» и традиционно делаются из цельной полосы металла: рукоятка загнута кольцом, поэтому в винте, соединяющем лезвия, нет необходимости (Зеленин Д.К., 1991. С. 1991).

Вот как описывает стрижку овец у казахов В.В. Радлов: «В ясный безоблачный осенний день овец гонят к озеру или близлежащему ручью и заставляют их несколько раз медленно пройти по воде (суга чогутады), чтобы вода смыла грязь с их шерсти... Стричь овец умеют далеко не все, а лишь немногие киргизы (казахи – Т.У.), которые обычно превращают это умение в ремесло... Овцам связывают все четыре ноги и стригут их большими железными ножницами (кыртык), начиная от зада. Опытный стригаль не отводит ножниц, пока не острижет всю овцу, и состриженная шерсть выглядит почти как целая овечья шкура» (Радлов В.В., 1989, с. 262). До сих пор в Новой Зеландии и Австралии стрижка овец считается сродни искусству, которое до сих пор ежегодно демонстрируется на специальных соревнованиях стригалей.

Чем стригли овец в эпоху бронзы? В казахстанских археологических комплексах эпохи бронзы ножниц не найдено. Однако шерсть с овцы можно получить не только стрижкой, но вычесыванием/выщипыванием. Может быть, в хозяйстве андроновцев существовали какие-то деревянные или роговые гребни, которыми вычесывали пух. И они не сохранились. Например, овцы древней породы, которых разводят в местечке Батсер-Хилле (Англия), имеют длинную шерсть, которую получают без стрижки, путем вычесывания (Малинова Р., Малина Я., 1988, с. 81).

Может быть, находка пинцета (Центральный Казахстан, могильник Сангру I, ограда 4) указывает на существование процедуры выщипывания для получения тонкого пуха с шерстяного покрова овцы (Маргулан А.Х., 1979, с. 123, рис. 93). Иными словами, пока не совсем известен инструментарий, которым пользовались «андроновские стригали», чтобы получить шерсть с овцы.

После того как шерсть освобождена, и перед тем как стать текстилем, она проходит еще несколько этапов обработки, которые включают в себя сортировку, очистку, разрыхление, отбор по длине пуха и другим качествам. По этнографическим данным, после первой ручной сортировки шерсть очищают от сиропота. Для этого ее погружали в ферментированную выдержанную урину, которую собирали всю зиму и выстаивали. Щелочная природа урины способствовала очищению с поверхности волокон загрязнений жира и животных экскрементов. Кроме того, углекислый аммоний, выделяемый при ферментации

урины, придает шерсти мягкость и гибкость. Не исключено, что «андроновцы» тоже могли использовать этот метод очистки. Очищенная от жиропота шерсть лучше окрашивается природными красителями.

Если необходимо, то шерсть моется, и проходит вторичную обработку, с помощью которой она окончательно освобождается от мусора и делится на фракции – это чесание (Кручанок А., Спасов Ф. Шерстяной текстиль. Северо-восток Европы, 9–11 вв. Интернет ресурс).

По всей видимости, примерно все вышеописанные приемы, входившие в технологический цикл обработки шерсти после ее стрижки – от сортировки до чесания – уже были известны в эпоху бронзы.

Без чего нельзя начать прясть. Чесание – один из существенных моментов, который позволяет расположить волокна параллельно друг другу, устранить короткие и оставить длинные волокна, необходимые для прядения крепкой и тонкой нити. В чесании задействованы инструменты: карды и ткацкие гребни. Карды – это дощечка с рукоятью с густо расположенными на ней металлическими или деревянными шипами. При кардочесании шерсть проходит между шипами обоих кард, тем самым волокна разделяются и распределяются параллельно. Кардные щетки более позднее изобретение в ткацком деле и появляются в период развитого средневековья.

Ткацкий гребень по форме напоминает миниатюрные грабли, в большинстве случаев с двумя параллельными рядами длинных зубьев (Малинова Р., Малина Я., 1988, с. 81). При чесании гребнем волокна также распутываются и укладываются в одном направлении.

Чесала хорошо известны в женских могилах эпохи викингов на Оркнейских островах – это конструкция из деревянной ручки с одним, и, нередко, несколькими рядами железных зубьев. А ткацкий гребень с Шетландских островов выглядит как ряд металлических зубьев, насаженных на роговую ручку (Кручанок А., Спасов Ф. Шерстяной текстиль. Северо-восток Европы, 9–11 вв. Интернет ресурс).

По казахстанским материалам имеется находка из синташтинско-петровского могильника Бестамак (яма 26), которая может ассоциироваться с гребнем-чесалом – это условно названный «гребень-скребок»: пять бронзовых крюков, оправленных деревянной рукоятью. Авторы находки трактуют его как предмет, предназначенный для ухода за лошадьми (Логвин А.В., Шевнина И.В., Логвин В.Н., 2006, с. 46). Исходя из морфологических характеристик, не исключено, что «гребень-скребок» мог использоваться и для чесания шерсти. Подобное орудие было найдено в Синташтинском комплексе (СМ, погребение 2) – шесть крупных медных крючьев-скоб, компактно лежащих около костяка лошади (Генинг В.Ф., Иванович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 113). Возможно, что такими орудиями чесали не только гривы и хвосты лошадям, но и разделяли шерсть на волокна. Вполне вероятно, что для чесания шерсти употреблялись гребни, выполненные на лопатке лошади – расширенный край кости сделан в виде зубьев пилы. В нескольких экземплярах они найдены на поселениях эпохи бронзы Восточного и

Центрального Казахстана (Черников С.С., 1960, с. 240, табл. XLVII; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 165, рис. 133). Хотя по этому поводу не имеется трасологических заключений.

Пока неизвестны или не атрибутированы в казахстанских погребениях эпохи бронзы детали гребнеобразных орудий ткачества в виде отдельных сохранившихся костяных стержней, подобные из погребений срубной общности (Цимиданов В.В., 1995, с. 35–36). Не обнаружены гребни-чесала и в лисаковских комплексах, при этом факт хорошей обработки шерсти местными ткачами остается отмеченным исследователями (Орфинская О.В., Голиков В.П.).

Заключение. То, что «андроновцы» использовали шерсть тонкорунной овцы, умели обрабатывать и знали приемы ее подготовки, указывают на достаточно высокий уровень развития ткачества в эпоху бронзы.

Литература

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата, 1992.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.

Каспаров А.К. Скотоводство и охота эпохи неолита–палеометалла в Южном Туркменистане. СПб., 2006.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Логвин В.Н. Материалы могильника Бестамак в системе синташтинско-петровских древностей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2006.

Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М., 1988.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Орфинская О.В., Голиков В.П. Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок Лисаковского могильника. Рукопись статьи.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА. № 21. М., 1951.

Сосновский Г.П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. ПИДО. 1934. № 2.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. № 88. М.-Л., 1960.

Цимиданов В.В. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков. 1995.

**Штельнер Т.¹, Самашев З.², Черни Я.¹, Гарнер Дж.¹,
Горелик А.¹, Хауптман А.¹**

¹ *Германский музей горного дела, г. Бохум, Германия*

² *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*

ДОБЫЧА ОЛОВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ ПО КАЗАХСТАНСКО-ГЕРМАНСКОМУ ПРОЕКТУ

Цель предлагаемой статьи показать, то новое, что внесли комплексные исследования казахстано-германской экспедиции 2003-2006 годов в Восточном Казахстане для решения одной из ключевых проблем мировой археологии – происхождения оловодобывающей индустрии в эпоху средней бронзы.

Введение

Подлинной сенсацией в мировой археологии стали результаты раскопок в 1984-1994 годах у мыса Улубурун у побережья Турции. На глубине 40-50 м под поверхностью воды были расчищены остатки тяжело груженого торгового корабля, затонувшего в конце 14 в. до н.э. На его борту среди разнообразных предметов, особенно изделий из металла, отражавших значительный размах торговых связей в бассейне Восточного Средиземноморья в эпоху поздней бронзы, были обнаружены 99 слитков олова общим весом около 1000 кг (часть слитков не сохранилась), достаточные для легирования 11 тонн бронзы (Pulak Cemel, 2005, s.63). Если происхождение медных слитков на корабле надежно увязывалось с известными в древности месторождениями Кипра, то вопрос о происхождении руды для производства такого количества олова не имел такого однозначного решения. Доступные в древности значительные месторождения олова на территориях близких к странам плодородного полумесяца находятся в Восточной Анатолии, Афганистане, Пакистане, Узбекистане, Таджикистане, на северо-востоке Китая, в Западном Алтае и Саянах (Парцингер Г., Бороффка Н., 2002, с.163-167). В письменных клинописных источниках Месопотамии упоминается территория, откуда добываемое там олово сухопутными путями, как и скважины на ослах, транспортировалось в другие регионы. Предположительно она могла находиться в Иране, Центральной Азии или Афганистане. Надежды, возлагаемые на используемые в современной науке исследования с помощью датирования руд на основе изотопии свинца (Wagner G.A. и др., 1989, s.637-686), а также химических и спектральных анализов также пока не дали ясный ответ. Возможно, часть слитков (68 штук) была изготовлена из полиметаллической руды месторождения Болкардаж в горах Таурус в Восточной Анатолии. Вместе с тем показатели свинца в 31 слитке никак не соответствовали изотопному составу руд данного месторождения (Pulak Cemel, 2005, s.63). К тому же маловероятно, что месторождения юго-восточной Турции могли снабжать оловом весь Древний

Восток. Значительная часть более ранних, чем на корабле. Улубурун оловянных бронз Трои, датируемых около 2500 г до н.э., также производилась с использованием олова, добываемого из слоев кембрия и докембрия неизвестного науке месторождения (Muhly J.D., 1999, p. 15-25). Распространение в конце 3-начале 2 тыс. до н.э. одних из самых ранних оловянистых бронз Евразии, связанных с сейминско-турбинским транскультурным явлением (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989), окуневской культурой также требовало определения источников олова.

В силу недоступности для археологических исследований из-за напряженной политической обстановки территорий Афганистана, поиск древнейших выработок на олово сосредоточился, главным образом, в Средней Азии. Уже в 50-е годы 20-го столетия на территории Узбекистана были проведены археологические исследования древних разработок олова в Чангалли, Кочкарлы и Карнабе (Литвинский Б.А., 1950, с.51-68). В 1997-1999 годах в рамках совместного германо-узбекско-таджикского проекта «Доисламская добыча олова в Средней Азии» было продолжено изучение горных выработок олова на территории Узбекистана (Карнаб, Чангали и Лапас), на территории Таджикистана (Мушистон) (Бороффка Н. и др., 2000, с. 71-120). полностью исследовано поселение горняков Карнаб-Сичкончи (Parzinger H. und Boroffka N., 2003; Cierny J., Stöllner Th., Weisgerber G. Cierny, 2005, s. 431-448). Судя по керамике, обнаруженной в горных выработках Карнаба и на расположенном поблизости поселении, она принадлежала населению андроновско-тазабагыбской культуры. Поселение Сичкончи по данным радиоуглеродного анализа датировалось 19-17 вв. до н.э.¹ Еще более глубокие начальные даты (вторая половина 3-2 тыс. до н.э.) были получены в древних выработках Мушистона, где была также обнаружена керамика андроновидного типа. В Мушистоне разрабатывались месторождения мушистанита (медно-оловянной руды), который без легирования мог использоваться для производства древнейшей в этом регионе бронзы.

Успехи, достигнутые в поисках древних разработок на олово на территории Средней Азии, послужили предпосылкой появления интереса к выработкам касситерита эпохи бронзы в Восточном Казахстане. Открытие касситеритовых рудников в этом регионе неразрывно связано с именем С.С. Черникова, который в 1935 и 1937 годах выявил на территории хребтов Калбы и Нарыма наряду с медными, золотыми, многочисленными оловянные рудники (Черников С.С., 1949; Черников С.С., 1960). Выработки на олово были им датированы андроновским временем, описана техника добычи оловянной руды андроновцами, орудия труда, применявшиеся при добыче, высказаны соображения по металлургии бронзы, организации труда и масштабах ее производства. С.С. Черников допускал, что добыча олова могла развернуться в доандроновское время. Новые аргументы в

¹ Здесь приводятся калиброванные значения радиоуглеродных дат по сигме 2.

пользу более ранней, чем андроновское время, эксплуатации касситеритовых месторождений Рудного Алтая появились в связи с изучением спектрального состава металлических изделий окуневской культуры и памятников сейминско-турбинского круга. По мнению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, район Рудного Алтая и бассейн верхнего Иртыша, располагающие богатыми залежами медных, полиметаллических руд и касситерита, были местом формирования исходного импульса для возникновения металлообрабатывающих центров сейминско-турбинского феномена, вплоть до восточноевропейских (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с.247). В пользу проникновения традиций оловянистой металлургии из Восточного Казахстана в Северный и Западный Китай приводит новые аргументы американский специалист К.М. Линдафф (Линдафф К.М., 2005, с.25-35).

Некоторые итоги исследований по казахстанско-германскому проекту

Новые материальные и технические возможности, которые открывало международное сотрудничество в решении проблем, связанных с добычей меди и олова в эпоху бронзы на территории Центральной Азии, вызвало к жизни идею казахстанско-германского проекта исследований в Восточном Казахстане «Медь и олово степей Центральной Азии: Добыча сырья в эпоху бронзы и раннего железа на территории Алтая и пограничных ему областей», финансируемого Фондом Герда-Хенкель (ФРГ). Координаторами и исполнителями проекта, который реализовывался в 2003-2006 годы, являлись Институт археологии имени А. Маргулана Академии Наук Республики Казахстан (З.С. Самашев, С.И. Берденов, В.И. Мерц), Усть-Каменогорский областной историко-краеведческий музей (Г.И. Куц) и Германский музей горного дела, Отдел Горной археологии (г. Бохум, ФРГ) (Я. Черны, Т. Штельнер, А. Горелик, Дж. Гарнер).

Исследования проводились по многим направлениям: 1) картирование, топографическая, аэрофотосъемка, магнитная разведка памятников горной археологии (рудников, выработок, предполагаемых поселений горняков и металлургов, их могильников); 2) раскопки наземных и подземных касситеритовых выработок, изучение технологии и техники горного дела, стратиграфии заполнения, относительной и абсолютной хронологии эпизодов разработки; 3) изучение в современных лабораторных условиях образцов руд и металлических изделий эпохи бронзы, происходящих с территории Восточного Казахстана с применением датирования на основе изотопа свинца, спектрального и химического анализов.

Наиболее значительным успехом экспедиции стало изучение комплекса памятников андроновской-федоровской культуры в горном гранитном массиве Кыртыбетей, расположенном в 60 км южнее Семипалатинска на северо-западной окраине Калбинского хребта. В районе горы Аскаралы, наиболее высокой точки массива, были локализованы две концентрации археологических памятников. Первая, получившая название Аскаралы 1, состояла из тахиметрически

картированных многочисленных (свыше сотни) древних выработок, расположенных цепью в группах или поодиночке на площади 1870x360 м, зачастую в сопровождении зон рассеивания целых или фрагментированных каменных добычных орудий (молоты, кайла, молотки). Некоторые из выработок были изучены при помощи зондажных раскопок. Вторая, Аскаралы 2, расположенная по прямой на расстоянии около 3 км от Аскаралы 1, включала горные выработки, могильник, поселение и несколько местонахождений (рис. 1). Примечательно, что указанные памятники находились компактно в долине, защищенной от ветра горными хребтами и снабженной, как минимум во влажные периоды года, водой из ручьев, стекающих с горного склона.

Горная выработка в Аскаралах 2, исследованная почти полностью, состояла из трех шахт, расположенных в верхней трети южного склона гранитной гряды, на высоте около 84 м над ее подножием. Они вытянуты цепочкой на протяжении около 32 м по оси запад-восток, в соответствии с простиранием касситеритового оруденения. Поскольку жила касситерита залегала вертикально, разработка ее осуществлялась сверху вниз. Если у поверхности отдельные выработки образуют одно целое, то на глубине они разделены целиками безопасности. Как правило, подземная часть выработки не удалялась значительно от границ входного колодца. Так наиболее сложная по своей конфигурации шахта Западная, имеющая помимо одной продольной подземной выработки, еще относительно короткую боковую продольную, вскрывалась с помощью двух входных колодцев с оставлением целика между ними (рис. 2). Лишь шахта Восточная 1 уходила наклонно под землей, ступеньками от входного ствола в западном направлении на 9 м. Глубина шахт от поверхности варьирует. Самая мелкая шахта Восточная 2 была глубиной 4,3-4,4 м, самая глубокая – Восточная 1 достигала глубины около 9 м. Обращают на себя внимание следы применения огневого способа добычи: закопченность стенок и свода выработок, чашеобразные вогнутости на них, гладкость поверхностей. У пола шахты Западная были отмечены единичные чашеобразные выемки, находившие, по всей видимости, применение в качестве опор для деревянных настилов, с которых велась разработка породы. Заполнение шахт сформировалось разными путями. Совершенно определенно выделяется заполнение, состоящее из мелкой гранитной крошки, которая образовалась во время проходки породы при помощи каменных молотков, находимых здесь во множестве, как правило, во фрагментированном состоянии. Этот материал, которым заполнялись выработанные пустоты, содержит множество древесного угля. Присутствие последнего является доводом в пользу термических приемов, применявшихся при проходке. Часть камней могли попасть в шахту посредством перебрасывания отвала из новой выработки в уже отработанную. Часть отвала сползала в шахту естественным путем или же в ходе изыскательских работ советских геологов. Во всяком случае обращает на себя внимание отсутствие привычных отвалов вокруг выработок в Аскаралах 2. Среди находок, выявленных в заполнении шахт, сравнительно многочисленны фрагменты андроновской-федоровской керамики, включая ее парадные, богато орнаментированные образцы, кости животных,

целые и фрагментированные каменные молоты и молотки. Датировки углей из заполнения шахт помещают период их разработки, преимущественно в первую половину 2-го тыс. до н. э. (1860-1310 BC).

Грунтовый могильник Черногорка расположен у подножья гранитной гряды с андроновскими рудниками на вытянутом уплощенном языковидном отвершке горного кряжа, обрамленном водотоками, спускающимися с горы. Содержит не менее девяти оградок, из которых пять было полностью или частично изучено. В оградках содержались от одного до двух захоронений, в ряде случаев третье, детское захоронение, находилось в пристройке к оградке. Погребения совершались в каменных ящиках, ориентированных по оси запад-восток, содержали останки полного или частичного трупосожжения. Все могилы грабленые. Инвентарь представлен фрагментированной керамикой (от двух до четырех сосудов) андроновской-федоровской культуры. В одном случае в ногах погребенного, в углу ящика, стоял растрескавшийся сосуд. Форма, орнаментация посуды, примеси в тесте перекликаются с аналогичными параметрами керамики из поселения и горных выработок. В оградке 2, каменном ящике 1, содержащем разрушенное, очевидно мужское, захоронение, были обнаружены три более или менее целых каменных молотка с выемками для крепления. Они полностью аналогичны молоткам, встреченным в заполнении шахт. Также разрушенное захоронение в соседнем каменном ящике содержало керамику. Три других молотка были вмонтированы в кладку оградки. Этот обряд был повторен в других захоронениях. Молотки были найдены в оградках 1 и 5, в оградке 4 два молотка были обнаружены у края одного из каменных ящиков. Захоронения могильника Черногорка датируются на основе нескольких радиоуглеродных дат в пределах преимущественно первой половины 2-го тыс. до н.э.. Присутствие молотков в составе погребального инвентаря нескольких захоронений могильника, расположенного в непосредственной близости от синхронного ему рудника, позволяет рассматривать этот факт как элемент погребального обряда, символизирующего горно-добывающую деятельность местного, андрово-федоровского по культурной принадлежности населения, как совершенно уникальный в мировой археологии пример кладбища микросоциума эпохи средней бронзы, вовлеченного в горное дело (Stöllner Th., Samashev Z., Berdenov S., Cierny J., Garner J., Gorelik A., Kusch G.A., 2008). Интерес представляют результаты спектрального анализа бусины из оградки 2, погребение 2. Она содержала 61% меди и 35% золота. Легирование золотом очень редкий технологический процесс, известный как технология Тумбага по памятникам доколумбовой Америки (Ровира С., 2005, с. 45).

Первые результаты получены по анализам проб бронзовых изделий, находящихся в Усть-Каменногорском краеведческом музее. Большинство из них содержит в качестве легирующего элемента олово, которое по показателям содержания свинца лежит в одной компактной группе древних оловянных бронз. То по своему возрасту олово, добываемое в Восточном Казахстане, могло быть экспортным сырьевым элементом для изготовления оловянистых бронз

Древнего Востока и Восточного Средиземноморья, во всяком случае, многих находок из Трои. *Поселение Мастау Бай 1* расположено на берегу горного ручья, между двух горных гряд, на одной из которых находятся первобытные выработки. Уже начальная фаза раскопок этого поселения выявила присутствие прямоугольных жилых конструкций, изготовленных с использованием кладок из плит гранита. Культурные остатки встречены как внутри помещений, так и за их пределами. Основу керамического комплекса составляет андроновская-федоровская посуда, которая обращает на себя внимание многочисленными фрагментами репрезентативных, богато орнаментированных горшков. Выявлен выразительный набор костяных артефактов, включающий тупики из челюсти коровы, ложила, астрагалы с одной шлифованной стороной, отмечено ложковидное изделие. Единичны мелкие фрагменты бронзы, мотыжка из песчаника, глиняный обломок тигля, каменный молоток. В слое выявлены кусочки касситерита, что наряду с каменным молотком и сходными типами керамики увязывает поселение с расположенными поблизости рудником.

Попытка найти связующее звено в производстве бронзы между Аскаралинским оловодобывающим и многочисленными памятниками медной металлургии Восточного Казахстана в богатой лесными ресурсами долине Иртыша нашла свое отражение в исследованиях поселения Новая Шульба IX.

Поселение Новая Шульба IX расположено на окраине с. Новая Шульба на поверхности супесчаной надпойменной сильно эродированной террасы правого берега р. Шульбинка (приток Иртыша). Было открыто в 1988 г. Ю.П. Алехиным и А.М. Илюшиным (Алехин А.П., Илюшин А.М. 1989, с. 212, 213). В 2005 г. обследовано совместной казахстанско-германской экспедицией с применением геомагнитной разведки. В результате на поверхности памятника выявлены две аномалии на месте рассеивания шлаков, которые предположительно связывались с производственными площадками по выплавке меди.

Раскопки поселения, проведенные в 2006 г. на площади 52 м² подтвердили это предположение. В раскопе 6, культурный слой которого отличался значительной насыщенностью шлаками, фрагментами медных окисленных руд (малахит, азурит), были расчищены на расстоянии 0,5 м друг от друга останки крупного сильно фрагментированного тигля, заполненного шлаками, и плотная концентрация шлаков высотой 40-50 см диаметром 0,5 м. Последняя выполняла, по всей видимости, функцию ямы, контуры которой не прослеживались. Биновидная форма шлаков в тигле и в яме говорит в пользу плавки до жидкого состояния в специальной печи. В пользу вероятности такого процесса (очевидно, многоступенчатого) говорят находки глиняных сопел на поселении Новошкульбинское, которое относится к более позднему времени (Ермолаева А.С., Ермоленко Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., 1998). Производственная площадка Новой Шульбы IX сопровождалась типично поселенческим контекстом: хозяйственными ямами, керамикой андроновско-федоровского типа, костями животных. Обнаружены бронзовые изделия: два обломка ножей-кинжалов и вила круглой в плане формы, подконическая в сечении, с плоской перемыч-

кой крепления между двумя выемками на внутренней стороне. Интерес представляет обломок пилки из серебра, которое изготовлено по методике извлечения серебра (купуляции) из свинцовой руды, с возможным добавлением 2% меди для придания твердости.

Встречена также керамика энеолитического-раннебронзового времени, не имевшая ясной стратиграфической позиции. В связи с последними находками представляют интерес раскопки очага и печи, обнаруженных в разных литологических горизонтах в обрыве берега реки, стратиграфически ниже культурного слоя андроновского времени. Очаг, занимавший самое низкое положение, датирован на основании радиоуглеродного анализа второй половиной 3 тыс. до н.э., т.е. энеолитическим временем. Печь, точнее ее остатки, выложенная камнем, занимала стратиграфическое положение между очагом и андроновским слоем. К сожалению, бедность сопровождающего археологического материала не позволяет культурно-хронологически атрибутировать эти сооружения. Их раскопки не принесли ожидавшихся подтверждений существования доандроновского периода металлургии на поселении, что, впрочем, может быть установлено последующими исследованиями памятника.

Заключение

На основании проведенных работ очевидно, что уже начиная с первой половины 2-го тыс. до н.э. (возможно ранее) в Восточном Казахстане существовал развитый центр добычи меди и олова, изготовления бронзы. Этот центр продолжал существовать в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Показателями развитости металлургии являются использование многоступенчатых технологий выплавки меди с применением печей, технологии извлечения серебра из свинцовой руды методом купуляции и легирования меди золотом по методу Тумбага. С учетом распространения к югу (к оазисам Средней Азии, долине Ферганы) памятников андроновской культуры (тазабагьбская культура), а также роли Иртыша как стратегической водной артерии, соединявшей Сибирь, Казахстан, Монголию и Китай, можно предположить распространение оловянистых бронз Восточного Казахстана в южном направлении. Комплексы, подобные аскаралинским, свидетельствуют о профессионализации деятельности, связанной с разработкой оловосодержащих руд, контроле над определенными рудниками.

Многие вопросы остаются не выясненными:

1. Требуется рассмотрения проблема возникновения горного дела и металлургии в доандроновское время, что с учетом сеймо-турбинских, окуневских оловянистых бронз представляется вероятным.
2. Дальнейшего анализа требуют технологические аспекты металлургии меди, олова и бронзы.

Актуальной проблемой остаются реконструкции социальных отношений, в рамках которых осуществлялась деятельность Восточно-Казахстанского

центра горного дела и металлургии (производство различных общин для внутреннего потребления, межплеменного обмена или производство в руках специализированных групп для обслуживания крупных торговых путей, ведущих на запад и на юг).

4. Необходимо параллельное изучение методами археометаллургии и археологического анализа источников медного, оловянного сырья, а также металлических орудий в Казахстане с целью определения роли тех или иных месторождений сырья в изготовлении разных групп изделий, распространения металлических изделий на территории Казахстана и сопредельных территорий. Это может дать ответ на вопрос: имели ли природные богатства Восточного Казахстана только местное значение, или они были вовлечены в трансмежрегиональную торговлю металлами вплоть до государств Месопотамии, Китая и Северо-Восточной Анатолии?

Литература

Алехин А.П., Илюшин А.М. Исследования в Семипалатинской области // Маргулановские чтения: Сборник материалов конференции. Алма-Ата, 1989.

Бороффка Н., Бубнова М., Вайсбергер Г., Луц И., Парцингер Г., Перницка Е., Шаршин Д., Циерни Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXUP. Душанбе, 2000.

Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов УШ-УП вв. до н.э. на семипалатинском побережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-Москва, 1998.

Линдафф К.М. Как далеко на восток распространялась евразийская металлургическая традиция // РА, № 4, 2005.

Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1950. Вып. XI.

Парцингер Г., Бороффка Н. Поселение металлургов эпохи бронзы в Карнаб-Сичкончи (Узбекистан) // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002.

Ровира С. Технология археометаллургии в Южной Америке // РА. №4. 2005.

Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. №88. М.-Л., 1960.

Penn.Museum, 1999, P. 15-25.

Parzinger H. und Boroffka N. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten. Mainz am Rhein, 2003;

Pulak Cemal. Das Schiffswrack von Uluburun. In: Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung. Herausgeber Ünsal Yalcin, Cemal

Pulak und Rainer Slotta. Bochum 2005.

Stöllner Th., Samashev Z., Berdenov S., Cierny J., Garner J., Gorelik A., Kusch G.A. Bergmannsgräber im bronzezeitlichen Zinnrevier von Askaraly, Ostkasachstan? In: W.Irlinger/U.Recker (Hrsg.), Festschrift für Claus Dobiak zum 60. Geburtstag (im Druck 2008).

Wagner, G.A., Begemann, F., Eibner, C., Lutz, J., Öztunali, Ö., Pernicka, E.&Schmitt-Strecker, S. Archäometallurgische Untersuchungen an Rohstoffquellen des frühen Kupfers Ostanatoliens // Jahrb.Röm.-German.Zentralmuseum,36,2, 1989.

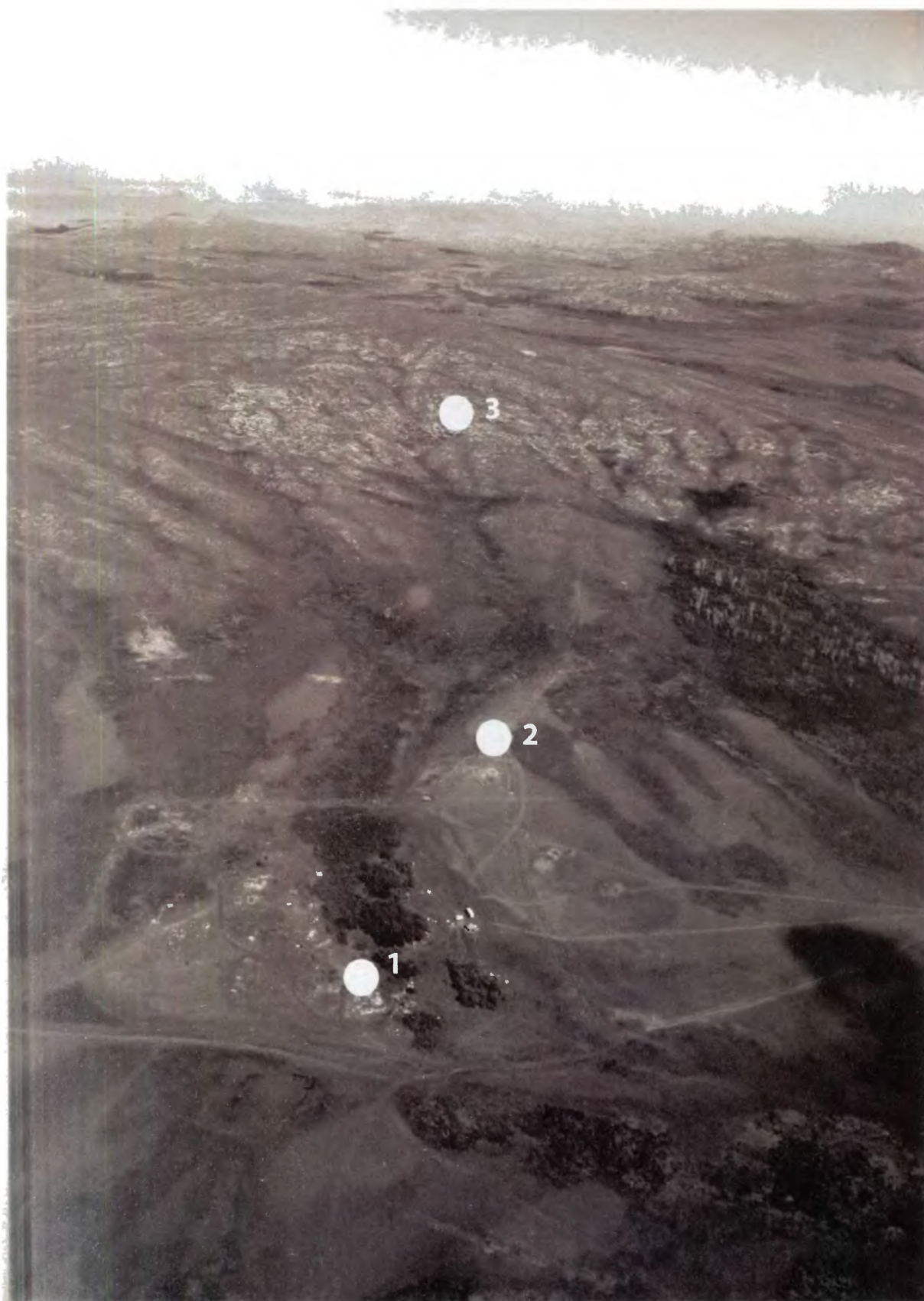

Рис. 1. Аскаралы 2. Общий вид. 1-поселение Мастау Бай; 2-могильник Черногорка; 3-горные выработки.

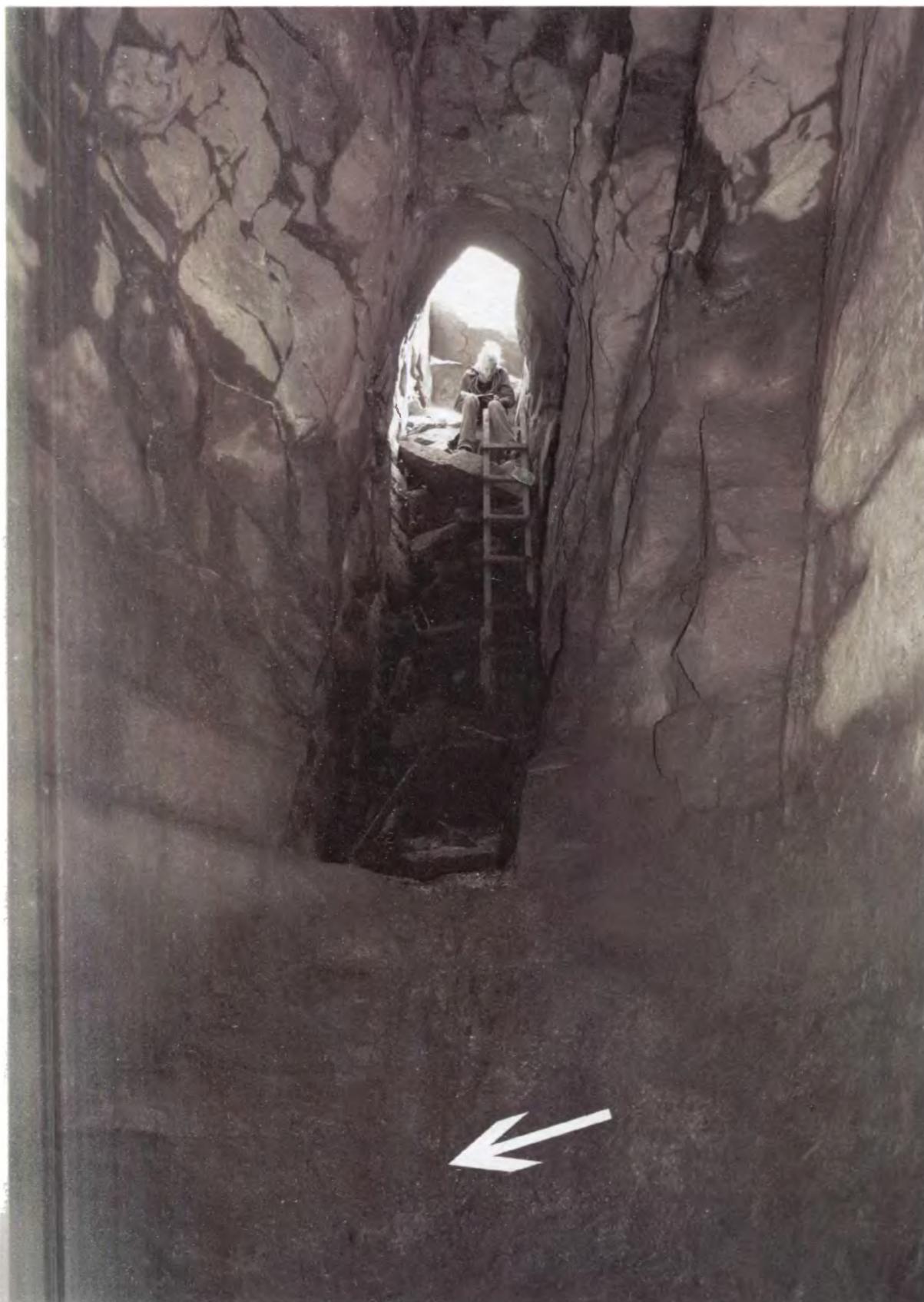

Рис. 2. Аскаралы 2. Шахта Западная, вид подземной части выработки, подошвы шахты со следами оббивки касситеритовой жилы (отмечено стрелкой).

Список сокращений

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ИА АН СССР – Институт археологии академии наук СССР
ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии академии наук КазССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения института этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК – Проблемы истории материальной культуры
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ – Советская этнография
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

Бумага "SvetoCopy". Гарнитура "Times New Roman".
Ризографическая печать. Тираж 250 экз.

Отпечатано типографией "СЛАВА"
тел.: 8 701 299-12-72

